

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

УЧПЕДГИЗ
1950

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПОСОБИЕ
ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. П. ГРАЦИАНСКОГО
И
С. Д. СКАЗКИНА

ТОМ
III

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МССР
МОСКВА 1950

Настоящий том хрестоматии содержит документальные материалы по третьему, последнему периоду истории средних веков — от великих географических открытий конца XV в. до середины XVII в. Ряд разделов тома дополнен ценными документами по социально-экономической и политической истории этого насыщенного драматическими событиями времени.

В дополнение к ранее принятой тематике, в настоящий том включено два раздела, посвященные великим русским географическим открытиям и роли России в западноевропейской истории XVI—XVII вв. Каждый документ в хрестоматии снабжен подробным научным комментарием и примечаниями.

Всем разделам хрестоматии предшествуют методические введения, имеющие целью облегчить преподавателю использование материалов хрестоматии в школьной практике.

Великие географические открытия и начало колониальных захватов

Введение

Бесспорная занимательность и доходчивость материала, посвященного географическим открытиям, позволяет каждому школьнику прочитать все документы, составляющие данный раздел.

Поэтому, воспроизводя в своем рассказе лишь основные, наиболее существенные указания документов, учитель может привлечь к изучению и истолкованию первоисточников самих учащихся. С этой целью хорошо использовать внеклассные кружковые занятия.

Наиболее важные документы могут быть прочтены всеми учениками, которым можно поручить подготовить на их основе ответы на заранее поставленные преподавателем контрольные вопросы.

Некоторые документы более сложного характера могут быть положены в основу небольшого устного сообщения в классе, которое целесообразно поручить одному-двум более подготовленным ученикам. Наконец, группа документов, связанных тематически, может послужить основой для подготовки внеклассного доклада, на занятиях школьного кружка по истории. В этом последнем случае круг привлекаемых источников может быть расширен за счет дополнительных материалов, которые докладчик с помощью учителя найдет в сравнительно обширной научно-популярной литературе, относящейся к истории великих географических открытий и первых колониальных захватов.

Готовя свой рассказ и намечая те или иные выступления учащихся, учитель должен поставить перед собой определенную цель: не только дать яркое описание приключений, успехов и невзгод, выпавших на долю смелых мореплавателей и открывателей новых земель, но и объяснить учащимся причины, вызвавшие к жизни эти открытия, и, что важнее всего, последствия, к которым привели великие географические открытия.

Учителю следует уделить внимание той ломке старых географических и космографических представлений, которую принесли с собой великие географические открытия. Обобщая значение гигантского сдвига в представлениях людей, Энгельс писал: «Рамки старого orbis terrarum («круга земель», т. е. мира.— *А. Э.*) были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и положены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, явившуюся, в свою очередь, исходным пунктом современной крупной промышленности» [1].

Важнейшей идейно-политической задачей представляется разъяснение экономических и социально-исторических последствий великих географических открытий.

Маркс ярко характеризует ту роль, которую беспощадное ограбление и эксплоатация порабощенных народов сыграли в процессе так называемого первоначального накопления.

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 476.

поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления»[1].

Маркс подчеркивал грабительскую деятельность буржуазии, цитируя слова английского экономиста Дуннинга: «Обеспечьте 10 процентов и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»[2].

Знакомство с кровавыми страницами истории покорения и порабощения беззащитных народов вызовет у учащихся возмущение жестокостью и цинизмом конкистадоров.

Такова целевая установка, обязывающая учителя считать центром тяжести при изучении данной темы не занимательную историю открытий в тесном смысле слова, а все то, что связано с борьбой за ограбление и порабощение новооткрытых стран и народов. Именно поэтому в предлагаемом учителю втором издании хрестоматии к прежним документам, освещающим ход великих географических открытий, добавлены новые документы, характеризующие роль конкистадоров и участь туземного населения новооткрытых стран.

Несомненное воспитательное значение будет иметь и рассказ учителя о трагической судьбе гениальных исследователей, например Колумба, умиравших в нищете и полном забвении

Принципиальное значение этого вывода будет подчеркиваться указанием на судьбу тех советских путешественников и исследователей, которые свободны от необходимости служить своекорыстным интересам эксплоататорского класса и которые, обогащая своими открытиями социалистическое общество, черпают силу и уверенность в поддержке и признательности этого общества.

Первый документ, которым открывается раздел, представляет существенный интерес. Письмо, приписываемое выдающемуся ученому конца XV в. Тосканелли, свидетельствует нам о географических представлениях, господствовавших в то время. Следует обратить внимание учащихся на то, что решающим аргументом в пользу экспедиции, направляемой на запад, является шарообразность земли

Содержание «Письма» Тосканелли показывает, что европейцы представляли себе страны Востока чрезвычайно богатыми. Учитель может подчеркнуть, что сведения о густонаселенных странах и гаванях Востока, повторяемые в «письме», представляют собой отзвук известий Марко Поло, распространенных с XIII столетия и пополненных, как это видно из «письма», новыми данными.

Выясняя содержание данного документа и мотивируя идею нового, «западного» пути к сокровищам Востока, следует напомнить, каким образом осуществлялась в то время торговая связь с ним европейских стран. Для этой цели можно привлечь соответствующие данные из *документа 10*, в котором описывается маршрут восточных грузов, проходящих через Египет, позволявший египетскому султану обогащаться за счет произвольных пошлин. Стоит также привлечь данные документа 18, свидетельствующие о попытке проложить для восточных товаров новую дорогу через Московское государство. Целесообразно поручить одному из учеников нанести на контурную карту линии торговых путей, наглядно показывающих необходимость установления непосредственных связей между европейскими государствами и странами Востока. Подобная карта могла бы показать не только маршрут восточных грузов, но и те исходные точки, откуда вывозились пряности, драгоценности, индийские краски, слоновая кость и т. д.

Документ 2 «Капитуляция в Санта Фе» позволяет охарактеризовать истоки испанской колониальной политики. Испанская корона стремится овладеть новыми источниками доходов и закрепить за собой монопольное право на новооткрытые и еще не открытые земли. Эта с первого момента наметившаяся тенденция находит свое выражение в титуле «сеньеры и владыки упомянутых морей-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. 24, стр. 821.

[2] Там же, стр. 832.

океанов», титул, который испанская королевская чета присваивает себе еще накануне первого путешествия Колумба в предвидении предполагаемых захватов. Капитуляция содержит и перечень ожидаемых благ: здесь и жемчуг, и серебро, и драгоценные камни, и пряности — все то, что может стать желанным источником наживы.

Документы 3—7 — письма Петра Ма́ртира высокопоставленным современникам. Они могут стать основой краткого доклада о путешествиях Колумба по отзывам его современников. Эти письма свидетельствуют о том, что весть о возвращении Колумба и его открытиях была воспринята как неожиданность, а также о том, как усиливались эти впечатления по мере притока новых сообщений об открытых островах и обнаруженных там богатствах. Через все повествование о диковинных племенах и землях красной нитью проходит интерес к золоту. «Золото родится в тех землях», гласит документ 3, о самородках необыкновенной величины говорится в документе 7.

Говоря об этой жажде золота, учитель может рассказать об алчных конкистадорах, хлынувших в новооткрытые страны, обуреваемых желанием быстрого обогащения, презиравших труд и обрекавших туземное население на все бедствия рабства, на каторжный труд и вымирание.

Документ 8 — извлечение из завещания Колумба — позволит ученику нанести на карту те острова, которые были открыты при жизни Колумба, и обозначить их двойным наименованием: тогдашним и нынешним. С перечнем этих островов следует связать и высказанное Колумбом убеждение в том, будто он действительно открыл «индийский материк», и напомнить, что представление об обособленности Американского континента от Азии сложилось лишь позднее. Комментируя то место в завещании Колумба, где говорится о его правах на долю «дохода от Индии», учитель может отметить, насколько далекими от действительности оказались эти притязания и в каком тяжелом положении заканчивал свой жизненный путь великий мореплаватель.

Документ 9—Тордесильясский договор—чрезвычайно важен. Комментируя данный документ, учитель сможет объяснить, что испано-португальское соперничество началось задолго до открытия Америки и нового пути в Индию, в 20-х годах XV столетия. Обе пиренейские державы вели ожесточенную борьбу за овладение Канарским архипелагом и западными берегами Африки — землями, которые являлись плацдармом для дальнейшего продвижения в сторону Индии и Нового Света. Борьба эта долгое время велась при явном превосходстве Португалии, которой на протяжении XV столетия удалось захватить важные опорные пункты на западных берегах Африки и овладеть землями Гвинеи, богатыми слоновой костью и золотом. Португальские «рыцари первоначального накопления» превратили захваченные ими территории в необъятный невольничий рынок и утвердились на дальних подступах к Индии. Еще в 1479 г. между Португалией и Испанией был заключен Алькасавасский договор, по которому португальцам предоставлялись все права на африканские земли и на морские пути в Атлантике. За 15 лет, отделяющих Алькасавасское соглашение от Тордесильясского, соотношение сил резко изменилось. Испания, прежде разъединенная и раздробленная, стала единой и могущественной державой. Испанские корабли проложили путь к берегам Америки, и границы «сфер влияния» обеих держав, установленные в Алькасавассе, утратили значение. Именно в этой связи следует обращаться к документу 2, в котором были выдвинуты новые притязания Испании. Учитель может рассказать о том, как португальский король Иоанн II доказывал, что проект отыскания морского пути в Индию является изначально португальским, а потому все земли, обнаруженные на пути к Азиатскому материку, должны принадлежать не Испании, а Португалии. Притязания Португалии на роль монопольной владычицы новооткрытых земель оспаривались Испанией и под ее давлением вызвали вмешательство папы, который в мае 1493 г. впервые попытался размежевать сферы господства, подтвердив права Испании на «западные моря и земли» и права Португалии на «моря и земли востока». Учащиеся с интересом услышат, что за каких-нибудь три месяца 1493 г. папа Александр VI Борджиа три раза проводил линию размежевания и принимал различные решения о разделе мира. При этом Испа-

ния щедро платила ему за уступку морей и земель, которые, разумеется, никогда в прошлом не принадлежали ни папскому престолу, ни каким бы то ни было христианским державам. 25 сентября Александр VI в новой булле, уступая натиску испанских представителей в Риме, заново провел «папский меридиан», разграничивающий морские владения двух держав, и принял, таким образом, четвертое решение. *Тордесильясский договор* 1494 г представляет собой попытку двух держав вступить в непосредственное соглашение без обременительного и дорогостоящего посредничества папы.

Связывая договор с документами 11, 14 и 15, можно показать, как Испания в своих указаниях Бастидасу и Магеллану предлагала не нарушать португальские интересы. Шаткость соглашения, покоившегося на демаркации, тем не менее выявляется в ходе дальнейших событий. Учитель может рассказать, как португалец Кабраль, отнесенный бурей к берегам Южной Америки, открыл Бразилию и передал ее во власть Португалии, хотя она и лежала «в испанской сфере». Не менее интересно напомнить о том, как участники экспедиции Магеллана были у берегов Африки арестованы португальцами «за пересечение меридиана», которого они в действительности не пересекали, попав на восток в результате своего продвижения на запад. По всей группе документов 1—9 учитель может формулировать контрольные вопросы, способствующие усвоению и закреплению в памяти содержания этих документов:

1. Какие цели ставили перед собой путешественники, отправляясь на Восток, как они представляли себе условия жизни на Востоке?
2. Как они доказывали, что можно попасть в страны Востока, если плыть на запад?
3. Какими чертами характеризовал Мартир путешествие Колумба? Знал ли Колумб об открытии нового материка?
4. Как характеризовали современники природные богатства и людей новых стран?
5. На каких условиях Колумб предпринял своё путешествие и в какой степени эти условия были впоследствии соблюдены?
6. Как возникло испано-португальское соперничество и как произошло размежевание между двумя морскими державами?

Документ 10 рисует успешный финал многолетних и упорных попыток португальских моряков, обогнув Африку, достигнуть морским путем берегов Индии.

Весьма любопытны уловки Васко да Гамы, пытавшегося в переговорах с каликутским раджею преувеличить силу и богатство своего короля и обольстить мнимым дружелюбием местное население. Комментируя документы 10 и 11, учитель должен отметить те ценности, отыскание которых составляло цель экспедиций. В этом перечне не фигурируют земли, сады и нивы, зато упоминаются рабы-негры, которыми уже в 1521 г. пришлось заменять быстро вымиравших туземцев Нового Света.

Весьма знаменательно также и то, что испанская корона стремится поставить под контроль своих чиновников все ценности, которыми богаты владения Нового Света, но безрезультатно, так как львиная доля всех захваченных богатств попадала в руки хищных конкистадоров, несмотря на все ухищрения и протесты кастильской казны.

Документ 12 целесообразно зачитать в классе как яркое свидетельство наглого лицемерия конкистадоров, разыгравших комедию «добровольного» приобщения туземцев к испанской короне.

О применении «рекеремьенто» говорит и документ 17, повествующий о пленении Атагуальпы. Оценивая «рекеремьенто», учитель должен разъяснить, как использовалась вся церковная история и легенда о св. Петре в интересах обоснования тиранического господства кастильской короны над беззащитными народами и племенами.

Из *документа 13* следует зачитать формулу, произнесенную Бальбоа в момент открытия Тихого океана. В этой формуле нетрудно уловить отзвук традиционных притязаний испанской короны на обладание всеми еще не открытыми землями, находящимися в границах испанской демаркации.

Документ 14 во многом повторяет содержание документа 2.

Документ 15 говорит о необычайной стойкости участников первого кругосветного путешествия, преодолевших все лишения и трудности тяжелого пути. Можно напомнить слова Магеллана, говорившего, что он заставит своих голодных спутников грызть ремни такелажа, но не откажется от своего замысла.

Документы 16 и *17* могут быть положены в основу ученических докладов, посвященных мексиканской экспедиции Кортеса и перуанской экспедиции Писарро. Задача учителя, как отмечалось выше, должна заключаться в том, чтобы связать изучаемый документальный материал с суждениями Маркса и показать методы порабощения и эксплоатации колониальных народов во всей их неприглядности. Этому призван способствовать *документ 19*, написанный современником и очевидцем и обличающих бесчеловечные жестокости конкистадоров, сознательное истребление целых племен, растерзание людей при помощи собак, методов расправы, нашедших подражателей в наше время в лице представителей человеконенавистнического фашизма.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XIV (Старое введение к «Диалектике природы»); т. XVII (Капитал, гл. 24); К. Маркс, Хронологические выписки; т. III («Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 98).

* * *

Документы 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 15 взяты из хрестоматии проф. П. Н. Ардашева «Новая история в отрывках из источников», ч. I. Документы 10 и 16 взяты из «Хрестоматии по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время» под ред. В. П. Волгина (Гиз, 1920). Документ 13 — из книги Пешеля «История великих географических открытий». Документы 2, 9, 11, 12, 14, 17, 18, 19 переведены с испанского и комментированы Я. М. Светом.

Введение написано Д. Н. Никифоровым и А. Д. Эпштейном.

1. ИЗ «ПИСЬМА» КОСМОГРАФА ТОСКАНЕЛЛИ ФЕРНАНДО МАРТИНЕСУ, ПРИДВОРНОМУ КОРОЛЯ АЛЬФОНСА V ПОРТУГАЛЬСКОГО

(15 июня 1474 г.)

Христофор Колумб (1451[?]—1506), переселившись из Генуи, откуда он был родом, в Португалию, повидимому, около 1476 г., усиленно занимался вопросом о морском пути в Индию через западный (Атлантический) океан. Существует легенда что друг Колумба Мартинес, приближенный короля португальского Альфонса V, заинтересовал этим проектом короля, и тот поручил Мартинесу запросить известного флорентинского астронома и космографа Паоло Тосканелли о возможности такого пути. Несмотря на то, что приводимый ниже «ответ Тосканелли» представляет собой, вероятнее всего, фальшивку, он тем не менее хорошо передает географические представления XV—XVI вв.

Всемилостивейший король [1] желает, чтобы я изложил этот предмет или, скорее, наглядно уяснил его, так чтобы даже лица, мало́ образованные, могли узнать и понять этот путь. Хотя я хорошо знаю, что существование такого пути может быть доказано на основании шарообразной формы земли, тем не менее, чтобы сделать вопрос более ясным и облегчить предприятие, я решился изобразить дорогу на мореходной карте. Поэтому отправляю его величеству начертанную мной собственноручно карту, на которой изображены ваши берега и острова, откуда вы должны начать плавание непрерывно к западу, и места, куда вы приплывете, и насколько далеко вы должны держаться от полюса или от экватора, и какое пространство или сколько миль вы должны проплыть, чтобы достичь мест, где в наибольшем изобилии имеются всякого рода пряности и драгоценные камни. Не удивляйтесь, что я называю западом страны, где растут пряности, тогда как их обыкновенно называют востоком, потому что люди, плывущие постоянно к западу, достигают этих стран плаванием по другой стороне земного шара... Я поместил на карте различные места, куда вы можете приплыть, для сведения мореплавателей на тот случай, если благодаря ветру или какой-нибудь иной случайности они пристанут к какому-нибудь месту, куда не собирались приставать,— частью же затем, чтобы они могли доказать жителям тех мест, что они имеют некоторые сведения об их стране, что, конечно, будет небесполезно. Рассказывают, что на тех островах нет жителей, исключая купцов, потому что количество мореплавателей с их товарами столь велико, что во всем свете не найдется их столько, сколько в одном замечательном порту, называемом

[1] Альфонс V Португальский.

Зайтоном. Рассказывают, что в этом порту ежегодно разгружаются сто больших кораблей, на которых привозят пряности. Эта страна густо населена и очень богата; там много провинций, королевств и многолюдных городов, находящихся под властью одного государя, именуемого Великим ханом, т. е. царем царей, живущих по большей части в провинции Китае. Его предшественники 200 лет назад хотели вступить в союз с христианским миром. Они посылали к нам просить ученых богословов, чтобы получить от них просвещение [1]. Но посланные, встретив по дороге препятствие, вернулись. Даже во времена Евгения [2] к нему пришел оттуда один человек и говорил относительно их большого расположения к христианам. И я долго разговаривал с ним о многих предметах, об их огромных царских дворцах, о замечательной длине и ширине их рек, так что на одной реке стоит до 200 городов с мраморными мостами, очень длинными, широкими и украшенными колоннами. Страну эту латинянам стоит поискать не только потому, что оттуда можно добыть великие сокровища — золото, серебро и всякого рода драгоценные камни и пряности, но и ради ее ученых людей, философов и искусных астрологов, а также ради того, чтобы узнать, каким образом управляется столь могущественная и блестящая страна и как они ведут свои войны. Таков мой ответ на требование его королевского величества, насколько позволили мне краткий срок и мои занятия. В будущем же я готов отвечать его величеству, когда он пожелает. Флоренция, 15 июня 1474 г.

2 КАПИТУЛЯЦИЯ В САНТА ФЕ — 17 апреля 1492 г.

Капитуляция — это соглашение, которое заключалось кастильской короной и теми, кто изъявил желание на свой собственный счет или на средства королевской казны отправиться за море в поисках новых земель, или для завоевания новых территорий. Первые капитуляции восходят ко времени завоевания Канарских островов (кастильского форпоста на пути из Европы в восточные и западные Индии) и относятся к 70-м и 80-м годам XV в.

Обычно капитуляции предоставляли первооткрывателям и завоевателям (конкистадорам) титулы королевских наместников («аделантадо», «генерал-капитан», «губернатор») во вновь присоединенных к Кастилии территориях и известные фискальные права. Однако корона сохраняла за собой верховную юрисдикцию на землях, которыми правили ее аделантадо или губернаторы. За королем и его чиновниками оставались судебные функции, король посылал специальных агентов для сбора податей, руководил деятельностью ревизоров, казначеев, аудиторов, строго следивших за тем, чтобы правитель данной области не превысил полномочий, зафиксированных в капитуляции.

В XVI столетии, когда в заокеанских колониях была создана коронная администрация, характер капитуляций меняется: предоставляемые ими права суживаются, а в конце века капитуляции заключаются уже весьма редко.

Капитуляция, подписанная Изабеллой и Фердинандом с Колумбом,— документ огромной исторической значимости. Он интересен не только потому, что содержит в себе условия, которых великий мореплаватель добился накануне своего первого путешествия. В этой капитуляции уже ясно намечаются основ-

---

[1] Речь идет, очевидно, о посольстве Кублай-хана (1259—1294) к папе.

[2] Папы Евгения IV (1431—1447).

ные тенденции испанской колониальной политики: стремление к приобретению новых источников дохода и желание утвердить за короной неотъемлемое право эксплоатации всех новооткрытых земель. Короли декларируют, что они и только они являются сеньерами и владыками еще не открытых земель. Спустя год, их претензии на господство над всеми морями и землями западного полушария утвердит в своей булле папа Александр VI. Но уже в 1492 г., до того как Колумб пристал к берегам островов Антильского архипелага, Изабелла и Фердинанд провозгласили свои суверенные права на заморские территории.

Предоставляя Колумбу титулы адмирала, вице-короля и губернатора, королева и король, как это видно по их примечанию к п. 4 капитуляции, крайне неохотно соглашаются на то, чтобы Колумбу принадлежало право суда при осуществлении торговых сделок. В дальнейшем, когда Колумб обосновался на о-ве Эспаньола, он вскоре убедился, что и все пункты капитуляции, касающиеся его фискальных прав, остаются мертвой буквой. Корона в конце 90-х годов XV в. установила новый порядок доходных отчислений в пользу Колумба, для него крайне невыгодный, а затем вообще избавилась от «адмирала и вице-короля», посадив на Эспаньоле своих чиновников. Титул адмирала, правда, сохранился за потомками Колумба, а сын его Диего одно время даже управлял «Индиями», но основные условия капитуляции короной были нарушены.

Условия, просимые и которые их высочества предоставили дону Христобалю Колону [Колумбу] в воздаяние того, что будет открыто в морях-океанах, в плаванье, которое предстоит ему, с помощью божьей, совершить на службе их высочеств.

В о-п е р в ы х, ваши высочества, как сеньеры и владыки упомянутых морей-океанов, жалуют отныне названного дона Христобаля Колона своим адмиралом на всех островах и материках, которые он лично и благодаря искусству своему откроет и приобретет в этих морях: на срок его жизни и его наследникам и потомкам навечно со всеми преимуществами и прерогативами этого титула, которые были даны Алонсо Энрикесу, покойному адмиралу Кастилии, и другим предшественникам его в названной должности, в пределах их округ.

Угодно их высочествам.

Д а л е е: ваши высочества жалуют названного дона Христобаля Колона своим вице-королем и главным губернатором на всех названных материках и островах, которые он, как уже упоминалось, откроет или приобретет в названных морях; и да будет управлять он каждым из них и любым из их числа и намечать лиц для отправления различных должностей, а вашим высочествам предоставляется избрать того, кого они считают наиболее пригодным. И так будут лучше управляемы земли, открытие и приобретение коих на благо ваших высочеств допустит наш господь.

Угодно их высочествам.

Д а л е е: со всех и со всяческих товаров будь то жемчуг или драгоценные камни, золото или серебро, пряности и другие вещи и предметы любого рода, вида и наименования, которые будут куплены, обменены, найдены или приобретены в пределах назван-

ного адмиралтейства, пожалованного отныне дону Христобалю Колону, да будет иметь он и да оставит за собой десятую часть всего, что есть, учитывая все издержки, сделанные при этом, таким образом, что из всего, что останется чистым и свободным, да удержит он названную десятую часть для самого себя и да распорядится с ней по своему желанию, предоставив остальные девять частей вашим высочествам.

Угодно их высочествам.

Далее: в случае, если из-за товаров, которые он доставит из названных островов и земель (каковые, как упоминалось ранее, будут приобретены или открыты), или из-за тех товаров, что в обмен на вышеуказанные будут получены от здешних купцов, возникнет какая-либо тяжба в месте, где указанные торговля или обмен будут производиться,— всегда в таком споре и тяжбе адмиралу будет отдано предпочтение; просьба к их высочествам, чтобы они разрешили такого рода тяжбы разбирать адмиралу или его наместнику, а не другому судье, и чтобы так отныне было установлено.

Будет угодно и признается справедливым их высочествами, если только подобное право действительно относится к названной должности адмирала и его имени, признать просимое.

Далее: может названный дон Христобаль Колон, если он того желает, участвовать в снаряжении всех предназначенных для названной торговли и мены кораблей каждый и всякий раз, когда таковые корабли снаряжаются, оплатив восьмую часть всех издержек по снаряжению; да также дозволено ему получать и оставлять за собой одну восьмую часть прибыли, приносимой такой армадой.

Угодно их высочествам.

Даны с ответами вашего высочества в конце каждой главы, в Санта Фе, что под Гранадой 17 апреля года от рождения нашего спасителя Иисуса Христа 1492 г.

Я, король
Я, королева

По повелению короля и королевы: *Хуан де Колона.*

3. ИЗ ПИСЬМА ПЕТРА МАРТИРА К БОРРОМЕО[1]

Из Барселоны, 1 мая 1493 г.

Несколько дней тому назад приехал сюда некто по имени Христофор Колумб, лигуриец родом, возвратившись из стран западных антиподов. В прошлом году он не без труда выпросил

[1] Петр Мартир — придворный Фердинанда и Изабеллы, современник Колумба.

у моих государей три корабля для открытия этих стран, так как все, что он говорил о последних, считали фантазиями. Теперь он возвратился и привез с собой образцы многих драгоценных вещей и в особенности золота, которое родится в тех землях.

4. ИЗ ПИСЬМА МАРТИРА К ГРАФУ ТЕНДИЛЬЕ

Из Барселоны, в сентябре 1493 г.

Послушайте новость. Помните лигурийца Колумба, которому государи наши [1] во времена пребывания своего в лагере поручили отыскание западных антиподов [2] в другом полушарии? Вы не могли забыть его, потому что сами принимали некоторое участие в этом деле, которое без вашего совета, думаю, и не состоялось бы... Теперь он возвратился жив-здоров и рассказывает чудеса о своем путешествии и обо всем, что видел в открытых им странах. Привез он с собой золото, хлопчатую бумагу и перец, еще более пряный, чем кавказский. Все это, говорит он, земля производит там сама собой, равно как и дерево, дающее пурпуровую краску. Он рассказывает, что, проплыв к западу от Гадеса [Кадикса] 5 тыс. миль, он открыл разные острова, из которых один больше Испании [3], и все их занял от имени наших государей. По его словам, острова эти заселены людьми особой породы, живущими в диком состоянии, но счастливо. Питаются они плодами, растениями и хлебом из растертых кореньев. Есть у них свои короли, более или менее могущественные. Народы эти иногда воюют между собой. Оружие их состоит из луков, стрел и копий с заостренными и обожженными концами. Хотя они живут в первобытном состоянии и ходят нагими, однакож и им не чужды страсть к властвованию.

5. ИЗ ПИСЬМА МАРТИРА К КАРДИНАЛУ И ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ АСКАНИЮ СФОРСУ

Из Барселоны, в сентябре 1493 г.

Желание быть вам приятным, светлейший князь, так велико, что я чувствую себя совершенно счастливым, когда в великом круговороте событий встречается что-нибудь достойное занять ваше внимание. Из всех чудес земного шара, около которого солнце обращается в течение двадцати четырех часов, до сих пор мы знали, как вам известно, только те, которые разбросаны на пространстве одного полушария, от Золотого Херсонеса[4] до Гадеса[5] в Испании.

---

[1] Фердинанд Католик и Изабелла Кастильская.

[2] «Западные антиподы»— так называли страны Нового Света, расположенные в западном полушарии,— на противоположной стороне земного шара.

[3] Остров Гаити, который в действительности в несколько раз меньше Испании.

[4] Крым.

[5] Кадикс.

Все остальное космографы считали неизвестным, и если иногда и упоминалось что-нибудь об этом предмете, то всегда поверхностно и с сомнением. А теперь — о, благословенное предприятие,— теперь по счастливому мановению наших государей разоблачается, наконец то, что было сокрыто от начала веков. Вот как это случилось. Прошу внимания, светлейший князь. Некто Христофор Колумб, лигуриец родом, был отправлен моими государями на трех судах в ту часть земли и, проплыв на запад по течению солнца более пяти тысяч миль от Гадеса, открыл путь к антиподам. Он плыл целых тридцать дней сряду, ничего не видя, кроме неба и моря. Наконец, с верха мачты большого корабля, на котором находился сам Колумб, сторожевые матросы закричали, что видят землю. И действительно, это была земля. Впереди открылось несколько островов. Корабли приставали к шести из них, и один из этих островов, по уверению спутников Колумба, может быть, обманутых новизной представившегося им зрелища, больше Испании.

6. ИЗ ПИСЬМА МАРТИРА К ФЕРНАНДО ТАЛАБРЕ, АРХИЕПИСКОМУ ГРАНАДСКОМУ

Из Вальядолида, 1 февраля 1494 г.

Король и королева, по прибытии Колумба в Барселону после достославного предприятия его, пожаловали его титулом адмирала моря-океана и пригласили сесть в своем присутствии из уважения к его знаменитым подвигам. Отличие это, как вам известно, считается у наших государей знаком величайшей почести и милости. Теперь они опять послали его в те страны, предоставив ему в командование флот из 18 кораблей. Все предвещает великие открытия в западном полушарии.

7. ИЗ ПИСЬМА МАРТИРА К ПОМПОНИЮ ЛЭТО[1]

Из Алькалы де Генарес, 9 декабря 1494 г.

Испания царит, распространяет свое владычество, имя и славу до отдаленных стран антиподов. Из восемнадцати кораблей, отправленных моими государями с адмиралом Колумбом во второе его путешествие в западное полушарие[2], возвратились теперь двенадцать и привезли с собой хлопчатую бумагу, огромные куски красильного дерева и много других драгоценных в Европе предметов, которые производит природа этого доселе сокрытого от нас мира, и сверх того значительное количество золота. Говорят, что в этих странах находят на поверхности земли куски самород-

[1] Помпоний Лэто, римский гуманист, родился в 1425 г., умер в 1497 г.

[2] О посылке этой экспедиции говорится в предыдущем письме.

ного золота необыкновенной величины, так что некоторые из них весят до 250 унций, и, судя по рассказам жителей, испанцы надеются найти еще более крупные куски этого металла. Невозможно более сомневаться в существовании Листригонов и Полифемов, питавшихся человеческим мясом. Плывя от Счастливых островов, ныне называемых Канарскими, в Испаньолу [1], Колумб взял направление несколько южнее и вошел в группу бесчисленных островов, населенных дикими (людьми), которых называют каннибалами или караибами. Эти люди, хотя и совершенно нагие, очень воинственны и храбры в сражениях. Они искусно владеют луком и булавой, имеют лодки, выдолбленные из целого ствола, зачастую больших размеров. В этих лодках они делают свои ужасные набеги на соседние острова, населенные более миролюбивыми племенами. Караибы нападают на их селения и уводят мужчин в плен для того, чтобы их пожирать.

8. ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ КОЛУМБА
(4 мая 1506 г.)

Во имя пресвятой троицы, внушившей мне мысль и впоследствии совершенно прояснившей ее для меня, что я могу, отплыв из Испании на запад и переплыв океан, достигнуть Индии,— мысль, сообщенную мной королю дону Фердинанду и королеве донье Изабелле, государям нашим, им благоугодно было снабдить меня потребным количеством людей и кораблей и возвести меня в звание адмирала названного океана на всем его пространстве, лежащем к западу от мысленной черты, проведенной от одного полюса к другому, в ста милях к западу от островов Зеленого Мыса и Азорских, и пожаловать меня титулом вице-короля и губернатора всех земель и островов, какие я открою за этой чертой, с правом передать вышеназванные звания и титулы старшему сыну моему, а потом его наследникам на вечные времена и даровать мне при этом десятую часть со всего, что будет приобретено в странах, которыми я буду управлять, и со всех доходов и прибылей, которые будут с них получаться, и сверх того восьмую часть всех земель и всего прочего, с окладом жалованья по моим званиям адмирала и вице-короля и губернатора и со всеми иными выгодами и преимуществами, тем званиям присвоенными, на основаниях, подробно изложенных в договоре моем с их величествами, ими одобренном и утвержденном.

И было угодно всемогущему господу, чтобы я в 1492 г. открыл Индийский материк [2] и великое множество островов, в том числе

[1] Так называли испанцы остров Гаити. Испаньола — «Маленькая Испания».

[2] Из этого места завещания видно, что Колумб так и умер, не зная, что он открыл Новый Свет. Он, отправляясь на запад, искал морской путь в Индию и открытые земли считал за часть Индии. Эта ошибка была затем закреплена в названиях Вест-Индии и индейцев.

Испаньолу, называемый индейцами Гаити, а мониконгосами — Чипанго. После этого я возвратился в Кастилию, к их величествам, которые повелели мне, согласно моим представлениям, предпринять вторичное путешествие[1] для новых открытий и устройства поселений в найденных мною землях. И даровал мне господь победу на острове Испаньоле, который простирается на 600 миль протяжением, и покорил я его, а жителей сделал данниками. И в 700 милях от этого острова к западу я открыл много других островов, на которых живут людоеды, и в их числе Ямайку, названную нами Сант-Яго, да сверх того 333 мили материковой земли, простирающейся в юго-западном направлении, не считая 107 миль на север, открытых мною в первое путешествие. Сверх того, мною открыто множество островов, что можно яснее видеть из моих писем, записок и карт.

9. ТОРДЕСИЛЬЯССКИЙ ДОГОВОР МЕЖДУ КОРОЛЯМИ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ О РАЗДЕЛЕ МИРА

7 июня 1494 г.

Соглашение в Тордесильяссе было заключено год спустя после обнародования булл о разделе мира между Испанией и Португалией папы Александра VI.

В этих буллах демаркационная линия, разделяющая испанские и португальские владения, намечена была в 100 лигах (лига — 5,55 *км*) к западу от островов Зеленого Мыса. Таким образом Португалия добилась в Тордесильяссе переноса границы еще на 270 лиг к западу. Отныне португальская зона включала почти всю Атлантику и значительную часть (до 50° з. д. от Гринвича) Бразилии (которая была шесть лет спустя открыта португальским мореплавателем Кабралем).

В момент заключения договора Колумб совершал свое второе плавание и находился у берегов Кубы и Ямайки. Кастильские представители предполагали, что во время этого путешествия могут быть открыты новые земли в восточной части Атлантического океана, и добились включения в текст соглашения специальной статьи об открытиях, которые могут быть сделаны до 20 июня 1494 г.

Пункт договора об отправке специальной экспедиции для демаркации линии раздела не был выполнен, и эксперты не покинули пределов полуострова, хотя в мае 1495 г. десятимесячный срок отправки кораблей был продлен на неопределенное время.

В Тордесильясском договоре было дано половинчатое решение проблемы раздела мира. Демаркационная линия была проведена лишь через Атлантику. Иначе и не могло быть, так как моря и земли Дальнего Востока и Дальнего Запада стали известны европейцам лишь 2 десятилетия спустя.

Неминуемое и непредусмотренное в Тордесильяссе столкновение испанских и португальских интересов в Тихом океане последовало в период знаменитого путешествия Магеллана (1519—1522). Вопрос о второй демаркационной линии был решен лишь после 6-летних переговоров Сарагосским договором 1529 г.

Тордесильясский договор, подобно буллам Александра VI, является дипломатическим документом большого исторического значения. Договором были заложены основы колониальной политики пиренейских держав и отчетливо сформулированы принципы доктрины «закрытого моря» и исключительных прав Испании и Португалии на владение всем внеевропейским миром.

Статьи Тордесильясского договора сохраняли реальную силу до тех пор, пока преобладание Испании и Португалии в Новом Свете, Азии и Африке оставалось бесспорным.

---

[1] О котором говорилось в письмах Мартира, см. выше.

Уже в XVII столетии, когда инициатива колониальной экспансии переходит к Англии, Франции и Голландии, а Испания и Португалия теряют в непосильной борьбе значительную часть своих вестиндских и остиндских владений, пункты договора в Тордесильяссе звучат как анахронизм. Однако до конца XVIII в. Тордесильясский договор сохранял юридическую силу при разрешении пограничных споров в южноамериканских владениях Испании и Португалии.

...Высокие договаривающиеся стороны через вышепоименованных представителей условились и согласились во избежание сомнений и споров относительно островов и земель уже открытых или тех, которые будут открыты в море-океане, чтобы была проведена прямая линия от полюса до полюса, т. е. от полюса арктического до полюса антарктического с севера на юг, в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса, на расстоянии, определенном в градусах или иными способами, каковые будут признаны наиболее удобными, и измеренном без излишка или недостатка, и чтобы все, что уже открыто или будет открыто королем Португалии или его кораблями, буде то острова или материки, к востоку от этой линии и внутри ее на севере и на юге, принадлежало названному сеньеру королю Португалии и его преемникам на веки вечные и что все острова и материки, как открытые, так и те, что будут открыты королем и королевой Кастилии и Арогона или их кораблями к западу от названной линии, на севере и на юге принадлежало означенным сеньерам королю и королеве и их преемникам на веки вечные.

Далее: для того, чтобы названная разделительная линия была проведена правильно и в возможно более короткий срок в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса, высокие договаривающиеся стороны прикажут в течение 10 месяцев, следующих за подписанием этого договора и соглашения, снарядить 2 или 4 каравеллы по одной или по две от каждой из сторон, каковые каравеллы по истечении указанного срока должны прибыть на остров Гран Канария с пилотами[1], астрологами и иными лицами, назначенными в равном числе португальским королем на корабли португальские и кастильским королем на корабли кастильские; все каравеллы должны выйти затем в море и установить румбы, ветры и градусы юга и севера и наметить названные 370 лиг, следуя от островов Зеленого Мыса на запад вплоть до пересечения с искомой линией, и все время отсчитывать лиги, измеряя оные согласно способа, который означенные лица установят без ущерба для высоких договаривающихся сторон, и прибыв к тому месту, где названная линия должна проходить, оные лица отметят пункты, через которые проходит линия, либо в градусах юга и севера, либо без градусно, в лигах, в зависимости от того, как будет лучше, и составят обо всем акт и скрепят его своими подписями.

Если же, по счастью, таковая линия пересечет остров или материк, да будет установлен столб или знак, и да будет он разделять ту часть, что принадлежит Португалии, от той, что отведена Кастилии.

---

[1] Пилот — наименование кормчего на кораблях испанского флота.

Д а л е е: высокие договаривающиеся стороны заверяют через своих представителей, что отныне и впредь не будут они отправлять никаких кораблей — названные король и королева Кастилии и Арагона — в моря, что находятся к востоку от названной линии и принадлежащие королю Португалии, а король Португалии в морях по другую сторону линии к западу от нее, которые считаются принадлежащими королю и королеве Кастилии.

Так же ни одна из сторон не будет совершать открытий и завоеваний и не будут вести торговлю за разделительной линией, намеченной согласно вышесказанному. И если случайно корабли короля Португалии окажутся в порту, принадлежащем королю Кастилии, то таковые корабли должны быть немедленно переданы королю Португалии, и так же да будет поступлено последними по отношению к королю Кастилии.

Д а л е е: поскольку корабли короля Кастилии, что следуют в земли, лежащие за названной линией, по необходимости должны проходить через моря, находящиеся по сю сторону линии и принадлежащие Португалии, договорились оба государя, что названные корабли могут плавать свободно и без помех в этих морях в течение всего времени, которое потребно для перехода, и могут следовать они для открытий и завоеваний в места, принадлежащие Кастилии, но если при этом открытая земля окажется в части, отведенной для Португалии, будет она считаться владением короля Португалии.

И так как может случиться, что корабли короля и королевы Кастилии и Арагона откроют до 20-го числа текущего месяца острова и материки по сю сторону названной линии, что должна быть проведена в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса, условились высокие договаривающиеся стороны через своих представителей, чтобы во избежание сомнений, все что будет открыто к 20 июня кораблями и людьми катильскими в пространстве, лежащем на 250 лиг к западу от островов Зеленого Мыса, будет принадлежать королю Португалии, а земли, что находятся далее к западу внутри полосы, простирающейся на 120 лиг к востоку от названной разделительной линии, будут принадлежать королю и королеве Кастилии, хотя оные 120 лиг и составляют часть дистанции в 370 лиг, в пределах коей все моря и земли являются владениями короля Португалии.

Если же до 20 июня ничего не будет открыто кораблями короля и королевы Кастилии внутри оных 120 лиг, все, что откроют кастильские корабли, впредь в этих местах да считается владениями короля Португалии.

10. ОТКРЫТИЕ МОРСКОГО ПУТИ В ИНДИЮ (1497—1499 гг.).

(Записки неизвестного о первой экспедиции Васко да Гамы).

1. В 1497 г. король Мануил Португальский послал четыре корабля для открытий и нахождения пряностей. Командором сих кораблей был Васко да Гама.

В воскресенье 8 июля 1497 г. мы снялись с якоря в Растелло[1]. Дай бог нашей экспедиции, предпринятой во имя его, доброе завершение...

27... 7 апреля подошли мы к городу Момбаса[2], но не вошли в гавань, а остались на рейде... В гавани было немного кораблей, все в флажках и пестрых украшениях; чтобы не отстать от них, мы также изукрасились флагами, еще больше, чем они; ведь всего у нас было вдоволь, кроме разве людей, и то наша горсточка была вся почти сильно больна. Но пока мы бодро и даже весело стояли на рейде, ведь думали мы встретить здесь христиан, живущих в особой части города, под особым губернатором, надеялись вместе с ними на следующий день пойти к мессе...

37... Во вторник, 24 апреля, двинулись мы отсюда в город Каликут[3], о каковом наш король имел сведения. Шли мы на восток, наперерез того большого залива, куда... вливается и Красное море...

В ближайшее воскресенье опять показалась Полярная звезда, которой мы не видели очень давно, а в пятницу, 17 мая, после 23 дней безбрежного моря, мы увидели землю..., а затем подошли и к городу Каликуту... Послал наш командор одного человека в город, а там его привели к двум маврам из Туниса, которые говорили и по-кастильски, и по-генуэзски. И первым их приветом было: «Кой чорт вас занес сюда!». Но затем они спросили, что мы ищем в такой дали. А он ответил: «Христиан и пряности».— «Странно,— сказали те,— почему же король кастильский не послал сюда людей или король французский, или синьерия венецианская?»[4]. А он ответил: «Потому что король португальский этого не стерпел бы»,— на что они ответили: «Он не так-то неправ». Затем они его угостили пшеничными лепешками с медом, а потом проводили на корабль. Как только один из этих мавров взошел на корабль, он воскликнул: «Добро пожаловать, добро пожаловать! Много рубинов, много смарагдов... Благодарите бога на коленях, что он привел вас в страну столь великих богатств». Мы все страшно поразились, так как никак не предполагали, что в таком отдалении от Португалии мог быть человек, знающий наш язык.

38. Упомянутый город Каликут — христианский[5]. Христиане здешние — коричневые; часть из них носит длинные волосы и бороды, часть бреет голову, за исключением чуба, в знак того, что они христиане...

42. ...Царь принял командора, лежа на роскошном ложе с множеством чудеснейших подушек... Слева у него стояла громадная массивная золотая чаша емкостью в полмеры, куда царь выпле-

---

[1] Предместье Лиссабона.

[2] В восточной Африке.

[3] В Индии, на Малабарском берегу, не смешивать с Калькуттой.

[4] Все эти страны торговали с Востоком по караванным путям и при посредстве арабов.

[5] Это, конечно, ошибка, как в том убедился позже и сам автор.

вывал остатки корешков, какие тут люди жуют от жары и что называется у них «атамбор»[1].

43. И спросил царь командора, что ему надо. И ответил тот, что он послан королем португальским, государем многих стран, самым богатым из тамошних королей. И что король наш и его предшественник вот уже 60 лет подряд посылали корабли ежегодно, чтобы найти в этих странах живущих здесь, как им известно, христиан,— а что касается золота, серебра, то им этого не нужно, так как сего добра у них и без того в изобилии,— но все эти посланные возвращались через год или два, истощив все запасы, в Португалию. И что теперешний король Мануил построил три корабля и послал его, командора, со строгим наказом — не возвращаться, пока не найдет царя христиан, а найдя передать ему два письма и уверить в братской дружбе. А письма эти он передаст на следующий день. На это царь отвечал, что он приветствует посла, тоже считает короля другом и братом и, со своей стороны, готов послать послов в Португалию... Было уже поздно ночью, и командор наш откланялся...

44. Во вторник командор приготовил подарки для царя: 12 кусков полосатой бумажной ткани, 4 накидки скарлатного сукна, 6 шляп, 4 нити кораллов, ящик с 6 металлическими котлами, ящик сахара, 2 бочонка с оливковым маслом и 2 бочонка меда. Но домоуправитель царя, которому, по обычаю, нужно предварительно показывать все, что приносится царю, расхохотался над этими подарками — самый последний-де купец из Мекки дал бы больше и что царю нужно золото, много золота. Рассердился Гама и ответил, что золота у него не припасено и что он не торгаш, а посол, что сейчас-де дарит он из своих средств, а не от короля, и что король португальский, конечно, пришлет и лучшие и более многочисленные подарки...

45. ...А в среду рано утром пришли опять мавры, чтобы вести командора во дворец... Целых четыре часа ждал он там, пока царь велел его ввести... И спросил, между прочим, царь, как же он говорит, что прибыл из богатой страны, а сам ничего не привез в подарок. Командор ответил: царю-де он ничего не привез, так как на сей раз его послали только, чтобы смотреть и открывать, а вот придут еще другие корабли, вот тогда и будут подарки, да еще какие.

46. Царь перебил его: «Кого же ты вздумал открывать — людей или камни? Ежели людей, то нельзя ничего не давать [в подарок]»... Затем Гама передал письма, и царь остался ими доволен, спросив еще, какие такие товары имеются в португальской стране. Командор ответил — много хлеба, сукна, железа, меди и пр. Царь опять спросил, привез ли он какие-либо товары с собой. Да, всего понемногу, в виде образцов, и что он просит разрешения их выгрузить...

---

[1] Бетель — жевательный корень.

51. ...Царь вновь послал человек семь или восемь купцов[1], но те и не думали покупать, а лишь играли на понижение цен.

52. ... Иначе относились местные люди. Если кто из команды сходил на берег, его охотно кормили и поили, давали ему приют и пр.; да и к нам они приходили десятками, иногда всей семьей, с ребятами, и командор всех их велел кормить. А все это делалось, чтобы расположить их к нам, чтобы они про нас не думали худо. Часто нам даже становилось невмоготу: слишком уж их много и слишком они у нас засиживались, до самой теми. А все потому, что в стране народа видимо-невидимо, а припасов маловато.

...И покупали наши моряки многое за бесценок: и гвоздику, и корицу, и украшения... Видя столь великую простоту народа, командор наш порешил оставить здесь для обмена фактора, писца и нескольких людей при амбарах...

58. ...И согласился, наконец, царь отпустить нас домой и прислал письмо нашему королю, писанное на пальмовом листе. А гласило оно: «Прибыл к нам Васко да Гама, дворянин вашей страны, чему мы немало обрадовались. А в нашей стране много корицы и гвоздики, и имбиря и перца, и драгоценных камней, а от вас хочу я золота и серебра, кораллов и скарлатного сукна...»

60. В среду, 29 августа, имея в виду, что все, что нам надлежит открыть, мы открыли, командор наш решил пуститься в обратный путь. Все мы с великой радостью приветствовали это: ведь удалось нам открыть многое и великое...

61. [А именно][2]. Из страны Каликут, Индии тож, идут все пряности, какие вкушаются и на Западе, и на Востоке, и в Португалии, и во всех странах... Впрочем, не все пряности произрастают в самом Каликуте, кроме имбиря, перца, корицы. Да и корица эта далеко не так высокосортна, как корица с острова Циланьо[3], отстоящего от Каликута на 8 дней пути. Вся целиком корица идет в Каликут, а также на остров по прозванию Мелека[4], откуда в тот же Каликут идет гвоздика. Здесь в Каликуте корабли из Мекки грузят пряности и привозят их в город после Мекки, по имени Джидеа[5]. И от Мелеки до Джидеа при попутном ветре 50 дней пути [лавировать местные корабли не могут], а там они выгружают товары и платят пошлину великому султану [египетскому]. В Джидеа пряности перегружаются на более мелкие суда, которые идут по Красному морю вплоть до места близ Св. Екатерины на Синае, по названию Тууц[6]. Здесь опять-таки платят пошлину. Затем товар перегружают на верблюдов,— по четыре крусада[7]

---

[1] Арабских, для которых Васко да Гама и португальцы были опасными конкурентами.

[2] Дальше идет описание важнейшего источника географических сведений европейцев XVI в.

[3] Цейлон.

[4] Малакка.

[5] Джидда — гавань Мекки.

[6] Суэц.

[7] Золотая монета — около 5 руб. 25 коп. золотом.

за наем верблюда,— и везут его в Каир в течение 10 суток. Там опять платят пошлину. По дороге бывают частые нападения, так как страна кишит разбойниками, бедуинами и пр. В Каире пряности вновь погружаются на корабли, идущие по реке, называемой Нилом и вытекающей из страны пресвитера Иоанна в Нижней Индии[1]. По Нилу идут двое суток, пока не достигнут города Роксете[2], где опять-таки берется пошлина. Там вновь перегрузка на верблюдов, и через сутки товар прибывает в Александрию, город морской. В Александрию же приезжают венецианцы и генуэзцы на своих галерах за пряностями. А получает великий султан с пряностей, как высчитано, не менее 600 тыс. крусадов пошлины в год...

68. И пробыли мы в море три месяца без трех дней, по причине частого безветрия и ветров противных. Весь экипаж наш заболел тяжко, десны распухли так сильно, что покрыли все зубы, и мы не могли есть; распухли также и ноги, а на теле появились большие нарывы, настолько истощающие здоровенных мужчин, что они умирали, хотя никакой другой болезни и не было у них. Так умерло за это время тридцать человек (да столько же умерло и раньше), и в конце концов на каждом корабле оставалось лишь 7—8 человек, годных к службе, но далеко не здоровых. Да, если бы такие обстоятельства продолжались еще недели две, мы либо умерли бы все, либо пришлось бы возвращаться назад, в Индию. Ведь мы дошли до того, что прекратилась всякая дисциплина... Но вот бог, наконец, послал нам попутный ветер, и на шестой, кажется, день мы увидели землю, которой обрадовались, точно Португалии, ибо надеялись мы все там выздороветь. И это было 2 января 1499 г. ... Оказалось, что пред нами большой город с многоэтажными домами, с большим дворцом посередине и четырьмя высокими башнями. Жили там мавры, и назывался он Магадоксо...[3]

69. А 9-го числа того же месяца мы бросили якорь в Мелинде, и местный царь сейчас же послал нам большую лодку с живыми баранами и прочей снедью, приветствовал нас, обещая мир и дружбу. Командор наш сейчас же послал человека на берег, чтобы закупить апельсинов, в которых наши больные очень нуждались и которые им действительно принесли большую пользу.

...Видя, что местный царь оказывает нам много почестей и помощи, наш командор послал к нему матроса, говорившего по-маврски, с просьбой прислать ему бивень слона, чтоб он его мог отвезти королю, а также разрешить поставить столб с гербом[4] в знак дружбы. И царь согласился, говоря, что для короля порту-

---

[1] В средние века существовала легенда о какой-то мифической «христианской» стране на востоке, основанной столь же легендарным пресвитером Иоанном. Иногда эту страну отожествляли с Абиссинией.

[2] Розетта на западном устье Нила.

[3] На восточном побережье Африки, севернее Мелинды.

[4] Обычный знак овладения землей.

гальского он сделает и это и многое другое и что он ему готов служить всячески...

70. Здесь мы оставались 5 дней и отдохнули от ужасных испытаний последнего переезда, который всем нам грозил смертью. В пятницу 11-го мы двинулись дальше, а утром в субботу мы прошли мимо Момбасы [1]; в воскресенье же бросили якорь у «банки св. Рафаила» [2], где мы сожгли корабль этого имени, ибо для всех трех кораблей [3] у нас нехватало экипажа...

11. СОГЛАШЕНИЕ С КОНКИСТАДОРАМИ ОБ ОТКРЫТИЯХ И ЗАВОЕВАНИЯХ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ

Асьенто (Asiento), подобно капитуляции,— соглашение, заключаемое Испанской короной с завоевателями и первооткрывателями.

Жажда открытий охватила Испанию в 1499 г., когда в страну дошли вести о материке, обнаруженном Колумбом во время его третьего путешествия. Очевидные выгоды заморских предприятий вызвали у многих кастильских авантюристов желание отправиться на поиски новых несметно богатых земель.

На протяжении 1499 г. были заключены асьенто с Алонсо де Охедой, Кристобаллем Герра, Висенте Янес Пинсоном, Алонсо Велясом де Мендосой. Условия капитуляции в Санта Фе, подписанные Изабеллой и Фердинандом с Колумбом, не допускали отправку каких бы то ни было экспедиций в моря, посещенные и посещаемые великим генуэзцем. Фактически же, так как границы этой запретной зоны были крайне неопределенными, да и сама корона отнюдь не стремилась к точному выполнению капитуляции Санта Фе, права Колумба грубо и беззастенчиво нарушались новыми открывателями, хотя пункт о неприкосновенности зоны, отведенной Колумбу, и включался в тексты асьенто.

Одним из наиболее предприимчивых искателей новых земель был Родриго де Бастидас, севильский нотариус, связанный с богатыми торговыми домами Севильи и видными мореплавателями, постоянно посещавшими этот город. От штурмана Колумба —Хуана де ла Коса — Бастидас узнал об открытых во время третьего путешествия «жемчужных берегов» большого материка. То были земли вдоль восточного берега Дариенского залива. Бастидас, получив ссуды от севильских купцов, вступил с короной в переговоры о заключении асьенто и законтрактовал на срок, необходимый для путешествия, Хуана де ла Косу. В1500—1502 гг. Бастидас, следуя от мыса Агуха, вдоль берегов нынешней колумбийской провинции Санта-Марта и Картахена, посетил ряд пунктов на побережье Дариенского залива, и с огромным грузом ценных товаров — золотом и рабами-индейцами — высадился на острове Эспаньола. Он открыл устье реки Магдалены и ряд островов у северных берегов Южной Америки. На Эспаньоле Бастидас был арестован по приказу губернатора острова Бабадильи за незаконную торговлю жемчугом и рабами. Однако по прибытии нового губернатора Овандо Бастидас был освобожден и вскоре вернулся в Испанию, где получил за совершенное им открытие пенсию в размере 50 000 мараведи в год. На этом, однако, карьера Бастидаса не окончилась. Много лет спустя, в 1521 г., Бастидас заключил капитуляцию с Карлом V о завоевании некогда им посещенных земель. В 1525 г. он высадился в заливе Санта-Марта, основал на его берегах город того же имени и подчинил окрестные земли. Вскоре, однако, Бастидас был изувечен и изранен во время подавления мятежа среди своего же собственного войска и, вынужденный покинуть Санта-Марту, умер по пути в Испанию на о-ве Куба.

---

[1] Момбаса — большая гавань на восточном побережье Африки, лежащая на 4-м градусе южной широты, к северо-западу от острова Мадагаскар и к югу от Сомали.

[2] «Банка св. Рафаила» — отмель у восточного берега Африки.

[3] Четвертый сгорел по пути в Индию.

АСЬЕНТО, КОТОРОЕ ЗАКЛЮЧИЛИ ИХ ВЫСОЧЕСТВА С РОДРИГО ДЕ БАСТИДАС ОБ ОТКРЫТИЯХ В ИНДИИ ЗА ЕГО СЧЕТ

Король и королева

Асьенто, которое по нашему повелению было заключено с вами, Родриго Бастидасом, жителем города Севильи, об открытиях в море-океане на двух кораблях:

Во-первых — мы разрешаем вам, означенный Родриго Бастидас, на двух ваших кораблях, снаряженных за ваш счет, отплыть в упомянутое море-океан для открытия островов и материков и следовать для этого в Индию и в любые иные места с тем, однако, чтобы острова и земли, к коим вы будете держать путь, не были бы территориями, что вплоть до настоящего времени уже были открыты доном Кристобалем Колоном, нашим адмиралом, названного моря-океана и Кристобалем Герра, а также не являлись землями, которые ранее вас открыли или откроют другие лица, имеющие на то наше разрешение.

Также не должны совершаться открытия на островах и материках, что принадлежат светлейшему королю Португалии и государю, нашему очень дорогому и очень любимому сыну. И кроме необходимого для людей ваших и кораблей пропитания и снаряжения, не должны ничего брать вы в их землях.

Далее: должны со всего золота и серебра, меди и свинца, олова и ртути и других металлов, жемчуга, драгоценных камней и драгоценностей, рабов и негров, которые в здешних наших королевствах известны и рассматриваются, как рабы, и с чудовищ и змей и других зверей, рыб и птиц и с пряностей, и с трав лекарственных, и с любых иных вещей какого бы качества, наименования и стоимости они ни были бы, сбросив суммы, затраченные на снаряжение и на путевые издержки и расходы, которые ваша армада по пути своем имела,— с того, что останется, дать нам одну четвертую часть, а остальные три четверти да будут полностью предоставлены вам, названный Родриго де Бастидас, и можете вы своею частью распоряжаться, как вам на то будет желательно и угодно, как с вашим собственным и неотчуждаемым достоянием.

Далее: мы назначаем на каждый из ваших кораблей одно или два лица, которые от нашего имени и по нашему велению должны проверять все, что поступает на названные корабли из числа упомянутых выше вещей и предметов. И должны они свидетельствовать таковые поступления письменно и иметь особую книгу счетную, дабы не было никакого обмана и сокрытия.

И вам, названный Родриго Бастидас, и любому другому лицу на кораблях и в команде вашей не разрешается ни приобретать, ни выменивать, ни покупать какие-либо из вышеупомянутых вещей без того, чтобы указанная особа при этом не присутствовала. Если же кто, вопреки этому повелению, поступит, да утратит он то, что приобрел за время плавания, и да будет лишен он доли

в прибылях от названной экспедиции, и да будет предан он в наши руки и на милость нашу.

Д а л е е: все то, что будет приобретено, должно быть полностью, без преуменьшения и обмана, доставлено в порт города Кадиса и предъявлено для досмотра нашему должностному лицу, пребывающему постоянно в означенном городе, для того чтобы он отделил причитающуюся нам четвертую часть, которой мы должны владеть. И дабы нерушимо соблюдали вы, Родриго де Бастидас, эти условия, вам надлежит принести присягу и клятву в присутствии епископа Кордовского, члена нашего совета, или его местоблюстителя.

Д а л е е: перед тем как отправиться в плавание, должны вы с кораблями и людьми вашими прибыть в город Кадис и известить о том Химено де Бервиеска, нашего официала, чтобы мог он осмотреть суда и представить нам отчет об их состоянии, а также составить регистр на людей, что с вашими кораблями следуют в плаванье, и сделать все необходимые для этой цели распоряжения.

Вас, названный Родриго де Бастидас, назначаем мы капитаном упомянутых кораблей и команд, что на них отправляются, и вам даем неотъемлемое и полное право и юрисдикцию уголовную и гражданскую со всеми действиями.

И повелеваем вам, Родриго де Бастидас, соблюдать все вышеизложенное и каждое из упомянутых условий в отдельности. И да не будет при выполнении оных вам оказано какое-либо неповиновение.

И повелеваем дать вам в собственные руки настоящее асьенто, скрепленное нашими подписями в городе Севилье 5 июня летом от рождения нашего спасителя Иисуса Христа — 1500-е.

Я — король.

Я — королева.

По повелению короля и королевы — *Гаспар де Грисье.*

12. ДОКУМЕНТ О «ДОБРОВОЛЬНОМ» ПРИЗНАНИИ ТУЗЕМЦАМИ ВЛАСТИ ИСПАНСКОГО КОРОЛЯ

«Рекеремьенто» (требование) — так назывался документ, составленный видным испанским юристом Паласиос Рубиос около 1508 г. В 500-х годах XVI столетия теологи и легисты Кастилии усердно разрабатывали принципы, на которых могло бы основываться право испанской короны на заморские земли. Необходимо было доказать ссылками на древние прецеденты, догматы католической религии и тексты папских булл, что «острова и материки в море-океане» пожалованы Александром VI Изабелле и Фердинанду «законно и справедливо» и что в силу этого территории, открытые за океаном, являются неотъемлемым достоянием испанской короны. Паласиос Рубиос и его коллега доктор канонического права Маттиас де Пас взяли на себя эту нелегкую задачу и разрешили ее в нужном для короны духе. Разумеется, в ученых трактатах они излагали сущность своих теорий по всем правилам схоластической диалектики, подкрепляя каждый аргумент цитатами из писания и трудов «отцов церкви».

В «Рекеремьенто» — документе, предназначенном не для дипломатических канцелярий, а для практического пользования, все это опущено, и офици-

альная доктрина кастильского канонического права преподнесена в откровенной до цинизма форме. Следует обратить внимание на один любопытный момент: через все «рекеремьенто» красной нитью проходит мотив «добровольности» признания индейцами суверенных прав короля и его посланцев. Эта фарисейская уловка, наивная и грубая, продиктована весьма серьезными политическими соображениями. «Рекеремьенто» признает, что индейцы являются людьми «свободными». Отсюда следует, что они не могут быть ни рабами, ни крепостными, ни вассалами частных лиц, т. е. испанских конкистадоров, а должны безраздельно принадлежать короне. Резервируя за собой право сеньериальной власти над индейцами, король пытался ограничить политическую и экономическую мощь военно-феодальной вольницы, хлынувшей в Вест-Индию. Делалось это не ради «охраны индейцев», а для того, чтобы в необходимойстепени парализовать опасную энергию конкистадоров, не склонных подчиняться королям и делить с ними свои доходы.

Впрочем, конкистадоры не обращали внимания на казуистические ухищрения юристов короны. Оглашение «рекеремьенто», по собственному признанию участника конкисты, испанского хрониста Гонсало Фернандеса де Овьедо, всегда превращалось в чистейшую комедию. Овьедо указывает, что в Дариене конкистадоры не давали себе труда сгонять индейцев для чтения „рекеремьенто“, а хватали первого попавшегося туземца, сажали его в клетку и на чистом кастильском языке зачитывали пленнику текст документа. На этом процедура оглашения и «свободного волеизъявления» местного населения, высказывающего свое желание приобщиться к «святой вере», считалась законченной.

«Рекеремьенто» получило широкое распространение в Новом Свете. Вероятно, впервые оно было оглашено в 1508 или 1509 г. завоевателем Урабы (берегов одноименного залива на Дариенском перешейке) — Алонсо де Охедой. В 10-х и 20-х годах «рекеремьенто» зачитывали капитаны дружин Веласкеса, Понсе де Леона, Бальбоа, Кортеса, Педрариаса, Писарро и др. Нечто вроде «рекеремьенто» зачитал инке Атагуальпе Падре Вальверде — правая рука Франциско Писарро в лагере Кахамалка перед тем, как была разыграна провокационная и омерзительная сцена, послужившая сигналом для предательского захвата Атагуальпы. В 1542 г. вице-король новой Испании (Мексики) Антонио де Мендоса приказал оглашать «рекеремьенто» при усмирении восставших индейцев племени кахкан, в Чили оно применялось в XVII в.

РЕКЕРЕМЬЕНТО, КОТОРОЕ ДОЛЖНО ПРЕДЪЯВЛЯТЬСЯ ЖИТЕЛЯМ ОСТРОВОВ И МАТЕРИКОВ МОРЯ-ОКЕАНА, ЕЩЕ НЕ ПОДЧИНЕННЫХ КОРОЛЮ, НАШЕМУ ГОСПОДИНУ

От имени высочайшего и всемогущего и всекатолического защитника церкви всегда побеждающего и никогда и никем не побежденного великого короля дона Фернандо пятого, повелителя Испании, обеих Сицилий, Иерусалима и островов и материков моря-океана, укротителя варваров и от имени высочайшей и всемогущей госпожи королевы доньи Хуаны, дорогой и любимой дочери короля — Я, ... их слуга, их вестник, их капитан, извещаю вас и требую, чтобы вы хорошо усвоили, что бог, наш господин единый и вечный, сотворил небо и землю, и мужчину и женщину, от коих произошли мы и вы, и все сущие в мире этом и те люди, что будут детьми и потомками. Со дня сотворения мира народилось такое множество поколений людских, что стало необходимым разделение всех живущих на земле и возникло много королевств и провинций, ибо если бы осталось все человечество в одном месте, не смогло бы оно прокормить себя достодолжно.

И избрал из всех сущих бог наш господин одного, достойнейшего, имя коего было св. Петр, и над всеми людьми, что были, есть и будут во вселенной, сделал его, святого Петра, владыкой и повелителем, и обязал бог, наш господин, всех подчиняться ему, св. Петру, безропотно, и повелел бог, чтобы навеки вечные был он главой рода человеческого и чтобы веления его исполняли все люди, где бы они ни проживали и к какой бы секте или вере они ни относились бы, и дал бог св. Петру весь мир, дабы вся земля была царством и владением его.

И повелил ему бог, чтобы в Риме воздвиг он престол свой, ибо не было места, столь удобного для того, чтобы править миром, чем этот город; но дозволил ему господь, если явилась на то необходимость, переносить престол свой в любое место и оттуда управлять всеми людьми — христианами, маврами, иудеями, язычниками и иными, какую бы веру они бы ни исповедывали и к какой бы секте они ни принадлежали.

И назвали св. Петра папой, что означает «хранитель высочайший и могущественный», ибо есть он отец и хранитель истинный всех людей.

И св. Петру подчинились и признали его господином и царем и владыкой вселенной все, что в те времена жили на земле, и также подчинились и признали царями и владыками всех пап, что после св. Петра избирались, и так было и велось доныне, и так ведется теперь, и так будет до скончания мира.

Один из бывших понтификов, что занимал престол св. Петра, как господин мира, дал в дар эти острова и материки моря-океана со всем тем, что на них есть, названным королям и их преемникам, нашим нынешним владыкам, и дар сей засвидетельствован в должной форме особыми грамотами, каковые вы можете увидеть, если того пожелаете. И так как их высочества суть короли и господа этих островов и материков в силу указанного дара, и так как почти все живущие на оных островах и материках признали, что их высочества действительно являются королями и господами здешних земель, и стали служить их высочествам и служат и ныне покорно и без сопротивления, то необходимо, чтобы вы, без промедления, будучи ознакомленными со всем, что выше сказано для наставления вас в святой вере, по своей доброй и свободной воле, без возражений и упрямства стали бы христианами, дабы их высочества могли принять вас радостно и благосклонно под свое покровительство и чтобы могли они вас и прочих своих подданных и вассалов обложить податями.

И в силу изложенного я прошу вас и я требую от вас, чтобы, поразмыслив должным образом над тем, что было вам сказано, и взяв в толк вышесказанное,— а на это вам дан будет срок, нужный и справедливый,— признали бы вы церковь госпожой и владычицей вселенной, а верховного понтифика, называемого папой, и короля и королеву, наших владык, вы также признали бы господами и королями этих островов и материков, в силу упомяну-

того дара, и допустили бы и дали бы возможность присутствующим здесь пастырям объявить и проповедать вышесказанное.

Если поступите вы так, то сотворите благо, и их высочества и я от их имени примем вас с любовью и лаской, и оставят вам жен ваших, сыновей ваших и достояние ваше, и будете вы свободными, и не обратят вас в рабство, и дано будет вам поступать так, как вы желаете, и так, как считаете нужным, и не принудят вас креститься (хотя, подобно всем жителям этих островов, вы, вероятно, сами изъявите желание обратиться в нашу святую веру, как скоро поведают вам правду о ней), и даст вам их высочество много привилегий и льгот и окажет вам многие милости.

Если же не сделаете требуемого или хитростью попытаетесь затянуть решение свое, заверяю вас, что с помощью божьей я пойду во всеоружии на вас и объявлю вам войну и буду вести ее повсеместно и любыми способами, какие только возможны, и вас подчиню деснице их высочеств и церкви, и вас и ваших жен и детей велю схватить и сделать рабами, и как таковыми буду владеть и распоряжаться, в зависимости от велений их высочеств, и вам причиню наивозможнейшее зло и ущерб, как то и следует делать с вассалами, которые не желают признавать своего сеньера и сопротивляются и противоречат ему.

И предваряю вас, что смертоносные бедствия, что от этого произойдут, лягут на вашу совесть, и вы будете в них виновными, а не их высочества, и ни я, и не эти рыцари, что пришли со мной.

И прошу здесь присутствующего писаря засвидетельствовать все то, что я прошу и требую, а всех, кто со мной явились, быть истинными свидетелями.

13. ОТКРЫТИЕ ТИХОГО ОКЕАНА БАЛЬБОА

(Из хроники Овиедо)

Сентября 29-го [1513 г.] Бальбоа с 26 спутниками вышел из местечка Чиапы и в полумиле оттуда достиг вечером узкого рукава, устья Саванаса. В это время был отлив и путники сделали привал на берегу. Но вскоре затем упавшая в русле вода стала подниматься с необыкновенной быстротою, столь свойственною приливам Тихого океана. Когда уровень воды поднялся, Бальбоа, схватив знамя с изображением Девы и младенца Иисуса, у ног которых красовался герб Кастилии и Лиона, вошел по колена в соленую влагу. Ступая взад и вперед, он громко восклицал: «Да здравствуют августейшие и всемогущие монархи дон Фернандо и донья Хуана, короли Кастилии, Леона и Арагона, во имя которых я для Кастильской короны вещественно, телесно и существенно, без всякого прекословия вступаю во владение этими морями, землями, прибрежьями, гаванями и островами, со всем, что в них содержится, с государствами и областями, принадлежащими или имеющими принадлежать к ним, в каком бы то ни было

роде, или по каким бы то ни было причинам, или правам, стародавнего или нового происхождения, из прошедшего, настоящего или будущего времени. И если иной царь или вождь, христианин или басурман, к какой бы вере или секте он ни принадлежал, заявит свои притязания на эти земли и моря, то я готов во всеоружии оспаривать их у него и воевать с ним во имя монархов Кастилии, как настоящих, так и будущих. Им принадлежат и власть и господство над этими Индиями, острова, как Северный, так и Южный материки с их морями от северного полюса и до южного, по сю и по ту сторону экватора, внутри и вне тропиков Рака и Козерога, так как все это и всякая часть его полностью поступает в собственность их величеств и наследников престола; я обстоятельно и письменно скреплю все, что может и должно быть заявлено в пользу их коронной собственности, как теперь, так и для всех времен, пока будет существовать мир до страшного суда всех смертных поколений». И так как у нахлынувших вод некому было противоречить, то он призвал своих спутников в свидетели того, что законным порядком вступил во владение новым океаном и снял с них присягу защищать оную собственность Кастильской короны.

Затем Бальбоа велел своим спутникам войти в воду, и каждый из них, зачерпнув рукой, отведал ее, чтобы убедиться — соленая ли также вода в другом океане. В кору трех деревьев, к стволам которых подступал прилив, Бальбоа кинжалом врезал кресты и исполнил еще другие обряды, для того чтобы придать своему подвигу вид законности.

14. КАПИТУЛЯЦИЯ, ЗАКЛЮЧЕННАЯ С ЭРНАНДО ДЕ МАГЕЛЛАНОМ И БАККАЛАВРОМ ЛУИСОМ ФАЛЕРО ОБ ОТКРЫТИИ ОСТРОВОВ ПРЯНОСТЕЙ

Поелику вы, Эрнандо де Магеллан, уроженец Португальского королевства, и вы, баккалавр Луис Фалеро, также родом из названного королевства, желаете, чтобы мы определили род службы вашей, обязываем вас открыть в части моря-океана, нам принадлежащей, и владыками коей мы есмь, внутри границ нашей демаркации, богатые пряности и иные вещи, в которых мы очень нуждаемся и которые были бы на пользу нашим королевствам, и посему повелеваем заключить с вами для этого следующую капитуляцию:

Во-первых: надлежит вам, в час добрый, отплыть для открытий в той части моря-океана, что находится внутри моих границ и моих демаркаций; и дабы не случилось так, что при исполнении вышеуказанного пересекли бы путь ваш другие лица, имеющие одинаковые с вами цели, жалую, желаю и обещаю вам, что на протяжении 10 последующих лет не будет дана лицензия кому бы то ни было, кто намеревается идти для открытий по пути и направлению, намеченному вами. И что если кто и обратится к нам

с просьбой с таковой лицензии, прежде чем дать ее, мы поставим о том вас в известность, для того чтобы вы сами, если того пожелаете, могли совершить подобное плаванье с таким же количеством кораблей, как и те лица, которые намеревались бы отправиться в море для новых открытий.

Но знайте, что если мы пожелаем дать лицензию лицам, вознамерившимся плыть западным путем вплоть до места, которое мы укажем, в части Индий и материка и в иные земли всякого рода, уже открытые, в поисках пролива тех морей, то таковую лицензию мы будем иметь право предоставить особам, на нее претендующим.

Указанные открытия надлежит вам совершать так, чтобы ничего не открывать и ничего не предпринимать внутри демаркаций и границ светлейшего короля Португалии, моего очень дорогого и очень любимого дяди и брата, и ничего не делать во вред ему, придерживаясь пределов нашей демаркации.

И ценя помыслы, коими вы были движимы, приступая к названному открытию, и учитывая, что от службы вашей мы получим великое благо и владения нашей Кастильской короны возрастут, и в воздаяние трудов и опасностей, предстоящих вам, мы жалуем, повелеваем и желаем, чтобы из всех прибылей и доходов, которые получите вы на островах и землях, вами открытых, а также из пошлин и податей и иных поступлений, которые будут взиматься в нашу пользу, вы, сбросив сумму издержек, вами понесенных, оставили себе одну двадцатую часть. Жалуем также титулы наших аделантадо и губернаторов означенных земель и островов вам и сыновьям и наследникам вашим по праву, отныне и навсегда с тем, чтобы за нашими королями, которые будут после нас, оставалась верховная власть. И после вас названное право управления и титул аделантадо перейдет вашим сыновьям-наследникам, если только они будут подданными наших королевств и заключат браки в их пределах. И относительно всего этого повелеваем мы вручить вам наши грамоты и привилегии, составленные по закону и форме. Также жалуем вам право ежегодно вывозить и отправлять на открытые вами острова и земли на наших кораблях различные товары на сумму в 1 000 дукатов.

Дабы оказать вам наибольшую милость, желаем мы, чтобы, в том случае, если число открытых вами островов будет более шести, избрали бы вы в этой шестерке два острова и впредь получали с них 15-ю часть всех чистых доходов, пошлин и рент, нам причитающихся.

Мы желаем, чтобы в воздаяние трудов и расходов, понесенных вами в этом плаванье, была вам оказана милость, а потому дозволяем со всего доставленного первой армадой удержать и оставить за собой одну пятую часть.

И дабы все указанное выше можно было лучше исполнить и было успешно плаванье, повелеваю я снарядить пять кораблей: два по 130 тонн каждый, два по 90 тонн и один в 60 тонн, обеспе-

ченных людьми, необходимыми запасами и артиллерией. И да будет известно, что означенные корабли отправляются на два года и что следует на них 234 человека, и среди них пилоты, моряки и всадники и иные люди, согласно мемориала, нам представленного, и повелеваем выполнить все сказанное нашим официалам, находящимся в Севилье в Индийском торговом доме.

И если при исполнении возложенных на вас условий один из вас умрет, тот, кто останется в живых, да хранит и да выполнит полностью все обязательства. И для того чтобы солюдалось все указанное выше должным образом и наша казна имела поступления, отвечающие данному соглашению, назначаем мы фактора, и казначея, и ревизора, и писца на названные корабли, каковые обязаны представить нам отчет с указанием суммы понесенных издержек до выхода кораблей в море, а по их возвращении — такой же отчет о том, что нам надлежит получить со всего, привезенного армадой. И вам словом своим королевским повелеваю все изложенное выше и приказываю дать вам сие соглашение, моей подписью скрепленное.

Подписано в Вальядолиде 21 марта 1518 года. *Я, король.*

15. ПУТЕШЕСТВИЕ МАГЕЛЛАНА

Из дневника Пигафетты. спутника Магеллана

а) По Тихому океану

Сухари, которыми мы питались, представляли собой не хлеб, а пыль, смешанную с червями, загаженную мышами и издававшую поэтому невыносимое зловоние. Вода, которую мы принуждены были пить, была гнила и также вонюча. Чтобы не умереть с голода, мы ели кожу, которою покрывают снасти, чтобы веревки не перетирали дерева. Эта кожа под действием воды, ветра и солнца так затвердела, что ее нужно было размачивать в морской воде в течение четырех-пяти дней. Затем мы пекли ее на угольях и ели. Часто мы питались древесными опилками, и даже мыши, столь противные человеку, сделались таким изысканным блюдом, что за них платили по полдукату[1] за штуку. Но это еще не все. Самое большое несчастье было в том, что нас постигла болезнь, при которой десны распухли до такой степени, что закрывали зубы как верхней, так и нижней челюсти, и люди, пораженные этой болезнью, не могли принимать никакой пищи[2]. Девятнадцать человек из нас умерло, в том числе патагонский гигант и один бразилец, сопровождавшие нас. За три месяца и двадцать дней мы сделали четыре тысячи левг[3] по морю, названному нами потому Тихим, что мы ни разу

[1] Дукат — старинная монета, приблизительно равная четырем золотым рублям.

[2] Цынга.

[3] Левга — около семи километров. Расстояние 4 тысячи левг, или 28 тысяч километров, явно преувеличено.

не испытали ни малейшей бури. Мы не открыли за это время никакой земли, за исключением двух пустынных островов, на которых нашли только птиц и деревья, и назвали их поэтому Злополучными[1]. Мы не достали также дна у этих берегов и видели лишь множество акул.

б) Смерть Магеллана

Так как островитяне знали нашего капитана, они направили главным образом на него все удары. Они сбивали два раза у него с головы шлем, но он держался, а мы в свою очередь в очень малом числе бились по его сторонам. Одному островитянину удалось в конце концов нанести капитану удар копьем в лоб. Капитан, рассерженный, пронзил его своим копьем, и оно осталось у него в теле. Капитан хотел обнажить шпагу, но это было невозможно, так как он был сильно ранен в руку. Островитяне, заметив это, все обратились против него, и один из них нанес ему такой сильный удар саблей в левую ногу, что он упал лицом вниз. В тот же миг островитяне бросились на него,— и вот каким образом погиб наш руководитель, наш свет и наша поддержка. Своим спасением мы обязаны исключительно нашему капитану, ибо в тот самый момент, когда он погиб, все островитяне бросились к тому месту, где он упал [2].

Слава Магеллана переживет его смерть. Он был одарен многими талантами. Он выказывал всегда беспримерную стойкость среди самых больших бедствий. На море он сам осудил себя на большие лишения, чем остальной экипаж. Сведущий, как никто, в знании морских карт, он владел в совершенстве искусством кораблевождения, и это он доказал своим путешествием вокруг света, на что никто другой не отважился до него.

16. ЗАПИСКИ ДИАСА О МЕКСИКЕ

Берналь Диас, сотоварищ Кортеса, оставил после себя записки «Истинная история завоевания Новой Испании», в которых он рассказывает о собственных впечатлениях очевидца и участника завоевания Мексики Кортесом, о культуре ацтеков и о методах расправы испанских конкистадоров, уничтоживших эту культуру. Полный перевод этих записок проф. Д. Н. Егорова в двух томах, Ленинград 1924—1925.

...А теперь следует подробнее описать Мотекусуму и весь его обиход.

Мотекусуме в это время было лет под сорок. Он был высокого роста, хорошо сложен, хотя и несколько худ. Окраска кожи куда менее сильная, нежели у прочих индейцев. Волосы недлинные:

---

[1] Ныне остров Сан-Пабло и Остров акул.

[2] Пигафетта объясняет, почему союзные туземцы не пришли на помощь испанцам: слишком смелый Магеллан, не сомневаясь в победе, категорически приказал им не вмешиваться в битву и оставаться пассивными наблюдателями. Победители, между прочим, отказались выдать тело Магеллана.

лишь над ушами, прикрывая их, оставлены были два пучка, которые курчавились. Борода негустая. Лицо продолговатое, открытое, а глаза очень выразительные и красивые, могли быть и серьезными и шутливыми.

Каждый вечер он купался, ибо чистоту тела чтил высоко, и платье, раз надеванное, велел приносить лишь на четвертый день. Кроме двух главных жен из местных княжеских домов, у него было множество второстепенных, дочерей сановников и прочей знати.

Вблизи его собственных внутренних аппартаментов всегда находилось 200 человек для охраны и услуг, но запросто он никогда с ними не разговаривал, а лишь давал приказы или выслушивал донесения, которые должны были быть изложены сжато, в нескольких словах. Являясь по вызову или с поручениями, представляющийся должен был набросить на свою, хотя и очень богатую, одежду другую, более простую, особого покроя и свежайшей чистоты; с ног снималась обувь, и я много раз видал, что это делалось при входе во дворец даже высшими сановниками и князьями. Говорили с ним всегда с потупленным взором, и никто никогда не смел ему смотреть прямо в лицо. Уходя, нельзя было повернуться к двери, а нужно было пятиться назад; количество поклонов при входе и уходе было точно определено. Наконец, никто не имел права, даже в экстренных случаях, сразу предстать пред Мотекусумой: придворный обычай требовал, чтоб каждый пришедший некоторое время провел у ворот.

Что касается трапезы, то количество блюд обыкновенно доходило до 30; подавали еду в особых судках с помещением для горячих углей, чтобы кушанье не стыло. Каждое блюдо готовили в размере от 300 до 1 000 порций. Перед трапезой он иногда осведомлялся, что сегодня изготовлено, и выбирал наиболее приятные для себя яства, какие и подавались к столу. В качестве особого лакомства, говорят, иногда готовили детское мясо. Так ли это — не могу сказать, ибо за великим множеством вкуснейших мясных блюд трудно что-либо различить. Знаю лишь, что с того момента, когда Кортес серьезно поговорил с ним насчет человеческих жертвоприношений и людоедства, Мотекусума запретил подавать себе что-либо подобное.

В холодную погоду покои Мотекусумы обогревались особыми углями из коры какого-то дерева, горевшими без дыма, с весьма приятным запахом. При этом между ним и огнем ставили ширмы из золота с изображениями разных богов.

Сиденьем Мотекусуме служила невысокая скамья с мягкой обивкой прекрасной работы; немногим выше был и стол, покрываемый тончайшей белой материей. Перед началом трапезы являлись четыре женщины, поливали ему руки из высокого сосуда, давали мягкие утиральники, затем приносили ему лепешки из маиса, приправленные яйцами. Впрочем, до начала трапезы они же ставили перед ним ширмы с богатой резьбой и позолотой, чтоб

никто его не мог видеть во время еды; около этой ширмы они и размещались, каждая на своем месте. Затем впускались четыре старца из наиболее сановных, дабы Мотекусума, буде захочет, мог с ними перекинуться словом. Ежели в знак милости угощал их каким-либо кушаньем, они должны были есть стоя, не поднимая на него глаз. Вся посуда на столе изготовлена была в Чолуле. Во все время трапезы придворные и охрана в соседних залах должны были соблюдать полнейшую тишину.

После горячих блюд подавались фрукты, хотя Мотекусума их почти не ел. От времени до времени ему подносили золотой кубок с особым питьем, который они называют «какао» и который будто бы возбуждает.

Иногда к трапезе приглашались скоморохи, гадкие горбатые гномы, но большие ловкачи, иногда шуты, плясуны или певцы. Такие увеселения Мотекусума очень любил и нередко подчевал этих людей какао.

После трапезы женщины опять совершали ему омовение рук, снимали скатерти со стола и преподносили несколько трубочек, очень изящно позолоченных и расписанных, в которых находились амбра и особая трава, называемая «табак». Трубочки эти он брал в рот, затем их поджигали с одного конца, и он выпускал дым изо рта. Проделав так некоторое время, он отправлялся на покой.

После трапезы Мотекусумы наступало время еды и для его придворных: сперва для охраны и дежурных сановников, затем для остальных придворных, наконец, для всего дворцового штата, которого было видимо-невидимо, так что нужно удивляться быстроте их действий и доброму порядку. Ежедневно скармливалось несколько тысяч порций еды и питья, и нельзя не ужаснуться великим ежедневным расходам на этот счет. За всем смотрел главный управитель; он же имел и все счета, внося их в толстую книгу из мексиканской бумаги, называемой «аматл». Счета эти и книги наполняли целый зал.

Было у Мотекусумы и два цейхгауза с богатым подбором оружия, зачастую украшенного золотом и каменьями. Я уже говорил, что кремни, вставленные в лезвие, режут и колют лучше наших мечей и пик; достаточно указать, что такими же кремнями мексиканцы и брились. Особенно также следует упомянуть своеобразные, искусно свертывающиеся щиты, которые удобно переносятся и чрезвычайно просто развертываются в случае нужды. Мягких ватных панцырей было великое множество, и все они имели определенные цвета, вроде наших мундиров. Цейхгаузы эти были не только для личного употребления Мотекусумы и имели особых надзирателей с целым штатом помощников и рабочих.

Особые помещения отведены были для птиц, и мне приходилось делать над собой усилие, чтобы не застрять надолго в этом удивительном учреждении. Ведь там держали все породы птиц, какие только встречаются в тех краях, начиная с различного рода орлов и кончая мельчайшими пташками. Все это сияло изумительным

оперением, особенно мелкая птица и, разумеется, попугаи. Немало было и домашней, убойной птицы... Большой штат опытных и заботливых людей смотрел за этими птичьими дворцами, следя за кормом, чистотой, здоровьем и правильным размещением по определенным гнездам и насестам.

В другом большом доме находились дикие звери, страшные, громадные и кровожадные, а подле был другой дом с не менее страшными идолами. Местные львы скорее похожи на волков и называются «шакалы»; большинство из них родилось уже в неволе, а кормили их не только всякой дичиной и собачиной, но и человечиной — в случае больших жертвоприношений. Впрочем, некоторые остатки от жертв всегда бросают змеям, среди которых — а их там великое множество — находится одна особо ядовитая и на редкость отвратительная: на конце ее хвоста странные костяшки, вроде кастаньет... После нашего несчастного отхода из Мексики многое множество наших несчастных товарищей было пожрано этим диким зверьем. Говорят, ими их кормили целую неделю.

Теперь же следует сказать и об искусных мастерах, каких в Мексике было много по любому ремеслу. Прежде всего, конечно, нужно упомянуть про резчиков по камню, а также золотых дел мастеров, ковкой и литьем создававших такие вещи, которые бы возбудили зависть их испанских товарищей. Великое их было множество, и самые знаменитые жили в Эскапусалко в недалеко от Мексики. Вместе жили и ювелиры, удивительно опытные в шлифовке разных каменьев. Великолепны были также художники, скульпторы и мастера по резьбе. Ткачеством и вышивками занимались женщины, достигая в этом невероятного искусства, особенно в изготовлении тончайших материй с прокладкой из перьев. Жены Мотекусумы занимались именно этими изделиями, а особенно знамениты были ткацкие работы женщин-затворниц, вроде монашек, среди которых было много знатных девушек. Более простые, обыденные ткани шли из Костатлана, недалеко от Вера-Крус. Особый квартал во дворце Мотекусумы занимали плясуны, певцы и прочие увеселители. Ничем иным они не занимались, зато свои штуки, часто очень головоломные, они проделывали отменно. Наконец, Мотекусума содержал еще, и только для себя, большое количество каменщиков, плотников, столяров, садовников. Особенно много было последних, ибо сады Мотекусумы были не только велики, но и чудны своим великолепием: всюду цветочные клумбы хитрых рисунков, везде душистые растения, масса искусственных гротов, ручейков, бассейнов, прудов. Впрочем, всего не перескажешь... Ясно, как могуч и велик был Мотекусума... Четыре дня уже мы были в Мексике, но никто из нас, не исключая и самого Кортеса, не выходил за пределы нашего расквартирования. Но вот Кортесу захотелось поближе взглянуть на главный рынок и главный храм, и он послал к Мотекусуме Агуилара, донью Марину и молодого пажа, Ортегилью, который уже немного на-

учился мексиканскому языку, чтобы испросить у него разрешение...

Мотекусума не отказал, но, очевидно, опасался, как бы мы чем-либо не оскорбили их божеств, а посему решил сам отправиться в храм, чтобы там нас встретить. Отбыл он с громадной блестящей свитой, а на полпути покинул носилки, чтобы приблизиться к богам своим пешком, как все люди. Самые знатные вели его под руки, а двое других несли перед ним два чудесных жезла, вроде скипетров. Перед храмом его встретило множество жрецов, и он с ними взошел, стал окуривать идолов и совершать иные разные церемонии.

Мы же с Кортесом, все больше верхом, отправились сперва на Тлателулко, т. е. главный рынок, сопровождаемые множеством касиков [1]. Сильно мы удивились и громадной массе народа, и неслыханным грудам всякого товара, и удивительному порядку всюду и во всем. Касики давали нам очень точные объяснения. Прежде всего нужно сказать, каждый товар имеет свое особое место. И вот в первую очередь мы попали к ювелирам, золотых дел мастерам, продавцам дорогих тканей, а также рабов и рабынь. Рабский рынок был нисколько не меньше португальского рынка гвинейских негров; невольники имели на себе ошейники, которые прикреплены были к длинным гибким шестам, очень немногие лишь могли двигаться свободно. Затем следовали ряды более грубого товара: бумажной пряжи и материи, ниток, какао, плетеной обуви, сладких местных корешков, всяких шкур и кож, сырых и дубленых и т. д. и т. д. Точно на ярмарке в Медина-дель-Кампо, моем родном городе. А там, смотришь, теснятся лари со съестными припасами — овощами, салатами, разной живностью, фруктами, колбасами, сладкими пирожками, медом. Совсем близко стояли горшечники, разный щепной товар, затем столы, скамьи, колыбели. А дальше шел, говорят, дровяной и угольный рынок. Но глаза наши уже устали, да и немыслимо было все обозреть без остатка. Ведь достаточно сказать, что в Мексике ничто не пропадало и все считалось товаром; даже человеческие отбросы собирались и перевозились куда нужно, ибо употреблялись в производстве, например, кожевенном. Вижу, что читатель улыбается, но это именно так, как я говорю: недаром в Мексике везде были уборные, особо для этого построенные, укромные... Да, ничто в этом городе не пропадало даром... Впрочем, не перечтешь всего, что было на этом величайшем в мире рынке. Достаточно указать еще, что в особом месте продавался «аматл», т. е здешняя бумага, в другом — искусные изделия для особого курения, «табаки», далее — благовония разные, пахучие мази и притирания, далее великое множество семян, отдельное место для продажи соли, отдельный ряд для изготовителей кремневых инструментов, для инструментов музыкальных и т. д. без конца. Все битком набито народом, но везде

[1] Чиновники, впоследствии деревенские старшины.

порядок, да и на самом рынке был суд с тремя судьями и многими подсудками; суд этот наблюдал за качеством товара, а также решал все распри. Наконец, чтобы не забыть еще одного: уже близко к большому храму, на краю рыночной площади, помещалось множество продавцов золотого песка, который хранился в костяных, весьма тонких, почти прозрачных трубках. Трубка определенной величины и являлась здешней единицей обмена... Наконец мы покинули рынок и вошли в громадные дворы, окружавшие главный храм. Каждый из них много больше рынка в Саламанке, окружен двойной стеной, выложен большими гладкими плитами. Всюду величайшая чистота, нигде ни соринки, ни травки. У начала лестницы Кортеса встретили шесть жрецов, два высоких сановника, посланных Мотекусумой. Они хотели подхватить Кортеса подмышки, чтобы облегчить его восхождение — всего ведь было 114 ступеней, но Кортес отказался от их помощи. Взобравшись на самый верх, мы увидели площадку с несколькими крупными камнями, на которые кладутся жертвы. Подле стоял громадный истукан, вроде дракона, окруженный столь же отвратительными изваяниями, и весь пол кругом был забрызган свежей еще кровью. Сам Мотекусума в сопровождении двух жрецов вышел из какой-то часовенки, где также стояли проклятые идолы, и принял нас весьма милостиво. «Восхождение, конечно, утомило тебя, Малинча» [1], но Кортес ответил, что ничто на свете не может нас утомить. Затем Мотекусума взял Кортеса за руку и стал ему показывать раскрывающуюся кругом картину, не только столицу и многие города на озере, но и самый рынок, по которому мы только что проходили.

Действительно, это дьявольское капище господствовало над всей округой. Ясно видны были три дамбы, ведущие в Мексику с их перерывами и мостами через Истапалапан, по которой мы четыре дня назад вступили в столицу, через Тлакупу, по которой нам суждено было через 6 месяцев спасаться ночной порой, и через Тепеакилу. Ясно виден был и водопровод чапультепекский, снабжавший весь город питьевой водой. Все озеро было как на ладони: множество лодок сновало туда и сюда, доставляя людей и продукты в любой дом, а над домами повсюду высились, точно крепости, пирамиды храмов с часовнями и башенками на вершине. Внизу под ними кишел рынок с его многочисленной толпой, и шум его был далеко слышен. Некоторые из нас, побывавшие в Константинополе и даже исходившие всю Италию, уверяли, что нигде они не встречали столь большого и доброустроенного рынка.

Картина была поистине величественной, и мы на нее загляделись...

Во всех этих провинциях завоевание Мексики считалось делом немыслимым. Когда же всякие сомнения на этот счет исчезли,

[1] Так называли мексиканцы Кортеса.

местные касики перепугались и слали послов за послами с изъявлением покорности и богатыми подарками. Брали они с собой и своих сыновей и показывали им поверженную Мексику, как в древности смотрели разрушенную Трою.

Что касается меня, то я решил отправиться с Сандовалем, хотя Кортес и хотел меня удержать при себе; но, наконец, он согласился и обещал, что где бы я ни был, он всегда позаботится, чтобы я не нуждался ни в чем. Ежели, наконец, читатель спросит, почему мы, настоящие конкистадоры, не остались в Мексике или подле нее, а пошли столь далеко, в условия необеспеченные, то я отвечу: в податных списках Мотекусумы мы нашли указание, сколько и откуда идет золота, какао, материй. Разумеется, все эти доходы должны были пойти нам, а не кому-либо иному. Но, конечно, дело было трудное, и не напрасно Кортес отпускал нас столь неохотно...

...Давно уже Кортес слышал, что страны Гондурас и Игерас преизобилуют золотом и серебром. Иногда моряки, побывавшие там, рассказывали прямо чудеса: например, что индейцы тамошних мест при рыбной ловле употребляют грузила из чистого золота. Кроме того, предполагали, что именно здесь должен находиться «Проход» [1], и Кортес давно уже имел специальное поручение найти его во что бы то ни стало, ибо тогда открылся бы простейший и самый удобный путь в страны пряностей. Все это побудило Кортеса не откладывать решения в долгий ящик, и он избрал руководителем экспедиции Кристобаля де Оли, так как он ему вполне доверял, ибо он, Оли, всецело обязан был своим возвышением Кортесу, да и семья его и владения находились в самой Мексике.

...Многие из нас, старых, подлинных конкистадоров, поселились в Гуакасуалко, где у нас были крупные поместья. И тут случилось то же самое, что и в остальных провинциях: когда приходил срок сбора налогов, индейцы наши противились и пытались убить владельца комменды [2] . Бунты поднялись повсюду, и мы, объединившись, без устали переезжали с места на место, чтоб восстановить покорность.

Таким же образом взбунтовалось и население Симатана. Наш начальник Луис Марин считал достаточным отрядить туда четырех испанцев, среди которых находился и я. Мы отправились туда, идя все время по трудной, болотистой почве со множеством рек. Немного не доходя Симатана, мы известили жителей о цели нашего прихода; ответом послужило нападение с трех сторон: двое из нас пало, я получил опасную рану в горло и истекал кровью; наконец, и последний из нас тоже был изранен, и, как мы отчаянно ни бились, нам пришлось подумать о бегстве по направлению к реке, где стояли лодки. Мой товарищ и устремился туда, а я,

---

[1] То есть в юго-восточную Азию.

[2] Крупные поместья, пожалованные конкистадорам.

обессилев, забрался в густые заросли, где почти лишился чувств. Наконец, я оправился, собрался с силами и с криком: «Святая Дева, помоги мне, чтоб эти собаки хоть сегодня меня не убили!»— я бросился на индейцев и, несмотря на новые раны, пробился к своему товарищу, который уже находился подле лодок. Лодки наши спасены были четырьмя верными индейцами, подвиг которых тем выше, что жители Симатана не столько интересовались нами, сколько нашим багажом. Нам всем удалось забраться в лодки и переправиться через реку, очень бурную и широкую.

Достигши противоположного берега, мы больше недели прятались в горах, чтоб окончательно сбить преследователей. В Гуакасуалко между тем узнали о нашей неудаче, но предполагали, что мы убиты, ибо так думали и верные нам индейцы, напрасно прождавшие нас несколько дней. Посему Луис Мартин отдал, как то требовалось обычаем, наши комменды остальным конкистадорам, сообщив об этом в Мексику, а наше имущество было продано... Когда же мы после 23 дней появились в Гуакасуалко, друзья наши встретили нас с восторгом, а «наследники» были немало огорчены.

Постепенно Луис Мартин пришел к убеждению, что для прочного усмирения страны ему нужно куда больше сил. За этим он и поехал в Мексику, наказав нам отсиживаться в наших крепких домах и никуда не соваться наобум. Кортес согласился на доводы Мартина, дал ему 30 солдат, но в то же время обязал его и нас подчинить Чиапу и основать там город.

О немедленном походе не могло быть и речи: сперва пришлось проложить пути, ибо страна изобиловала болотами и зарослями. Стали настилать гати из бревен и тесин, а где этого было недостаточно — заготовляли лодки. Так мы прошли, наконец, первую часть пути. Далее следовали горы, и мы опять прокладывали себе дорогу вдоль реки, чтобы таким образом добраться до Чиапы. Никакой дороги раньше здесь не было, ибо соседи весьма боялись Чиапы, жители которой были, может быть, самым воинственным племенем во всей Новой Испании, так что даже Мексика не могла их покорить. Занятием их был разбой. Они то и дело требовали дань золотом, всяким добром и людьми, которых потом резали при своих жертвоприношениях; в своих набегах они часто доходили до Техуантепека и залегали в тамошних горах, ожидая прохода индейских купцов, так что нарушали мирный обмен целых провинций. Частые и удачные походы их собрали у них множество пленных, которых они держали на положении рабов, прежде всего для сельских работ.

Идя вверх по реке, мы произвели смотр нашим силам. Нас было: 30 всадников, 15 арбалетчиков, 8 мушкетеров и 60 пехотинцев. Было с нами и немало индейцев-мексиканцев, касик Качулы с большой свитой и значительным отрядом, но они настолько опасались Чиапы, что соглашались лишь помочь при транспорте и прокладке дорог.

Мы шли с величайшей предосторожностью, но люди из Чиапы нас заметили, и всюду зажглись сигнальные костры для сбора воинов. Между тем дорога шла уже между маисовыми полями и другими весьма привлекательными насаждениями. Мы надеялись на обильный ужин, ибо отсутствие жителей — они все бежали—нисколько нас не конфузило. Но вместо отдыха пришлось биться...

...Мы одержали полную победу и в добром порядке, с музыкой и знаменами, вошли во вражеский город.

Жители, конечно, бежали. Но наш капитан умелыми действиями заставил их вернуться. Их примеру последовало и население соседних поселков, и скоро жизнь вошла в колею и наш патер проповедовал с большим успехом. Добрые отношения вскоре были нарушены по вине одного из наших солдат, бывшего в Чомуле, соседнем большом городе. Солдат был отправлен в Мексику на суд, но Чомула все же восстала, и пришлось ее вновь покорять. Город лежал в горах и был защищен крепкими стенами, а кругом зияли непроходимые пропасти. Обстрел ничего не дал, и вот мы соорудили особые крепкие подвижные навесы, под защитой которых мы стали подкапывать стены. Защитники сбрасывали разные горючие материалы, стараясь зажечь навесы, лили кипящую воду, обрушивали большие глыбы камней. Несколько раз навесы обрушивались, и мы строили более крепкие, ни на минуту не прекращая своей работы. Ожесточение обеих сторон все возрастало. Помню, как жрецы со стен кричали: «Вам нужно золото, только золото. Нате!» И со стен полетели чудесно сработанные украшения, но сброшены они были в такое место, куда свободно достигали и стрелы и дротики.

Но вот как-то днем прошел ливень, а затем последовал густой туман, как это бывает в горах. Ничего не было видно, и даже звуки как-то глохли. Наш капитан хотел прекратить пока работы, но я, зная по мексиканскому примеру, что и враг в таких случаях слабеет, с немногими товарищами пробрался сквозь пролом и действительно наткнулся лишь на небольшой отряд человек в 200. Завязалась отчаянная схватка, и, может быть, всем нам тут бы и пришел конец, если бы несколько из наших индейцев не бросились за помощью. Наши подоспели, и город был взят. Жители в паническом страхе устремились в противоположную от нас часть города, где старались улизнуть по почти отвесным скалам. Многие расшиблись насмерть. Многих мы забрали в плен, но сокровищ никаких не нашли.

17. АВГУСТИН ДЕ САРАТЕ — «ИСТОРИЯ ПЕРУ»

На следующий день утром губернатор приказал, чтобы отряд в 60 всадников разделился на три части и в трех различных местах эти люди укрылись бы в засадах, и поручил он командовать ими капитанам де Сото и Беналькасару. Сам же он с Эрнандо Писарро,

Хуаном и Гонсало Писарро, со всей пехотой и артиллерией укрылся в другом месте и повелел, чтобы без его разрешения или до того, как прогремит пушечный залп, никто не смел бы пошевелиться.

Атагуальпа провел день, отдавая своим капитанам распоряжения, как и с какой стороны они должны будут ворваться в лагерь, и приказал одному из них по имени Руминагуи с пятью тысячами индейцев сесть в засаде, как раз против того места, откуда должны были войти в лагерь христиане. Руминагуи надлежало следить за тылом испанцев и перебить их всех до одного в те минуты, когда они бросятся прочь из лагеря. Атагуальпа шел к месту нового лагеря очень медленно, покрывая расстояние в одну малую лигу за 4 часа. Он прибыл в паланкине, который несли на своих плечах вожди. Впереди его шло 300 индейцев, которые расчищали дорогу, убирая с нее не только камни, но даже мелкие соломинки, а за Атагуальпой явились на носилках и в гамаках прочие касики и вожди, и считали они все, что христиан так мало, что легко их будет взять голыми руками. И так думали они потому, что один индейский губернатор сообщил, что испанцы немногочисленны и так слабы и неповоротливы, что не могут, не уставая, ходить на собственных ногах, и поэтому ездят они верхом на больших овцах и овец этих называют конями. И убежденный во всем этом, вступил Атагуальпа в ограду, что окружала лагерь Кахамалка. И увидел он, что испанцев мало и что все они пешие (всадники были спрятаны в засаде), и решил, что не осмеливаются они появиться перед ним и что не ожидали они его прибытия. И, приподнявшись на носилках, сказал он своим людям: «Они будут нашими пленниками». И ответили все утвердительно. А затем подошел к нему епископ, брат Висенте Вальверде, с молитвенником в руках и рассказал ему, как бог в троичном естестве своем сотворил небо и землю и все, что на земле есть, и сделал Адама, который был первым человеком на земле, и из бока Адамова извлек супругу его Еву, и что от четы этой все мы ведем свой род, и что из-за непослушания наших первых прародителей все мы впали в грех и не было дано нам счастья лицезреть бога и подняться к небесам до тех пор, пока Христос, искупитель наш, не появился на свет, рожденный Девой, дабы спасти нас. Именно для этого принял он смерть и муки. И что после смерти воскрес он в славе и пребывал некоторое время на земле, а затем вознесся на небо, оставив в мире вместо себя св. Петра и его преемников, сидящих в Риме и именуемых наместниками Христа — папами. И папы разделили все земли во всем мире между государями и королями христианскими и дали этим государям право конкисты, и что одна из тех провинций была вручена его величеству императору и королю дону Карлосу, нашему господину, и его величество направил в эти места губернатором дона Франциско Писарро, дабы поставить его, Атагуальпу, в известность обо всем том, что выше говорилось, и что если пожелает он, Атагуальпа, принять святую

веру крещением и подчиниться губернатору, то-есть поступить так, как делают все христиане, то дон Франциско Писарро защитит и охранит его и, владея в мире и справедливости здешней землей и оберегая ее свободу, как обычно поступает губернатор с королями, подчинившимися ему без сопротивления. Если же поступит Атагуальпа противу сказанного, пойдет на него губернатор войной жестокой, сметая огнем и мечом все живое с копьем в руке, что же касается закона евангельского и веры христовой, то предоставляется Атагуальпе, осведомленному об этой вере, по собственной воле к вере этой приобщиться и сделать все для спасения души своей. Но если он того не пожелает, никто за отказ чинить насилий ему не будет.

И выслушав это, сказал Атагуальпа, что земли здешние и все, что на них имеется, приобрел его отец и его деды, которые оставили их его брату инке Гуаскару, но так как он победил Гуаскара и заточил его в темницу, то ныне владеет ими сам и считает своими. И сказал он далее, что не знает, как это св. Петр мог кому бы то ни было его земли дать, и что если даже и дал бы их св. Петр, то он, Атагуальпа, о том и ведать не ведал и ведать не желает. А что Иисуса Христа, сотворившего небо и людей и все сущее, он не знает, а известно ему, что все сотворено солнцем, и солнце почитают здесь как бога, а землю как мать, и что родоначальником людей был Пагакама. О Кастилии же он не знает ничего и не видел ее никогда. И спросил он епископа, каким образом сможет он убедиться в том, что все, что ему говорилось,— истинно. Тогда епископ сказал, что в книге, которую он держит в руках, заключена истина эта, ибо видит он перед собой писание господне. И Атагуальпа попросил у него эту книгу, повертел ее, перелистал страницы и сказал, что эта книга не говорит и не произносит никаких слов, и швырнул ее прочь.

И повернулся епископ к испанцам и воскликнул: «На них, на них!» А губернатор, понимая, что если индейцы бросятся в бой первыми, то они легко разгромят испанское войско, кинулся вперед и приказал Эрнандо Писарро исполнить то, что заранее было условлено, и затем велел артиллерии дать залп, и в этот момент устремились в лагерь с трех сторон всадники, а губернатор с пехотой ринулся к тому месту, где находился Атагуальпа. Но сгрудились индейцы вокруг носилок и оказали жестокое сопротивление, и было их так много, что на место одного павшего сразу вставало несколько воинов. И губернатор, видя, что малейшее промедление будет гибельным, ибо, хотя и убивали испанцы многих индейцев, но редели их собственные ряды, в яростном порыве устремился к носилкам, схватил Атагуальпу за волосы (а были они у него весьма длинными), рванул его к себе и вытащил вон из носилок. В это время христиане нанесли столько ударов по носилкам (ибо носилки были золотые), что ранили губернатора в руку, но губернатор свалил Атагуальпу на землю и связал его. Индейцы узрели своего сеньера поверженным и связанным как раз тогда,

когда с разных сторон набросились на них всадники, которых они так боялись, и повернулись они вспять и бросились бежать, не используя своего оружия, и так стремителен был их бег, что сбивали они друг друга с ног. И такое количество людей кинулось к ограде, окружавшей поле битвы, что проломили они стену, стремясь из этой ограды выйти. И всадники преследовали бегущих, покуда ночная тьма не вынудила их возвратиться. А Руминагуи, услышав грохот пушек и увидя, как один христианин сбросил со сторожевой вышки того индейца, который должен был ему дать знак для вмешательства в битву, решил, что испанцы победили, и со всеми своими людьми бросился бежать и бежал без остановки до самой провинции Кито, от поля битвы отстоявшей на 250 лиг.

18. ФРАНЦИСКО ЛОПЕС ДЕ ГОМАРА— «ИСТОРИЯ ИНДИЙ»

КОРОЛИ И НАРОДЫ, КОТОРЫЕ ВЕЛИ И ВЕДУТ ТОРГОВЛЮ ПРЯНОСТЯМИ

Испанцы издревле ввозили пряности и лекарственные травы из стран, что лежат у Красного моря, и из Аравии, и из долины Ганга, хотя и не в таких количествах, как ныне. И за пряностями шли они в те края, меняя их на товары нашей Испании. Короли Египта в течение долгого времени вели торговлю пряностями, и покупали они ароматические травы и восточные лекарства у арабов, персов, индийцев и других народов Азии и продавали их скифам, немцам, итальянцам, французам, грекам, маврам и иным людям Европы. И говорит Страбон, что от торговли пряностями король Птоломей Авлет, отец Клеопатры, той, что любила Марка Антония, получал ежегодно 12 талантов прибыли, а на наши деньги это будет семь миллионов. Римляне торговали с Египтом пряностями и выручали еще больше, но с упадком их империи замерла и эта торговля.

Купцы, что рыскали по морям и землям ради наживы, торговали в Кафе и в других местах Таны или Танаиса. Но с огромным трудом и издержками сопряжена была сия торговля, ибо пряности надо было доставлять по реке Инду к реке Ухо, пересекая земли Батера или Бактрианы на верблюдах. Путь шел от Батера вниз по реке Ухо, которая ныне называется Каму[1] и которая впадает в Каспийское море. От берегов же этого моря пряности расходились в разные стороны. Главным образом шли они к Ситраку на реке Ра, нынешней Волге, и торговали там армяне, мидийцы, парсы, персы и другие. Из Ситраки же возили пряности вверх по Волге, в Татарию, что ранее называлась Скифией, а на лошадях из Татарии доставляли их в Кафу, которая в старину именовалась Феодосией. Там же покупали эти пряности немцы, латиняне, греки, мавры и другие люди из нашей Европы. А затем, совсем еще не-

[1] Река в Средней Азии.

давно, туда явились венецианцы, генуэзцы и другие христиане. Другой путь из Индии от Каспия проходил через Трапезунд, а оттуда по Великому или Понтийскому морю до Хасиса, что ныне называется Фасо. Но прекратилась тут торговля из-за турок, которые завоевали недавно ту империю.

Так же доставлялись пряности и по Евфрату, впадающему в Персидское море. И от берегов этой реки в Дамаск, Алеко, Барут и другие порты Средиземного моря. А султаны Египта вели торговлю с Индией, получая пряности через Красное море. От Красного моря сперва сушей, а затем вниз по Нилу перевозили их в Александрию, но не в таком количестве, как в древности. Этим путем теперь пользуются короли Португалии и доставляют пряности они в Лиссабон и Антверпен, вызывая зависть многих низких и алчных, которые подстрекают турка и других королей помешать и повредить португальской торговле. Однако, благодарение богу, успеха они в том не имеют. Пабло Сентурион, генуэзец, в 1520 г. был в Московии и убеждал короля Басилио, чтобы он наладил в королевстве своем торговлю пряностями, и сулил он королю великие выгоды при малых издержках. Однако король не пожелал не только торговать пряностями, но и сделать попытку к тому, ибо рассудил он, что долог путь и не менее велики труды, которые должно затратить для подобной цели: потому что пряности надо везти вверх по Инду, доставляя в Батер, а оттуда на верблюдах до Каму, от берегов этой реки в Эстраву, а затем в Ситраку, что на Каспии. Из Ситраки же нужно везти их по Волге в Оку, большую реку, а оттуда в Моско, все время вверх по течению, так как все эти три реки сливаются в одну близ Московии-города. А оттуда через Московскую землю лежит путь к морю Германскому и Венедскому, где стоят Рибалия, Рига, Данцуиг, Росток, Лубек, города Ливонии, Польши, Пруссии, Саксонии, Германских провинций, в которых потребляется много пряностей. К тому же на этом долгом и трудном пути портятся сильно пряности, чего не случается при перевозке их морем, ибо в этом случае без всякой перегрузки следуют они от берегов Индии в Лиссабон. Говорю это, потому что генуэзец, о котором я упоминал, утверждал подобное.

19. ЕВРОПЕЙСКИЕ КОЛОНИЗАТОРЫ В НОВОМ СВЕТЕ

«Кратчайшая повесть о разрушении Индии» — так называется вышедшая в свет в Севилье книга, написанная в 1552 г. Лас Касасом (1474—1565), доминиканским монахом, горячим поборником свободы индейцев.

Лас Касас был в одно и то же время и проповедником, и историком, и политиком, и администратором, но вся его деятельность, многогранная и кипучая, была направлена к одной цели — освободить индейцев от гнета испанских колонизаторов. Этот человек был подлинной совестью Испании. Его уважали индейцы в ущельях Анд, его опасались неукротимые аделантадо и генерал-капитаны, для которых не существовало никаких препятствий и законов, кроме закона чистогана и наживы. Лас Касас бросает в лицо прославленным конкистадорам страшные обвинения, он описывает чудовищные жестокости завоевателей на Эспаньоле и Кубе, в Мексике и в

Золотой Кастилии, в Перу и Тьерра Фирме. Он срывает покровы, которыми ревнители католического благочиния задрапировали насильников и убийц. С горьким сарказмом описывает он своих соотечественников, явившихся в Индию якобы для того, чтобы обратить коснеющих в язычестве индейцев в «истинную веру». Он не щадит ни известных и прославленных вождей конкисты, ни сребролюбивых католических попов, ни советников и министров короля Испании. Лас Касас приводит цифры, ссылается на неопровержимые факты, он говорит о миллионах индейцев, истребленных за полвека испанского господства. Он проклинает «христиан-испанцев», «носителей цивилизации», растоптавших великие культуры ацтеков и инков. Его книга была в конце XVI и в XVII в. переведена на голландский, английский, французский, немецкий и итальянский языки и много раз переиздавалась в Западной Европе. Ее небывалый успех за пределами Испании объяснялся тем, что британские, голландские и французские колонизаторы в своей борьбе против слабеющей испанской колониальной империи находили в «кратчайшей повести» богатейший материал для обличения державы-соперницы. Однако методы освоения новооткрытых земель у голландцев и англичан были еще более жестокими, чем у испанцев. Лас Касас преувеличивает число жертв испанской колониальной экспансии, но объясняется это тем, что в первой половине XVI в. оценки численности туземного населения были крайне неточны. Напрасно, однако, современные испанские и англо-американские историки приписывают Лас Касасу тенденцию к «всеобщему преувеличению». Картина разорения Индий, нарисованная Лас Касасом, дает исторически верное и глубоко правдивое изображение реально существовавшего в Новом Свете порядка вещей.

ЛАС КАСАС — «ОБ ОСТРОВЕ ЭСПАНЬОЛА»

Остров Эспаньола был первым, на котором, как мы уже говорили ранее, высадились и произвели великие опустошения и истребили здешних людей христиане. И этот остров они первым разорили и обезлюдели. И начали они с того, что стали отбирать у индейцев жен и детей, чтобы жить трудом их и чтобы пожирать то, что пóтом и трудом добывали несчастные. И не довольствовались они тем, что давали им индейцы, ибо казалось им, ненасытным, что получают они мало. Не в обычае их было удовлетворяться тем, что следует иметь для пропитания, и то, что было бы достаточно на три дома и на 10 человек в течение месяца, съедал и уничтожал один христианин за день. И многие другие насилия, обиды и притеснения претерпели индейцы от людей, которым да будет навеки закрыта дорога к небесам. И некоторые [индейцы] прятали свой хлеб, другие — жен и сыновей, многие же убегали в дремучие леса, чтобы избавить себя от людей, говоривших на таком свирепом и жестоком языке. Избивали их христиане кулаками, плетьми, палками, и поднимались у христиан руки на вождей индейских селений, и до того дошло дело, что один христианский капитан нанес оскорбление семье главного короля всего острова.

И поэтому стали искать индейцы способы, какими можно было бы вышвырнуть христиан из своей земли, и восстали они, но жалким и ничтожным было их оружие: слабы они были в нападении и еще того слабее в защите, и все их войны значили много меньше, чем детские игры в наших краях. Христиане со своими конями, шпагами, копьями набросились на них и творили везде побоища и жестокости непостижимые. И вступая в селения, не щадили они

ни детей, ни стариков, ни женщин, ни рожениц, уничтожая с корнями все живое, громя и разрушая и не оставляя камня на камне, подобно псам, спущенным с цепи.

Заключали они пари и спорили о том, можно ли одним ударом ножа рассечь человека пополам или в один прием отрубить секирой голову или вскрыть внутренности. Отрывали они младенцев от материнской груди и разбивали головы о камни. Или же кидали их в реку и со смехом и шутками говорили при виде пузырей, которые пускал умирающий: «Смотри — вот с кипением выходит душа из тела язычника». Или связывали спиной к спине мать и младенца и обоих бросали в воду. Сооружали они огромные виселицы во славу нашего искупителя и 12 апостолов и сжигали индейцев живьем на кострах. Или пеленали людей сухой соломой, а затем подносили огонь и сжигали их. У иных же и всех тех, кого хотели оставить в живых, отрубали обе руки, а затем привязывали к телу отсеченные члены и отпускали на свободу со словами: «Идите с письмами — несите новые вести тем, кто бежал от нас в горы». Точно так же убивали вождей и знатных, и некоторых из них привязывали к козлам, сколоченным из бревен, и разводили в ногах слабый огонь и с дикими возгласами наблюдали, как в страшных мучениях уходят души из тела несчастных. И так как все, что смогли убежать, прятались в лесах или укрывались в горах, спасаясь от людей столь бесчеловечных и безжалостных, от этих жестоких скотов, от выродков и смертных врагов рода человеческого, то были обучены и выдрессированы бесстрашнейшие охотничьи псы, которые могли разорвать на куски индейца, прежде чем успевали прочесть «Отче наш». И напускали этих псов на индейцев, и пожирали они несчастных, как свиней, и великие опустошения произвели среди индейцев подобные псы. И поелику изредка случалось, что индейцы убивали, и при том по справедливым причинам, некоторых христиан, провозгласили последние, что за каждого убитого христианина будет казнена сотня индейцев.

Великие русские географические открытия

Введение

Тема о «Великих русских географических открытиях» должна привлечь особое внимание учителя. В старых пособиях под великими географическими открытиями обычно подразумевали открытие Америки Колумбом в 1492 г., открытие морского пути в Индию португальцем Васко да Гама в 1498 г., кругосветное плавание, начатое Магелланом в 1519 г., в результате которого была установлена шарообразность земли, открытие в 1513 г. испанцем Бальбоа Тихого океана со стороны Панамского перешейка. Таким образом, из понятия «Великие географические открытия» абсолютно исключались выдающиеся открытия новых земель и морских путей, совершенные русскими «землепроходцами» и мореходами, внесшими огромный вклад в развитие мировой культуры. Русские географические открытия XV, XVI и XVII вв. по своему научному значению отнюдь не уступают прославленным географическим открытиям испанцев и португальцев.

Многие из замечательных русских географических открытий не только замалчивались в старой буржуазной историографии, но часто они несправедливо приписывались иностранцам. Так, например, даже в наше время в некоторых учебных пособиях еще сохранялось ошибочное утверждение, будто английский мореплаватель Ченслер был первым, обогнувшим в 1553 г. Европу с севера (вокруг Скандинавии), тогда как на самом деле еще задолго до англичан русским людям был хорошо известен этот путь, и они им неоднократно пользовались при поездках в Европу.

Русские люди издавна, еще со времени Киевской Руси, прославили себя как смелые путешественники и отважные мореплаватели. Торговые или военные предприятия увлекали русских людей далеко за пределы их родины, и они появлялись в Месопотамии, в Средней Азии (Самарканде) и на морях Черном, Средиземном, Каспийском и Балтийском.

В XII в. новгородцы проникли далеко за Урал, на Обь, их отряды совершали походы в Карелию и на Кольский полуостров. Много русских людей, по свидетельству Плано Карпини, прибывшего в качестве посла папы Иннокентия IV в 1246 г. в Каракорум, жило при ханском дворе.

Особенно велики заслуги русских «землепроходцев» и мореходов по открытию, изучению и освоению совершенно неизвестных европейцам огромных территорий, примыкавших на востоке и севере к границам Русского государства.

Русские задолго до норвежцев достигли Шпицбергена и основали свои зимовки на этом острове. Русским принадлежит также честь открытия Новой Земли и честь освоения морских путей по Ледовитому океану. Особенно отличались в этих морских походах поморы. Небольшими группами на утлых суденышках они отправлялись в опасное плавание по неизведанным просторам Ледовитого океана и в достижении поставленной цели проявляли редкую настойчивость, отвагу и изумительное знание мореходного искусства. Никакие трудности и лишения не могли остановить отважных исследователей крайнего севера, и они двигались все дальше и дальше на север и восток, прокладывая трассу Великого северного морского пути. Имена многих русских героев —

пионеров освоения Арктики и Сибири — остались неизвестными историкам, и лишь в последнее время редкие археологические находки рассказывают нам о славных делах русских мореходов XV—XVII вв. Особенно примечательно, что большинство выдающихся открытий XV—XVII вв., принадлежащих русским людям, совершалось выходцами из простого народа, действовавшими на свой страх и риск, без поддержки и содействия правительства.

За тридцать лет до прибытия первой экспедиции Васко да Гамы в Индию эту страну посетил тверской купец Афанасий Никитин, оставивший потомству ценнейшее для науки описание природы, быта и нравов населения Индии. Следует подчеркнуть, что не одна только любознательность влекла Никитина в дальние страны, — он предпринял свое путешествие, мечтая о расширении торговых связей Русского государства. Куда бы его ни забросила судьба, он всегда старался выяснить, есть ли здесь «на Русскую землю товар». Афанасий Никитин первый из европейцев побывал в ряде местностей и городов Индии. Его путевые записки, носящие название «Хожение за три моря», являются не только замечательным памятником русской литературы XV в., но и представляют собой выдающееся географическое сочинение. Афанасий Никитин сообщает ряд важных сведений, которые позволяют уточнить отдельные события внутренней истории Индии, при этом он более точен и наблюдателен, чем португальцы. Он первый из русских описал, хотя и кратко, Южную и Юго-Восточную Азию, от Ирана до Китая. *Документ 1* представляет собой отрывок из сочинения Афанасия Никитина. Учитель, рассказав о путешествии Никитина по Персии и Индии, особенно ярко должен показать его патриотизм, его безмерную любовь к родине и тоску по ней. Вдалеке от Русской земли Никитин все время думает о ней и стремится скорее вернуться на родину. Глубоко эмоциональное обращение Афанасия Никитина к родине (см. конец документа 1) хорошо прочесть вслух в классе, обратив внимание учащихся на социальные моменты этой речи.

Следующие документы посвящены главным образом освоению русскими Арктики и Сибири.

Используя документы, приведенные в настоящем разделе хрестоматии, учитель должен раскрыть выдающуюся роль русских в освоении Ледовитого океана — одного из наиболее суровых и малоисследованных районов земного шара, и в то же время показать, как часто иностранные ученые извращали или замалчивали истину и приписывали честь русских открытий чужеземным морякам. Эти документы могут быть с успехом использованы учителем для воспитания учащихся в духе патриотизма.

Отрывок из «Записок о Московии» Герберштейна (*документ 2*) с неоспоримой убедительностью показывает, что задолго до англичан путь вокруг Скандинавии был уже обычным морским путем русских людей. В 1496 г., т. е. почти за 60 лет до Ричарда Ченслера, русское посольство, возглавляемое Григорием Истомой, посланное Иваном III к датскому королю и не имевшее возможности из-за вражды со шведами плыть по Балтийскому морю, достигло берегов Дании, проплыв через Северный Ледовитый океан вокруг Скандинавии. Как видно из документа, плавание Григория Истомы не считалось каким-то необычайным подвигом: русские люди часто отправлялись в Западную Европу, плывя вокруг Скандинавии. После Григория Истомы этим путем прошел княжеский толмач Власий, отправленный с поручением от московского князя в Данию, туда же и тем же путем три раза плавал Дмитрий Герасимов.

Рассмотренный документ убедительно доказывает, что честь открытия пути вокруг Скандинавии принадлежит русским людям. Сведения об открытиях русских людей, поступавшие в Европу через различные русские посольства, оказали большое влияние на европейских ученых и произвели целый переворот в тогдашних географических представлениях. Эти известия, пришедшие из России, не только заставили географов вносить коренные исправления в свои труды, но и дали толчок для снаряжения голландских и английских экспедиций на северо-восток. Попытки голландских и английских экспедиций, направлявшихся к Новой Земле, были вызваны мыслью о возможности достижения Китая северным морским путем, мыслью, которая была принесена в Европу русским послом Дмитрием Герасимовым.

В 1525 г. великий князь московский Василий III Иванович отправил к римскому папе Клименту VII посольство, во главе которого стоял видный русский дипломат Дмитрий Герасимов, один из образованнейших людей своей эпохи. Во время пребывания в Риме Дмитрий Герасимов часто встречался с ученым гуманистом Павлом Иовием (1483—1552), который на основании сведений, почерпнутых из разговоров с русским послом, написал целую книгу «Книга о посольстве Василия, Великого Государя Московского к папе Клименту VII» (Рим, 1525 г.), в которой он описал положение страны, религию, обычаи русского народа и причины посольства. Павел Иовий, исходя из данных Дмитрия Герасимова, указал на заблуждение Страбона, Птоломея и других, писавших про Рифейские горы, которые, «как положительно известно, нигде не существуют». Географические сведения, принесенные русскими в Европу, послужили базой, на основании которой гуманисты эпохи Возрождения подвергли основательному пересмотру теории античных ученых, остававшихся незыблемыми авторитетами географической науки на протяжении всего средневековья. Иовий почерпнул у Герасимова известия, хотя еще весьма смутные, о Тихом океане и о Китае, «славнейшем государстве на краю восточного океана». Он узнал, что на востоке Московского государства «весьма широкие и пустынные местности вплоть до Китая» населяют «татары». Сочинения Иовия сразу же получили широкое распространение не только в научном, но и деловом мире. Купцы, мечтая об открытии нового, северного пути в сказочный Китай, стали снаряжать экспедиции в Ледовитый океан. Заключительная фраза отрывка из Павла Иовия (*документ 3*), впервые высказывающая мысль о возможности достижения Китая северным морским путем, может быть с успехом процитирована в классе. Учитель пояснит, что в этом проекте отразились результаты долгих и упорных исканий тех русских мореходов, имена которых остались неизвестными, но которые прокладывали новые дороги для будущих путешественников.

Русские мореплаватели XV—XVII вв. бороздили Северный Ледовитый океан во всех направлениях. Они были первыми, кто посетил Новую Землю, добрался до устьев Оби и Енисея, обогнул Таймырский полуостров. Русские были первыми колонистами на Шпицбергене. Остров Шпицберген фигурирует в древнейших поморских былинах и песнях. Долгое время считалось, что Шпицберген был открыт голландским мореплавателем Баренцом в 1596 г., хотя в действительности задолго до него на острове бывали русские. Предания говорят, что русские посещали его, начиная с XII в. Документально известно, что еще до основания Соловецкого монастыря, т. е. до 1435 г., поморы Старостины имели свои избы на западном берегу Шпицбергена, где часто оставались на зимовку. Иван Старостин зимовал на Шпицбергене десятки раз и там же был похоронен. Когда иностранцам нужно было добраться до этого острова, то им приходилось обращаться к помощи русских кормчих. В этом отношении очень характерен *документ 4*. Даже датчане и норвежцы, славившиеся как наиболее искусные и отважные мореходы Северной Европы, для дальнего плавания в Ледовитый океан пользовались помощью русских мореходов. В 1576 г., т. е. задолго до «открытия» Баренца, датский король Фридерик II писал Людвигу Мунку в Мальмус (т. е. Колу), чтобы тот договорился с русским кормщиком Павлом Нишецом о проведении датского флота на Шпицберген. Как явствует из названного документа, кормщик Павел ежегодно плавал на Шпицберген, следовательно, это не было какое-то исключительное предприятие, а обычное регулярное плавание, свидетельствующее о полном освоении этого морского пути русскими еще в тот период, когда никто из иностранцев не имел о нем никакого представления. Имя одного из отважных поморов, плававших в конце XVI в. в «темную землю», т. е. на Шпицберген или на Новую Землю, сообщается в одном из источников: «В лето 7113 (1605 г.) во граде Самаре был человек поморенин, именем Афанасий, рождение его за Соловками на Усть-Колы. И он сказывал про многие морские дивные чюдеса, а про иные слыхал. И ездил он по морю на морских судах семнадцать лет и ходил в темную землю, и тамо тьма стоит, что гора темная; издали поверх тьмы тоя видать горы снежные в красный день». Новая Земля была открыта русскими мореходами еще задолго до плавания на Шпицберген, хотя имени первых

поморов, побывавших на острове, до нас не дошло. Первые голландские и английские мореплаватели, высаживавшиеся на берегах Новой Земли, находили там могилы с крестами и славянскими надписями на них, остатки старых жилищ. Русские первыми выяснили, что Новая Земля является двойным островом, а не полуостровом, как думали вначале. «Знаменательно, — отметил известный русский путешественник Ф. П. Литке, — что ни одному из мореплавателей XVI и XVII веков, имеющих особенную страсть давать свои имена землям и местам, уже прежде открытым и названным, не пришла и мысль переименовать и эту последнюю (т. е. Новую Землю)»[1].

Плавания поморов конца XV и начала XVI в. предпринимались главным образом по личной инициативе, ради зверобойного промысла. Государство еще не снаряжало больших экспедиций для исследования неведомых земель, и большинство открытий совершалось отдельными моряками и землепроходцами, которые на свой страх и риск отправлялись в неизвестные дали. То, что значительная часть открытий была совершена без помощи государства, отдельными группами смельчаков, привело к тому, что имена многих великих «российских Колумбов», не зафиксированные в документах, оказались для нас навсегда утерянными. Здесь нам нередко приходит на помощь археология: наши полярники находят стоянки древнерусских мореходцев там, куда только несколько столетий спустя добрались европейские мореплаватели.

В 1941 г. советские полярники, обследуя восточный берег Таймырского полуострова, обнаружили на острове Фаддея и в заливе Симса остатки зимовки русских мореходов и большое количество разнообразных предметов: части лодки, огнестрельное оружие, богатую одежду, значительную сумму денег, компас, солнечные часы, различные виды товаров и даже шахматы. В 1945 г. Арктический институт снарядил на место находок специальную экспедицию, которая тщательно исследовала следы пребывания в заливе Симса и на острове Фаддея русских мореходов [2]. Анализ найденных вещей и привел ученых к убеждению, что эта экспедиция относится к первой четверти XVII столетия, вероятней всего к 1610—1617 гг. Небольшая плоскодонная лодка — «коч», вмещавшая не более десяти человек, плывя с запада на восток, достигла наиболее трудного отрезка всего Северного морского пути (побережья Таймыра), успешно преодолела его и, обогнув северную оконечность полуострова Таймыр, на берегу залива Симса остановилась на зимовку. Поморы построили на берегу избушку, развалины которой сохранились даже до наших дней. Но место, где вынуждены были остаться на зимовку отважные мореходы, оказалось очень плохим: нигде в округе не было никаких животных, кроме песцов. Всю долгую полярную зиму поморы страдали от голода. Но ничто не могло сломить их решимости плыть дальше на восток. Летом, как только вскрылось море, смелые мореходы поплыли дальше, в никем еще не изведанные просторы. Трое оставшихся в заливе Симса (среди них была, кажется, одна женщина) умерли от голода. Остальные, настойчиво плывя на восток, погибли у острова Фаддея. Несмотря на свою гибель, эта русская экспедиция совершила беспримерный подвиг. Находка древнерусского зимовья у берегов Таймыра доказывает, насколько ошибочны были утверждения буржуазных ученых о том, что первым в истории мореплавания обогнул Таймыр на судне «Вега» швед Норденшельд. На самом же деле почти за три века до него безвестные русские поморы, пустившись на утлой лодчонке в отважное плавание по Ледовитому океану, обогнули Таймыр и прошли самый трудный участок всего Северного морского пути. Находки в заливе Симса и на острове Фаддея показывают, что на всем протяжении этой великой морской трассы именно русские были первыми открывателями и первыми исследователями, по следам которых уже значительно позднее шли отдельные западноевропейские мореплаватели.

«Роль русских промышленников в освоении Арктики, — писал академик В. Ю. Визе,— чрезвычайно велика. Это они открыли Новую Землю, задолго до норвежцев стали зимовать на Шпицбергене: это они еще в XVI веке осво-

[1] В. Ю. Визе, Русские полярные мореходы XVII—XIX вв., 1948.
[2] А. П. Окладников, Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра, 1948.

или морской путь на Обь. Промышленные люди в XVII веке установили мореплавание между Леной и Колымой, впервые прошли пролив, разделяющий Азию и Америку».

Древнерусские мореходы были подлинными хозяевами Ледовитого океана: они открывали новые земли, прокладывали новые пути — они значительно опередили западноевропейских путешественников XVI—XVII вв. Дальше западного побережья Новой Земли и полуострова Ялмала западноевропейские мореплаватели XVI—XVII вв. добраться не смогли, а в это же время русские широкой морской дорогой ходили к устьям Оби, Таза, Енисея, устья Лены на Яну, Индигирку и Колыму. Из Западной Европы снаряжались в Ледовитый океан большие, специально оснащенные экспедиции, возглавляемые выдающимися мореплавателями, и, несмотря на это, они были зачастую беспомощны в ледяных просторах океана, и им указывали путь герои-поморы. Английский мореплаватель Барро рассказывал, что в 1556 г. один из жителей Колы, зверобой по имени Гавриил с группой своих товарищей оказал большую помощь англичанам. Русские кормчие постоянно показывали иностранным морякам, терпящим беду, правильный путь. Русские помогли Баренцу. Когда в 1597 г. голландцы взяли неправильный курс и им грозила неминуемая гибель, русские со встречного корабля — по свидетельству одного из участников экспедиции — «послали к нам двух своих людей в маленькой лодочке, которые преподнесли в подарок большой хлеб и предложили вернуться на их корабль, чтобы поговорить с нами и наставить нас... За это время, как они были у нас, люди на их корабле протягивали нам ветчину и масло, чтобы побудить прийти к ним». Поморы снабжали терпящих лишения путешественников продовольствием и, не скрывая, указывали иноземным морякам наиболее безопасные пути, не зная, какие грабительские цели ставили перед собой эти в ту пору еще «мирные» мореходы.

После того как Иовий поведал европейцам мысли Дмитрия Герасимова о возможности достижения Китая северо-восточным путем, все европейские путешественники, бывавшие в России, старались собрать по этому вопросу как можно больше сведений. *Документ 5* говорит о следующем этапе в освоении Северного морского пути. Иностранцы где-то на Оби узнали от русских мореходов о возможности плавания в Америку вдоль северных берегов Азии. В документе 5 поражает конкретность в указании расстояния — «два рейса из Колы или Оби в Америку равняются одному тому, который можно сделать туда из Испании». Сопоставление с известиями о раннем заселении Аляски русскими заставляет думать, что Северный морской путь был открыт и пройден мореходами уже в конце XVI в.: отзвук этих реальных исторических событий сохранился и в приведенном документе. *Документ 6* показывает, что все известия о Сибири и Дальнем Востоке иностранцы получили из рук русских, которых они считали, говоря словами документа, великими путешественниками. Свидетельство Фрэнсиса Черри от 1587 г. для нас особенно ценно: в нем указывается, что русские уже в конце XVI в. знали о существовании Тихого океана. Может быть вполне вероятным, что первые безвестные землепроходцы сами вышли на побережье Тихого океана в конце XVI в.

Документы 7 и *8* дают много интересных сведений о ходе освоения Сибири. В них ясно можно различить два этапа в исследовании сибирских земель: сперва нехоженными тропами идут отдельные «промышленники» и купцы, потом, когда сведения об их открытиях доходят до Москвы, русское правительство, несмотря на крайне тяжелое «смутное время», снаряжает для исследования и присоединения Сибири специальные экспедиции. Следует обратить внимание на совет, который дает Исаак Масса голландским мореплавателям: если они хотят добиться успеха в своих предприятиях, то они должны подружиться с русскими мореходами и следовать их советам и примеру.

К середине XVII в. промышленники из Якутска уже знают о реке Анадырь, а в 1648 г. Семен Дежнев совершает свой знаменитый поход к устью р. Анадырь. *Документы 9* и *10*, представляющие челобитные Семена Дежнева царю, свидетельствуют о заслугах этого выдающегося землепроходца, и в частности об открытии им устья реки Анадырь. Дежнев был первым мореплавателем,

который прошел из Ледовитого океана в Тихий и своим походом неопровержимо доказал, что Новый Свет отделен от Старого. Сам Дежнев проходит в нескольких десятках километров от побережья Северной Америки, но кочи, отделившиеся от экспедиции, достигают Аляски, и там возникает русское поселение. В 1652 г. в Москве уже широко известно об этом открытии, которое связывают с именем якутского воеводы Францбекова; Францбеков на самом деле был тесно связан с рядом участников экспедиции Семена Дежнева и уже в 1649 г. знал о ней. В апреле 1652 г. швед Родес доносит из Москвы королеве Христине: «Идет также слух, решились отправить туда несколько сот чужестранных офицеров для их предполагаемого путешествия в Америку и чтобы продолжать полное овладение богатой страной, открытой упомянутым Францбековым».

Документ 11 содержит признание выдающейся роли русских землепроходцев в исследовании Сибири; Филипп Авриль подчеркивает, что древним географам фактически было совершенно неизвестно все пространство, лежащее между Обью и Китаем, и что казакам «всего более обязаны мы подробными сведениями о землях, которые прежде почитались недоступными пустынями». К концу XVII в. Сибирь была уже хорошо освоена. Ф. Авриль отмечает, что там «путешествуют так же легко и удобно, как и в европейских землях». Русские открыли огромную территорию вплоть до границ Китая, они «проложили множество новых путей». Самые короткие и самые удобные сухопутные дороги в Китай открыли русские. Они же дали самые лучшие во всей мировой литературе XVII в. описания Китая (Иван Петлин, Федор Байков, Николай Спафарий). Европейцы пошли в Китай теми путями, которые проложили русские торговые люди. Особенно интересны указания Авриля о первых колониях, появившихся в Америке. «Бегемотовая кость», фигурирующая в тексте, является не чем иным, как костью моржей. Мусин-Пушкин, смоленский воевода, был первым человеком, который высказал научную гипотезу о заселении Американского материка выходцами из Восточной Азии и родстве индейцев с народами, населяющими Сибирь. Приходится только поражаться, что смоленский воевода уже в конце XVII в. защищал теорию о происхождении индейцев Северной Америки, которую в наше время поддерживают виднейшие антропологи и этнографы. Суждение Мусина-Пушкина тем более интересно, что оно указывает на хорошее знакомство русских уже в то время с Аляской, ее коренным населением, животным миром и т. д.

Известно, что при поддержке Строгановых донской казак Ермак Тимофеев с небольшим отрядом храбрецов перешагнул через Уральские горы и в 1582 г., взяв город Сибирь, положил начало покорению огромных территорий. Русские землепроходцы в тягчайших условиях сибирской природы шли с такой быстротой, что всего за шестьдесят лет они прошли всю Сибирь, открыли огромное пространство от Уральских гор до Тихого океана.

Новые исследования советских ученых показывают, что примерно с конца XVI — начала XVII в. в Северной Америке, на Аляске, появились первые русские поселения. Есть данные о том, что первые колонии русских на Аляске были основаны новгородцами: в царствование Ивана Васильевича Грозного выходцы из Новгорода прибыли на Колыму, построили там семь кораблей и оттуда поплыли дальше на восток, при этом один из кораблей, отбившись от других, достиг Аляски. Плывшие на нем новгородцы на берегу большой реки около 1571 г. основали свою колонию. Ряд археологических данных подтверждает сообщение о раннем поселении русских на Аляске: остатки жилищ, исследованные археологами в 30-х годах XX в., были построены русскими примерно 300 лет назад [1]. Если многие детали в истории открытия Америки с запада и в вопросе о первоначальной русской колонизации Северной Америки выяснены еще не окончательно, то одно главное положение не вызывает никак сомнений: так же как усилиями множества Колумбов открыта была Америка со стороны Западной Европы, так же героическими подвигами сотен русских мореходов был первоначально открыт и освоен Американский материк с востока.

[1] См. новое исследование члена-корреспондента Академии наук А. В. Ефимова «Из истории русских экспедиций на Тихом океане», 1948.

Честь этого открытия неоспоримо и безраздельно принадлежит русским землепроходцам и мореходам. Обобщая данные документальных материалов, приведенных в этом разделе хрестоматии, учитель вправе еще раз подчеркнуть первенствующую роль русских людей в открытии и освоении областей Ледовитого океана, Северной и Северо-Восточной Азии, Аляски и Тихого океана. Не только в эпоху великих географических открытий русские мореходы и землепроходцы вписали славнейшие страницы в историю освоения земного шара, но и в последующие столетия подвиги русских путешественников имели огромное значение для науки. Русские путешественники открыли миру пустыни Центральной Азии, значительные части Новой Гвинеи, Африки, Южной Америки. Русские первыми открыли Антарктический материк.

* * *

Документ 1 взят из книги «Хожение за три моря Афанасия Никитина» (Академия наук СССР, 1948). Документ 2— из книги Герберштейна «Записки о Московии» (русский перевод, СПБ 1866). Документ 4 взят из книги К. Кунина «Васко да Гама», 1938. Документы 3, 6, 7, 8, 12 взяты из книги М. Алексеева «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей». Документы 10 и 11 взяты из книги Самойлова «Семен Дежнев и его время», 1945. Документ 5 — из книги Ставницера «Русские на Шпицбергене». Введение написано Н. И. Сафроновым.

1. ИЗ «ХОЖЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА

Афанасий Никитин, русский купец родом из Твери, совершил в 1466—1472 гг. путешествие в Индию, описанное им в его записках «Хожение за три моря». Эти записки являются первым и лучшим описанием Индии во всей европейской литературе того времени. Вместе с тем «Хожение за три моря» — выдающийся памятник русской литературы XV столетия.

За молитву святых отцов наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына. Написал я грешное свое хожение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское [1],— второе море Индийское — море Индостанское [2], третье море Черное — море Стамбульское [3]. Пошел я от святого Спаса златоверхого [4], с его милостию, от великого князя Михаила Борисовича [5] и от владыки Геннадия [6] тверских на низ, Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря святой живоначальной Троицы и святых мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру [7]. И князь великий всея Руси [8], снабдив другой грамотой, отпустил меня свободно. Также свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин [9] тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде недели две татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекезан [10]. И въехали мы в реку Бузань [11]. Тут нам повстречались 3 поганых татарина и сообщили ложные вести, будто в Бузани стережет купцов хан Касим [12] и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть астраханскому царю подали. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» И царь послал тогда за нами всю свою орду, и, за грехи наши, настигли нас на Бугуне [13],

[1] Каспийское море.

[2] Индийский океан.

[3] Черное море.

[4] Спас златоверхий — кафедральный собор в Твери, по имени которого Тверь и Тверская земля именовалась иногда в документах «домом святого Спаса».

[5] Михаил Борисович — великий князь тверской (1461—1485).

[6] Епископ тверской.

[7] Князь Александр Васильевич тверской.

[8] Иван III Васильевич (1462—1505).

[9] Посол, отправленный великим князем московским Иваном III ко двору ширваншаха Фаррух-Ясара.

[10] Местность в дельте Волги, к северу от Астрахани.

[11] Рукав р. Волги в низовье ее.

[12] Первый хан астраханский (с 1466 г.)

[13] Одна из мелей в устье Волги.

застрелили у нас человека, а мы у них двух. Наше малое судно остановилось на езу[1], они взяли его и тотчас разграбили; а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и стали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и тянули судно назад, до еза. Здесь они наше большое судно отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести.

И пошли мы к Дербенту в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек с иранцами, да нас русских, всего десять человек, а в другом судне шесть москвичей да шесть тверичей. На море нас захватила буря. Малое судно разбило о берег, людей же с него поймали кайтаки[2].

Когда мы пришли в Дербент, то оказалось, что Василий пришел благополучно, а мы пограблены...

А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море в Чапакур[3], да тут и жил, в Чапакуре шесть месяцев, да в Сари[4], в Мазандаранской земле жил месяц. А оттуда пошел к Амулю[5] и тут жил месяц; а оттуда — к Демавенду[6], а из Демавенда к Рею[7] ... А из Рея пошел к Кашану[8] и тут был месяц; а из Кашана к Найину[9], а из Найина к Иезду[10] и тут жил месяц. А из Иезда к Сирджану[11], а из Сирджана к Таруму[12], где финиками кормят домашний скот, батман по четыре алтына. А из Тарума пошел к Лару[13], а из Лара к Бендеру[14]. И тут есть пристанище Ормузское[14], тут же есть Индийское море, по-персидски Индостанское море. И оттуда идти морем до Ормуза четыре мили.

А Ормуз находится на острове, и ежедневно дважды заливает его море. Тут я встретил первый Великий день, а пришел я в Ормуз за четыре недели до Великого дня.

Выше я не все города назвал — много городов великих. Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе был месяц и пошел оттуда после Великого дня, в Фомину неделю, за

---

[1] Ез — заграждение для рыбной ловли.
[2] Жители области и княжества Кайтак (в западном Дагестане).
[3] Поселение в Мазандаране (Мазандаран — область в северном Иране).
[4] Город в Мазандаране.
[5] Самый большой город в Мазандаране.
[6] Местечко, существовавшее в XIV—XV вв.; расположено было у подошвы горного массива Демавенда (Иран).
[7] Один из крупнейших городов средневекового Ирана.
[8] Город на Иранском нагорье (под 34° с. ш. и 51°10′ в. д.).
[9] Город на западной окраине Большой Иранской солончаковой пустыни (Дешт-и-Кевир); несколько южнее 33° с. ш. и под 53°12′ в. д.
[10] Город на Иранском нагорье, несколько южнее 32° с. ш. и под 54°25′, в.д.
[11] Город на юго-востоке Ирана, в области Керман.
[12] Город на юго-востоке Иранской области Фарс.
[13] Главный город округа Ларистан.
[14] Б е н д е р — гавань, порт. В данном случае имеется в виду Старый Хормуз или Ормуз — на побережье Каспийского моря.

Индийское море в таве[1] с конями[2]. И шли мы морем до Маската[3] десять дней, а от Маската до Дега[4] — четыре дня, а от Дега к Гуджерату[5]; а от Гуджерата к Камбаю[6], тут родится индиго и лакх[7], а от Камбая к Чаулу[8]. А от Чаула мы пошли в седьмую неделю после Великого дня, а шли до Чаула в таве шесть недель морем. И есть тут Индийская страна...

. . . .

Меня обманули псы-бусурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много. А разбивают все кафиры, не христиане и не бусурмане[9]: молятся они каменным болваном, а Христа не знают...

. . . .

В Бидаре[10] происходит торг на коней и на товар: на камки[11], на шелк и на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индостанский. Съестной же — все овощи. На Русскую землю товара нет. Люди все черны и все злодеи, а женки все бесстыдные; повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым морят господарей.

Князья в Индийской земле все хорасанцы, и все бояре также[12]. А индостанцы все пешие, ходят быстро, и все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой — меч. А иные слуги ходят с большими прямыми луками да стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед: хорасанцы же на конях и в доспехах, и кони и сами. Слонам же к хоботу и к клыкам привязывают большие мечи кованые, весом по кентарю[13], одевают их в булатные доспехи и делают на них городки; а в каждом городке находятся по двенадцать человек в доспехах с пушками и стрелами. . . . .

---

[1] Название (местное) морского судна.

[2] Верховые лошади вывозились в XIII—XV вв. через Хорезм в Индию из стран Передней Азии и Восточной Европы.

[3] Порт на Оманском берегу Аравийского полуострова.

[4] Точно не установлено, какой пункт называет этим именем Афанасий Никитин.

[5] Область Западной Индии.

[6] Индийский порт у одноименного залива в области Гуджерат.

[7] Индиго — синяя краска, один из главных предметов индоиранской торговли. Лакх — красильное вещество.

[8] Гавань на Малабарском побережье Индии, к югу от Бомбея.

[9] Индуисты.

[10] Старинный индийский город в центре области Декан.

[11] Парча

[12] Данное указание Афанасия Никитина нельзя понимать буквально, оно означает лишь, что среди мусульманских феодалов видное место занимали выходцы из Хорасана

[13] Мера веса, различная для разных местностей, от 50 *кг* и выше.

Весна[1] здесь наступила с Покрова святой богородицы; весною же, через две недели после Покрова, восемь дней празднуют шейху Алаеддину[2]. Весна длится три месяца, и лето три месяца, и зима три месяца, и осень три месяца. В Бидаре же находится престол бусурманского Индостана[3]. Город этот велик, и людей в нем много. Султан у них молод — всего двадцать лет, а управляют князья и бояре — хорасанцы, воюют также все хорасанцы . . . . . .

С султаном рати выходит триста тысяч. Земля весьма многолюдна: сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны; носят их на серебряных носилках и водят перед ними до двадцати коней в золотых сбруях; и на конях же за ними триста человек да пеших пятьсот человек, да трубников десять, да литаврщиков десять человек, да свирельников десять человек. Султан же выезжает на потеху с матерью и с женой, да с ним на конях десять тысяч человек, да пеших пятьдесят тысяч. А слонов водят двести человек, наряженных в золоченые доспехи. Да перед султаном идет сто человек трубников, да плясунов сто человек, да коней простых триста в золотых сбруях; да обезьян за ним сто, да наложниц сто и все юные девы. . . . .

Индийцы совсем не едят мяса: ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины,— хотя свиней у них очень много. Едят же они два раза в день, а ночью не едят; ни вина, ни сыти не пьют. С бусурманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят, даже с женой. Едят рис да кичири[4] с маслом, да травы разные, а варят их с маслом и молоком. А едят все правою рукою, левою же ни за что не возьмутся; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу и варят себе кашу. А от бусурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнец, ни в еду. Если же бусурманин посмотрел на еду, и индиец уже не ест. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел.

А молитвы у них на восток, по-русски, подымают высоко обе руки и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. А когда садятся есть, то некоторые обмывают руки и ноги, да и рот прополаскивают. А бутханы же их без дверей и поставлены на восток; также на восток стоят и Буты. А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду. А когда у жены родится дитя, то принимает муж; имя сыну дает отец, а дочери мать. Добрых нравов у них нет и стыда не знают. Приходя или уходя кланяются по-монашески, обе руки тычут до земли и ничего не говорят . . . .
. . . .

---

[1] «Весною» в данном случае Афанасий Никитин называет сухое время года в Индии, время второй жатвы, начиная с октября.

[2] Шейх Ала-ад-дин, мусульманский святой, гробница которого находилась, по описанию Афанасия Никитина, в Алланде.

[3] В действительности Бидар был столицей только царства Бахманидов, а не всей мусульманской Индии, как это утверждает Афанасий Никитин.

[4] Индийское блюдо из риса, с маслом и приправами.

Луна в Бидаре стоит полная три дня. В Бидаре же нет сладких овощей. В Индостане сильного зноя нет; сильный зной в Ормузе да в Бахрейне [1], где родится жемчуг, да в Джидде [2], да в Баку, да в Египте, да в Арибстане [3], да в Ларе. Знойно и в Хорасанской земле, да не так. А в Чагатае очень знойно. В Ширазе же да в Иезде и в Кашане знойно, но бывает ветер. А в Гиляни очень душно и сильно парит, да и в Шамахе сильный пар. В Вавилоне [Багдаде] знойно, то же в Хумсе [4] и в Дамаске. В Алеппо же не так знойно. А в Севастей [5] губе и в Грузинской земле на все большое обилие. И Турецкая земля очень обильна. В Волошской [6] земле также обильно, и дешево все съестное. Обильна всем и Подольская земля. А Русскую землю бог да сохранит! Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Но да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость!

2. ИЗ «ЗАПИСОК О МОСКОВИИ» ГЕРБЕРШТЕЙНА

Сигизмунд Герберштейн с посольством германского императора два раза был в Москве (1517—1526), где усиленно собирал сведения о всей России. От посольских толмачей Герберштейн узнал, что русские еще в 1496 г.— задолго до англичан (Ченслера в 1553 г.) и голландцев обогнули Европу с севера.

ПЛАВАНИЕ ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ

В то время, когда я был у великого князя московского послом от светлейшего государя моего, находился тут же Григорий Истома, толмач этого князя, человек дельный, выучившийся латинскому языку при дворе Иоанна, короля датского. В 1496 г. был он послан своим князем к королю датскому вместе с тогдашним послом датского короля шотландцем Давидом, с которым я также там познакомился в первое мое посольство; он-то изложил нам вкратце свое путешествие. Этот путь кажется нам крайне трудным по суровости тех стран, и потому я хотел описать его в коротких словах, как от него слышал. Сперва, по его словам, он и вышеупомянутый посол Давид, отпущенные его государем, прибыли в Великий Новгород. Но так как в это время королевство шведское отпало от датского короля, к тому же и московский князь имел несогласия с шведами, и так как они не могли держаться обыкновенного пути по причине военных смут, то и отправились они по другому пути, который был

[1] Группа островов у аравийского побережья Персидского залива.
[2] Гавань в Аравии, на Красном море.
[3] Арабистан — в то время так называлась Аравия.
[4] Город в Сирии.
[5] Город в восточной части Малой Азии.
[6] Валахия, ныне Румыния.

длиннее, но зато безопаснее, и сперва прибыли из Новгорода к устьям Двины и к Потивлю очень трудною дорогою. Истома говорил, что этот путь, который он никогда не перестанет клясть за перенесенные им во время его неприятности и труды, тянется триста миль. Наконец в устьях Двины они сели на четыре судна; плыли, держась правого берега океана, и видели там высокие и суровые горы. Сделав 16 миль и переехав через какой-то залив, они приплыли к левому берегу и, оставив вправо обширное море, которое получило свое имя от реки Печоры, так же как и соседние горы, прибыли к народам Финлаппии, которые хотя живут рассеяно по морскому берегу в низких хижинах и ведут почти звериную жизнь, однако все-таки смирнее диких лопарей. По словам Истомы, эти народы платят дань московскому князю. Потом, оставив землю лопарей и сделав 80 миль морем, они достигли страны Нортподен, подвластной королю шведскому. Русские называют ее Каянской Землей, народ — каянами. Он говорил, что, подвигаясь оттуда вдоль извилистого берега, который тянулся вправо, они достигли мыса, называемого Святым Носом. Святой Нос есть огромная скала, выдающаяся в море наподобие носа; под нею видна пещера с несколькими водоворотами, которая каждые шесть часов поглощает морскую воду и с большим шумом обратно изрыгает назад эту пучину. Одни говорили, что это середина моря, другие — что это Харибда. Сказывал он, что сила этой пучины так велика, что она притягивает корабли и другие предметы, находящиеся поблизости, крутит их и поглощает,— и что они никогда не бывали в большей опасности. Ибо когда пучина внезапно и сильно стала притягивать корабль, на котором они ехали, то они едва с великим трудом спаслись, налегши всеми силами на весла. Миновав Святой Нос, они прибыли к какой-то скалистой горе, которую им надлежало обойти. Когда они были там задержаны на несколько дней противными ветрами, шкипер сказал: «Скала, которую вы видите, называется Семь: если мы не умилостивим ее каким-либо даром, то нелегко будет нам миновать ее». Истома, по его словам, упрекнул его за пустое суеверие, на что шкипер ничего не ответил, и они, задержанные там сильною непогодой в продолжение целых четырех дней, поплыли дальше только после того, как ветры стихли. Когда они уже ехали с попутным ветром, шкипер сказал: «Вы смеялись над моим предложением умилостивить скалу Семь, как над пустым суеверием; но если бы я не умилостивил ее, тайно взлезши на камень ночью, то нам никоим образом нельзя было бы пройти». На вопрос, что он принес Семи в дар,он сказал, что лил на камень, выступ которого мы видели,— масло, смешанное с овсяною мукой. Потом, плывя таким образом, они встретили другой огромный мыс, Мотку, подобный полуострову; на его оконечности находился замок Бартус[1], значит сторожевой

---

[1] Бартус — искаженное Вардегуз — норвежская крепость к северо-западу от полуострова Рыбачьего.

дом. Ибо норвежский король держит там военный гарнизон для охранения границ. Истома говорил, что этот мыс так далеко вдается в море, что едва в 8 дней можно обогнуть его; чтобы не замедлять своего пути, они с великим трудом на плечах перетащили и свои суда и груз через перешеек шириной в полмили. Потом они приплыли в страну дикилоппов — это и есть дикие лопари — к месту, называемому Дронт[1], которое отстоит от Двины к северу на 200 миль; даже и там, по их рассказам, московский князь пользуется правом собирать дань. Оставив там лодки, они совершили остальной путь землею, на санях. Кроме того, он рассказывал, что там стада оленей, которые на норвежском языке называются Rhen, употребляются так же, как у нас стада быков; они немного побольше наших оленей. Лопари употребляют их вместо вьючного скота следующим образом. Впрягают оленей в повозку, сделанную наподобие рыбачьей лодки; человек привязывается к ней за ноги для того, чтобы не выкинуться от быстрого бега оленей. Он держит в левой руке вожжи, которыми умеряет бег оленей, а в правой — палку, которою предотвращает падение повозки, когда она наклонится на одну сторону более, чем следует. Этим способом езды они сделали 20 миль в один день и наконец отпустили оленя; Истома говорил, что олень сам воротился к своему господину в обычное становище. Совершив этот путь, они прибыли к норвежскому городу Берген, лежащему прямо на север между горами, а оттуда на лошадях в Данию. Между прочим сказывают, что в Дронте и Бергене, во время летнего солнцестояния, день имеет 22 часа. Власий, другой княжеский толмач, который немного лет тому назад был послан своим государем к цесарю в Испанию, рассказывал нам о своем пути иначе и гораздо сокращеннее. Он говорил, что, будучи послан из Московии к Иоанну, королю датскому, он шел сухопутьем до Ростова; сев на корабли в Переяславле, приехал Волгою в Кострому; оттуда 7 верст шел сухим путем до какой-то речки, которою вошел в Вологду, потом в Сухону и Двину, и плыл до норвежского города Бергена и перенес все труды и опасности, о которых выше рассказано со слов Истомы; наконец приехал в Гафнию, столицу Дании, называемую у германцев Копенгагеном. И тот и другой говорили, что в Московию воротились через Ливонию и совершили этот путь в продолжение года. Хотя один из них, Григорий Истома, говорил, что половину этого времени он был задержан бурями в разных местах, однако и тот и другой единогласно утверждали, что в это путешествие они сделали 1 700 верст, т. е. 340 миль. Также Димитрий, тот самый, который весьма недавно был послом у папы в Риме и по рассказам которого Павел Иовий написал свою Московию,— по этой самой дороге три раза ездил в Норвегию и Данию; он подтвердил справедливость всего вышесказанного.

---

[1] То есть Тронтгейм.

3. ИЗ КНИГИ О МОСКОВИТСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ ПАВЛА ИОВИЯ

В Устюг жители Пермии, Печоры, Югрии, Вогулии, пинежане и другие более отдаленные народы привозят драгоценные меха куниц, соболей, волков, рыстей и черных и белых лисиц и обменивают их на разного рода товары. Наиболее превосходны собольи меха с гладкой шерстью и легкой проседью, они служат ныне для подкладки царского одеяния и для защиты нежных шей знатных женщин, воспроизводя собой как бы облик живого зверька. Такие меха доставляются жителями Пермии и Печоры, но они сами получают их, передавая из рук в руки, от еще более отдаленных народов, живущих у океана. Жители Пермии и Печоры незадолго до нашего времени, наподобие язычников, приносили жертвы идолам, теперь же они чтут господа Христа. До югричей и вогуличей надо добираться через крутые горы, которые в древности, вероятно, назывались Гиперборейскими. На вершинах их ловят самых превосходных соколов. Одна порода их — белая, с пятнистыми перьями; она называется Геродий. Водятся там и гиерофальконы, враги цаплей, и соколы священные и перелетные, которых не знала даже роскошь древних государей, занимавшихся птицеловством. Выше только что названных мною народов, которые платят дань московитским царям, есть другие отдаленные племена людей, неизвестных московитам из какого-либо определенного путешествия, так как никто не доходил до океана: о них знают только по слухам, да еще из баснословных по большей части рассказов купцов. Однако достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к Северу, и что море там имеет такое огромное протяжение, что по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли.

4. ИЗ ПИСЬМА ДАТСКОГО КОРОЛЯ ФРИДЕРИКА II (1576 г).

Людвигу Мунку об одном русском, который посещает Гренландию [1].

Известно нам стало из твоего сообщения, что прошлым летом несколько тронтгеймских бюргеров вступили в Варде в сношения с одним русским кормщиком Павлом Нишецом, живущим в Мальмусе и обыкновенно ежегодно около Варфоломеева дня плавающим в Гренландию, который уведомил их, что, если за его труды ему дадут некоторое вознаграждение, он, пожалуй, сообщит им данные об этой земле и проведет туда их суда. Поэтому, прошу тебя узнать, какие издержки потребуются для исследования выше названной земли, и рядом с этим сообщить, найдутся ли в Тронтгейме бюр-

[1] Имеется в виду остров Шпицберген.

геры, которые бы пожелали отдать под фрахт для этого [путешествия] свои суда, как ты сообщал далее. Ибо мы всемилостивейше согласны, каковы бы ни оказались издержки, на такого рода предприятие для исследования выше названной земли, принять с удовольствием их на себя и уплатить. И нам угодно поручить тебе сторговаться с выше названным русским кормщиком, чтобы он предоставил себя в распоряжение для такого рода предприятия, а равно условиться с несколькими бюргерами из Тронтгейма, чтобы они предоставили свои суда для этого, так чтобы это путешествие могло состояться текущей осенью.

11 марта 1576 г.

Фридерик.

5. ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ПФАЛЬЦГРАФА ГЕОРГА ГАНСА К ГРОССМЕЙСТЕРУ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА ГЕНРИХУ V ФОН БОБЕНГАУЗЕНУ

от 27 сентября 1578 г.

В 30 милях от Холмогор расположена другая гавань — Мезень, вслед за нею — Пустоозеро, где есть река и городок, куда самоеды ради [торговли] соболями съезжаются вместе с русскими и которое находится от него на расстоянии 100 миль.

Новая Земля, где живут самоеды, находится отсюда приблизительно на расстоянии 90 миль. За нею, на расстоянии 130 миль, расположена дикая страна Тунгусия; далее расположена Обь, где живут сибирцы; отсюда до Тунгусии считают 60 миль. Между Пустоозером и Сибирью ведется соболиный торг. Обь выходит из стоячего Китайского озера; на этом месте можно также вести, пожалуй, наибольший торг, безо всякого препятствия, так как тамошние жители все сплошь язычники. Таким образом, вслед за страной московитов, которая не простирается далее Мезени, живут на протяжении тысячи миль пути язычники и дикие народы, а из Оби-реки можно проплыть в Америку, причем два рейса из Колы или Оби в Америку равняются одному тому, который можно сделать туда из Испании.

6. ИЗ «СООБЩЕНИЯ ФРЭНСИСА ЧЕРРИ, ОДНОГО ИЗ ЧЛЕНОВ АНГЛИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ КОМПАНИИ В МОСКВЕ»

(1587 г.)

Фрэнсис Черри, один из главных агентов Английской торговой компании в Москве, который был переводчиком царя Ивана Васильевича и ездил в Пермский край, далеко на востоке России, рассказывает, что он ел осетра, пойманного в Оби. Он говорит также, что в этой местности он неоднократно слышал от русских, которых он считает великими путешественниками, о теплом море, которое находится за Обью в юго-восточном направлении. Русские

говорят, что за Обью находится теплое море. Кроме него, Томас Линде, честный и скромный английский купец, который провел много лет в этих краях Московии, говорит, что это море находится за Обью и что, по словам русских, которые много путешествовали, там настолько тепло, что все виды морских птиц живут на нем и зимой и летом. Это свидетельствует о том, что это море расположено далеко на юге Азии.

7. ИЗ «ИСТОРИИ О ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ МОСКОВСКОМ» ПЕТРА ПЕТРЕЯ

Швед Петр Петрей из Эрлезунда в начале XVII в. служил четыре года у московского царя, вероятней всего, у Василия Шуйского. После возвращения в Швецию он принимал участие в нескольких посольствах в Россию (1608 и 1611 гг.). Его сочинение «История о великом княжестве Московском» вышло в Лейпциге в 1620 г.

Княжество Сибирь прежде находилось под властью казанских царей и не имело ни крепостей, ни городов. Когда же великий князь завоевал его и привел в свое подданство, он велел построить там семь городов и местечек и населил их русскими. У жителей особенный язык. К северу граничат они с большою рекою Обью. Одежда у них из кож и мехов, шерстью вверх. Хлеба там не родится, но вместо него они кормятся жареной рыбой, мясом диких птиц и зверей. Из этой области приходит чрезвычайно много дорогих мехов: соболей, куниц, белых, черных, голубых и красных лисиц, белых медведей, волков, рысей и самых красных белок — их выменивают русские на хлеб, водку и тому подобные необходимые для жителей вещи, и наживают при этом значительную прибыль. В этом краю водятся очень большие и сильные собаки, которых так приучили жители, что запрягают их парами в сани и ездят на них по своим делам через горы и долины; не надо давать им слишком скоро бежать, чтобы не остаться на дороге.

Дань великому князю жители платят разными мехами. В этом краю такая стужа, что не вырастает совсем ни трава, ни лист на дереве, а тем менее хлеб или садовые плоды.

8. ИЗ КНИГИ ИСААКА МАССЫ

Исаак Масса, нидерландский купец, был в 1601—1609 гг. в Москве по торговым делам. Он не только записывал свои личные наблюдения, но и старательно собирал всевозможные сведения о Сибири. Сообщения И. Массы о Сибири основываются на записках одного из участников экспедиции в Сибирь при Борисе Годунове.

Живут в Московии люди низкого происхождения, прозываемые Аниковичами и происходящие от крестьянина по имени Аника[1]. Этот Аника был богатым человеком в своем крае, а жил он в области, расположенной на реке Вычегде, которая впадает в Двину,

[1] От Аники Строганова.

текущую в Белое море в ста милях от крепости Михаила Архангела. Аника имел много детей и всем был от бога щедро наделен и благословен, но, побуждаемый страстью к наживе, возымел серьезное желание узнать, кем населены те страны, откуда приходили с дорогими мехами и другими товарами те люди, которые по языку, одежде, обычаям и вере отличались от остальных и называли себе самоедами и другими неизвестными именами. Эти люди ежегодно приходили рекою Вычегдою и вели меновую торговлю с русскими и московитами в городах Усолье и Устюге, лежащих при реке Двине, так как там именно находились главные склады и рыночные места для всевозможных товаров, преимущественно же для драгоценных мехов. Аника же потому так страстно хотел узнать, откуда приходят эти люди, что легко мог заключить о том, что у них можно приобрести большие богатства, так как они ежегодно привозили мехов на большую сумму денег. Тогда потихоньку он вошел с некоторыми из этих людей в соглашение и дружбу и послал вместе с ними своих 10 или 12 людей в их страну, приказав им самым точным образом заметить, через какие земли будут они совершать свое путешествие, а также произвести наблюдения над обычаями, жилищами, образом жизни этих людей, чтобы по возвращении они могли дать ему об этом всесторонний отчет. Когда же они благополучно возвратились, он принял их ласково и дружески, но приказал им никому не говорить обо всем этом, да и сам оставил при себе все полученные от них известия, никому не говоря об этом ни слова.

В следующем году послал он туда большое количество людей, дав им в спутники нескольких своих родственников и доверенных людей. Они взяли с собой некоторое количество малоценных товаров, как, например, маленьких колокольчиков, а также другого подобного им «немецкого товара» и с усердием высматривали особенности этой страны. Проехав различные пустынные местности и большие реки, достигли они наконец реки Оби, где свели знакомство и дружбу с самоедами и узнали, что здесь меха можно купить по очень низкой цене и что из страны легко можно извлечь большие богатства; они заметили также, что этот народ не имеет городов, но живет мирно общинами и управляется старейшинами из своей среды, что он питается отвратительной пищей — мясом зверей, добытых на охоте, ничего не зная ни о землепашестве, ни о хлебе; замечено было также, что все они хитрые и ловкие стрелки из луков, что свои луки делают они из мягкого или гибкого дерева, а к концу стрелы прикрепляют они заостренные камни или рыбьи кости, употребляемые также вместо иголок, и что их нитки сделаны из сухожилий различных мелких животных; так сшивают они вместе различные меха, которые служат им одеждой, причем летом носят они шкуры ворсом наружу, зимою же внутрь, обращая их к телу. Свои жилища покрывают они шкурами оленей или других животных, меха которых у них мало ценятся. Словом, посланцы Аники с любопытством заметили все, что им встретилось,

и возвратились назад к своему покровителю, сильно нагруженные мехами. Зная теперь от своих посланцев все, что он так стремился узнать, Аника в компании с некоторыми своими друзьями в течение ряда лет вел торговлю с этой страной, благодаря чему род Аники приобрел значительное могущество и большие владения. Жившие рядом с ним соседи немало удивлялись его сокровищам, не зная их происхождения: в многих своих деревнях Аниковичи строили церкви; в конце концов в городе Усолье на реке Вычегде, где они жили в то время, была ими выстроена необыкновенно красивая церковь, которая вся до самого основания была сделана из белого, чисто обтесанного камня. Короче говоря, они не знали, куда им деваться со своими богатствами. Тогда они подумали о том, что легко может случиться, что счастье повернется для них в обратную сторону, как это часто и бывает в подобных случаях, тем более что они заметили, что многие очень завидовали их богатствам, хотя они никому не сделали никакого зла. Поэтому, чтобы остаться на прежнем месте и удержать при себе свои богатства, они с большой предусмотрительностью решили принять свои меры. Существует у московитов пословица о том, что у кого нет друзей при дворе, тот не настоящий человек, так как обычно случается, что если кому завидуют, а он на плохом счету при дворе, то его можно угнетать, несмотря на отсутствие вины, просто потому, что у него не было при дворе могущественного покровителя.

Поэтому богатые Аниковичи заручились дружбой знатного и влиятельного при дворе лица, по имени Борис Годунов, который был шурином царствовавшего тогда Федора Ивановича и после его смерти занял его место в качестве русского царя, как это подробнее изложено в описании московских войн. Этому-то Борису они и решили все открыть. По обычаю страны, они поднесли ему подарок и просили его, чтобы он выслушал их, так как дело их имеет в виду выгоду целого государства. Он отнесся к ним весьма милостиво и даже с необычным вниманием, и когда они рассказали ему о местоположении Самоедии и Сибири, а также о том, что там видели, и обратили его внимание на сокровища, которые благодаря этому открытию могли сделаться доступными для всего Московского государства, Борис обнаружил живейшее желание продолжать эти открытия дальше. К Аниковичам отнесся он, как к своим родным сыновья, и дал им от царского имени широковещательную грамоту, по которой они без противодействия с чьей бы то ни было стороны могли взять в свое вечное потомственное владение те земли, где только пожелают. Далее, так как случилось, что они задержались в Москве (а было это зимою), то проехался он с ними в своих санях, а это считается у московитян самой большой честью, тем более что она в данном случае исходила от знатнейшего боярина, каким Борис был в ту пору, человека громадного влияния, в руках которого находилась большая власть. Борис внимательно обдумал это дело и доложил обо всем царю, который изъявил свое удовольствие по этому поводу. Тогда, не медля более, Борис

наметил несколько офицеров и с ними несколько бедных придворных людей, из своей свиты, приказав им быть готовыми к путешествию, которое они должны были предпринять с людьми Аники. Он нарядил их в богатые одежды, в какие обыкновенно одевались послы, присоединил к ним отряд солдат и снабдил их недорогостоящими подарками, которые они должны были раздать тем племенам, мимо которых они будут проезжать; им приказано было внимательно замечать все дороги, леса и места, которые встретятся им по пути, и спрашивать об их названиях, чтобы по возвращении они могли представить об этом правдивый отчет; он прибавил к этому, что они должны дружески обходиться с тамошними людьми и замечать все удобные места, на которых впоследствии можно было бы построить крепости или остроги, а кроме того, привезти некоторых из этих людей с собою в Москву.

Посланцы, хорошо снабженные всеми необходимыми для путешествия вещами, как-то: одеждой, оружием, золотом и подарками, покинули Москву и отправились в Вычегду, где Аниковичи присоединили к ним нескольких из своих людей, а также родственников и друзей. Прибыв в самоедскую землю, поступали они согласно приказанию, выказывая диким людям всяческую дружбу, почтение к их старейшинам и награждая некоторых из них многими подарками самой ничтожной ценности, которые, впрочем, казались тем роскошными и весьма дорогими, так что когда московиты приближались к ним, они радостно бросались к ним навстречу, хлопали в ладоши и падали перед ними на колени, как будто принимали их за богов. С помощью некоторых туземцев, которые от русских крестьян в деревнях научились русскому языку, московиты рассказали дикарям про своего царя, утверждая, что это почти земной бог, и приплетали к своему рассказу другие замечания, благодаря которым самоеды возымели желание увидеть все это собственными глазами. Это желание их очень понравилось московитам, которые со своей стороны выказали удовольствие относительно всего, что видят, и прибавили также, что некоторых из своих они желали бы оставить у них в качестве заложников, чтобы они научились их языку, в то время как сомоеды будут находиться в Москве. Таким образом, многих людей с восточной стороны Оби склонили они к своему намерению, так что они добровольно подчинились русскому царю, позволили обложить себя данью и выразили желание ежегодно давать московскому государю, как взрослые, так и дети, умеющие стрелять из лука, по паре соболиных шкурок, которые у них ценятся невысоко, у московитян же считаются драгоценностями. Они обещали отдавать их тому, кто будет поставлен у них в качестве сборщика дани для царя, а также обещались держать свое слово.

После этого посланцы перешли реку Обь и продолжали свое путешествие почти на 200 морских миль в глубь страны по направлению к востоку и северо-востоку, видя много редких животных, чистые источники, незнакомые травы и деревья, красивые леса;

также видели они самоедов различных племен; некоторые из них ехали верхом на оленях, другие на санях, возимых оленями, наконец, третьи — на собаках, которые бежали так же быстро, как и олени. Словом, они встретили много вещей, о которых не знали ранее и которые повергли их в удивление. Все это они аккуратно и тщательно отмечали, чтобы иметь возможность по возвращении дать точный отчет обо всем.

Наконец, взяв с собою некоторых самоедов, которые отправились с ними добровольно, и оставив со своей стороны несколько людей у самоедов для изучения их языка, воротились обратно в город Москву, где на первом же приеме рассказали Борису, а через него и царю о ходе своего путешествия.

С великим удивлением смотрели здесь на привезенных самоедов, заставляли их показывать свое искусство в стрельбе из луков, что они и исполняли, проявляя прямо невероятную ловкость: так, они прикрепляли к ветке дерева монету, меньшую, чем голландский стюйвер, затем отходили на такое расстояние, что ее едва можно было различить, и всякий раз в нее попадали. Зрители этому немало удивлялись.

Со своей стороны и самоеды с изумлением наблюдали образ жизни, нравы московитян и красоты столицы; на царя же они смотрели с настоящим ужасом, когда он появлялся в роскошной одежде, верхом на лошади или в коляске, в которую запряжено было много лошадей, окруженный толпою разодетых бояр и стражей, вооруженной мушкетами, которая следовала за ним примерно в количестве 400 человек. Слыша звон колоколов, которых московитяне имеют великое множество, или глядя на богатые лавки со многими дорогими товарами и на другие диковины столицы, они выказывали свое удивление, точно попав на небо, в жилище богов. Они считали себя счастливыми, что могут повиноваться такому повелителю, как царь, приписывая ему прямо божественное могущество. Кушанья, которыми их угощали московитяне, они пожирали с жадностью, из чего можно было усмотреть, что они им больше нравились, чем сырое мясо и вяленая рыба, которые составляли пищу на родине их. Наконец, они обещали считать царя своим повелителем и убедить в том же всех своих собратьев. Они униженно просили также царя, как о милости, чтобы он послал им своих начальников, которые правили бы ими и собирали наложенную на них дань. Что же касается их языческой веры, то о ней не было сделано никакого упоминания, и их оставили при их прежних обычаях...

После того как дела эти приняли такой оборот, как мы рассказываем, Аниковичи еще более возвысились и получили большие привилегии и власть над многими местностями, которые были присоединены к их земле; они имели владения более чем на сотню миль друг от друга на реках Двине, Вычегде и Сухоне; они были очень богаты и могущественны и с каждым днем приобретали все более почета и уважения.

В Москве же решено было построить крепости на реке Оби и в соседних местностях, которые и по природе своей были достаточно недоступны, снабдить их гарнизонами и послать туда генерал-губернатора, для того чтобы открыть более отдаленные страны и сделать их подвластными царю, что и было приведено в исполнение.

Мало-помалу в этой стране набралось так много народу, что она в настоящее время, со своими городами и крепостями, могла бы составить целое особое государство; туда отправляются толпы бедного люда, потому что они там освобождаются от всех исков, податей и налогов...

Те люди, о которых я упоминал выше, предприняли большое путешествие за реку Енисей на восток, идти же на юг немного боялись, так как несколько тунгусов, которых они взяли с собой, рассказали им, что на юге живет много народов, очень от них отличающихся, и что цари их находятся в постоянной войне друг с другом. Пропутешествовав несколько дней без больших результатов, они, наконец, вернулись домой, но перед возвращением они поручили тунгусам исследовать эти места более тщательно. Тунгусы обещали это сделать. И они возобновили союз, который раньше заключили с московитами. Уезжая, московиты оставили несколько своих людей на местах, а также несколько самоедов и татар, своих союзников, тунгусам же роздали небольшие подарки.

На следующий год тунгусы послали на восток несколько своих людей, которые, пройдя немного далее, чем раньше, нашли другую могучую реку, не такую большую, как Енисей, но такую же быструю. Следуя по течению ее несколько дней, они нашли каких-то людей, которых они нагнали, будучи быстрее на ходу, чем эти последние. Однако они не могли понять их языка, кроме того, что по некоторым знакам и словам дикарей, часто повторявших «ом», «ом», они заключали, что последние часто слышат гром на той стороне реки. Они добавляют также, что эти люди часто повторяли слово «Писида», из чего тунгусы заключили, что таково должно быть название реки. Что же касается слов «ом», «ом», то московиты позднее догадывались, что они означали звон колоколов. Возвращаясь оттуда, тунгусы взяли с собой несколько человек из той страны, но все они умерли по дороге или от страха, или же от перемены воздуха. Тунгусы были очень огорчены их смертью, потому что по своем возвращении они утверждали, что это были понятливые люди, хорошо сложенные, с маленькими глазами, плоскими лицами и коричневой кожей краснобурого оттенка.

Московиты, услышав об этом от самоедов, вернувшихся в Сибирь из страны тунгусов, вскоре возымели сильное желание исследовать более отдаленные местности этой страны и вошли в подчинение к воеводе с тем, чтобы получить возможность быть посланными туда вместе с подмогой. Воевода удовлетворил их просьбу, предоставив в их распоряжение отряд солдат, и приказал тщательно исследовать все, взяв с собою тунгусов, самоедов и татар. И так

в количестве около семисот человек они перешли реку Обь и дошли до реки Енисея через страну самоедов и тунгусов. Перейдя эту реку, они пошли дальше на восток, имея проводниками тунгусов, которые служили им не только проводниками, но также обильно снабжали весь отряд съестными припасами, ловя с удивительной ловкостью птиц, коз, оленей и тому подобную дичь, а также немалое количество рыб из рек, которые они встречали на пути. Дойдя до реки Писиды, они раскинули свои палатки на ее берегу, с целью дождаться возможности пересечь ее, так как лед вскоре должен был вскрыться, потому что они прибыли туда перед наступлением весны. Однако перебраться через реку Писиду они все же не решались, так как теперь вполне ясно слышали звук, о котором были предупреждены заранее и который они признали не чем иным, как звоном медных колоколов; когда ветер дул с дальней стороны Писиды, они иногда слышали также голоса людей и ржание лошадей. Кроме того, они видели какие-то паруса, хотя и немного, из чего они заключили, что это были суда, плывшие вниз по течению. Они также говорили, что паруса были квадратные, подобные индийским, как мы предполагаем. Не видя совсем никаких людей на той стороне реки, на которой они остановились, и пробыв там некоторое время, они заметили, что река значительно поднялась, что, однако, они едва ли могут утверждать с достоверностью, так как берега высоки с обеих сторон. Наконец после долгого путешествия, но еще до наступления осени, они вернулись домой, в Сибирь, рассказав под присягой, что в апреле и мае они были поражены чрезвычайно красивым видом страны и что они видели там много редких растений, цветов, фруктов, деревьев, птиц и диких животных.

Когда эти вести дошли до московского двора, царь Борис и бояре, бывшие при нем, много дивились им и, воспылав сильным желанием в точности исследовать все подробности, решили на следующий год отправить туда послов, которые повезли бы с собой подарки и взяли с собой татар, самоедов и тунгусов. Они должны были исследовать местность по ту сторону реки Писиды, заключить дружественный союз с царями, если бы таковые нашлись, и описать все, что они увидят на пути, представив точный отчет обо всем. Но это не было приведено в исполнение вследствие разразившейся в это время у московитов гражданской войны.

Несмотря на все это, по распоряжению воеводы, даже во время смуты все же было совершено путешествие в эти места, при участии многих жителей Сибири. Экспедиция, перейдя р. Енисей, продолжала путешествие пешком. Многие из участников ее умирали на дороге, так как не привыкли к подобным трудностям пути.

Они также видели многое такое, что представляет интерес по отношению к прежде описанному. Они также часто слышали звон медных колоколов, но по совету тунгусов не решались перебраться за реку. Все это время они оставались в горах, из которых, как они часто видели, поднималось пламя огня. Они привезли оттуда

небольшое количество серы и образцов камней, так что, повидимому, в этих горах находятся богатые руды. Кроме того, воевода сибирский приказал построить особые крытые лодки, спуститься на них вдоль берегов реки Оби в самом начале весны и идти вдоль ее берегов, пока они не придут к реке Енисею, по которой они поплывут дальше в течение нескольких дней, дойдя [как он думал] до моря. Других людей он послал также сухопутьем, чтобы они оставались у реки до тех пор, пока не прийдут лодки, а если они не прибудут, то чтобы они вернулись через год. Тем же, которые поедут в лодках, и капитаном которых назначен был некий Лука, он поручил тщательно изучить берег и все то, что они найдут на нем достойным исследования. Они сделали то, что им было приказано. Экспедиция, плывшая в лодках, достигнув устья реки Енисея, встретила там других исследователей, путешествовавших по суше и посланных до этого на лодках и яликах вниз по реке.

В это путешествие все произошло так, как предвидел воевода. Но так как Лука и несколько других лиц умерли на пути, обе партии решили вернуться тем же путем, каким сюда пришли. Вернувшись в Сибирь, они доложили воеводе об успехе своего путешествия, что заставило воеводу отправиться к царю. Доклад его хранится среди сокровищ Московского государства до окончания войны, и затем, вероятно, он будет рассмотрен. Но мы боимся, что до этого времени он пропадет, что поистине будет очень печально, так как путешественники нашли много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей — все это далеко за Енисеем.

Без сомнения, очень жаль, что голландцам не удалось пройти пролив Вайгач, но, конечно, они не знают, как приступить к этому, потому что если они даже сто раз будут пытаться пройти его на кораблях, им это не удастся. Если они хотят тщательно исследовать эти страны, они должны провести два или три года около Печоры и Вайгача, где нет недостатка в хороших гаванях и съестных припасах. А оттуда они должны послать кого-нибудь на маленьких лодках для исследования более отдаленных местностей. По примеру русских, с которыми им следует подружиться, они легко отыщут проводников на суше и на море. Таким образом, в конце концов все эти берега будут тщательно исследованы.

9. ИЗ ПЕРВОЙ ЧЕЛОБИТНОЙ СЕМЕНА ДЕЖНЕВА (1662 г.)

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всея великия и малыя и белыя Росии самодержцу, бьет челом холоп твой с великие реки Лены Якутцкого острогу служилой человек Семейка Дежнев...

Торговые и промышленные люди били челом тебе, великому государю, а на Колыме реке таможенному целовальнику Петру Новоселову подали челобитную, чтоб их торговых и промышленных людей, Федота Алексеева с товарищи, отпустили по твоему государеву указу на новую на Анандыр реку и на иные на сторонные

реки, для прииску новых неясачных людей, гдеб тебе, великому государю, мочно было в ясачном[1] зборе прибыль учинить. А обо мне, холопе твоем Семейке, те торговые и промышленные люди били ж челом, чтоб мне, холопу твоему, идти с ними вместе для твоего государева ясачного збору и для прииску новых неясачных людей и для твоих государевых всяких дел.

И я, холоп твой, с ними торговыми и промышленными людьми шли морем, на шти кочах, девяносто человек; и прошед Анандырское устье, судом божиим те наши все кочи море разбило, и тех торговых и промышленных людей от того морского разбою на море потонуло и на тундре от иноземцев побитых, а иные голодною смертью померли, итого всех изгибло 64 человеки.

А я, холоп твой, от тех товарищей своих остался всего 24-мя человеки, и тех товарищей моих зимним путем на лыжах, с нарты, — со стыди [то-есть стужи], и з голоду и со всякой нужи, недошед Анандыря реки, дорогою идучи 12 человек безвестно не стало. А я, холоп твой, на Анандыр реку доволокся всего 12-ю человеки, и с теми достальными своими товарищи, не хотя голодною смертью помереть, ходил я, холоп твой, в поход к Канаульским и к Ходынским не к ясачным мужикам...

А я, холоп твой, пошед из Енисейского острогу, служил тебе, великому государю, всякие твои государевы службы и твой государев ясак збирал на великой реке Лене и по иным дальним сторонним рекам в новых местах — на Яне, и на Оемоконе, и на Индигирке, и на Алазейке, и на Ковыме, и на Анандыре реках — без твоего государева денежного и хлебного жалованья, своими подъемы. И будучи же на тех твоих государевых службах те многие годы всякую нужу и бедность терпел и сосновую и лиственную кору ел и всякую скверну принимал — 21 год.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович... пожалуй меня, холопа своего, своим государевым денежным и хлебным жалованьем за те за прошлые годы, а за мое службишко и за кровь и за раны и за многое терпенье пожалуй, государь, меня, холопа своего, прибавочным жалованьем, чем тебе, великому государю, бог известит!

10. ИЗ ВТОРОЙ ЧЕЛОБИТНОЙ СЕМЕНА ДЕЖНЕВА

от 23 сентября 1664 г.

Царю, государю... самодержцу бьет челом холоп твой великие реки Лены Якутцкого острогу служилой человек Сенька Дежнев; служил я, холоп твой, блаженные памяти отцу твоему... на Яне, и на Индигирке, и на Алазейке, и на Колыме реках, служилыми и с приказными льдьми с Дмитреем Михайловым да с Михайлом Стадухиным, и в ясачном сборе в вашей великих государей казне учинили великую прибыль. И с Колыми реки поднялся я, холоп

[1] Ясак — побор с населения.

твой, морем — проведывать новых рек, и приискал вновь, сверх тех прежних рек, новую реку Анандыр, и на той новой на Анандыре реке будучи на твоей, великого государя, службе зимовье и острог поставил, и аманатов[1] поимал и ясаку тебе, великому государю, и десятые (пошлины) собрал на той новой реке шесть сороков 39 соболей и пластин собольих, семь сороков четыре пупка собольих, 15 пуд 36 фунт кости рыбьи моржового зубу. Да я ж, холоп твой, с товарищи на Анандыре реке, тебе, великому государю, челом ударили два зуба моржовые рыбьи кости, весом 32 фунта. И с той новой с Анандыри реки ясак соболи и кость рыбья тебе, великому государю, идет и по се число.

А поднимался я, холоп твой, на ту твою, великого государя, службу, на те новые реки своими деньгами и своими подъемы, а твоего великого государя жалованья мне, холопу твоему, денежново и хлебново и соляново со 151[2] году по 170 год ничего не дано...

И будучи на той твоей, великого государя, службе, поднимаючись собою, и служа тебе, великому государю, многое время без твоего великого государя жалованья, имаючи иноземцев в аманаты, голову свою складывал, раны великие приимал и кровь свою проливал, холод и голод великий терпел, и помирал голодной смертью, и на той службе будучи и от морского разбою обнищал и обдолжал великими неокупными долги, и в тех долгах в конец погибаю!

Милосердый государь, царь... самодержец! Пожалуй меня, холопа своего, за мое службишко к тебе, великому государю, и за подъемы, и за аманатцкое иманье, и за раны, и за кровь, и за морские разбои, и за всякое нужное терпение своим, великого государя, хлебным и денежным жалованьем за прошлые годы со 151— год по 170 год мой заслуженный оклад сполна, чтоб мне, холопу твоему, в кабальных долгах на правеже убиту не быть и впредь бы твоей, великого государя, службы не отбыть и в конец не погибнуть! Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

11. ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ» ФИЛИППА АВРИЛЯ

Филипп Авриль (1654—1698) — французский иезуит, дважды приезжавший в Россию для получения разрешения на поездку в Китай. В Москве Авриль усиленно собирал сведения о Сибири (1687), но добиться разрешения ему не удалось. Русское правительство не без оснований подозрительно относилось к иезуитам: Авриль и его спутник были высланы из страны. Собранные материалы Филипп Авриль опубликовал в 1692 г.

Как тщательно ни старались древние географы передать нам сведения об обширном пространстве между Обью и Великою Стеною Китайскою, надобно признаться, что они весьма мало в том

---

[1] Аманаты — заложники

[2] Вместо четырехзначной цифры, обозначавшей год от «сотворения мира», часто указывалась лишь трехзначная цифра: 151 год означал 7151, или 1646 по новому летосчислению (от «рождества Христова»).

успели. Одни не говорят почти ничего, а другие, желая сказать многое, сообщают нам догадки и предположения в качестве положительных истин. Новейшие писатели были не более счастливы, ибо, дополняя сведения своих предшественников, они ничего к ним не прибавили, кроме упоминания о дремучих и бесконечных лесах и множестве ужасных пустынь, наполняющих будто бы эти обширные и необитаемые пространства.

Казакам запорожским, т. е. обитающим ниже Днепровских порогов, всего более обязаны мы подробными сведениями о землях, которые прежде почитались недоступными пустынями, куда невозможно пуститься страннику, не подвергаясь очевидной опасности погибнуть. Ныне все эти страны столь уже известны, что в них путешествуют так же легко и удобно, как в европейских землях.

Когда московитяне победили запорожцев, то последние, не желая подчиняться победителям, решились лучше оставить свою отчизну, которой не могли защитить. В великом числе ушли они за Волгу, по коей дошли до Казани, а отсюда легко уже было достигнуть им Иртыша. Они продолжали потом путь свой до слияния Иртыша с Тоболом, где и основали город, получивший имя от сей реки [Тобольск]. Здесь распространились они и заняли, наконец, все земли в окрестностях Оби, которые составляют собственно Сибирь, получившую это название от славянского слова с и б и р, значащего север.

Недостаток удобств для жизни и средств для продажи мехов, особенно соболей, принудили потом сибирских казаков примириться с московитами и даже поддаться им, хотя горы и реки, окружавшие их и перерезывающие всю сибирскую страну, делали их безопасными для всяких оскорблений, на которые могли бы отважиться московитяне. Сибирь постепенно заселялась московитянами с тех пор, когда они начали обладать ею, ибо они усердно посылали туда своих яшучиков или соболиных промышленников, беспрерывно умножая число их препровождением в места, где соболей ловят, не только государственных преступников, но и офицеров и бояр, которыми были недовольны или которые казались им подозрительны.

Посредством своих хотя и весьма беспорядочных странствований проложили они множество новых путей, которые незаметно довели их до самого Китая. Все ведущие туда известные дороги совершенно различествуют одна от другой, однакоже мы узнали, каких именно надобно придерживаться, дабы безопаснее и скорее совершить путь...

Из описания различных татар, обитающих в стране между Обью и Китаем, мною изложенного, можно легко понять, что московитянам, поддерживаемым казаками, нетрудно было проложить себе путь от Сибири до великой империи Китайской, ибо не находили они никого, кто бы мог или хотел оспаривать у них власть над землею, и так как первые покоренные ими кротостью

или оружием сибирские народы имели сношения со всеми ордами, рассеянными далее, то посредством их производили они свои открытия и различными дорогами приблизились, наконец, к пределам Китая, где построили даже несколько крепостей, дабы вернее упрочить свои завоевания.

Самая отдаленная из этих крепостей называется Албазин. Она отстоит от Пекина не далее трех недель пути, а от Москвы до нее путь продолжается более трех месяцев. Находится она на реке Амуре, подавшей повод к войне, которую ныне ведут московитяне с китайцами.

Открытие бегемотовой кости сделано было жителями острова, откуда вышли, по словам московитян, первые колонии, населившие Америку. Вот что мы узнали о том от смоленского воеводы Мусина-Пушкина, одного из умнейших людей, каких только я видел, в совершенстве знающего все земли за Обью, ибо он долго был интендантом в канцелярии Сибирского департамента.

Спросивши нас в разговоре, какой мы с ним имели, каким образом, по мнению нашему, населилась Америка, когда мы сказали ему все, что обыкновенно о том думают, он отвечал нам, что по его мнению есть догадка, правдоподобнее нашей. «За Обью, — продолжал он,— находится огромная река, называемая Кавойна, в которую впадает другая, именуемая Лена. В устье первой из них, впадающей в Ледовитое море, есть большой и весьма населенный остров, весьма замечательный ловлею бегемотов[1], животного водоземного, зубы коего весьма дорого ценятся. Островитяне часто приезжают к берегам моря за ловлею бегемотов, и так как ловля их требует много труда и времени, то обыкновенно привозят они с собой свои семейства. Часто случается, что захватывает их здесь вскрытие моря и бедняков уносит неизвестно куда, на огромных кусках льду, отделяющихся один от другого. Не сомневаюсь, что многие из охотников, таким образом захваченных, доплывают на льдинах к северному мысу Америки, весьма недалекому от этой части Азии, оканчивающейся Татарским морем. Меня убеждает в мнении моем то, что американцы, обитающие на выдавшейся далее других в море сей стороне части Америки, одинакового вида с островитянами, которых ненасытная жадность прибытка подвергает погибели или опасному переезду в чужую сторону».

К тому, что говорил нам воевода, можно прибавить еще и то, что на американском берегу находят многих животных, которые также водятся и в Московии, особенно бобров, которые могли перейти туда по льду. Такая догадка кажется мне тем основательнее, что в Польше видел я, как огромные куски льду целиком плывут от Варшавы и уплывают далеко в Балтийское море. Надобно бы, для удостоверения в деле столь важном, разведать об языках, коими говорят два упомянутых, похожие один на другой народы, живущие один в Азии, другой в Америке, ибо если бы открылось

---

[1] Имеется в виду, повидимому, морж.

сходство в языке, то и сомнения в сходстве их более никакого не оставалось бы.

Весьма много любопытного могли бы мы узнать от упомянутого смоленского воеводы, который, без сомнения, может быть назван одним из самых просвещенных московитян, но мы боялись вопросами навлечь на себя подозрение. Заметив из ответов его, что он опасается причинить себе откровенностью какие-нибудь неприятности при дворе, мы не смели докучать ему нашим любопытством.

Здесь прилично было бы поговорить вообще о Сибири, если бы я мог сказать о ней что-нибудь особенное, но Сибирь не отличается от других областей Московии ничем, кроме сильного холода. Впрочем, судя по множеству городов и селений в этой отдаленной области, легко убедиться, что она не так дика и не так безлюдна, как обыкновенно о ней думают.

Германия в XVI и первой половине XVII века

Введение

История Германии XVI—XVII вв. представляет собой одну из самых сложных тем школьного курса. Раздел хрестоматии, посвященный этой теме, содержит документы весьма неоднородные по своему характеру и по степени сложности.

Документы не равноценны и по своему научному и политико-воспитательному значению. Одни из них характеризуют важнейшие исторические явления и призваны служить опорой при изучении настоящей темы, другие же отображают менее существенные моменты и играют подчиненную роль

Соответственно этому различию учитель прежде всего выделит те из них, которые будут использованы им для собственного рассказа, а затем сгруппирует остальные с целью использования их для ученических выступлений в классе и для внеклассных докладов учащихся

Весь раздел распределяется по следующим тематическим рубрикам:

1. Экономическое состояние и социальный строй Германии накануне реформации.
2. Немецкие гуманисты.
3. Реформация.
4. Крестьянская война.
5. Тридцатилетняя война.

Однако это подразделение материала условно. Так, для характеристики социального строя Германии можно и нужно привлекать оценки и суждения немецких гуманистов, которые помещены под рубрикой «Немецкие гуманисты», а для освещения политического строя приходится пользоваться отрывками из различных документов.

Приступая к изложению темы, посвященной реформации и Крестьянской войне в Германии, следует сразу же предупредить учащихся, что их не должно вводить в заблуждение название ее. «Реформация» — это термин, означающий преобразование церкви, к которому в XVI в. стремились представители различных общественных классов. С преобразованием средневековой католической церкви эти классы связывали свои желания и стремления, обусловленные реальными жизненными интересами их.

Этим определяется и та основная задача, которую учитель ставит перед учащимися: задача уяснения подлинного характера реформационного движения, в котором под религиозной и вероисповедной оболочкой выступают экономические, социальные и политические требования отдельных классов.

Напомнив учащимся уже знакомый им пример Джона Болла, вопрошавшего: «когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был дворянин»,— можно показать, что средневековый человек не формулировал свои требования просто и прямолинейно, а стремился их обосновать как требования, оправдываемые писанием. Эту особенность народных движений в средние века подчеркивает Энгельс: «...чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей, поэтому чтобы вызвать бурное движение, ее собственные интересы должны были представляться ей в религиозной одежде» [1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 675.

В связи с этой основной задачей необходимо уяснить экономическое и политическое положение Германии в начале XVI в., а на этой основе и положение отдельных общественных классов, выступивших в классовых битвах реформации со своими особыми стремлениями и требованиями.

Характеризуя то глубокое недовольство, которое католическая церковь вызывала в разных слоях населения Германии, учитель должен подчеркивать, что конфликт с католической церковью перерастал в конфликт с существующими социально-политическими порядками, а резкая критика церкви служила толчком к выдвижению новых социальных и политических требований.

При помощи карты учитель поясняет учащимся политическую раздробленность Германии в конце XV — начале XVI в. Сравнивая (на карте) пеструю мозаику германских владений с одноцветными территориальными массивами централизованных государств (Россия, Франция, Испания), учитель отмечает не только наличие в составе Германии многочисленных полунезависимых феодальных владений, но и значительное количество духовных княжеств, о захвате которых, естественно, помышляли немецкие князья и рыцари.

Карта позволит также отметить и немалое число городов, в ряду которых заметно выделяются независимые имперские города, являвшиеся средоточием ремесла и широко разветвленной торговли. С данными исторической карты легко связать и данные документов, рисующие экономическое состояние Германии.

Многие указания документов говорят о богатстве Германии. Однако внимательное изучение этих документов позволяет обнаружить противоречивые черты, свидетельствующие о ее хозяйственной неоднородности. Письмо Энея Сильвия Пикколомини (*документ 2*) говорит о «великолепном Кёльне», о Майнце, об «Аугсбурге, превосходящем все города мира», в том же документе сказано, что немецкие купцы в погоне за прибылью рыскают по всем странам. *Документы 3* и *4* свидетельствуют о роли, которую играл в Европе торговый и банкирский дом южнонемецких миллионеров Фуггеров, а *документ 10* рисует княжескую роскошь, которой отличается жилище этих богачей. Весьма важно подчеркнуть, что подобное процветание немецких купцов и городов отнюдь не являлось повсеместным.

Важен *документ 5*, говорящий об изгнании из Англии немецких ганзейских купцов (1598) по указу королевы Елизаветы. Однако еще до этого указа роль ганзейских купцов в Англии существенно изменилась. Поясняя этот исторический факт, учитель может указать на то, что господство иноземных купцов-посредников являлось терпимым и неизбежным лишь в те времена, когда Англия, Скандинавские страны и Новгородская Русь нуждались в их посреднических услугах. Когда же в этих странах сложилось собственное купечество, изгнание ганзейцев становилось лишь вопросом времени.

Документ 5 подчеркивает, таким образом, контраст между преуспевающими центрами южной Германии и торговыми городами немецкого севера, которые начинают приходить в упадок. Еще важнее указать на то, что коммерческое преуспевание и вольготная жизнь богатых бюргеров сочетаются с наличием в городах значительной массы бедняков с нищенством, о котором говорит Себастиан Франк в *документе 6*. По свидетельству этого автора, работает не более одной трети всех тружеников, тогда как остальные не имеют постоянного заработка.

Анализируя этот документ, учитель может показать, что даже такой передовой для своего времени мыслитель, как Себастиан Франк, бессилен был в объяснении причин нищеты и пытался усматривать причину этого бедствия в праздности и невоздержанности.

Учитель должен показать всю несостоятельность подобного объяснения, указав на то, что в период первоначального накопления положение основной массы населения—крестьян в деревне, ремесленников в городах — было чрезвычайно тяжелым вообще, на что указывает в своих сочинениях тот же Себастиан Франк.

Можно отметить, что нищета деревни ограничивала и дальнейшее промышленное развитие городов, не находивших покупателей для своих изделий. Следует указать и на то, что многие разоренные и безземельные крестьяне пополняли ряды наемников-ландскнехтов, характеристику которых дают *доку-*

менты 11 и *12*. Другие искали лучшей доли в городе, увеличивая растущую с каждым годом армию городских подмастерьев и поденщиков, которых Себастиан Франк в уже цитированном документе называет «четвертым сословием» и которых он характеризует как тружеников, лишенных постоянного заработка.

Обобщая содержание документов, учитель может дать оценку экономического состояния Германии как страны, в которой коммерческие успехи отдельных городов и купеческих фамилий лишь оттеняли картину бедственного положения крестьян и городского плебейства. Полезно подчеркнуть то возмущение чрезмерной роскошью, которое высказывает Себастиан Франк. Точка зрения Франка высказывалась многими и даже вызвала к жизни ряд постановлений, ограничивающих число костюмов для бюргера и число гостей за свадебным столом.

Стремление скрыть и замаскировать разительные контрасты между богатством и бедностью объяснялось страхом, который внушала растущая армия обездоленных жителей города и деревни.

На фоне этих имущественных контрастов и социальных противоречий еще сильнее ощущался гнет церковных вымогательств и поборов. В связи с этим следует обратить особое внимание на документы 1 и 2. Письмо Мартина Майера выражает общее недовольство Римом, который обирает население Германии «как варваров», делая Германию данницей жадного Рима и доводя население до бедности.

Письмо Майера интересно высказанной в нем недвусмысленной угрозой по адресу церкви, угрозой, исходящей от князей, которые «пробуждаются от сна». В этой угрозе можно видеть предзнаменование грядущей секуляризации, задолго до реформации уже прельщавшей немецких князей и рыцарей.

Письмо Энея Сильвия Пикколомини (документ 2) обнаруживает стремление автора доказать исключительное богатство Германии, для которой поборы римской церкви якобы не представляют бремени. В соответствии с этой тенденцией, автор письма подбирает в качестве аргумента лишь те факты, которые рисуют Германию богатой страной, пренебрегая всеми противоположными сведениями.

Самая возможность столь противоречивых оценок состояния Германии определяется противоречивым характером экономики Германии.

Ясную и содержательную оценку различных общественных групп дает Себастиан Франк. Слова Франка о хищниках-дворянах представляют особый интерес, поскольку в них выражено резко отрицательное отношение к дворянству, которое перекладывает бремя всех тягот на шею горожан. Осуждение паразитического дворянства, его кичливого высокомерия, его усобиц отражает точку зрения передового немецкого горожанина. Слова Франка полезно процитировать в классе и сопоставить с ними относящиеся к дворянству суждения Эразма Роттердамского, помещенные в *документе 13*, «О людях, тщеславящихся своим происхождением», названных Эразмом — «родовитыми скотами», умственное убожество которых нисколько не скрашивалось их мнимым благородством происхождения. Дополнением к оценкам Себастиана Франка и Эразма Роттердамского явится содержание *документов 7* и *8* — отрывок из автобиографии Гёца фон Берлихингена и песнь рыцарей отряда Шванкенбаха рисует бандитизм разорившегося немецкого рыцарства, промышляющего на большой дороге.

Для характеристики германских князей и придворных учитель может использовать полную иронии оценку представителей высшей германской знати, данную Эразмом.

Характеристика немецкой знати и рыцарства на основе оценок Себастиана Франка и Эразма Роттердамского, а также документов 7 и 8 может быть предметом ученического доклада.

На основе суждений Эразма (документ 13), отрывка из «Писем темных людей» (*документ 14*) и отрывка из «Вадиска» (*документ 15*) может быть построен ученический доклад на тему: «Церковь и ее служители в изображении немецких гуманистов».

К суждениям Эразма примыкают по содержанию приводимые отрывки из «Писем темных людей», представляющие насмешку над формальным благочестием, соблюдением постов и верою в индульгенции.

Учителю рекомендуется рассказать о том, как появились на свет «Письма темных людей» и как первоначально они были приняты за чистую монету теми, против кого их направляли.

Следует предложить одному-двум учащимся сделать доклад на тему «Положение крестьян в Германии на основе выдвинутых ими требований и жалоб». В этом случае можно использовать *документы 26* и *27*. В устном сообщении учитель может указать на усиление феодальной эксплоатации в юго-западной Германии, отметив произвольное увеличение барщины и оброка и захват крестьянских общинных земель.

Переходя от предреформационной эпохи к самой реформации и к истории Крестьянской войны (нашедших классическое изображение в работе Энгельса «Крестьянская война в Германии»), учитель может указать, что недовольство церковью, охватившее разные слои населения Германии, неизбежно обусловило общенациональный характер реформационного движения на первом его этапе, но столь же неизбежно, на более позднем этапе реформации, должно было обнаружиться расхождение между отдельными классами, каждый из которых по-своему понимал задачи реформации и, в соответствии со своими интересами, связывал с ней и совершенно различные цели.

При помощи наводящих вопросов учителя учащиеся сами могут определить, чего ожидали от реформации эти общественные классы.

Если рыцарству и части князей реформация сулила секуляризацию недвижимой и движимой церковной собственности, то основной массе бюргерства она, по выражению Энгельса, обещала «дешевую церковь», т. е. освобождение от гнета церковных вымогательств; бесправная же масса деревенского населения и сравнительно немногочисленная прослойка предпролетариата (рудокопы, ткачи) связывала с реформацией свои надежды на коренное общественное переустройство.

Этими указаниями учитель достигает понимания того, почему начало реформации вылилось в общенациональный протест против католической церкви, а дальнейшие годы были ознаменованы жестокой классовой и политической борьбой.

Следует позаботиться о том, чтобы у учащихся ни в коем случае не создавалось ложного представления, будто реформация была вызвана выступлением Лютера Напротив, они должны понять, что это выступление было лишь внешним толчком, обнаружившим давно назревший протест против церкви.

Здесь уместно воспользоваться формулировкой Энгельса, писавшего, что «Тезисы тюрингского августинца * оказали то же действие, как удар молнии на бочку пороха»[1].

Документы 17 и *18* могут быть процитированы в классе. Их выразительность и краткость устраняют необходимость комментариев. Зато *документы 16, 19, 20, 21* и *22*, отражающие деятельность Лютера, нуждаются в комментариях.

Важно обратить внимание учащихся на то возмущение, с которым Лютер говорит о Риме Знакомство с ним будто бы произвело на Лютера гнетущее впечатление. С этим признанием интересно сопоставить содержание документов 19 и 20, рисующих действительное отношение Лютера к Риму в 1517 и в 1518 гг., т. е. после того, как он посетил Рим (в 1510 г.) и якобы убедился в его порочности.

Выдержки из 95 тезисов могут быть прочтены в классе. Перед учащимися уместно поставить вопрос: выступает ли Лютер в этом документе противником папства и осуждает ли он папство? Разумеется, в 95 тезисах он пытается объявить виновниками торговли индульгенциями не папу, а исполнителей его воли — продавцов индульгенций. Поясняя значение 95 тезисов, учитель может отметить крайне сдержанный тон этого документа, который сыграл свою историческую роль лишь потому, что тысячи людей были полны негодования против церкви и восприняли его как сигнал к началу борьбы против папы.

Чрезвычайно интересен *документ* 20. Он показывает, что даже через год

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 156.

* То есть Лютера.

после своего первого выступления Лютер все еще не дерзал осуждать папу, о чем свидетельствует подобострастный, раболепный тон послания к папе. Вместе с тем содержание этого послания показывает, что Лютер, учитывая обстановку, был убежден в том, что Германия бесповоротно вступила на новый путь и что поэтому никакое отречение Лютера от прежних своих выступлений не могло бы привести к прекращению начавшегося движения.

Анализ документа покажет, что Лютер не был сознательным зачинателем реформационного движения, а лишь ходом событий был поставлен в положение его вдохновителя — положение, от которого Лютер не мог и не хотел отказываться, так как видел стихийную силу реформации и прельщался выпавшей на его долю ролью. Документ 22, относящийся к 1520 г., показывает, что под влиянием обстановки Лютер перешел к открытому протесту против папства, называя папских сторонников «приспешниками сатаны». Секрет мнимого мужества Лютера раскрывает он сам, указывая, что к папской булле всюду относятся с презрением.

Таким образом, лишь готовность всей страны идти на разрыв с Римом побудила Лютера отказаться от осторожности и подобострастия перед папой и перейти к резким нападкам и обличительным выпадам против католической церкви.

Документ 21 чрезвычайно интересен. В послании к «христианскому дворянству немецкой нации» Лютер, подобно Гуттену, противопоставляет «несчастную нацию» римским прелатам, которые названы «кучкой ловкачей». Здесь же авторитет соборов противополагается авторитету папы, а само священное писание, как единственно неоспоримый источник истины, противопоставлено папским повелениям и толкованиям. Тем самым папы характеризуются как ложные истолкователи писания и насильники над церковью, волю которой олицетворяют соборы.

Ниспровергая папский авторитет, Лютер уже в этом своем послании проводит мысль о равенстве мирян и духовенства. Основываясь на этой мысли, сторонники Лютера, естественно, могли домогаться упразднения всех привилегий и материальных преимуществ духовенства.

Еще важнее для характеристики социально-политического облика Лютера мысль о том, что все люди — и миряне и духовные лица — обязаны повиноваться светским властям. Этой холопской мысли Лютер остается верен и в дальнейшем, доказывая необходимость полного подчинения реформированной церкви светским властителям — князьям. Недаром Маркс называл Лютера «княжеским холопом».

Документ 23 явится иллюстрацией и дополнением к рассказу учителя о Вормском сейме. Этот документ показывает бессильный гнев императора, не дерзнувшего наложить руку на Лютера, за спиной которого стояли открыто ему сочувствовавшие и ободрявшие его рыцари и князья Германии.

Документы 24 и *25* следует рассматривать после документов, посвященных Крестьянской войне.

Ознакомление с документами о Крестьянской войне удобно начинать с *документов 25*, *26*, *27*, *28* и *29*, отражающих воззрения и роль Томаса Мюнцера. Документ 25 позволяет сразу же противопоставить умеренному бюргерскому реформатору Лютеру — Томаса Мюнцера, которого Энгельс считал «самой величественной фигурой Крестьянской войны».

Весьма полезно процитировать в классе слова Мюнцера о том, что «если Лютер не желает идти дальше нападок на попов и монахов, то ему и не следовало браться за дело». Следует тут же разъяснить, что именно разумел Мюнцер под словом «дело». Для него оно означало необходимость превратить начавшуюся реформацию в народную революцию. Правильность этого положения подтверждается содержанием документа 26, в котором Мюнцер с изумительной остротой и ясностью характеризует имущественное неравенство как величайшее зло и раскрывает все лицемерие классовой морали, оправдывающей злодеяния сильных и карающей бедняка за ничтожную кражу.

Документ 28 позволяет охарактеризовать взгляды Мюнцера на организацию власти, которая, по его мнению, должна безраздельно принадлежать общине, возлагающей определенные полномочия на своих доверенных лиц.

Документ 27 свидетельствует о том, что Мюнцер, в отличие от многих своих современников — мечтателей анабаптистов,— считал, что светлое будущее нельзя пассивно ожидать, ибо оно достижимо лишь в результате борьбы, требующей «низвержения неправедных» и «возвышения униженных».

В тесной связи с этой ясно осознанной необходимостью осуществить общественное переустройство путем борьбы, стоит и воззвание Мюнцера к мансфельдским рудокопам (документ 29). В нем обращает на себя внимание не только решительность, горячий призыв к единению, но и глубоко прозорливое предостережение об опасности, которую таит в себе соглашение с вероломным и на все готовым противником. Обоснованность этой тревоги, как известно, доказывается всем последующим ходом Крестьянской войны.

Чтобы учащиеся поняли содержание документа, им надо объяснить, что Мюнцер, будучи борцом за революционное переустройство общества, являлся сыном своего века, одним из тех людей, чьи чувства и мысли, по выражению Энгельса (цитированному выше), были вскормлены религиозною пищей и потому-то все цели и задачи Мюнцеру, как и людям его эпохи, представлялись в религиозном свете.

Поэтому беззаветно борясь за подлинное равенство всех людей, Мюнцер называл общественную справедливость «божественной справедливостью», а ее противников — «безбожниками».

Документ 24 говорит о той острой ненависти, которую глава умеренной реформации Мартин Лютер питал к смелому вождю народной реформации Томасу Мюнцеру, гибели которого Лютер настойчиво добивался.

Видя, что Мюнцер опасен для князей и господ, Лютер стремился подсказать властям такой способ действия, который помог бы уменьшить влияние Мюнцера на массы. Именно поэтому он предлагает объявить Мюнцера лжепророком, надеясь таким путем развенчать его и подорвать доверие к нему народных масс.*Документ 32* посвящен союзу «Крестьянского башмака». Этот документ позволяет учителю показать, что еще до реформации стихийно прорывалось недовольство крестьян. Оно нашло свое выражение в организации тайных союзов. Эмблемой восставших крестьян был грубый крестьянский башмак с развязанными ремнями, олицетворявшими развязанный узел: освобождение от неволи. Характерно, что крестьяне не намечали захвата помещичьей земли и ее передела, они не ставили своей задачей и организованную борьбу с врагом.

Важно отметить, что раскрытие тайного союза и тяжкие репрессии не лишили крестьян воли к борьбе за достижение своих целей. Рассказ о Крестьянской войне необходимо связать с более ранними проявлениями крестьянского недовольства.

Документы 33 и 34 характеризуют две основные программы восставших крестьян: «12 статей» и «Письмо-тезисы». Полезно предложить учащимся законспектировать оба документа и сравнить их. Учащимся следует разъяснить, что ни требование возврата отнятых у крестьян общинных угодий, ни требование умеренного оброка («12 статей») не влекло за собой ликвидации феодального землевладения, а предполагало лишь смягчение бремени феодальных обязательств и доведение их до прежнего уровня, о котором помнили крестьяне старшего поколения, так как жизнь в деревне резко изменилась к худшему на памяти одного поколения. Важно обратить внимание учащихся на наивную уверенность в том, будто все крестьянские требования вполне согласуются со священным писанием. Комментируя это обстоятельство, учитель может напомнить, как цинично отозвался Лютер о «12 статьях», указав, что, согласно библии, еще праотец Авраам имел рабов и, следовательно, рабство не противоречит священному писанию.

В противовес «12 статьям», «Письмо-тезисы» представляет собой краткую и конкретную боевую программу революционного действия, на всем содержании которой лежит печать ее автора — Мюнцера. «Письмо-тезисы» выдвигает революционное переустройство общества — ликвидацию классовых и сословных различий, учреждение единого христианского братства, объединяющего всех честных тружеников, уничтожение замков и монастырей, с обязательным переселением их обитателей в обыкновенные дома.

Учителю следует объяснить, что преобладающая масса крестьянства оказалась под влиянием зажиточных элементов деревни, желавших смягчения феодального гнета, но не отваживавшихся посягнуть на феодальную собственность, считавших всякую собственность неприкосновенной, а потому и чуждых мысли о насильственном ее отчуждении.

Следует подчеркнуть, что за Мюнцером шел передовой, но количественно незначительный революционный авангард тогдашнего предпролетариата — рудокопы Тюрингии, ткачи и наиболее сознательная часть деревенской бедноты.

Документ 35 имеет вспомогательное значение; он характеризует общий размах движения и рисует силу того впечатления, которое это движение производило на современников

Документ 36 — Гейльбронская программа — может быть использован целиком для внеклассного доклада, посвященного Крестьянской войне. Учитель может в своем рассказе ограничиться пересказом его основного содержания, отметив, что в этом документе крестьянские требования отодвинуты на задний план интересами бюргерства. Самое построение Гейльбронской программы показывает, почему этот документ не мог воодушевлять крестьян и способствовать их единению с бюргерством.

Документы 37 и *38* следует связать с документом 39. Отдельные строки Лютера целесообразно процитировать в классе, чтобы показать, как Лютер, этот признанный вождь реформации, сначала пытался сыграть роль миротворца, примиряющего два враждебных лагеря, и даже говорил, что «восстали не крестьяне, а сам бог», — а позднее, когда обнаружилась полная невозможность компромисса, открыто перешел на сторону реакции и выступил с самым оголтелым призывом к кровавой расправе над восставшими крестьянами.

Документ 39, относящийся к 1529 г., показывает, как Лютер пытался проповедывать крестьянам смирение и покорность, уверяя, что жизнь крестьян самая лучшая и спокойная, поскольку князья великодушно берут на себя бремя всех забот и тягостей Слова этого елейного и лицемерного увещевания (о соке виноградном) стоит процитировать в классе, напомнив, что одновременно Лютер формулировал свое решение социальной проблемы в простой и циничной фразе «Ослу — плеть, кладь и пища!»— разумея под этим ослом германское крестьянство.

Документы, относящиеся к Тридцатилетней войне, характеризуют отдельные стороны этого периода Они освещают международные отношения в начале XVII в., знакомят с характером тогдашней армии, рисуют последствия Тридцатилетней войны и, наконец, показывают, как с помощью Вестфальского мира была закреплена раздробленность Германии.

Рассказывая о причинах, вызвавших к жизни Тридцатилетнюю войну и возникновение в самой Германии двух враждебных лагерей, объединивших под знаком «евангелической унии» и «католической лиги» группировки северного и южного немецкого дворянства, учитель должен отметить и ту значительную роль, которую играли соседние с Германией страны в разжигании длительного конфликта

Документ 41 относится к датскому периоду Тридцатилетней войны. Тем не менее он ярко отражает общую точку зрения французских государственных деятелей и дипломатов, более всего опасавшихся победы императора и превращения раздробленной Германии в сильную и единую державу Именно это опасение, как показывает документ, и побуждало Францию и другие европейские державы (Голландию, Англию) оказывать финансовую поддержку сначала Дании, а затем Швеции и способствовать вторжению в Германию датских и шведских войск.

Очень важны *документы 42* и *43*. Они говорят о той большой роли, которую в международных отношениях XVII в. стало играть Русское государство, и объясняют, почему шведская экспансия приняла новое направление. Шведский король Густав-Адольф (1611—1632), выдающийся полководец и недюжинный политик XVII столетия, посвящает свою речь (документ 42) заключенному незадолго перед этим Столбовскому миру 1617 г. между Россией и Швецией. Характеризуя то значение, которое этот мирный договор может иметь для Швеции, Густав-Адольф, выступая перед лицом шведского сейма,

стремится доказать, что он добился исключительно благоприятных условий для Швеции. Он пытается убедить сейм в том, что земли, перешедшие по Столбовскому договору к Швеции, обеспечат ей перевес в случае войны с Россией.

Учитель сможет показать всю необоснованность этого утверждения, напомнив учащимся о последующих событиях Северной войны. Он легко сможет показать, что Густав-Адольф явно переоценивал достигнутые им в 1617 г. стратегические преимущества, которые впоследствии (во время Северной войны) не спасли Швецию от поражения, нанесенного ей Петром I.

Густав-Адольф, стараясь преувеличить свои военные успехи, говорит членам сейма о своей победе над Россией. Уместно напомнить учащимся, что миру с Россией предшествовали отнюдь не победы, а, напротив, военные неудачи шведов, безуспешно штурмовавших героический и неприступный для них Псков. Но в своей речи Густав-Адольф находит возможным сказать и правду, когда он дает объяснения прежним успехам польских интервентов в России. В этом случае он совершенно правильно усматривает истинную причину временных успехов польских захватчиков в том, что в России в ту пору отсутствовало внутреннее единство. Шведский король прямо говорит, что: «Поляки хищничали, захватив раздираемую усобицами Россию»— и тут же он указывает, что «стоило русским соединиться, и поляки были с позором изгнаны из Москвы, как собаки».

Давая верную оценку причинам временных успехов и причинам конечной неудачи польских захватчиков, Густав-Адольф сознательно не договаривает того, что его оценка может и должна быть отнесена и к шведским интервентам, которые так же, как и польские шляхтичи, преуспевали только в период внутренних раздоров на Руси. Именно эту невысказанную вслух мысль Густав-Адольф и кладет в основу всех своих дальнейших выводов и планов.

С этой мыслью стоит в неразрывной связи представляющий наибольший интерес главный вывод Густава-Адольфа, во-время сумевшего понять, что Россия, едва вышедшая из полосы внутреннего кризиса и еще не успевшая даже залечить своих кровавых ран, уже представляет собой неодолимо сильную, могущественную державу, всякое посягательство на которую безнадежно и безрезультатно.

Этот основной вывод, имевший решающее значение, и определил оценку Густавом-Адольфом всей международной обстановки, а с ней и те новые внешнеполитические задачи, которые Густав-Адольф ставит перед Швецией, ее сеймом и ее войском.

Густав-Адольф считает нужным жить в мире с Россией и предпочитает осуществлять дальнейшее усиление Швеции за счет других сопредельных с Швецией балтийских государств, и в первую очередь за счет Польши. Таким образом, документ позволяет установить, что новое направление шведской внешней политики было обусловлено таким решающим фактором, как мощь России, осознанная Густавом-Адольфом.

Подчеркивая роль, которую Россия сыграла в планах и в действиях Густава-Адольфа, уместно рассказать о том, что быстрым военным успехам, достигнутым шведами в Германии, способствовало большое количество продовольствия, которым Швецию снабжала Россия. При этом характерно отметить, что количество хлеба, предоставленного Россией, позволяло не только обеспечить пропитание шведских солдат, но и продажу излишков хлеба в Голландию. Это давало значительные средства для выплаты жалованья шведским войскам. Не меньшее значение имела и русская селитра, обеспечившая достаточное количество пороха для шведской армии. Таким образом, ведя войну в Германии, Густав-Адольф имел возможность в широких размерах использовать русскую помощь и этим доказать полную целесообразность своевременного установления благоприятных для Швеции взаимоотношений с Россией.

Документ 43 представляет собой обвинение, которое Густав-Адольф бросает польскому королю Сигизмунду, как ставленнику иезуитов и вероломному государю. Это обвинение является открытым призывом к войне с Польшей. Комментируя этот документ, учитель может напомнить, что польский король Сигизмунд III Ваза (1587—1632), заклятый враг Русского государства, являлся претендентом на шведский престол и находил поддержку у католических госу-

дарей — императора Фердинанда II и у короля Испании. Поскольку Сигизмунд III не отказывался ни от своих притязаний на шведский престол, ни от намерения возвратить себе Ливонию, отнятую шведами, Густав-Адольф выступил с открытыми обвинениям и по адресу польского государя.

Характеризуя значение этого выступления, учитель может подчеркнуть, что вскоре после этого Густав-Адольф перенес военные действия на территорию герцогства Прусского, где, захватив ряд крепостей, угрожал Гданську.

Связывая содержание документов 42 и 43 с последующими событиями Тридцатилетней войны, учитель сможет указать, что Ришелье и его дипломаты упорно стремились примирить Швецию с Польшей для того, чтобы развязать руки Густаву-Адольфу и позволить ему вторгнуться в Германию (это стремление Франции, как известно, увенчалось успехом в 1629 г и выразилось в подписании шведско-польского Альтмаркского перемирия).

На основе *документов 44* и *47* можно предложить ученику охарактеризовать армию времен Тридцатилетней войны. Вспомогательный материал может быть найден в книге Дельбрюка «История военного искусства», том IV.

Последствия Тридцатилетней войны отчетливо отражены в *документах 45* и *46*, которыми можно иллюстрировать рассказ учителя.

Документы 48 и *49* очень трудны. Тем не менее это исключительно важные источники. Основываясь на них, можно дать краткую обобщенную характеристику территориальных изменений, предусмотренных Вестфальским миром, которые должны быть пояснены при помощи школьной исторической карты. С этими важными территориальными изменениями учитель должен связать и оценку неизбежных для Германии тяжелых экономических последствий отторжения от нее Балтийского побережья.

Таким образом, по воле победоносных держав, была надолго закреплена политическая раздробленность. Каждому из многочисленных германских князей было предоставлено право самостоятельно вести внешнюю политику, право, которое знаменовало суверенитет мелкодержавных княжеств, отныне получавших возможность вступать в соглашения с европейскими державами помимо германского императора и даже вразрез с его волей.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс, Хронологические выписки, т. III, IV и VI, «Архив Маркса и Энгельса», т. VII (1470—1580), т. VIII (1580—1648). Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Соч., т. VIII. Ф. Энгельс, Заметки о Германии, «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 343—347. Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, Соч., т. XIV. Ф. Энгельс, История прусского крестьянства, Соч., т. XVI, ч. I,

* * *

Документы 1 и 2 взяты из книги «Предшественники новейшего социализма», под ред. К. Каутского. Документы 3, 6, 7, 10, 11, 12, 16, 17, 21, 22, 23, 30, 31, 46, 47, 48 и 49 взяты из хрестоматии проф. П. Н. Ардашева «Новая история в отрывках из источников». Документ 4 взят из «Хрестоматии по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время», под ред. В. П. Волгина. Документ 5 переведен А. Д. Эпштейном. Документы 8 и 9 взяты из «Хрестоматии по истории западноевропейской литературы» (эпоха Возрождения), составленной Б. П. Пуришевым. Документы 13 и 14 даны в переводе Н. А. Куна. Документ 19 взят из книги К. Лампрехт «История немецкого народа», т. III. Документ 20 взят из книги проф. Н. Кареева «История Западной Европы в новое время», т. II. Документы 24, 25, 26, 27, 28, 29 взяты из книги Розенталя «Томас Мюнцер». Документ 39 взят из сборника «Источники по истории реформации», ч. I, составленного под ред. проф. Д. Н Егорова. Документы 42 и 43 взяты из книги проф. Б. Форстена «Балтийский вопрос в XVI и XVII веках». Документ 45 взят из книги Э. Лависса «Возникновение современной Пруссии». Документы 33, 36, 37 и 38 даны в переводе Н. Савина и Д. Егорова. Документы 32, 35 и 41 переведены С. Д. Сказкиным. Документ 34 переведен М. М Смириным.

Введение написано А. Д. Эпштейном.

А. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XV И В НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

1. ИЗ ПИСЬМА МАРТИНА МАЙЕРА К ЭНЕЮ СИЛЬВИЮ ПИККОЛОМИНИ

М. Майер, канцлер Майнцского архиепископа, написал это письмо известному итальянскому гуманисту Э. С. Пикколомини около 1456 г., когда тот получил от папы сан кардинала. Письмо это важно в том отношении, что оно подчеркивает, как римская курия обирала Германию и задолго до начала реформации отмечает недовольство немецкого народа римской церковью.

Изобретены тысячи способов, с помощью которых престол римский незаметно забирает у нас, как у варваров, золото. Вследствие этого нация наша, раньше так доблестно завоевавшая своею храбростью и кровью Римское государство и бывшая властительницей и королевой мира, теперь впала в бедность, сделалась чужой прислужницей и данницей и, пресмыкаясь во прахе, уже многие годы оплакивает свои несчастия и бедность. Но теперь князья наши пробудились от сна, начали обсуждать, нельзя ли помочь горю, и решили окончательно стряхнуть с себя иго и добиться прежней свободы. И для римской курии будет немалым бедствием, если князья Римской империи осуществят то, что они задумали.

2 ИЗ ЭНЕЯ СИЛЬВИЯ ПИККОЛОМИНИ

Автор — итальянский гуманист (1405—1464), с 1456 г. кардинал и с 1458 г. папа (под именем Пия II). Много путешествовал по Германии и в 1458 г., незадолго до его избрания папой, выпустил книгу «De Ritu, Situ, Moribus ac Conditione alemaniae» Lips. 1458 г. Написанная в ответ на письмо М. Майера, она слишком приукрашивает положение в Германии.

Мы говорим прямо: никогда Германия не была более богатой и положение ее более блестящим, чем в настоящее время. Немецкая нация по величию и силе стоит впереди всех других, и можно действительно сказать, что нет народа, которому бы бог оказал столько милостей, как немецкому. Повсюду видим мы в Германии обработанные поля, засеянные хлебом нивы, виноградники, сады и огороды по селам и предместьям; всюду красивые здания, изящные виллы, замки на возвышенностях, окруженные стенами города. Если мы пройдем по наиболее замечательным из этих городов, то мы воочию увидим богатство этого народа, красоты этой страны. Где найдется в Европе город великолепнее Кёльна с его чудными церквами, ратушами, башнями, крытыми свинцом зданиями, с его богатыми жителями, его великолепной рекой [1] и окружающими его плодородными нивами? Пойдем дальше — в людные Гент и Брюгге [2], эти складочные места товаров для всего Запада; пойдем далее, в очаровательные города Брабанта: Брюс-

[1] Рейном.
[2] Теперь в Бельгии.

сель, Мехельн, Левен[1]. Возвращаясь обратно по течению Рейна, мы увидим Майнц, старинный город, обильно украшенный великолепными общественными зданиями и домами граждан, славящийся своим собором и своими церквами. Во всем городе нельзя заметить никакого недостатка, кроме тесноты улиц. Далее — Вормс, хотя и небольшой, но очень красивый город. Всем понравится также очень людный и красиво расположенный Шпейер. Страсбург с его многочисленными каналами — вторая Венеция, но здоровее и приятнее, потому что в венецианских каналах соленая и зловонная вода, в страсбургских же речная и чистая. Кроме изумительного по своей архитектуре собора, там есть много замечательных церквей и монастырей. Многие из домов духовенства и граждан так красивы, что ни один король не постыдился бы жить в них. В Базеле церкви и частные дома покрыты разноцветной глазированной черепицей; эти крыши при ярком солнце представляют восхитительное зрелище. Чистые, окруженные садами, фонтанами и дворами дома граждан оштукатурены снаружи белой известью и расписаны. Берн[2] так могуществен, что без особых усилий может выставить 20 тыс. вооруженных. Аугсбург превосходит по своему богатству все города в мире[3]. Блестящ и Мюнхен. В Австрии Вена — самый красивый город с истинно королевскими дворцами и с такими церквами, которым могла бы изумиться Италия. К сожалению, нам нехватает достаточно таланта, чтобы описать впечатление, производимое церковью св. Стефана. Послы из Боснии, долго смотревшие на ее колокольню в изумлении, под конец воскликнули: «Эта башня стоит дороже целой Боснии!».

Если правда, что там, где есть купцы, можно найти и богатства, то надо признать, что немцы — богатейшая нация, так как большая часть их в погоне за торговой прибылью рыскает далеко по чужим странам... Не следует забывать золотых и серебряных рудников, которые раньше были неизвестны, а теперь открыты в Германии. В Богемии Куттенберг, в Саксонии Ранкберг, в Мейссене Фрейберг на головокружительных высотах имеют неисчерпаемые залежи серебра... Есть ли где-нибудь в Германии гостиница, в которой пили бы не из серебряной посуды? Какая женщина не только среди знатных, но и среди плебеев не щеголяет золотыми украшениями? Надо ли мне указывать на шейные цепи рыцарей и выкованные из чистого золота уздечки их коней, на шпоры и ножны мечей, усеянные драгоценными камнями, на перстни и перевязи, на панцыри и шлемы, сияющие золотом? Как прекрасна там церковная утварь, как много реликвий, оправленных в золото и жемчуг, как богаты убранство алтарей и одежды священнослужителей!

---

[1] Теперь в Бельгии.
[2] Теперь столица Швейцарского союза.
[3] Явное преувеличение.

3. ФУГГЕРЫ И КАРЛ V

Из письма Якоба Фуггера Карлу V в 1523 г.

Чтобы доставить вам римскую корону, мы дали обязательство некоторым князьям, которые верили мне и, быть может, больше никому; мы дали вашим комиссарам большую сумму наличными деньгами, которые мы в значительной степени достали у наших друзей.

Ясно, как день, что без моей помощи ваше императорское величество не могли бы получить римской короны. Отложись я от австрийского дома и перейди к Франции, я заработал бы много денег, как мне предлагали.

4. СОСТОЯНИЕ ИМПЕРСКИХ ФИНАНСОВ

Из переписки императора Карла V с инфантом и великим комтуром

ВЕЛИКИЙ КОМТУР ЛЕОНА, ФРАНЦИСКО де-лос КОБОС, ИМПЕРАТОРУ КАРЛУ V

1546 г., 8 января

Я послал вашему величеству отчет о том, как почти все, что имеется в обычных доходах, и в круцаде [сбор на крестовый поход], и полугодовом сборе, и орденских доходах, уже сдано на откуп и израсходовано, и, кроме того, теми займами, которые взяли в. в. и королева Мария, и теми, которые мы послали в. в., поглощено будет все золото, которое прибыло из Индии и которое было взято у частных лиц, а также и то, что имеется от этих доходов и откупов и от продажи должностей. Уже израсходованы доходы за 1547 г., так что вплоть до конца 1548 г. нет ничего, подо что можно было бы выдать вексель или что можно было бы сдать на откуп из служб, или круцады, или судебных штрафов. А теперь ведь только начало года, а на обычные и необходимейшие расходы нужно более 700 тыс. дукатов, и у меня нет ничего, что можно было бы сдать на откуп, как это в. в. усмотрит из прилагаемой при сем записки. Я был так удручен и огорчен, когда увидел это, что не знаю, какое средство и что делать, в особенности, получив вести от в. в. о том, что, по его мнению, французы не будут соблюдать мира... Во всем королевстве нет никого, кто согласился бы купить какую-либо должность или доходы от нее. Ничего невозможно сделать! Войско умирает с голоду, жалованье не уплачивается уже в течение года и четырех месяцев... Много еще и других вещей, которые требуют расходов, на что у меня нет больше денег сверх того, что указано в отчете. Как я писал в другом письме в. в., главная цель, которая здесь преследовалась,— это услужить вам. Я дошел до такого предела истощения всех средств, что из всех богатств уже ничего больше нельзя ни взять, ни сделать. Бог свидетель, как тяжело мне было это открыто говорить в. в., но меня побуждали к этому сооб-

ражения, чтобы в. в. знали, что произошло, и чтобы в. в. не надеялись, что ему возможно будет получить отсюда помощь.

... Единственной статьей, откуда можно было бы извлечь некоторые средства, является аренда маэстразгос [доходы от духовно-рыцарских орденов]. Срок прежнего договора истекает в конце этого года, и уже время вступить в соглашение относительно дальнейшей аренды... Необходимо рассмотреть тех лиц, кому передать аренду... В числе тех, о которых говорили, были и Фуггеры. Я хотел бы, чтобы они получили ее, ибо, помимо того, что будут твердо соблюдены все условия, вассалы ордена до сих пор пользовались от них хорошим обращением; можно будет также переговорить с ними, чтобы они дали в. в. пособие в 150 тыс. дукатов, которые нужны в нынешнем году для двора и получить которые иным путем я не вижу возможности. Представители Фуггеров хотели бы, чтобы дело об аренде и займе было передано в Германию, дабы в. в. приказали переговорить о нем с самими хозяевами [т. е. с Фуггерами]. Мне кажется правильным это, но до того, как это будет сделано, следовало бы здесь узнать от них, что они хотят предложить.

5. ИЗГНАНИЕ ГАНЗЕЙЦЕВ ИЗ АНГЛИИ

(Донесение из Кёльна от 12 февраля 1598 г.)

Письма из Амстердама подтверждают изгнание немецких купцов из Англии. Это принесет ущерб многим и в особенности купцам из восточных владений, которые долгие годы вели в Лондоне торговлю и имели там собственный дом.

КОРОЛЕВСКИЙ ДЕКРЕТ ОБ ИЗГНАНИИ

Мы, Елизавета, божией милостью королева Англии, Франции и Ирландии, защитница веры, шлем привет нашему любезному и верному мэру и судье нашего города Лондона. Под именем «мандата» последовала жалоба со стороны римского императора ко всем курфюрстам, епископам, графам, сословиям и подданным, адресованная по поводу несправедливостей, чинимых в нашем королевстве по отношению к союзным ганзейским городам.

Римский император жалуется на убытки, причиненные ганзейскими городами со стороны наших купцов, именуемых «Merchant Adventurers»[1]. Его жалоба явно противоречит всякому праву и всяческой справедливости. Между тем нашим купцам не только запрещается торговать в Римской империи, но и под угрозой штрафа и наказания предлагается избегать [посещения] страны и воспрещается выступать в качестве негоциантов в гаванях или иных центрах империи. Им угрожают тюремным наказанием и конфискацией всего их имущества, а равно и всякие другие крайние

[1] Компания «купцов-предпринимателей».

запреты преследуют наших подданных. Мы в свое время послали римскому императору, курфюрстам и другим князьям письмо, чтобы был известен наш ответ на выпады ганзейских городов.

Мы домогались в этом письме, чтобы [указанный выше] запрет был не отменен, а лишь отсрочен. Но так как мы сомневаемся, чтобы все это имело успех, мы сочли целесообразным предложить выехать всем пребывающим в нашем королевстве ганзейцам и подданным Римской империи.

Это особым образом относится к тем, кто живет в «Немецком дворе» в городе нашем Лондоне. К этим мы применили те же угрозы, которые содержатся в императорском указе.

Для выполнения настоящего декрета повелеваем вам, нашему майору и судье упомянутого города Лондона, тотчас пойти к дому, называемому «Немецкий двор», потребовать находящегося там старосту этого дома и сообщить ему содержание настоящего нашего декрета.

Прикажите ему к 28-му числу этого месяца, дню, когда наши купцы должны покинуть Римскую империю, оставить пределы нашего королевства. Вы прикажете далее, чтобы все лица, служащие ганзейским городам и принадлежащие к подданным Римской империи, выехали к тому же указанному нами дню. Вы возьмете с собой вашего майора и судью и двух офицеров, чтобы 28 января вступить в распоряжение «Немецким двором». Это [действие декрета] будет длиться до тех пор, пока мы не узнаем о наличии каких-либо путей и способов обеспечить снова нашим подданным возможность торговли в Римской империи.

В подкрепление нашей воли мы опубликовали этот указ в нашем королевском совете.

13 января на сороковом году нашего правления.

Примечание. Действие этого декрета не распространяется на те расположенные в Польше ганзейские города, которые не имеют ничего общего с упомянутой выше императорской жалобой.

Б. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ГЕРМАНИИ XV—XVI ВЕКОВ

6. ДВОРЯНСТВО, БЮРГЕРСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО В ГЕРМАНИИ В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ

(По свидетельству современника)
(1534 г.)

Этот отрывок принадлежит перу немецкого религиозного мыслителя и историка Себастиана Франка и взят из его сочинения «Weltbuch» — «Всемирная книга», напечатанного в 1534 г.

Дворянство, которое по божьему повелению должно быть благородно, должно быть устрашением и бичом злых, защитой и прибежищем добрых, охранителем вдов и сирот, поступает как раз наоборот. Те, которые должны быть собаками, охраняющими

овчарню, являются, напротив, сами волками и хватают все, что только могут, так что беречь и сторожить надо было бы именно от этих пастухов и сторожей, благородство которых исключительно происходит от их прежнего блеска. Раньше их благородство находило основание в добродетели, теперь они доказывают его лишь гордостью, роскошью, богатством, знатным происхождением и тиранией. И как их каждый боится и ненавидит, так и они должны бояться и ненавидеть. Их друзья — только блюдолизы и лицемеры; в действительности все их слуги и подданные— рабы...

Они только и делают, что охотятся, пьют, кутят, играют — превосходно живут, получая в изобилии ренты, чинши и подати. Но на каком основании они берут, и что они должны за это делать, вообще о своих обязанностях вряд ли из них кто думает. Ведь привилегия сваливать всю тяжесть податей на шею горожан и требовать ограничения себя единственным пфеннигом дана им не для причинения ущерба подданным, но потому, что они обязаны производить улучшения там, где этого требует нужда, подобно тому, как поденщику дается плата за то, что он работает в течение дня. Так же и им для того именно даны привилегии, чтобы они защищали от обид вдов и сирот, помогали бедным добиваться управы против насилия и принимали к сердцу нужды всех людей, как свои собственные, как это подобает отцам отечества. Но так как они этого не делают, то [их привилегии] — лишь бесполезная тирания и насильственный побор, подобно тому как если бы поденщик требовал у меня поденную плату, даже отнимал бы ее насильно, а своей работы так и не начинал, даже не прикасался бы к ней. На шерсть поглядывают, а о благополучии овец не заботится никто.

Дворянство немецкой нации считает себя за то хорошим, что оно охотится, ничего не делает или же проводит время в езде верхом и в соколиной охоте. Дворяне очень стыдятся быть обыкновенными горожанами и подчиняться наряду с последними городскому праву. Дворяне сторонятся общества горожан, держатся обособленно, бывают только среди равных себе и на равных себе женятся.

Их жилища представляют собой крепкие замки на горах, в лесах и т. д. Они заводят роскошь в своем доме, держа при нем многочисленную челядь, лошадей, собак и всячески его украшая; у них особенная щегольская походка, и с ними постоянно целый хвост родственников. Свои гербы они вешают в церквах— на стенах и в алтаре. Многие приобретают свое благородство не так, как в старину, путем добродетели и подвигов храбрости, но по наследству. Бедность считают для себя позорной и охотно бросаются во всякого рода опасности, чтобы добыть себе почет и состояние, необходимое, по их мнению, для их звания; многие идут на войну вслед за князьями и господами. Попадается им добыча, и они возвращаются домой обогатившись, и вот они уже считают себя по-

истине благородными. Дворяне редко ходят пешком через поля, потому что считают это для своего звания позорным. Если подвергнутся какой-либо обиде или нападению, то они редко защищаются законным путем, а заводят ни с того ни с сего междоусобия, объявляют письменно о своей вражде, воюют и мстят огнем и разбоем.

Третье сословие — это бюргеры, или городские жители; одни из них в имперских городах подчинены императору, другие князьям, третьи, в Швейцарии и вольных городах, независимы. Их ремесла разнообразны и стоят на большей степени совершенства, чем у какого бы то ни было народа на земле. Будучи некогда варварами, народом неуклюжим, невежественным, диким, необузданным, воинственным, они стали теперь мудрыми и искусными, предприимчивыми и способными во всяком деле.

Далее, в могущественных и свободных имперских городах население имеется двух категорий: простые горожане и родовитые, стремящиеся быть в некотором роде знатью и живущие на дворянский манер со своих рент и чиншей. Они не терпят в своей среде простого горожанина, хотя бы он равен был по богатству, и, подобно дворянам, не заключают неравных браков; кто не хочет быть исключенным из их среды и презираемым, тот женится на равной себе. Каждая из категорий имеет даже свое право, и одна подчинена другой. Эти люди живут между собою дружно. Там они сходятся, говорят, обсуждают дела, приглашают один другого. Одежда каждый день новая. Еще недавно носили, с незапамятных времен, остроконечные башмаки с длинными носками, узкую, короткую одежду; теперь же все, наоборот, широко, велико, широкие башмаки. Женская одежда теперь дорогая, впрочем, приличная и мало заслуживает порицания, за исключением бьющей в глаза роскоши.

Что касается богослужения и заказывания обеден, то это благочестивый и даже суеверный народ: большое значение они придают богослужению и часто еще до зари гонят девушек и работников к ранней обедне. В деле милостыни они сострадательны и щедры, кормят много нищенствующих монахов и других лиц из духовенства, которых у них масса,— вряд ли будет столько у какого-нибудь другого народа. Равным образом немало [у них] монастырских церквей с большим числом каноников, епископов, прелатов, аббатов, пробстов, деканов и т. д., а также госпиталей; по городам еще много бродят бедных учеников и церковников, которых они готовят в священники, и хотя они к ним не очень благосклонны, все же каждый охотно имел бы в числе членов семьи священника, полагая, что этим освящается весь род.

В Германии очень много нищих и вообще бедного люда, больше по невоздержности, чем естественным путем впавшего в бедность и расшатавшего здоровье, дошедшего до нищеты больше благодаря безделью, постоянному обжорству и разгулу, нежели вследствие недостатка земли и вздорожания съестных припасов.

Ибо, если этот народ что-нибудь имеет, то проматывает, прославляя св. Мартина, потом живет изо дня в день на авось, без всяких забот о том, что их пищевые запасы тают с каждым днем и едва хватит им на неделю, не говоря уже о том, что они должны страдать потом целый год. Работает всего лишь половина; если же не считать их господ, праздных горожан, купцов, дворян, князей, школьников, попов, всякого рода монахов, детей, больных, нищих, всех женщин, то работающих не наберется и третьей части [всего населения].

Трудящийся в поте лица народ: крестьяне, угольщики, пастухи и т. д.— это четвертое сословие. Их дома, жизнь, одежда, пища и т. д. хорошо известны. Это очень трудолюбивый народ, которым каждый всячески помыкает, чрезмерно обремененный барщинами, чиншами, податями, налогами, пошлинами, но оттого не ставший скромнее, далеко не простосердечный, лукавый и необузданный. Их занятия, нравы, молитвы, хозяйство знакомы каждому, однако не везде одинаковы: как и всюду, что город, то норов.

7. ГЕРМАНСКОЕ РЫЦАРСТВО В XVI ВЕКЕ

Из автобиографии Гёца фон Берлихингена (1480—1562 гг.)

Гёц фон Берлихинген, по прозванию «Железная Рука», родился в рыцарской семье в Вюртемберге. Он является типичным представителем немецкого рыцарства первой половины XVI в., бывшей эпохой упадка этого сословия. Всю свою жизнь он с кем-нибудь воевал, то сражаясь со своими соседями за собственные интересы, то участвуя в чужих войнах в качестве союзника, то «вместе с друзьями и добрыми товарищами» совершал разбойничьи набеги, то, наконец, предводительствуя отрядами повстанцев в «эпоху великого крестьянского восстания». Гёц фон Берлихинген написал свою автобиографию, отрывок из которой и приводится ниже.

Будучи во вражде с Нюрнбергом, я однажды узнал, что через лес, именуемый Гагеншис, должны проезжать телеги с товарами; в это время я находился у своего господина и доброго товарища,— мы советовались тогда друг с другом о различных вещах. Там я узнал, что дело наверно удалось бы. Когда телеги проезжали, мы напали на них и захватили их. Но возчики заявили, что у них была охрана от пфальцграфа. Однако я ни разу не слыхал, чтобы в этом месте или вообще пфальцграфская охрана когда-либо была выдаваема; поэтому и эти люди должны быть императорскими, а не пфальцграфскими. Тогда мой лазутчик рассказал мне обо всем, как происходило дело. Как потом я узнал, лазутчик дал сильный нагоняй хозяину, ибо возчики его предостерегали и просили охраны. Но так как я был добрым другом пфальцграфа, так что мне не хотелось бы ничего предпринимать против этих возчиков, и, кроме того, пфальцграф по некоторым причинам был особенно люб моему сердцу, то я их тогда пощадил, как везде щадил их курфюршескую милость.

Когда же я после того ушел с этой дороги, у меня появился другой план следующего рода: я узнал, что, когда бывает франкфуртская ярмарка, то нюрнбержцы идут во Франкфурт пешком [по дороге] выше Вюрцбурга, а также через Габихтейль и Ленгфельд к Спессарту. Были сделаны разведки, и я захватил пять или шесть человек: среди них был купец, которого я брал в плен уже в третий раз, и второй — которого я держал в течение полугода, причем один раз захватил его товар. Другие же были простыми упаковщиками в Нюрнберге. Я сделал вид, что хочу им всем отрубить руки и головы, но это не было моим серьезным намерением. Они должны были стать на колени и положить руки на пень. Тогда я наступил на одного ногой, а другого ударил по лицу, это было им от меня наказанием, затем я предоставил им продолжать свой путь. Купец же, которого я так часто захватывал, перекрестился и сказал: «Я скорее допустил бы, что упадет небо, чем то, что вы меня сегодня схватите, по той причине, что всего еще немного дней тому назад (при этом он пересчитал их), около сотни наших купцов, бывших в Нюрнберге на ярмарке и толковавших о вас, имели точные сведения о том, что вы в Гагеншпице, где думаете произвести нападение и захватить товары; поэтому меня в высшей степени удивило то, что вы так скоро могли прийти сюда». Но как я сам удивился тому, что в такое короткое время доходят сведения до Нюрнберга о моих поездках.

Я обращаю внимание на этот пункт для того, чтобы каждый воин и рыцарь могли заключить отсюда, что нюрнбержцы очень хорошо выслеживают своих врагов, на что должны, очевидно, употреблять очень много стараний.

8. ПЕСНЯ РЫЦАРЕЙ-РАЗБОЙНИКОВ ИЗ ВОЛЬНИЦЫ ШЕНКЕНБАХА

1

Тебе воздать хваленья,
Пречистая, спешим.
Мария! Все моленья
Несем к стопам твоим!
На конях наши роты
Сидят, полны заботы;
Щадить нам нет охоты,
Лишь ты, христова мать,
Не устаешь внимать.

2.

Свят Юрий благородный,
Хорунжим будь у нас!
Дай нам денек погодный,
Даруй счастливый час,
Чтоб мы не оплошали,
Крестьян в силки забрали,
Что нас взнуздать мечтали,
Не им в дворянстве быть!
Им лиса не словить.

3.

Купцы с дворянской спесью
Сроднились, мнят, вполне,
Так грянем по полесью
Мы на борзом коне.
Почешем ихни спины!
Из темных нор дубиной,
Зажженной хворостиной
Начнем зверье травить,
Чтоб ихню спесь посбить.

4.

Да знает каждый рыцарь
Наш орденский статут;
Нам от нужды не скрыться,
Нам яств не нанесут,
Нас голод мучил с детства,
Но есть другое средство:
Сорвать с купца наследство,
Все, чем нажился плут.
Пускай себе ревут!

5.

Ну, как себе на пищу
Доходы соберу?
Но эту дичь мы сыщем
Залетную в бору:
Франконцев с их сумою,
Что, не готовясь к бою,
Сидели за стеною.
Вот эта дичь — по мне,
В глухом бору — вдвойне.

6.

Как птицу мы подымем,
Так не устанем гнать.
Со всех сторон нахлынем
Мы, рыцарская рать.
Пошлем ребят дозором
По рощам, косогорам.
Того прославим хором,
Кто вечный даст покой
Певунье городской [1].

7.

Рыбачить мы умеем
И на сухой земле.
Мы ветерочком веем
Вдоль рощи. На седле
Не будем мы гнусавить:
«Как одежонку справить».
Иль не вподъем заставить
Платить того, кто в лес
С тугой сумой полез?

8.

В Франконии нам любо
Ни год, ни два сновать.
Крестьяне точат зубы
На рыцарскую знать.
Господ от бед избави!
По полю, по дубраве
Дай волю всей ораве
Гулять, пока петлей
Не стянут ворот мой.

9.

Дай покарать нам, боже,
Лихих бунтовщиков!
Иль молодец пригожий
Не стоит ста голов?
Их спесь навеки скрутим,
Смерть братьев не забудем.
В них страх такой пробудим,
Что с трепетом в сердцах
Поймут, кто Шенкенбах.

9. ОТВЕТНАЯ ПЕСНЯ КРЕСТЬЯН

1.

Такой лихой печали,
Таких великих бед
Мы с детства не видали,
Ни я, ни мой сосед.
И господа и слуги
На покаянье туги,
Живут по всей округе
Без бога, без узды,
Смирению чужды.

2.

Не рыцарскому роду
Бить, грабить, жечь, пытать!
Торговцам нет проходу:
Всех тщатся обобрать.
Легко ль от бед укрыться?
Как лих в разбое рыцарь,
И в песне говорится,
Что лютая семья
Сложила про себя.

---

[1] Имеется в виду купечество.

3.

Свят Юрий, божий витязь,
Водитель ваших орд?
Эх, подлые, стыдитесь —
Над ним не властен чорт!
Свят Юрий вас оставит,
Сразит мечом, удавит,
Иль сам топор направит
В загривок гордый твой
На площади большой.

4.

Вы пели о затраве
Охотничьей в лесу?
Не всякий час забаве,
Приходит смерть и псу.
Качнется в дреме вечной
Под балкой поперечной
Охотничек беспечный,
Что по лесу гулял,
Не заслужив похвал.

5.

Хвалились вы заране
Ухлопать дичь в упор.
Эх, господа-дворяне,
Не крепок ваш дозор,
Не медлим мы с расправой,
Сведем свой счет кровавый.
А суд не знает правый
Ни смердов, ни господ,
На плаху всех сведет.

6.

Дозорных ваших любо
В темнице зреть, в цепях,
Под одежонкой грубой.
В тревоге и мольбах
Иную песню птахи
Поют при виде плахи.
«О, сударь! — молят в страхе,—
Хоть мессу нам пропой
Душе на упокой».

7.

Мы рассказать могли бы
Про муки, крики, плач;
Невинного на дыбы
С виновным взвил палач.
Так вор-разбойник губит
И тех, кого он любит;
Он жизнь под корень рубит
Супруги и детей,
А это мук больней.

8.

Вы плутовством, нахрапом
Позорили свой род;
Нас звали «сиволапым»,
Брань чести не берет.
А вас — которых чтили
С младенчества не мы ли?
Дворянства-то лишили.
В кого всадили клин,
Уж тот не дворянин.

9.

Дворянству денег мало,
На то и господа!
А слугам-то пристало
За них платить всегда?
Иссякнут все колодцы,
А коли сердце бьется,
Садись на иноходца
Да мчись в шумливый бор,
А там виси, как вор.

10.

Максимилиану славу
Мы, кесарю, поем
За твердую расправу
С сиятельным жульем.
Петля пришлася впору
И Гогенкранцу-вору.
Колите песью свору,
Что кесаря хулит,
В них божий глас молчит!

10. В ДОМЕ ФУГГЕРОВ В АУГСБУРГЕ.

(По свидетельству современника)

Предлагаемый отрывок взят из «Достопримечательностей» Ганса фон Швейнихена. Ганс фон Швейнихен сопровождал герцога Генриха XI Лигницкого во время его путешествий.

Господин Фуггер пригласил однажды в гости его княжескую милость вместе с одним господином из Шенберга, прежде жившего также в квартире его княжеской милости. Не скоро я дождусь подобного банкета,— сам римский император не мог бы лучше угостить; притом великолепие было чрезвычайное.

Обед был приготовлен в зале, в украшениях которого прежде всего бросалось в глаза золото. Пол был из мрамора и такой скользкий, что по нему приходилось идти как по льду. Через весь зал тянулся стол с напитками, уставленный золочеными сосудами и большими прекрасными венецианскими стаканами, стоящими, как говорят, гораздо больше тонны золота. Я ждал его княжескую милость у стола. В это время господин Фуггер передал через меня его княжеской милости приветственный бокал, представлявший собой корабль, художественно исполненный из прекраснейшего венецианского хрусталя. Когда я взял этот бокал из буфета и пошел через зал, то, будучи в новых башмаках, поскользнулся и упал на спину посреди зала, опрокинув вино себе на шею; а так как я был в новом платье из красной дамасской ткани, то это было для меня большим убытком. Прекрасный же корабль разбился вдребезги. В этот момент все много смеялись; однако впоследствии я узнал, что господин Фуггер говорил, будто он заплатил за этот корабль 100 гульденов. Но это ведь вышло не по моей вине, так как я ничего не ел и не пил. Впоследствии же, будучи даже под хмельком, я стоял крепче и ни разу не упал, даже во время танцев. Поэтому я счел, что бог не хочет, чтобы я наряжался: ведь я, надевши новое платье, вообразил, что я красивее всех, над этим господа и все мы смеялись.

Господин Фуггер повел его княжескую милость по всему дому,— настолько огромному зданию, что римский император во время имперского сейма помещался там со всем двором. Между прочим г. Фуггер привел его княжескую милость в одну башенку: там он показал его милости сокровища, состоящие из цепей, регалий, благородных камней, также редких монет и кусков золота величиной с голову — сокровища, стоящие, по его словам, свыше миллиона золотых. Затем он открыл ящик, до верху наполненный только дукатами и кронами. Он сказал, что их там на двести тысяч гульденов, которые он передал посредством векселя испанскому королю. После этого он повел его княжескую милость в другую же башенку, до половины наполненную исключительно хорошими талерами: он говорит, что там уложено приблизительно на 27 тысяч талеров. Таким образом, он оказал его княжеской милости большой почет и вместе с тем показал свое богатство и силу. На

другой день он прислал ко мне своего гофмейстера с просьбой представить его моему государю. Вместе с ним он посылал в подарок его княжеской милости 200 крон и красивый кубок в 80 талеров, а также коня, покрытого черной бархатной попоной; все это его княжеская милость с большой благодарностью принял в знак дружбы.

11. НЕМЕЦКИЕ ЛАНДСКНЕХТЫ В XVI ВЕКЕ

По свидетельству современника

(Из книги «Weltbuch» Себастиана Франка)

Во время императора Макса появились ландскнехты, никому ненужные люди, которые всюду бесцеремонно бродят, ищут войны и бедствий и являются спутниками последних.

Те подданные, которые участвуют в войне по повелению своих господ и по окончании ее возвращаются к своим занятиям, по справедливости называются не ландскнехтами, а солдатами, честными ратниками. Но безбожных и погибших людей, занятие которых — разрушать, резать, грабить, убивать, жечь, играть, пить, богохульствовать, издеваться над вдовами и сиротами; которые радуются чужому несчастью, кормятся, отнимая у других как во время войны, так и без войны, сидят на шее крестьян; которые не только каждого обирают и грабят, но даже вредят друг другу,— о них я ни под каким видом не могу сказать, что они не являются язвой всего света.

Прежде, когда еще не было этих бесполезных людей, которые не из нужды, принуждения или послушания, а просто из-за презренных денег продают жизнь,— каждый князь, если была причина, воевал только при помощи своего народа или же просил другого князя или господина, которые присылали ему людей из своей страны. Тогда войны были проще и велись без больших издержек. Теперь же, когда на каждом шагу находят этих бесполезных и продажных людей и приходится иметь дело со многими тысячами их, теперь каждый хочет превзойти другого числом людей и силой вооружения, и война, еще не начавшись,— только закончится вооружение этой толпы,— стóит уже больше, чем прежде стоила вся война.

Если бы не было этих людей, войны были бы гораздо менее значительными, князья часто должны были бы воевать с таким количеством сотен, как теперь — тысяч, а тем не менее достигали бы больших результатов. Ведь эти зловредные люди постоянно возбуждают одного против другого, поэтому война затягивается и захватывает большее пространство: им было бы досадно, если бы все было по справедливости и наступил бы мир. Этим разорили всю страну, так что ни у князей, ни у крестьян денег больше нет, и князья могут собраться на войну лишь с большим вредом для своей земли.

12 ЛАНДСКНЕХТЫ XVI—XVII ВЕКОВ

(*По современному официальному отзыву*)

Наглядное изображение жизни ландскнехтов дают приказы герцога Юлия Брауншвейгского, особенно приказ от 28 марта 1584 г., из которого приводится ниже характерный отрывок.

Мы узнали из достоверного источника, что некоторые дерзкие негодяи выдают себя за ландскнехтов, не сделав ни одного военного похода, не видев даже, как развеваются в поле военные знамена; на самом же деле это праздношатающиеся, ученики городских ремесленников, которые не имеют склонности работать, шляются, отнимают у людей их имущество, совершают всякие бесчинства. С некоторого времени они бродяжничают, особенно в деревнях, и создают нашим бедным подданным чрезмерную нужду и обременение. Они осмеливаются, придя ко двору и найдя его запертым, выламывать ворота и калитки. Когда же они входят во двор и окажется запертым дом, то они не довольствуются тем, что захватят [во дворе] сколько кто может, но выламывают дверь, употребляют все средства и силы, чтобы отпереть дом, разбивают ящики и сундуки,— берут оттуда все, что им понравится, даже, если нет дома хозяина,— сами вытаскивают из дымовой трубы мясо и колбасы, излавливают кур и вообще ничего не оставляют. Если же им не дают сразу всего, чего они требуют, то они женщинам, девочкам, слугам, даже самому хозяину приставляют ружье к груди и стреляют в них; поэтому им дают все, чего они требуют. Притом, хватая одной рукой имущество, другой они раздают оплеухи в знак благодарности; если же подадут бедным людям что-нибудь через изгородь или ворота, они колют им руки и ноги, и в общем творят такие бесчинства, что почти ни один хозяин, который хотел бы пойти с слугами на работу, не может оставить жену и детей одних во дворе.

В. НЕМЕЦКИЕ ГУМАНИСТЫ

13. ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ. ИЗ «ПОХВАЛЬНОГО СЛОВА ГЛУПОСТИ»

(1467—1536 гг.)

Дезидерий Эразм, прозванный по месту своего рождения Роттердамским, — замечательный немецкий гуманист, филолог-классик и богослов, знаток латинского и греческого языков, на которых он писал лучше, чем на немецком, был вместе с тем и остроумнейшим публицистом-сатириком, давшим в своем сочинении «Похвала глупости» (впервые издана в Париже в 1509 г.) сатиру на современное ему европейское общество. Особенно досталось в его книге католической церкви и ее представителям. «Похвала глупости» переведена полностью на русский язык. См. перев. проф. Ардашева. Юрьев 1900, изд. 3-е, Киев 1910, изд. «Academia», Москва 1934.

а) Глупость произносит речь

Что бы там ни толковали обо мне,— мне ведь не безызвестно, на каком дурном счету глупость даже у глупцов чистейшей воды; во всяком случае я утверждаю, что именно во мне — и во мне одной — источник всяческого веселья и для богов и для людей. И вот вам разительное тому доказательство. Стоило лишь мне взойти на кафедру перед настоящим многолюдным собранием, как в миг все физиономии осветились веселою улыбкою, в миг все лица подались вперед, в миг аудитория огласилась вашим веселым и сочувственным смехом. Знаете, вот как у человека лицо невольно озаряется радостной улыбкой при виде утреннего солнышка, когда оно только что показало из-за горизонта свой золотой лик, или при взгляде на обновившуюся после суровой зимы под ласкающее дуновение весенних ветерков и как бы помолодевшую природу — таким вот точно образом в мановение изменилось у всех вас выражение лица, лишь только я предстала перед вами.

Я, разумеется, ни в грош не ставлю тех умников, что готовы аттестовать идиотом и нахалом всякого, кто сам себя выхваляет. По-ихнему это глупо себя выхвалять; и пусть глупо, лишь бы не было в том ничего зазорного. А по-моему, так нет ничего естественнее того, чтобы глупость выступала сама глашатаем своих похвал, чтобы она явилась «сама своею собственной флейтой», как говорит греческая поговорка. Кому, в самом деле, лучше обрисовать меня, как не мне самой. Если только, конечно, не предполагать, что кому-нибудь я знакома более, чем самой себе.

Мне сдается, во всяком случае, что я поступаю куда скромнее многих сильных и мудрых мира. Они, видите ли, скромны. Хвалить себя? Фи! О нет, они лучше наймут какого-нибудь ритора, либо пустомелю-стихоплета, чтобы послушать за деньги похвалы самим себе, т. е. ложь непроходимую. Полюбуйтесь теперь на этого скромника, как он, точно павлин, веером распускает хвост и вздымает хохол, в то время как тот бесстыжий подхалим приравнивает ничтожнейшего человека к богам, выставляет образцом всяческих добродетелей субъекта, которому до них так же далеко, как альфе до омеги, наряжает ворону в павлиньи перья, старается, как говаривали греки, выбелить эфиопа и сделать из мухи слона. Наконец, я хочу применить на деле ходячую пословицу: «Как не похвалить себя, когда никто другой тебя не хвалит».

Не знаю, право, чему дивиться — неблагодарности ли людей, или их лености: все они, в сущности, усердно меня лелеют и на каждом шагу испытывают мои благодеяния, и однакоже не нашлось в продолжение стольких веков ни одного, кто бы в признательной речи воздал хвалу глупости.

Свою речь я буду говорить экспромтом, без предварительной подготовки,— тем правдивее будет она.

б) Происхождениг богини глупости

Если вы спросите о месте моего рождения,— ибо в наши дни благородство зависит прежде всего от того, где издал ты свой первый младенческий крик,— то я отвечу, что не на блуждающем Делосе и не в волнующемся море, и не под сенью пещеры родилась я, но на тех Счастливых островах, где все растет несеянное и непаханное. Там нет ни труда, ни старости, ни болезни, там на полях не увидишь луку и бобов и тому подобной дряни, но повсеместно глаза и обоняние твои ласкают панацея, непента, амарант, амврозия, лотосы, розы, фиалки, гиацинты, достойные садов Адониса. Рожденная посреди этих услад, не с плачем вступила я в жизнь, но ласково смеялась на руках у матери...

в) Люди, тщеславящиеся благородством своего происхождения

Как ни тороплюсь, я не могу, однако, обойти молчанием тех, которые хоть и не отличаются ничем от последнего прохвоста, однако, кичатся благородством своего происхождения. Один ведет свой род от Энея, другой от Брута, третий от Артура. Повсюду выставляют они скульптурные живописные изображения своих предков, исчисляют прадедов и пращуров, вспоминают старинные фамильные прозвища, хотя сами недалеко ушли от бессловесных истуканов... Есть и такие дураки, которые готовы приравнять этих родовитых скотов к богам.

г) Богословы

Что до богословов, то, быть может, лучше было бы обойти здесь молчанием, не трогать этого смрадного болота, не прикасаться к этому ядовитому растению. Люди этой породы весьма щекотливы и раздражительны. Того и гляди, набросятся они на меня с сотней своих заключений и потребуют отречения от моих слов, а ежели я откажусь, вмиг объявят меня еретичкой. Они ведь привыкли стращать этими громами всякого, кого не взлюбят... По своему произволу они толкуют и объясняют сокровеннейшие тайны. Им известно, по какому плану создан и устроен мир, по каким каналам порча первородного греха распространяется на позднее потомство... Вот и другие вопросы, достойные знаменитых и великих богословов. Они немедленно оживляются, едва речь зайдет о чем-нибудь в этом роде. В какой именно миг совершилось божественное рождение? Является ли сыновство Христа однократным или многократным? Воможно ли предположить и доказать, будто бог-отец возненавидел сына? Может ли бог превратиться в женщину, дьявола, осла, тыкву или камень? Если бы он действительно превратился в тыкву, могла ли бы эта тыква проповедовать, творить чудеса, быть распятой? Что случилось бы, если бы святой Петр отслужил обедню в то время, когда тело

христово висело на кресте? Можно ли сказать, что Христос оставался еще тогда человеком? Позволительно ли есть и пить после воскресенья? Ибо эти господа заранее хотят обеспечить себя от голода и жажды на том свете.

Одна из их истин гласит, что зарезать тысячу человек не столь тяжкое преступление, как починить бедному башмак в воскресенье, и что лучше допустить гибель мира со всеми его потрохами, нежели произнести малейшую ложь. Все эти архидурацкие тонкости делаются еще глупее благодаря множеству направлений, существующих среди схоластиков, так что легче выбраться из лабиринта, чем из сетей реалистов, номиналистов, фомистов, альбертистов, оккамистов, скотистов и пр., ибо я называю здесь не все их секты, а только главные.

д) Монахи

К богословам по благополучию своему всего ближе так называемые в народе благочестивые монахи — пустынножители, хотя это прозвище не слишком им пристало, поскольку большинство их далеки от всякого благочестия и никто чаще их не попадается нам навстречу во всех людных местах. Не знаю, кто был бы несчастнее монаха, если бы я [богиня глупости] не приходила им на помощь столь многими способами. Они навлекли на себя такую единодушную ненависть, что даже случайная встреча с монахом почитается за худую примету, а между тем сами они вполне собою довольны. Во-первых, они уверены, что наивысшее благочестие состоит в воздержании от всех наук, так что лучше даже вовсе не знать грамоты. Засим, читая в церквах ослиными голосами размеченные, но непонятные им псалмы, они пребывают в убеждении, что доставляют этим великую усладу святым. Иные из них бахвалятся своим неряшеством и попрошайничеством и с громким мычанием требуют милостыни у дверей. Назойливой толпой окружают они гостиницы, повозки и корабли к немалому ущербу для прочих нищих. Своей грязью, невежеством, грубостью и бесстыдством эти милые люди, по их собственным словам, уподобляются в глазах наших апостолам. Приятно видеть, как все у них делается по уставу, словно по математической таблице, и отступить от устава значит, по их мнению, согрешить. Предусмотрено раз навсегда, сколько узлов обязан носить монах на своем башмаке, какого цвета должен быть его пояс, какими внешними признаками должна отличаться его одежда, из какой ткани подобает ее шить, какого покроя капюшон, и т. д. И, однако, по причине всего этого вздора они не только мнят себя безмерно выше людей светских, но и друг друга взаимно презирают и, дав обет апостольской любви, заводят целые трагедии из-за несколько иначе опоясанной или более темной рясы.

Большинство их придает такое значение исполнению своих обрядов и уставов, что и царство небесное считает не вполне достаточной для себя наградой. Им и в голову не приходит, что Христос,

чего доброго, не обратит на все это никакого внимания, а потребует лишь отчета в исполнении единственной своей заповеди — любви к ближнему. Между тем с чем предстанут перед Христом эти люди в день последнего суда? Один покажет ему свою брюшину, растянутую рыбой всех сортов и видов; другой вывалит сотню пудовок псалмов; третий начнет перечислять мириады постов и сошлется при этом на свой желудок, столько раз рисковавший лопнуть от разговенья после каждого поста; чертвертый вытащит такую кучу обрядов, что ими можно было бы нагрузить семь купеческих судов; пятый будет бахвалиться, что в течение 60 лет ни разу не прикоснулся к деньгам иначе, как надев предварительно на руку двойную перчатку; шестой принесет свой плащ, до того пропитанный грязью и потом, что последний бурлак не захотел бы надеть его; седьмой сошлется на то, что он 60 лет прожил, как губка, не двинувшись с места; восьмой принесет с собой хрипоту, приобретенную усердным песнопением; девятый — нажитую в одиночестве спячку; десятый — оцепеневший от продолжительного молчания язык. А как прервет Христос этот бесконечный поток бахвальства, да как скажет: «Откуда этот новый род иудеев? Единственный закон признаю я истинным моим, но о нем-то я до сих пор ни слова не слышу. А ведь открыто, без всякой аллегории или притчи, обещал я в свое время наследие отца моего — не капюшонам, не молитвословиям, не постам, но делам любви. Не хочу я знать людей, которые слишком хорошо знают свои подвиги. Эти люди, желающие казаться святее меня, могут, если угодно, занять небо абраксазиев [1], либо пусть прикажут выстроить себе новое небо тем, которые свои уставы ставили выше моих заповедей». Какими глазами, думаете вы, посмотрят они друг на друга, когда выслушают эти грозные слова и увидят, что отдано предпочтение перед ними бурлакам и извозчикам.

е) Германские князья и их придворные

Теперь вообразите себе — такими ведь иногда они и оказываются в действительности — человека, совершенно невежественного в законах, к общественным интересам не только равнодушного, но чуть что не враждебного, поглощенного исключительно своими личными выгодами, целиком отдавшегося удовольствиям, ненавистника всякой науки, свободы и правды, всего менее думающего о благе государства и все измеряющего своим произволом и личной выгодой. Наденьте теперь на этого человека... золотую цепь — символ гармонического сочетания всех добродетелей, потом возложите на него усыпанную драгоценными каменьями корону — видимое напоминание о том, что ее носитель должен быть впереди всех своим геройством и всякими доблестями. Дайте

[1] Абраксазиями назывались последователи одной греческой секты, которая между прочим учила о существовании 365 небес.

ему также скипетр — символ справедливости и душевной прямоты. Оденьте его, наконец, в порфиру — символ особой любви к государству. Если бы теперь князь вздумал сопоставить эти символические знаки своего достоинства со своею жизнью, то право же, думаю, ему бы стало стыдно своего собственного одеяния: он не на шутку почувствовал бы в душе тревогу, как бы какой насмешник не поднял на смех весь этот торжественный убор. Нужно ли говорить о придворных? Я не знаю ничего продажнее, подлее, бессовестнее и гнуснее этих тварей, которые, однако, хотят, чтобы на них смотрели, как на первейших среди людей. В одном лишь отношении они безусловно скромны: они довольствуются тем, что украшают свою особу золотом, драгоценными каменьями, пурпуром и прочими внешними знаками добродетели и мудрости, осуществлять же все эти прекрасные вещи великодушно предоставляют другим.

Они с избытком счастливы тем, что могут запросто разговаривать с государем, что могут сказать удачный комплимент и кстати ввернуть в свою речь почтительные титулы «светлости», «высочества», «превосходительства». К тому же они так умеют раздушиться и с каким тактом говорить самую изысканную лесть!

. . . .

Спит наш вельможа до полудня. Наемный поп ожидает его пробуждения, чтобы тут же, пока тот еще потягивается в постели, пробормотать утреннюю молитву. С постели — к столу завтракать. Едва кончили завтракать — обедать. Потом — игра в кости, в шашки, битье об заклад, скоморохи, потехи, шутовство. Одна или две закуски в промежутке. А затем — опять стол: ужин, за которым следуют обильные возлияния. В такой беззаботной и беспечной жизни проходят часы за часами, дни за днями, месяцы за месяцами, годы за годами, века за веками. Для меня [богини глупости] настоящее наслаждение — любоваться торжествующим самодовольством этих людей...

ж) Папы и духовенство

Папы, кардиналы, епископы изо всех сил стараются не отстать от князей и вельмож, а по возможности и заткнуть их за пояс.

. . . .

А верховные первосвященники, занимающие место самого Христа? Если бы они в свою очередь также попытались подражать его жизни, то-есть его бедности, его трудам, его учению, его страданию, его презрению к жизни, да если бы к тому же поразмыслили о значении своего титула «папы», то-есть отца и святейшего,— то скажите, что было бы плачевнее положения папы? И кто стал бы ценою всего своего достояния добиваться этого места? Кто, купив его, стал бы отстаивать его мечом, ядом, всякого рода насилием? Скольких выгод лишился бы папский престол, если бы сюда получила доступ мудрость. Мудрость, сказала я... Что говорю я— мудрость, да хоть бы крупица той соли, о которой говорит Хрис-

тос. Что осталось бы тогда со всеми этими богатствами, со всеми этими победами, со всеми этими чинами, со всеми этими диспенсациями, поборами, индульгенциями, лошадьми, мулами, телохранителями, что сталось бы, говорю я, со всеми этими прелестями? Вместо всего этого явились бы на сцену бдения, посты, слезы, молитвенные собрания, церковные поучения, размышления, воздыхания и тысячи других подобных неприятностей. А что сталось бы тогда со всей этой массой папских секретарей, писцов, нотариусов, адвокатов, делопроизводителей, секретарей, мулятников, конюхов, менял? — Ведь всей этой многоголовой, тысячеголовой толпе, которая разоряет — то бишь — украшает римский престол, пришлось бы помирать с голоду... Теперь, наоборот, все труды предоставляются Петру и Павлу: у них ведь достаточно досуга... На свою долю папы оставляют зато весь блеск и все удовольствия. При моей благосклонной помощи никому так вольготно и спокойно не живется на свете, как именно папам. Они уверены, что, титулуясь блаженнейшими и святейшими, раздавая одной рукой благословения, другой — проклятия и разыгрывая в пышных церемониях в своем мистическом и почти театральном уборе роль епископов, они воздают все должное Христу.

Творить чудеса. Как это устарело, как старомодно! Да и не по нынешним это временам. Поучать народ? Чересчур тяжелый труд. Толковать священное писание? Что за схоластика! Молиться? Непроизводительная трата времени! Проливать слезы? Что за бабья сентиментальность! Жить в бедности? Некомфортабельно!...

14. ИЗ «ПИСЕМ ТЕМНЫХ ЛЮДЕЙ» (1515—1517 гг.)

Коллективное произведение кружка немецких гуманистов, группировавшихся вокруг эрфуртского гуманиста, профессора местного университета Крота Рубиана. Сатира на вырождающуюся схоластическую ученость средневековья. Главным нападкам в ней подвергаются кельнские ученые-богословы — доминиканцы, выступавшие против знаменитого немецкого гуманиста Рейхлина. «Письма темных людей» были настолько искусной подделкой под стиль и рассуждения кельнских мракобесов и вместе с тем настолько тонкой карикатурой на них, что вначале многие, в том числе и сами осмеянные, принимали их за подлинные писания кельнских схоластов.

Имеется полный перевод «Писем» на русский язык, сделанный проф. Н. А. Куном; изд. 1-е, Москва, 1906, 2-е — «Academia», 1935.

Генрих Шафсмулиус шлет усердный привет магистру Ортуину Грацию [1]

Так как вы сказали мне, чтобы я, прежде чем отправлюсь к римской курии, писал вам и обращался к вам с различными богословскими вопросами и что вы готовы разрешить их мне лучше,

---

[1] Ортуин Граций (1481—1542) — противник гуманистов, учился в Кельнском университете, где сделался профессором философии.

чем римские куртизаны [1], то вот я и обращаюсь теперь к вам со следующим вопросом. Что, если кто в пятницу или другой постный день съел яйцо, в котором был зародыш цыпленка? Дело в том, что недавно мы сидели в одном трактире на Цветочной площади [2], заказали себе завтрак и ели яйца. Разбивши одно яйцо, я увидел в нем цыпленка. Показал своему товарищу. Тот сказал: «Съешьте скорее, пока не увидел трактирщик, ведь если он увидит, то придется ему заплатить карлин или юлий за курицу» [3]. Здесь такой обычай, что когда трактирщик подал что-либо на стол, то надо платить, так как поданные кушанья обратно не принимаются. И когда он видит в яйце цыпленка, то говорит: «Заплатите мне также за курицу», ставя в счет цыпленка как курицу. Тогда я тотчас же выпил яйцо, а с его содержимым проглотил и цыпленка. После этого я спохватился, что была пятница, и сказал моему товарищу: «Из-за вас я совершил смертный грех, поевши мясного в шестой день недели». Тот сказал, что никакого греха нет не только смертного, но и обыкновенного, ибо пока цыпленок не вылупился из яйца, его можно считать за яйцо. И сказал мне, что это все равно, как бывают же иногда черви в сыре или в вишнях, зеленых бобах и горохе, и однако их едят и в шестой день недели и даже в канун памяти апостолов. Трактирщики же в грабительских целях говорят, что это — мясо, чтобы взять побольше денег. После этого я ушел и раздумывал об этом. И бога ради, магистр Ортуин, я очень смущен и не знаю, как мне теперь быть. Я бы готов обратиться за советом к кому-нибудь из папских придворных, но знаю, что они сами недостаточно сведущи. Мне лично думается, что цыплята в яйцах — мясо, так как в них уже вполне сформированы члены и тело живого существа, и в нем есть уже животная душа. Что касается червей в сыре и прочем, то это дело иное, поелику черви считаются рыбами, как я слышал от одного медика, который — очень хороший физик. Сердечно прошу вас, соизвольте ответить на изложенный вопрос. Если, по вашему мнению, это — смертный грех, то я куплю здесь индульгенцию, прежде чем отправиться в Германию. Знайте также, что доктор богословия Яков Гохстратен [4] получил из банка тысячу флоринов, и я думаю, что он выиграет дело и дьявол посрамит этого Иоанна Рейхлина и других поэтов и юристов, поелику они хотят быть против церкви божией, то-есть против богословов, на которых основана церковь, как сказал Христос: «Ты — Петр, и на этом камне я утвержу церковь мою». Итак, поручаю вас господу богу. Будьте здоровы. Написано в городе Риме.

---

[1] «Curtisani» от «Curia» — папский двор — папские придворные.
[2] «Campo di Fiori» в Риме.
[3] Монеты: карлин — двенадцатая часть дуката, юлий — десятая.
[4] Глава кельнских доминиканцев, противников Рейхлина.

15. УЛЬРИХ ФОН ГУТТЕН
(1488—1523 гг.)

Сын мелкого франконского рыцаря, сам рыцарь, странствующий поэт, а подчас и разбойник, Ульрих фон Гуттен принадлежал к младшему поколению немецких гуманистов, отличавшихся воинственным настроением в борьбе с общественными непорядками, в нападках на римскую курию и католическую церковь. Как представитель обнищавшего мелкого дворянства, он резко выступал против князей и вельмож, против крупной буржуазии и особенно купцов, которых он считал хуже разбойников на большой дороге. Зоркий наблюдатель, он предвидел неизбежность крестьянского восстания. Его мысль не раз обращается к народу. «Знаете ли вы, — спрашивает он князей в одном из своих памфлетов,— что народ думает о вас? Он, правда, хочет, чтобы вы им управляли, но он не желает, чтобы вы его губили, и многие в его среде уже думают, как бы насильственно помочь своему горю». В одном из своих диалогов он славит гусита Жижку за то, что тот спас свое отечество от гнета ленивых монахов и Рима и отомстил за гибель Яна Гуса. Его политический идеал — рыцарская феодальная вольница. Он пропагандировал союз восставших рыцарей с городами ради осуществления рефомации и утверждения так называемой «свободы».

После разгрома рыцарского восстания в 1522 г. он бежал в Цюрих, где и умер в 1523 г.

ВАДИСК, ИЛИ РИМСКАЯ ТРИАДА
(1520 г.)

Три вещи могут исправить Рим: строгость немецких князей, нетерпение христиан и войско турок под стенами Города [1]. Три вещи не позволили поумнеть Германии: беспечность князей, незнание наук и суеверие народа. Тремя вещами подчиняет себе Рим все: насилием, хитростью и лицемерием. Три вещи изобретены, чтобы выжимать золото из чужих стран: торговля индульгенциями, несуществующая война с турками и власть папских легатов в варварских землях. Тремя вещами постоянно заняты в Риме, хотя никогда не доводят их до конца: спасением душ, реставрацией развалившихся храмов и турецким походом. О трех вещах нельзя говорить правду: о папе, об индульгенциях и о безбожии. Три вещи, по словам самих римлян, защищают Рим: неглубокие рвы, разрушенные стены и низкие башни... Три вещи неохотно делают в Риме: держат свое слово, помогают другому и уступают дорогу... Трех вещей желает всякий в Риме: коротких обеден, старого золота и жизни, полной наслаждения. Три вещи составляют отличительную черту Рима: папа, старые здания и корыстолюбие. Три вещи отличают Рим от других городов: люди из всех городов, всевозможные деньги и разговоры на всех языках. Три вещи ненавидят в Риме: право патроната, свободные выборы на священнические и епископские места и трезвость немцев, в особенности последнее... Три вещи запрещено вывозить из Рима: мощи святых (подлинность коих сомнительна), большие камни (которые трудно увезти) и благочестие (которого там нет совершенно). В три вещи верят крайне немногие в Риме: в бессмертие

[1] Рима.

души, в общение святых и в адские муки. Три вещи совершенно не ценятся в Риме: благочестие, вера и невинность, хотя их и выставляют напоказ, как нигде...

Три вещи считаются самыми дорогими в Риме: заслуга, справедливость и дружба, так как встречаются очень редко.

Г. РЕФОРМАЦИЯ В ГЕРМАНИИ

16. ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ ЛЮТЕРА

Я — сын крестьянина. Мой отец, дед и прадед были настоящими крестьянами. Впоследствии отец переселился в Мансфельд и сделался там рудокопом.

Мой отец был бедным рудокопом; мать приносила постоянно на собственной спине дрова, чтобы только прокормить нас, детей. Они работали изо всех сил.

Мои родители обращались со мной очень сурово, и от этого я сделался очень робок. Отец высек меня однажды так больно, что я его возненавидел, стал от него убегать, и много времени прошло, пока я опять с ним сжился. Однажды из-за ничтожного пустяка мать высекла меня до крови. Суровая и строгая жизнь, которую вела моя мать, была причиной того, что я ушел в монастырь и сделался монахом. Но родители искренне полагали, что поступают хорошо,— они не могли только соблюдать меры, с какой надо наказывать. А наказывать надо так, чтобы возле розги лежало яблоко.

Теперь, по милости божьей, так повелось, что дети могут учиться играючи, например языкам или другим наукам или же истории. Нет теперь того ада и чистилища, которые представляли собой наши школы, где нас мучили, но где мы не могли ничему научиться из-за вечных побоев, страха, трепета и боли. Однажды я за одно утро, до обеда, был высечен пятнадцать раз подряд.

Я не пренебрегал компаниями, которые пели у дверей из-за куска хлеба. Я сделался тоже попрошайкой и выпрашивал хлеб по домам, особенно в Эйзенахе, моем милом городе. Однако впоследствии мой дорогой отец с большой любовью и преданностью поддерживал меня в высшей эрфуртской школе [1], трудясь в поте лица своего, он помогал мне, когда я туда поступил.

Университет пользовался таким уважением и таким авторитетом, что на все остальные школы, в сравнении с ним, смотрели как на низшие училища для обучения грамоте. Но теперь эта слава прошла, и университет совсем вымер.

Так как я, начав в высшей эрфуртской школе с изучения наук и философии, настолько изучил и усвоил их, что сделался магистром, я мог также, по примеру других, обучать юношество или же

[1] В университете.

продолжать учиться. Но я покинул моих родителей, друзей и родственников и, совсем против их желания, пошел в монастырь и надел капюшон. Я был убежден, что в этом звании и при суровой, тяжелой работе я получу большую заслугу перед богом. Однако мой обет не стоил ни гроша, так как я тем самым вышел из-под власти родителей, данных мне богом. Но бог хотел, как теперь вижу, чтобы я познал мудрость высших школ и святость монастырей из собственного, неопровержимого опыта, то-есть по многим грехам и безбожным делам их, и чтобы безбожные люди, мои враги, впоследствии не величались предо мной тем, что мол он осуждает то, чего не знает.

Отец мой был недоволен и не хотел этого позволить. Он написал мне ответ, причем обращался ко мне на ты (раньше он говорил мне вы, с тех пор как я сделался магистром) и отказал в своем благоволении.

Поистине, я был благочестивым монахом и так строго придерживался уставов моего ордена, что и сказать не могу. Если бы хоть один монах попал на небо за свое монашество, то я тоже там был бы. Это могут засвидетельствовать все монастырские общины, которые меня знали, так как я, если бы это дальше продолжалось, замучил бы себя насмерть бдением, молитвой, чтением и другой работой.

В Эрфурте я, молодой богослов, напал в библиотеке на книгу, в которой были перечислены и написаны речи Иоанна Гуса; разбирало любопытство посмотреть, чему учил этот ересиарх, раз уж его книга не сожжена и находится в общественной библиотеке. В этих речах я нашел поистине так много, что пришел в ужас: за что сожгли этого человека, который так по-христиански и так убедительно ссылался на писание. Но так как его имя предано столь ужасному осуждению, что, как я полагал, стены почернели бы и солнце потеряло бы свой свет, если бы кто хорошо подумал о Гусе, то я закрыл книгу и ушел со смущенным сердцем; однако утешал себя такой мыслью: может быть, он это написал раньше, чем сделался еретиком,— ведь я еще тогда не знал истории Констанцского собора.

Я читал в Эрфуртском монастыре только одну библию: в это время бог чудесным образом, неожиданно для всех, послал мне знамение, что я должен перейти из Эрфурта в Виттенберг, куда я и был переведен.

Я отказался бы от ста тысяч гульденов, чтобы только не видеть Рима; я всегда заботился о том, чтобы не причинить папе неприятности и несправедливости, но мы передаем то, что видели.

Я желал бы только, чтобы каждый будущий священник побывал прежде в Риме и посмотрел, что там происходит. Я слышал в Риме от самих придворных, что так дальше продолжаться не может, что с этим надо покончить. Трудно сказать и невозможно поверить, до чего там гадко. Если есть ад, то Рим построен на нем. Рим был святым городом и сделался хуже всех.

Я присутствовал в Риме на многих богослужениях: мне становилось даже странно, когда я об этом подумаю. Я чувствовал омерзение, когда они бормотали обедню, будто занимались шутовством. Прежде чем я доходил до евангелия, часто уже кончали много обеден и кричали мне: «Прочь, прочь, кончай. Отпусти поскорей обратно к богородице ее сына... » Чем ближе Рим, тем хуже христиане. Кто в первый раз идет в Рим, тот ищет плута, во второй раз он его находит, в третий — приносит его с собой.

Я был призван и принужден сделаться доктором [богословия] против своего желания, только из повиновения; но, приняв докторские обязанности, я поклялся и дал обет над моим драгоценным священным писанием верно и ясно его проповедовать и учить ему. Из-за этого учения папа стал мне поперек дороги и хотел мне его запретить, но оно все еще мозолит ему глаза, и ему будет еще более тошно, если они не смогут от меня отбояриться. Так как я — присяжный доктор священного писания, то я рад, что оно дает мне возможность выполнять свою клятву.

17. ИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ТЕЦЕЛЯ (1517 г.)

Красный отпустительный крест с папским гербом, поставленный в церкви, имеет такую же силу, как и крест Христов.

Далее, если бы св. Петр был теперь здесь, то он не имел бы большей благодати и власти, чем та, какую имеет папа.

Далее, он [папа] не хотел бы поменяться со св. Петром своим местом на небе, так как он отпущениями спас больше душ, чем св. Петр своею проповедью.

Далее, кто положит в ящик деньги ради чьей-либо души в чистилище, то как только пфенниг упадет на дно и зазвенит, душа сейчас же полетит на небо.

Далее, благодать отпущения и есть та именно благодать, которая примиряет человека с богом.

Далее, нет нужды в раскаянии, сокрушении или эпитимии за грехи, если будет куплено отпущение или отпустительная грамота, хотя бы даже и за будущие грехи.

18. ИНДУЛЬГЕНЦИЯ

Подлинное название индульгенции таково: «Форма полнейшего оправдания и отпущения при жизни». Полный текст индульгенции см. в томе II Хрестоматии по истории средних веков, стр. 266. Здесь мы приводим лишь заключительные слова индульгенции. Именно такими индульгенциями бойко торговал Тецель.

... апостольской властью, мне данной и на тебя распространенной, освобождаю тебя от всех грехов твоих уничтоженных, исповеданных и забытых; также от всех падений, преступлений, проступков и сколько-нибудь тяжелых провинностей..., а также от каких бы то ни было отлучений, суспенсаций [временного отре-

шения от должности или бенефиция] и интердикта и других церковных приговоров, осуждений и наказаний, наложенных судебной и людской властью...

19. ИЗ 95 ТЕЗИСОВ МАРТИНА ЛЮТЕРА

Каждый христианин, если только он истинно раскаивается, получает полное отпущение вины и без индульгенции.

Однако на этом основании никоим образом не следует презирать отпущение, даваемое папой, ибо оно есть объявление божественного прощения.

Истинное сокровище церкви есть, конечно, не отпущение, а святое евангелие величия и милости бога.

Христиан надо учить, что тот, кто видит нуждающегося и, несмотря на это, отдает деньги на индульгенции, приобретает этим не отпущение папы,— а гнев божий.

Нужно учить их, что если бы папа знал о плутнях продавцов индульгенций, он лучше дал бы погибнуть от огня собору св. Петра, чем строить его за счет кожи, мяса и костей своих овец. Кто говорит против истины апостольского отпущения — да будет проклят! Но кто остерегает против надменных и дерзких речей проповедников — продавцов индульгенций, да будет благословен! Сказать, что крест отпущения, украшенный гербами папы и воздвигнутый в храмах, имеет равную ценность с крестом христовым — есть кощунство... Такие проповеди делают то, что и ученым людят трудно сохранять надлежащее почтение к папе против злых укоров и несомненно резких речей мирян. Потому прочь все пороки, которые кричат народу христову: «Мир, мир!» — а мира никакого нет...

20. ПИСЬМО МАРТИНА ЛЮТЕРА ПАПЕ ЛЬВУ X (1518 г.)

Святейший отец! Да удостоит ваше святейшество обратить свой отеческий слух, как бы слух самого Христа, к вашей бедной овце и выслушать милостиво ее блеяние...

Что делать мне, отец святейший? Я не могу переносить вашего гнева, и я не знаю, как его избежать... У меня требуют отречения... Я поспешил бы это сделать, если бы это привело к предположенной цели. [Но] преследования моих противников распространили далеко мои сочинения, и они слишком глубоко запали в сердце, чтобы их оттуда искоренить. Отречение еще более нанесло бы ущерба римской церкви и в уста всех вложило бы против нее новые обвинения...

Святейший отец! Объявляю перед лицом бога и всех его творений: я никогда не желал, да и теперь отнюдь не желаю делать покушения насилием или хитростью на власть римской церкви и вашего святейшества. Я признаю, что ничто ни на небе, ни на земле не может быть поставлено выше этой церкви, кроме Христа, господа всех!

21. ИЗ ПОСЛАНИЯ ЛЮТЕРА ИМПЕРАТОРУ И ХРИСТИАНСКОМУ ДВОРЯНСТВУ НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ ОБ УЛУЧШЕНИИ ХРИСТИАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

(24 июня 1520 г.)

Всесветлейшему, вельможнейшему императорскому величеству и христианскому дворянству немецкой нации.

Д-ра Мартина Лютера

Да помилует и да укрепит господь бог вас, всесветлейший государь, и вас, милостивейшие и любезные господа. Не самонадеянность, не дерзновенность побудили меня, одинокого и слабого человека, заговорить с вами. Нужда и притеснения, тяжелым бременем лежащие на всем христианстве, особливо же в Германии, принуждающие не меня только, но и всех людей громко вопить, взывая о помощи, принудили меня и теперь взывать и молить, не воодушевит ли кого-нибудь господь протянуть руку помощи несчастной нации. Много раз соборы пытались вступиться, но всякий раз кучка ловких и коварных людей не только мешала этим попыткам, но и усугубляла зло; злые козни эти я и хочу теперь, с божьей помощью, ярко осветить, дабы всякий узнал их, дабы они впредь не могли ни мешать, ни вредить.

Романисты [1] с великой ловкостью соорудили вокруг себя три стены, коими и защищались до сих пор, так что никто не мог их реформировать, и все христианство пришло в ужасное разорение. Во-первых, если мы грозили светской властью, они твердили и уверяли, что светская власть не имеет над ними силы, что, наоборот, духовная власть выше светской. Во-вторых, если их хотели образумить ссылкой на писание, они возражали, что никому, помимо папы, не дано толковать писание. В-третьих, если им грозили собором, они измышляли, что никто, кроме папы, не властен созвать его. Итак, да поможет нам господь, да даст он нам одну из тех труб, звуками которых разрушены были стены Иерихона, чтобы развеять эти соломенные и бумажные стены.

Попытаемся пойти против первой стены.

Явно выдумано, что папа, епископы, священники, монахи — «духовного чина», а князья, рыцари, ремесленники, земледельцы — «светского». Все это — хитрая выдумка, сплошная ложь; пусть никто не смущается этим и вот почему: все христиане поистине духовного звания, между ними нет никакой разницы, разве лишь по должности, ибо, как говорит и апостол Павел (к Коринф. 1, 12, 12 и след.), мы все — члены одного тела, но у каждого члена свое отличное дело, которым он служит всем остальным; у всех у нас единое крещение, единое евангелие, единая вера — все мы и одинаково равные христиане, ибо крещение, евангелие, вера — вот что делает нас «духовными», вот что делает нас хри-

[1] Защитники папских притязаний.

стианами. Все мы крещением посвящаемся в священство, как говорит апостол Петр (1, 2, 9): «Вы — род избранный, царственное священство»; как указывает и «Откровение» (5,10): «И соделал вас царями и священниками богу нашему». Итак, между мирянами и попами, князьями и епископами или, как они называют, между «духовными» и «светскими» в действительности есть лишь различие по должности и делу, а не по званию: все они духовного звания, все они истинные священники, епископы, папы, но неодинаковое дело у всех, как и между священниками и монахами не все делают одно и то же. Посему я и утверждаю: раз светская власть установлена господом карать злых и охранять благих, то она свободно исполняет свое назначение во всем христианстве, невзирая на лица, все равно обратится ли она против папы, епископов, попов, монахов, монахинь или еще кого-либо. Пусть светская власть исполнит дело свое совершенно свободно, нелицемерно; кто виноват, тот и расплачивайся; все же доводы церковного права — лишь дерзкие римские измышления.

Ибо так проповедует апостол Павел всем христианам (Римл. 13,1,4): «Всякая душа (думается, и папская тоже) да будет покорна властям, ибо начальник не напрасно носит меч: он — божий слуга». Так говорит и апостол Петр (1,2,13): «Будьте покорны всякому человеческому начальству ради господа».

Третья стена рушится сама собой, раз падут первые две. Ибо всякий раз, когда папа действует вопреки писанию, мы обязаны защитить писание, карать [1] и принудить папу.

22. ПИСЬМО ЛЮТЕРА К СПАЛАТИНУ ПОСЛЕ ОТЛУЧЕНИЯ ОТ ЦЕРКВИ

(11 октября 1520 г.)

Здравствуйте! Наконец, прибыла сюда эта римская булла. Ее привез Экк. Наши пишут о ней более подробно курфюрсту [2]. Я ее презираю и готовлюсь выступить против этой безбожной, лживой и от первого слова до последнего экковской буллы [3]. В ней, как вы видите, сам Христос осужден, и осужден без всякой мотивировки. Меня же не к допросу привлекают, а приглашают к отречению. Заметьте, до какой степени они безумны в своей ярости, в своем ослеплении, в своем недомыслии: не видят, не размышляют. Я буду, впрочем, вести себя по отношению к булле так, как если бы она была выдумана и подложна, и не буду упоминать имени папы, хотя и верно, что действительно оттуда прибыла. Ах, если бы Карл [4] был мужественным человеком и вступил в битву с приспешниками сатаны. За себя я не боюсь. Пусть будет,

[1] В смысле «поучать».
[2] Курфюрсту Фридриху.
[3] Экк действительно принимал участие в составлении текста буллы.
[4] Император Карл V.

что угодно богу. И того не знаю, что предпринимает в этом деле князь [1], самое лучшее в его положении было бы держать себя так, как будто ему ничего неизвестно. Ведь в Лейпциге, как и всюду, к булле и Экку относятся с презрением. Вот почему я беспокоюсь, чтобы своей озабоченностью и беспокойством мы не придали престижа булле, которая иначе сама собой сойдет на нет и успокоится. Посылаю вам экземпляр буллы, чтобы вы могли взглянуть на римское чудище.

Что до меня, то я рад от всего сердца, что приходится страдать за столь хорошее дело мне, недостойному столь святого страдания. Теперь я гораздо свободнее, так как убедился, что папа — антихрист и папский престол — седалище сатаны.

Мартин Лютер, Августинец [2].

23. ВОРМСКИЙ ЭДИКТ
(26 мая 1521 г.)

Ввиду того, что Лютер со всем упорством и лживостью настаивает на своих явно еретических мнениях и через то всеми, имеющими страх божий и разум считается безумным или одержимым злым духом, мы, согласно с нашей охранной грамотой, в двадцать пятый день недавно прошедшего апреля месяца приказали ему тотчас же убраться с наших глаз и послали к нему глашатая объявить, что он с этого двадцать пятого дня апреля в течение следующих ближайших двадцати дней будет иметь от нас свободный и безопасный пропуск, каковой по истечении указанных двадцати дней должен кончиться; дольше же терпеть его нельзя: надо будет после этого, наконец, взяться за надлежащие средства против этой тяжелой язвы, о чем идет дальше речь.

Во-первых, мы хотим, чтобы никто из вас, без всякого исключения (именно: никто из князей, чинов и подданных), по истечении упомянутых двадцати дней, которые окончатся в четырнадцатый день настоящего мая месяца, не принимал вышеупомянутого Лютера на жительство, не давал ему ни есть, ни пить, не укрывал его, не оказывал ему, словами ли, делом ли, тайно или явно, помощи и содействия. Но где бы он ни появился, вы, если узнаете об этом, арестуйте его и отошлите под стражей к нам или же велите это сделать или, по крайней мере (если не удастся его схватить), немедленно нас известите. И вы за такое святое дело, равно как за ваши труды и расходы, получите достаточное вознаграждение. Также против его родственников, приверженцев, покровителей, сообщников, почитателей и последователей и их движимого и не-

---

[1] Курфюрст Фридрих.

[2] Любопытно, что Лютер все еще продолжает некоторое время, даже после папской буллы об отлучении от церкви, подписываться «Августинец» (то есть монах Августинского ордена).

движимого имущества вы должны, на основании святого закона и в силу нашей и всего государства опалы, мудро поступать, именно бить их и хватать, брать себе их имущество, обращать в свою пользу и беспрепятственно оставлять за собой, если бы даже при помощи искусного обмана они показывали, что покинули этот путь и добиваются папского отпущения.

Далее, мы повелеваем всем и также вам в особенности, под страхом назначенного за это наказания, чтобы никто из вас вышеназванных сочинений Лютера, нашим святым отцом папой, как сказано выше, осужденных, и всяких других сочинений, изданных до сих пор по-латыни ли, или по-немецки, или на каком-либо ином языке, не покупал, не продавал, не читал, не держал у себя, не переписывал, не печатал, не отдавал в печать как сочинений, злых и подозрительных и исходящих от явного и упорного еретика; повелеваем также, чтобы никто не подчинялся его учению, не поддерживал его, не распространял и не защищал.

И чтобы все это было исполнено, чтобы оказано было доверие [этой грамоте], мы к ней приложили нашу императорскую печать. Дана в нашем и Священной Римской империи городе Вормсе, в восьмой день месяца мая, в лето по рождестве христове 1521, нашего же царствования в римском государстве второе, а во всех прочих шестое.

24. ОТНОШЕНИЕ МАРТИНА ЛЮТЕРА К ТОМАСУ МЮНЦЕРУ

Приводимый ниже документ был написан Лютером в августе 1524 г. Он адресован властям г. Мюльгаузена, куда в то время перебрался Томас Мюнцер.

ДОНОС ЛЮТЕРА

Этот человек уже доказал во многих местах, особенно в Цвиккау, и за последнее время в Альтштетте, что от его деятельности нельзя ожидать иных плодов, кроме убийства, восстания и кровопролития.

Если он скажет, что послан богом и святым духом, как апостолы, то заставьте его доказать это знамениями и чудесами, но не позволяйте ему проповедовать, ибо, когда бог желает изменить установленный порядок, то он всегда свидетельствует об этом чудесными знамениями.

25. ОТНОШЕНИЕ ТОМАСА МЮНЦЕРА К ЛЮТЕРУ И ЕГО УЧЕНИЮ

[1]. Если единомышленники Лютера не хотят идти дальше нападок на попов и монахов, то им и не следовало браться за дело...

Бороться против власти папы, не признавать отпущения грехов, чистилища, панихид и других злоупотреблений, значит проводить реформу только наполовину.

Лютер — плохой реформатор, он подкладывает подушки нежному телу, слишком превозносит веру и мало значения придает делам.

[II. *Из письма к Лютеру*]. Твоя невообразимо глупая похвальба своим геройским поведением в Вормсе просто уморительна. Благодари немецкое дворянство, которое ты помазал по губам, так как оно мечтало, что проповедью своею ты доставишь ему богемские подарки [1], монастыри и их имения, которые ты обещаешь князьям. Если бы в Вормсе ты смел колебаться, то дворяне скорее закололи бы тебя, чем выпустили невредимым.

Бедные монахи, попы и торговцы не в состоянии обороняться, потому-то ты и можешь их вволю бранить. Но безбожных правителей, по-твоему, никто не смеет трогать, хотя бы они попирали ногами Христа.

Почему ты называешь князей светлейшими? Это звание принадлежит не им, а Христу. Почему ты зовешь их высокородными? Так не подобает говорить христианину.

26. ВЗГЛЯД МЮНЦЕРА НА ИМУЩЕСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПОЛОЖЕНИЕ НЕИМУЩИХ

Смотрите, главная причина ростовщичества, воровства и разбоя — наши господа и князья. Они захватывают себе, что вздумается: рыбу в воде, птицу в воздухе, растения на земле — все должно принадлежать им. И после этого они [князья] распространяют среди бедняков заповеди божьи и говорят: бог повелел — не укради! Но для себя они этот запрет не считают обязательным. Поэтому они и притесняют всех людей, разоряют и грабят бедных земледельцев, ремесленников и целый свет. Если же у них кто-либо возьмет хотя бы самую малость, то его отправляют на виселицу, а доктор Люгнер [«лжец» — намек на Лютера] тогда приговаривает: «Аминь!» Господа сами виноваты, что бедный человек становится их врагом. Они не хотят устранить причин возмущения, как же они могут надеяться на спокойное благополучие? Так говорю я! За подобные речи меня называют мятежником. И пусть!

27. МЮНЦЕР О ЛУЧШЕМ БУДУЩЕМ И БОРЬБЕ ЗА НЕГО

Да, множеству людей это кажется лишь величайшей и несбыточной грезой, они не могут себе представить, как начнется и как завершится такое дело, в результате которого безбожники будут свергнуты с престолов, а униженные возвышены.

---

[1] Под «богемскими подарками» Мюнцер разумеет церковное имущество, которое отнимается у церкви в пользу светских лиц. Данный термин указывает на то, что подобные явления (так называемая «секуляризация») имели место в Чехии (или, как ее называли в Германии — «Богемии») во времена гуситов.

28. МЮНЦЕР О СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩИН

Кротчайший кум Лейзетретер [«тихоход»] утверждает, что я хотел поднять восстание, вычитав это из моего послания горнорабочим. Он говорит об этом, но умалчивает о самом главном, о том, что я ясно высказал князьям. Я объявил им, что всей общине принадлежит сила меча, равно как и ключ к отпущению, и что на основании текста Даниила (7), Апокалипсиса (7) и послания к римлянам (13,1) князья являются отнюдь не господами, но слугами общины. Они должны поступать не так, как им нравится, но согласно со справедливостью.

По старому доброму обычаю, народу надлежит присутствовать там, где над кем-либо совершается справедливый суд по закону божьему. Для чего же? Если власти захотят постановить неправильный приговор, то присутствующие христиане должны воспротивиться и не допустить этого, так как бог взыщет за невинную кровь.

Когда, какою заповедью бог дал князьям такую власть, что мы, бедняки, должны проводить на барщине все хорошие дни и можем работать у себя на поле только в дождь, обливаясь кровавым потом? В своей справедливости бог не потерпит, чтобы нас постоянно заставляли косить их луга, возделывать пашни, сеять, выдергивать, чистить, мять, мыть, трепать, чесать и прясть лен, лущить горох, собирать морковь и спаржу... Проклятие их позорной власти и разбойничьим правам! Что сказать о тех тиранах и злодеях, которые присваивают себе все налоги, пошлины и сборы и бесстыдно проматывают их, тогда как они должны идти в общую казну и идти на пользу всей стране? Если кто-нибудь вздумает поморщиться по поводу этого, с ним тотчас же поступают, как с изменником: ведут на пытку, отрубают голову, четвертуют. Его жалеют меньше, чем бешеную собаку... Да, их власть не от бога, они сподвижники дьявола, их повелитель — сатана. Свергнуть этого Моаба и Бегемота — истинно богоугодное дело; писание называет их не слугами божьими, но змеями и волками...

Если до сих пор вы уплачивали подушные подати и были крепостными, то теперь вы станете настоящими рабами, лишенными всякого права над собой и своим добром. Вас будут, как в Турции, продавать, словно скот, лошадей и волов... Горе, беда вашим детям, которым вы оставите такое несчастное наследство!

29. ПИСЬМО МЮНЦЕРА МАНСФЕЛЬДСКИМ РУДОКОПАМ

(мая 1525 г.)

Страх божий прежде всего. Дорогие братья, как долго вы спите! Вы забыли волю божью, говоря, что бог забыл вас. Но разве я не учил вас много раз, что так и должно быть. Бог не может более

открываться людям. Вы сами должны быть стойки, в противном случае напрасны все ваши раздирающие сердце жертвы. Вы должны будете перетерпеть еще страдания. Если не хотите пострадать во имя божие,то пострадаете во имя дьявола. Опасайтесь этого. Не унывайте, будьте бодры. Не льстите безумным мечтателям и безбожным злодеям. Беритесь за дело божие и выходите на борьбу. Время настало! Убеждайте ваших братьев не презирать слова божия, иначе им грозит погибель. Вся Германия, Франция и Италия уже поднялись. Господь хочет приняться за дело; злодеи должны погибнуть. На святой неделе разрушено четыре монастырских церкви в Фульде. Крестьяне Клетгау, Гегау и Шварцвальда восстали в числе 30 тыс., и рать их прибывает с каждым днем. Я боюсь только, чтобы глупых людей не увлекли фальшивыми договорами, в которых они не разглядят злого умысла. Если вас будет хоть трое, твердо верующих в бога, одушевленных одним желанием прославить его имя и честь, вы не побоитесь и сотни тысяч человек. Итак, за дело! Пора, злодеи струсили, как псы. Возбуждайте ваших братьев к согласию и уговаривайте их снаряжаться. Давно, слишком давно пора, скорей же, скорей, за дело, за дело! Не поддавайтесь, если даже враги будут обращаться к вам с добрым словом. Не трогайтесь бедствиями безбожников. Они будут молить вас и плакать перед вами, как дети, но не жалейте их. Сам бог приказал так через Моисея (Второзаконие, 7). Нам он открыл то же. Возбуждайте села и города, в особенности же горняков-подмастерьев и других славных ребят. Мы не должны больше спать. Смотрите, пока я писал эти слова, ко мне пришло известие из Зальца, что народ хотел выбросить из замка амтмана, герцога Георга, за то, что он замышлял тайно погубить троих. Крестьяне Эйхфельда справились со своими дворянами, они не хотят жить их милостью. Со всех сторон перед вами много примеров, принимайтесь же за дело, пора, Балтазар и Бартель! Крумпф, Фельтен и Бишоф, беритесь каждый за свою работу. Передайте это письмо вашим товарищам-горнорабочим. Хотел бы так наставить всех братьев, чтобы их мужество было тверже всех замков безбожных злодеев во всей стране! За дело, за дело! Железо горячо, куйте его!

Пусть ваши мечи не остывают от теплой крови! Пока злодеи живы, вы не освободитесь от человеческого страха. Вам нельзя говорить о боге, покуда вами управляют. Итак, за дело, пока время еще не ушло. Вами предводительствует бог, следуйте за ним.

Прочитайте, что сказано у Матфея (24). Не робейте же, с вами бог, написано во 2-й хронике. Бог говорит нам: не бойтесь, вам нечего пугаться толпы. Не ваша идет война, но господня. Не за себя боретесь вы. Мужайтесь! Вы увидите над собой руку господню. Когда Иосафат услышал эти слова, он пал ниц. Не страшитесь же и вы людей, а веруйте, крепко веруйте в бога,— он подкрепит вас. Аминь.

Писано в Мюльгаузене в 1525 г. Томас Мюнцер, божий воин против безбожных.

30. ПРОТЕСТАЦИЯ ДВАДЦАТИ ИМПЕРСКИХ ЧИНОВ
(19 апреля 1529 г.)

Когда на имперском сейме в Шпейере в 1529 г. католическим большинством было принято постановление, запрещавшее дальнейшее распространение лютеранской реформации, то лютеранское меньшинство отказалось подчиниться этому постановлению, ссылаясь на то, что религиозные вопросы, как дело личного убеждения и личной совести, не могут быть решаемы большинством голосов. В этом смысле 19 апреля была вручена императору письменная Протестация, подписанная шестью князьями (Иоанном Саксонским, Георгом Бранденбургским, Эрнстом Брауншвейгским, Франциском Люнебургским, Филиппом Гессенским, Вольфгангом Ангальтским) и представителями четырнадцати имперских городов (Страсбурга, Нюрнберга, Ульма, Констанца, Линдау, Меммингена, Кемптена, Нердлингена, Гейльбронна, Рейтлингена, Исни, Сан-Галлена, Вейсенбурга, Виндсгейма). От этой Протестации и пошло название протестантов —для последователей лютеранской реформации, а затем и других аналогичных течений в католической церкви.

Божиею милостию Иоанн, герцог Саксонский, объявляем во всеобщее сведение: после того как римское императорское величество, наш всемилостивейший господин, недавно созвал общий рейхстаг и повелел курфюрстам, князьям и чинам явиться в Шпейер, в недавно прошедшее 2-е в великом посту воскресенье, мы, руководясь должным его императорскому величеству подданническим повиновением, явились туда собственной персоной, с намерением обсудить вместе с другими курфюрстами, князьями и чинами, вопросы, перечисленные в вышеупомянутой императорской созывной грамоте и оказать помощь своим мнением и советом.

Затем мы, по многим веским и очень важным причинам — ибо наша совесть и долг требуют, чтобы мы были верны богу, нашему творцу — на нынешнем рейхстаге, вместе с нашими друзьями, именно с высокородными князьями: господином Георгом, маркграфом Бранденбургским и т. д., господином Эрнстом и господином Франциском, братьями, герцогами Брауншвейгским и Люнебургским, господином Филиппом, ландграфом Гессенским и т. д., князем Вольфгангом Ангальтским, нашими любезными дядей, кузенами, кумом и зятем объявляем, что с вышеозначенным принятым постановлением не имели ничего общего и согласиться с ним не хотим и не можем.

Вследствие чего мы против этого совершенного и принятого изменения предыдущего шпейерского постановления и против связанных с этим тягостных пунктов публично протестовали вместе со всеми нашими друзьями. К этому протесту присоединились послы из некоторых соседних свободных имперских городов. Слова этого заявленного нами протеста, который мы потребовали присоединить в письменном изложении к императорским актам, суть между прочим следующие. Именно:

Мы нашли, что ваша милость и вы[1] решили упорствовать в своем намерении и никак не хотите устранить упомянутых важных при-

[1] Король Фердинанд и чины, принадлежащие к большинству сейма.

чин и избавить нас от затруднений, о которых мы везде будем твердить и напоминать, потому что это нам повелевает совесть, а также потому, что такое вашей милости и ваше решение никоим образом (пока не будет собора) не может служить к поддержанию мира и единства, вследствие указанного царящего раздора; кроме того, вы ничего не хотите сделать, чтобы мы могли присоединиться к вашему постановлению. Поэтому мы заявляем, что (ввиду много раз упомянутых затруднений) большая и непреодолимая нужда заставляет нас открыто протестовать против решения, на которое указано вашей милости, и вам, как на ничтожное и бессильное, благодаря упомянутому последнему постановлению, для нас же, для наших, да и для всякого — недействительное, что мы в настоящее время и делаем. [Мы объявляем также], что... но считаем решение вашей милости недействительным, и что мы протестовали против вашей милости и вас, и хотим в делах религии пока так держать себя, жить и управлять, как позволяет это нам ответственность перед всемогущим богом и римским императорским величеством, нашим всемилостивейшим господином.

31. АУГСБУРГСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ МИР

(25 сентября 1555 г.)

XV. Чтобы установить мир в Священной империи германской нации между римским императорским величеством и курфюрстами, князьями и чинами,— пусть ни его императорское величество, ни курфюрсты, князья и т. д. не чинят никакому чину империи никакого насилия или зла по поводу аугсбургского исповедания, но предоставят им в мире придерживаться своих религиозных убеждений, литургии и обрядов, равно как пользоваться и своим состоянием и другими правами и привилегиями; и полный религиозный мир должен быть достигнут только христианскими средствами согласия или же страхом наказания в форме имперской опалы.

XVI. Равным образом имперские чины, придерживающиеся аугсбургского исповедания, не будут мешать всем чинам и князьям, придерживающимся старой религии, жить в полном мире и пользоваться всеми их состояниями, правами и привилегиями.

XVII. Однако все, не принадлежащие к двум вышеупомянутым вероисповеданиям, не будут включены в настоящий трактат, но будут совершенно исключены из него.

XVIII. Так как выяснилось, что предметом большого спора является вопрос о судьбе епископских, монастырских и других церковных бенефициев тех католических духовных лиц, которые с течением времени оставят старую религию, то мы в силу полномочий, полученных от римского императора, постановили следующее: если архиепископ, епископ, прелат или какое-либо иное духовное лицо нашей старой католической религии откажется от нее, то их архиепископские, епископские, прелатские и прочие бенефиции

со всеми их доходами должны быть оставлены ими без дальнейших возражений или промедлений. Монастыри и те, кто на то имеет право по общему закону или по местному обычаю, изберут лицо, исповедующее старую религию, которое может вступить во владение и пользование всеми правами и доходами бенефиция без каких бы то ни было дальнейших препятствий и без предрешения какого-либо окончательного полюбовного религиозного соглашения.

XIX. Так как некоторые из аббатств, монастырей и других церковных учреждений были конфискованы и обращены в церкви, школы и благотворительные учреждения, то сим повелевается, чтобы подобные учреждения, первоначальные собственники которых не владели ими во время договора в Пассау [1552], были включены в настоящий мирный договор.

XX. Применявшаяся до сих пор церковная юрисдикция относительно аугсбургского исповедания, догмы, назначения духовных лиц, церковных распоряжений и службы (исключая прав курфюрстов, князей, коллегий и монастырей на денежные подати и десятины) отныне прекратится, и последователям аугсбургского исповедания будет предоставлено свободно и беспрепятственно отправлять богослужение и обряды и назначать духовных лиц, как то установлено в нижеследующей отдельной статье, впредь до окончательного религиозного соглашения.

XXIII. Никакой имперский чин не должен пытаться убеждать подданных других чинов оставить свою религию или защищать их против их собственных властей. Те, кто имеет от старых времен права патроната, не включены в настоящую статью.

XXIV. В случае, если наши подданные, принадлежащие к старой религии или же к аугсбургскому исповеданию, вознамерятся со своими женами и детьми оставить свой дом, чтобы поселиться в другом месте, никто не должен препятствовать им продавать свое имущество после уплаты ими надлежащих местных податей или же наносить оскорбление их чести.

Д. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ

32. «КРЕСТЬЯНСКИЙ БАШМАК»

(Из хроники Памфилия Генгенбаха [1])

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «БАШМАКА», КАК ОН НАЧАЛСЯ И ЧЕМ ОН КОНЧИЛСЯ

Случилось это в год от рождения господа нашего Иисуса Христа 1513; в одной деревне, называемой Леэн, расположенной в Брейсгау [2], жил булочный подмастерье, по имени Иероним по происхождению из Эча, и другой человек, некий Иосс Фриц, главарь и зачинщик сего дела. Эти двое часто устраивали с некоторыми другими лицами собрание, говорили о «башмаке», каким образом можно

[1] Памфилий Генгенбах — современник событий.
[2] Близ г. Фрейбурга в Бадене.

было бы его поднять и так ловко повести дело, чтобы оно имело успех. А поступали они так: когда они приходили к какому-нибудь человеку, который казался им подходящим, они говорили ему так: если он поклянется, что будет молчать и будет им помогать, они скажут ему нечто такое, что могло бы быть полезным честно и по-божески и ему самому, и его близким, и всему деревенскому люду (dem ganzen Land). На это такой человек отвечал: ну, раз по-божески, и честно, он хочет им помочь в таком деле. Вот таким-то образом они и обработали свое дело.

1. А был у них такой замысел: что не должно быть отныне никаких господ, которым надо было бы повиноваться, за исключением императора и папы.

2. Во-вторых, лес и воды, а также всякая дичь должны быть доступны всем.

3. В-третьих, все проценты и платежи, которые достигли размеров основного капитала, должны погашать долг, и отныне никаких больше процентов платить не следует.

4. В-четвертых, они хотели сделать так, чтобы у каждого священника было не больше одного доходного места — прихода (Pfründe).

5. В-пятых, они хотели взять в свои руки все чинши и платежи монастырям, превышающие их нужды, для улучшения своей доли и доли своих детей.

6. В-шестых, они хотели, чтобы никто не мог привлекать другого к суду, иначе как перед своим судьей по месту жительства.

7. В-седьмых, они хотели, чтобы всякие [административные] приказы, пригласительные, увещевательные и запретительные предписания отныне не имели силы и не принимались.

8. В-восьмых, чтобы ротвейльский суд [1] не имел больше силы.

9. В-девятых, всем, кто будет с ними, гарантируется неприкосновенность имущества.

10. В-десятых, все, кто будут сопротивляться их приказаниям, будут убиты.

Эти и другие статьи, изложенные здесь вкратце, они решили держать в полной тайне, приняв их в урочище Гартматте, а также избрать себе предводителя и знаменщика и фельдфебеля. Вышеупомянутый Иосс Фриц, главный зачинщик, сделался предводителем, Яков Гузер — знаменщиком, хотя он и отказывался от этого, указывая на свою бедность и неопытность. Но Иосс Фриц сказал ему: «Раз дело пойдет на лад, будет у тебя хорошая одежда», после чего Яков согласился. Они установили взносы в своем отряде и приняли пароль, чтобы узнать друг друга. А пароль был такой: «Милейший, как с тобою знаться? [Ответ]: Бедняк не может уж подняться».

Впрочем, насчет пароля ничего окончательно решено не было. Между тем Иосс Фриц и старый приказчик в Леэне пошли во Фрей-

[1] Суд в Ротвейле имел общеимперское значение; его юристы держались римского права, очень неблагоприятно толкуемого для крестьян.

бург к одному живописцу. И велели они ему изготовить знамя такого рода: чтобы было распятие, дева Мария и св. Иоанн, а также знаки папы и императора, а посреди крестьянин и крестьянка и большой мужицкий башмак с золотыми ремнями. Живописец испугался, подозревая неладное, а поэтому не договорился с ними до конца, а попросил зайти еще раз; а сам пошел рассказывать о случившемся. Тогда Иосс Фриц счел нужным бежать из Фрейбурга до самого Гейльбронна. Там он опять обратился к живописцу с тем же предложением. «Как же,— ответил живописец,— всюду говорят, что скоро поднимется «Союз башмака». Но Иосс Фриц успокоил его, говоря, что подобным знаменем он обещался св. Деве в Аахене во время военной беды; он-де сын сапожника, а посему избрал изображение башмака со шнурками. Убедил он живописца, и тот изготовил ему знамя.

Между тем в Бингене, в Брейсгау между работниками в риге произошел спор, а затем драка. Один убил другого и бежал, пока не прибыл в Эймельдинген, что в маркграфстве. Там он зашел в гостиницу и поведал хозяину свое дело, спрашивая, не грозит ли ему здесь опасность. Хозяин ответил, что бояться нечего, пока нет судебного требования. Тогда беглец сказал: «Эх, если бы маркграф дал мне гарантию, рассказал бы я ему такие вещи, полезные и нужные как ему, так и всей стране». Хозяин обещал ему добиться гарантии, и тогда тот рассказал ему все доподлинно о «Союзе башмака» и о том, что и сам принадлежит к нему и что, если не примут мер, гром грянет во время ярмарки в Бингене (9 октября), когда сойдется много народа. И спросил его хозяин: «А посмеешь ли ты все, что ты сказал мне, подтвердить и самому маркграфу? Ведь дело не шуточное, и нужно быть твердо уверенным в своих словах...» Пошли они, хозяин и беглец, в Реттельн, к замку, где в то время находился маркграф баденский Филипп. Здесь беглец повторил свой рассказ от слова и до слова, так что не нужно его вторично приводить. Иосс же Фриц, главный зачинщик и предводитель, и его товарищи часто собирались на Гартматте, и все они решили, если их число достигнет четырехсот, идти напролом. Впрочем, сперва сообщить о предприятии императору; если он соблаговолит их поддержать, сделать его главою всего дела, а если не пожелает — просить о помощи крестьянскую Швейцарию.

Между тем город Фрейбург был извещен о грозе и принял надлежащие меры. Когда же об этом узнал Иосс Фриц, он созвал своих товарищей опять-таки на Гартматте и сообщил, что предприятие их открылось, ибо Фрейбург вооружается спешно. Следует поэтому воздержаться от выступления и ничего пока не предпринимать. Одновременно все поклялись нерушимо молчать. Когда же маркграф Филипп и фрейбуржцы стали хватать людей, Иосс Фриц, Яков Гузер, знаменосец и еще один должны были бежать из Леэна. Прибыли они в Листаль, на территорию города Базеля; там их схватили. Иоссу Фрицу удалось бежать со знаменем, а остальные двое были отведены в Базель и казнены.

33. ДВЕНАДЦАТЬ СТАТЕЙ

Крестьянский манифест Великой Крестьянской войны в Германии был написан в начале 1525 г. и распространился по всей юго-западной Германии. Автор и точное время его написания неизвестны.

ОСНОВАТЕЛЬНЫЕ И СПРАВЕДЛИВЫЕ ГЛАВНЫЕ СТАТЬИ ВСЕГО КРЕСТЬЯНСТВА И ЗАХРЕБЕТНИКОВ (HYNDERSESSEN), ДУХОВНЫХ ВЛАСТЕЙ, КОТОРЫМИ ОНИ СЕБЯ СЧИТАЮТ ОТЯГОЩЕННЫМИ

Есть много нехристей (Widerchristen), которые теперь на собраниях крестьянства находят случай хулить евангелие, говоря: «Вот плод нового евангелия: никого не слушаться, во всех местах поднимать восстания, чиня насилие, сбегаться толпами и собираться в отряды, реформировать, искоренять, может быть, даже избивать духовные и светские власти».

Всем этим безбожным хулителям отвечают написанные ниже статьи. Они, во-первых, снимают со слова божьего этот позор; во-вторых, дают христианское оправдание непослушанию и даже восстанию всех крестьян.

Во-первых, евангелие не есть причина восстаний и бунтов, потому что оно есть речь о Христе, обещанном мессии, которого слово и жизнь учат только любви, миру, терпению, единству, так что все верующие в этого Христа становятся полны любви, мира, терпения, единства. И раз сущность всех крестьянских статей (как ясно видно дальше) направлена к тому, чтобы понять это евангелие и жить согласно с ним, то как же могут нехристи называть евангелие причиною восстания и ослушания...

Во-вторых, следует ясно, что крестьяне в своих статьях, желающие себе такого евангелия для поучения в жизни, не могут называться ослушниками и бунтовщиками. Но если бог пожелает услышать крестьян, горячо молящих о том, чтоб жить по его слову, кто осмелится порицать божью волю, кто вступиться в его суд, кто воспрепятствует его величию? Ведь услышал он вопль детей Израиля и освободил их от руки фараона, не может ли он и сегодня спасти своих? Да, он спасет и скоро. Поэтому, читатель-христианин, прочти со тщанием следующие ниже статьи и тогда суди.

Теперь следуют статьи.

Статья первая

Во-первых, наше смиренное прошение и желание, наша общая воля и мнение — иметь впредь право и силу всею общиною выбирать себе священника и смещать его, когда он неподобно ведет себя. Этот выборный священник должен проповедовать нам святое евангелие, чистое и ясное, без всякого человеческого добавления, учения и веления, одну лишь истинную веру. А буде представится случай просить бога о милости, пусть священник укрепит и утвердит нас в этом истинно законном стремлении. Ведь если в нас не

будет насаждена божья благодать, мы навсегда останемся лишь плотью и кровью, в чем нет никакой пользы, ибо ясно стоит в писании, что мы можем прийти к богу только через истинную веру и можем спастись только через его милосердие. Вот почему такой настоятель и священник необходим и таковое наше требование согласно с писанием.

Статья вторая

Во-вторых, хотя справедливая десятина [1], установленная в ветхом завете, с новым заветом потеряла силу, тем не менее мы согласны давать справедливую зерновую десятину (Kornzehent), но лишь так, как полагается. Ведь раз ее надлежит давать богу и его людям, то она подобает священнику, раз он возвещает правильное слово божье. Впредь мы желаем, чтобы эту десятину собирали наши церковные старосты (Kirchbröbst), которых поставит община, и из собранного давали бы достаточное содержание священнику, избранному всею общиною, ему и его близким, по приговору общины. А что останется лишку — отдать бедным, какие окажутся в деревне по обстоятельствам дела и по приговору общины. Что останется сверх того — беречь на тот случай, когда приходится нести походную службу (reisen von landsnot wegen) во имя страны, дабы не налагать на бедного человека еще новой земской подати.

А если окажется, что одна или несколько деревень сами продали десятину по какой-либо нужде, то могущий доказать, как он получил десятину от целой деревни, не должен лишиться ее без вознаграждения: мы хотим подобающим образом войти с ним в соглашение по обстоятельствам дела, чтобы выкупить у него десятину в подобающий срок. Но если кто у деревни не купил десятины, а его предки сами себе ее присвоили, то мы ему не должны ничего и впредь не желаем давать ничего, но, как сказано выше, будем содержать на нее своего выборного священника, а остаток сохраним или раздадим нуждающимся, как учит святое писание, будут ли то клирики или миряне.

Малой же десятины мы не хотим давать вовсе, потому что господь бог создал скот для человека беспошлинным. Ее мы считаем неподобающею, придуманною людьми десятиною и потому не хотим больше давать ее.

Статья третья

В-третьих, до сих пор было в обычае считать нас «собственными» людьми [eugen leut] [2], что жалости подобно, принимая во

---

[1] Дело идет о так называемой «большой десятине» с хлеба в отличие от «малой», бравшейся со скота, плодов, овощей и т. д.

[2] Дело идет о Leibeigenschaft — личной зависимости крестьян, в силу которой крестьянин обязан был особыми повинностями, вроде «повенечного» или «посмертного» побора (Todfall); продажи душ в юго-западной Германии не было

внимание, что Христос пролитием своей драгоценной крови освободил и искупил нас всех как пастуха, так и самого высокого, не исключая никого. Поэтому соответствует писанию, чтобы мы были и хотим быть свободными.

Не то, чтобы мы хотели быть безусловно свободными, не желали иметь никакой власти. Этому нас бог не учит. Мы должны жить по закону, а не по свободному плотскому измышлению: мы обязаны любить бога и познавать его и в своих ближних, поступая с ними так, как хотели бы, чтобы и с нами поступали, и как сам бог на прощанье заповедал нам на тайной вечери. Но, желая жить по его заповеди, разве указывает нам этот завет, чтобы мы были непослушны власти. И не только власти, но чтобы мы смирялись перед всеми и чтобы мы соответственно во всех подобающих и христианских делах с готовностью оказывали повиновение своим выборным и поставленным от бога властям.

Мы не сомневаемся, что вы, как истинные и подлинные христиане, с готовностью отпустите нас из личной крепости или же докажете нам по евангелию, что мы должны быть крепостными.

Статья четвертая

В-четвертых, до сих пор было в обычае, что деревенский человек не был вправе ловить дичь, птицу или рыбу в текучей воде. Это кажется нам совсем неподобающим и не братским, а своекорыстным и несоответственным слову божию. Так же в некоторых местностях власть содержит дичь нам во зло и в большой вред, а мы должны сносить, чтобы неразумные звери бесполезно пожирали наше достояние, чему бог предоставил расти на пользу человеку, и, сверх того, молчать, что тоже есть против бога и против ближнего. Ибо когда господь бог сотворил человека, он дал ему власть над всеми зверями, над птицею в воздухе и над рыбою в воде. Посему наше желание таково: если кто имеет воду и может доказать достаточными письменными документами, что воду он купил с ведома крестьян, то мы не желаем брать ее у него силою, но тут во имя братской любви нужно войти в христианское соображение. Кто же не может представить достаточного доказательства, тот должен подобающим образом предоставить пользование общине [1].

Статья пятая

В-пятых, отягощены мы также и с использованием леса. Ибо наши господа присвоили исключительно себе все леса... И когда деревенский человек в чем-либо нуждается, то должен покупать за двойные деньги. Вот наше мнение: леса, освоенные, но не купленные мирянами или клириками, должны снова перейти в руки

---

[1] Дело идет о феодальном праве охоты, в силу которого охотиться мог только «благородный».

всей общины. Община подобающим образом распоряжается, чтобы каждый по нужде мог брать себе безвозмездно в дом для топлива, а также когда понадобиться плотничать, однако с ведома выбранных на то общиною людей. А если не окажется леса, кроме купленного правильно, то следует войти с собственником в братское и христианское соглашение. Если же добро с самого начала было [неправильно] присвоено, а потом было [правильно] продано, то нужно войти в соглашение по обстоятельствам дела, сообразно братской любви и святого писания.

Статья шестая

В-шестых, мы терпим большое отягощение от барщин (der diensthalben), которые растут и умножаются со дня на день. Мы желаем, чтобы нам в этом оказали подобающее внимание и не отягощали нас так сильно, но милостиво рассмотрели бы, как служили наши отцы, однако все по точному смыслу слова божьего.

Статья седьмая

В-седьмых, впредь мы не хотим позволять господину отягощать нас дальше, но как господин подобающим образом сдает крестьянину [землю], так последний и должен владеть ею на основании соглашения (vereynigung) господина с крестьянами. Сверх сего господин не должен ни к чему принуждать, ни к каким дворовым или иным службам, чтобы крестьянин мог спокойно и без отягощений пользоваться землею. Однако, если господину необходимо потребуется служба, то крестьянин должен более других быть для него в готовности и послушании, но в такой час и в такое время, от которого крестьянину не было бы ущерба, и работать на господина за подобающую плату.

Статья восьмая

В-восьмых, мы — все, те, у кого есть земля,— отягощены тем, что эта самая земля не может окупить арендной платы (gult) и что на такой земле крестьяне теряют и губят свое собственное достояние. Пусть господа велят осмотреть эти самые земли людям почтенным и установят аренду по справедливости, так, чтобы крестьянин не делал своей работы даром, ибо каждый работник достоин платы своей.

Статья девятая

В-девятых, мы чрезмерно отягощены большими штрафами (freve), ибо постоянно вводят новые постановления и наказывают нас, не сообразуясь с делом, а по вражде или угодливости. Наше мнение таково: наказывать нас по старым писаным законам сообразно обстоятельствам дела, а не по произволу.

Статья десятая

В-десятых, мы отягощены тем, что некоторые присвоили себе принадлежащие общине луга, а также и пашни. Эти земли мы хотим снова вернуть в наше общее пользование (der unseren gemeinen Landen), разве что они были куплены честно. Если же это приобретено нечестно, то нужно войти в братское соглашение, по обстоятельствам дела.

Статья одиннадцатая

В-одиннадцатых, обычай, называемый посмертным побором [Todfall] [1], мы хотим отменить совершенно. Мы никогда не потерпим и не позволим, чтобы против божьей чести и правды у вдовы и сирот отнимали их достояние так постыдно, как это происходило во многих местах и во многих видах. И те, которые должны были бы защищать и охранять нас, обдирали бы и обчищали нас, и будь у них больше прав, они отняли бы и все остальное. Этого бог больше не потерпит, это должно быть устранено совершенно. Никто впредь не должен в таком случае давать ничего, ни много, ни мало.

Общее решение

В-двенадцатых, вот наше решение и окончательное мнение. Если здесь дана одна статья или больше статей, несогласных со словом божьим, чего мы не думаем, и нам укажут их несоответствие слову божьему, мы отступимся от них, если нам объяснят это на основании писания. Если даже теперь признают некоторые наши статьи, а после окажется, что они были неправильны, то пусть они сейчас же будут мертвы и устранены, пусть не имеют больше силы. Точно так же, если по писанию окажется у нас еще ряд статей о делах, которые идут против бога и отягощают ближнего, то мы твердо настоим на них, вводя их в наши постановления, пользуясь христианским учением и обычаем. Потому мы просим господа бога, который может нам дать это, а больше никто. Мир христов да будет со всеми нами.

34. «ПИСЬМО-ТЕЗИСЫ» (ARTIKELBRIEF)

«Письмо-тезисы» было составлено в конце 1524 г. или в январе 1525 г. в кругу сторонников Мюнцера. Этот документ явился для восставших крестьян наиболее революционной программой, так как требования, заключавшиеся в нем, означали решительную борьбу против всех господ. С самого начала Крестьянской войны «письмо-тезисы» предъявлялось восставшими крестьянами многим городам и общинам.

---

[1] Всякий, что был зависим лично (Leibeigen), обязан был при наследовании чиншевой земли платить господину (сеньеру) особый побор, состоявший чаще всего из лучшей головы скота и других вещей, принадлежащих наследователю. Это и есть Todfall — посмертный побор.

[2] Из Виллингенской хроники (161-а — 163-а) — по экземпляру, переданному 8 мая 1525 г. городу Виллингену.

Почтенные, мудрые, благосклонные господа, друзья и любезные соседи! Так как до настоящего времени на бедный и простой люд в городах и деревнях вопреки богу и всякой справедливости налагались большие тяготы духовными и светскими господами и властями, которых они и мизинцем не трогали, то из этого следует, что подобного бремени и отягощения невозможно ни переносить, ни терпеть, если только простой бедный человек не хочет пустить совсем по миру с нищенским посохом — себя самого, свое потомство и потомство потомства. Потому программа и план (der anschlag und fürnemen) этого христианского объединения заключается в том, чтобы с помощью бога освободиться, и притом, насколько это возможно, без вооруженной борьбы и кровопролития (als fill alls muglich on alle schwertschleg und plütfergiessen), что, впрочем, не может быть осуществлено без братского поощрения и объединения во всех делах, касающихся общей христианской пользы и содержащихся в этих приложенных статьях, как за тем следует. Поэтому в том наша дружеская просьба, желание и братское стремление, чтобы вы добровольно и дружелюбно вступили в это христианское объединение и братство для того, чтобы дело общехристианской пользы и братской любви было восстановлено, воздвигнуто и приумножено. Если вы так поступите, то это будет проявлением воли бога во исполнение его заповеди о братской любви. Если же вы это отвергнете, чего мы все же никак не ожидаем, то мы объявляем вас в светском отлучении (in den welttlichen bann) и в силу данного письма будем вас считать в этом состоянии до тех пор, пока вы не откажетесь от вашего намерения и не вступите с доброй волей в это христианское объединение. Все это мы из лучших намерений не хотим скрыть от вас — наших любезных господ, друзей и соседей. Желаем получить от совета и общины письменный ответ на это письмо через этого же посланца. В этом заключаются божьи заповеди.

Светское отлучение заключается в следующем. Все состоящие в этом христианском объединении должны считать делом своей чести и высшей обязанностью с теми, которые отказываются вступать в братское объединение и способствовать общей христианской пользе, не иметь и не поддерживать никакого общения: с ними — ни есть, ни пить, ни купаться, ни молоть, ни удить, ни пахать, ни боронить, также не привозить для них и не доставлять им пищи, ни напитков, ни дров, ни мяса, ни чего-либо другого; не покупать у них и не продавать им ничего. Пусть они будут оставлены, как отрезанные и мертвые члены, поскольку они в этих делах не только не помогают общей пользе и земскому миру, а наоборот, препятствуют им. Пусть им будет отказано в допущении ко всем рынкам, в общинные леса, воды и луга, не находящиеся в их распоряжении. И кто из вступивших в наше объединение нарушит это, пусть также будет исключен из общества и наказан тем же отлучением и изгнан к противникам вместе с женою и детьми.

О ЗАМКАХ, МОНАСТЫРЯХ И ПОПОВСКИХ ЦЕРКВАХ (PFAFFEN STIFTUNGEN)

Ввиду того, что всякое предательство, гнет и вред исходят и распространяются из замков, монастырей и поповских церквей, они с настоящего времени объявляются пребывающими в светском отлучении. Там же, где дворянство, монахи или попы, добровольно отказавшиеся от монастырей или церквей, пожелают направиться в обыкновенные дома, как другие чужие люди, и вступить в это объединение,— они должны быть дружески и добродетельно приняты вместе с своим имуществом и добром, и после того им должно полагаться без ущерба, с доверием и уважением, все, что по общественному праву им следует.

О тех, которые предоставляют приют и оказывают заботу и поддержку врагам настоящего христианского объединения.

И все те, которые будут оказывать поддержку и заботу и предоставлять приют врагам настоящего христианского братства, должны быть таким же дружеским путем побуждены к отказу от такого поведения. Если же они не пойдут на это, то пусть они без всяких дальнейших переговоров будут признаны пребывающими в светском отлучении.

35. ЛОРЕНЦ ФРИС О КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ВО ФРАНКОНИИ

Лоренц Фрис, секретарь вюрцбургского князя, архиепископа Конрада фон Тюнгена, и хронист города Вюрцбурга, был очевидцем событий Крестьянской войны и в своей «Истории Крестьянской войны в Восточной Франконии» собрал огромный документальный материал, являющийся важным историческим источником для событий 1525 г. Знаменитое предисловие к его сочинению свидетельствует о том, какое впечатление произвели эти события на современников.

О ПОТОПЕ 1524 г[1]

Поелику с некоторых пор из темных туч грозы божией, что собиралась на земле из великого и тяжкого смрада нашей грешной и срамной жизни и облаками подымалась к небу, стали проистекать многие дурные и преступные учения и мнения, там, в долинах, среди простого народа прорвались воды и по небрежению проповедников и попустительству властей стали разливаться так, что в год от рождения Христа, господа бога нашего, 1525-й, забушевала великая хлябь; снесла она могучим потоком древние и высокие твердыни власти, да и людям, скотине и добру нанесла великий и непоправимый ущерб. И был то страшный потоп, о котором предсказывали астрономы и мудрецы, вопрошавшие небо, ужасный и гибельный потоп, но не от воды, о которой говорили премудрые астрономы и астрологи, а от крови. И погибло тогда в этом потопе в одном немецком народе больше ста тысяч человек. И хотя этот

[1] В действительности дело идет не о потопе 1524 г., а о восстании 1525 г.

названный выше потоп, т.е. преступный мятеж подданных, бушевал почти повсюду в верхней Германии, нигде не прорвался он с такой силой и не вызвал такого ужаса, как в архиепископстве Вюрцбургском, во Франконии, как о том ты, читатель, узнаешь подробно из дальнейшего. И так как я, Лоренц Фрис из Мергетгейма, лично присутствовал, сам видел и слышал, как этот мятеж случился в Вюрцбурге и вокруг него, как он начался, шел и кончился, так как я держал в собственных руках многие письма и послания, которые писали друг к другу восставшие и которыми обменивались власти с подданными и пристойным образом и по-иному; так как я видел тех, кого в городе и в деревнях арестовали за участие в мятеже и допрашивали, и читал все их ответы и показания,— я написал изложенную ниже в одной книге правдивую историю, написал ее никому не в порицание и не на позор, но для того, чтобы потомки прочли и увидели, что произошло с их предками и их отцами...

36. ГЕЙЛЬБРОННСКАЯ ПРОГРАММА

Так называемая Гейльброннская программа взята из хроники Лоренца Фриса.

В программе содержатся не только крестьянские требования, но и проект реформы империи в интересах буржуазии.

Какого вида устройство или реформацию нужно принять и установить на пользу и благо всех братьев-христиан

Во-первых, чтобы все духовные (geweyhten — посвященные), как бог повелел и заповедал им в XXVIII главе Матфея, были реформированы и получали содержание согласно с их действительными потребностями, а не взирая на их породу и происхождение, высокий или низкий чин и корень.

К этой статье четыре декларации. Первая касается важных господ (die grossen hanssen), как-то: епископов, пробстов, деканов, каноников и тому подобных.

Далее, чтобы все монашествующие, как иноки, инокини, нолльгарды [1], тевтонские рыцари и другие, тому подобные, которые с очевидностью опознаны как хищные волки в духовной личине, были реформированы согласно велению божьему, как написано в Бытии и в XIX главе Матфея.

Далее, чтобы каждая община достала себе хороших пастырей, которые бы старались пасти своих овец только словом божьим, основанным на писании: чтобы община могла ставить и смещать их.

Далее, чтобы все священники и избранные лица на службе божьей показывали пример людям, подобно тому как это делал наш спаситель Христос. Содержать их должно честно, но с таким расчетом, чтобы остаток шел на бедных, нуждающихся людей и на общую пользу.

[1] Или бегарды, полумонашеские общины.

Во-вторых, должны быть реформированы все светские князья, графы, господа, рыцари и дворяне, чтобы бедный человек не был отягощен ими так сильно, свыше христианской свободы.

К этой статье тоже четыре декларации. Во-первых, чтобы низшим против князей и господ, бедным против богатых оказывалось равное, скорое и действительное правосудие.

Далее, чтобы все, имеющие лен от Священной империи и членов ее, начиная от князей и кончая дворянами, получали честное содержание,— каждый сообразно своему рождению. Зато они должны верно предстоять Священной Римской империи, охранять послушных и благочестивых, вдов и сирот, наказывать непослушных и злых.

Далее, чтобы все ленники честно служили единому римскому императору, как указано в писании, более, нежели другим своим ленным господам, светским князьям империи, для христианского мира и умножения империи; чтобы они без дальнейшего отягощения охраняли бедных подданных; чтобы они любому человеку оказывали помощь, совет и правый суд, дабы никто не жаловался на бесправие.

Далее, чтобы все князья, графы, рыцари, дворяне, служилые— все равно, получили ли они лен от империи и имперских князей или нет — должны вести себя по-божески, по-братски, по-христиански, честно, чтобы никто не терпел от них несправедливых отягощений. Они должны также посильно и верно охранять и защищать слово и право божье от всякого насилия, чтобы оно не уничтожалось нарочно, как это случалось до сих пор.

В-третьих, все без исключения города, коммуны и общины в Священной империи должны быть реформированы и утверждены по божескому и естественному праву, согласно с христианской свободой.

Далее, чтобы против этого никто не вводил ни старой, ни новой человеческой выдумки ради своекорыстия, но чтобы бедному помогали так же, как богатому, и чтобы поддерживалось братское единение.

. . . .

Далее, чтобы купцам было безопасное передвижение и чтобы на продажу любого товара был установлен порядок, которого бы и держались при торговле, чтобы преуспевала и множилась общая польза.

В-четвертых, никаких докторов, духовных или светских, нельзя допускать ни заседать, ни говорить, ни давать советы, ни действовать в каком бы то ни было княжеском совете и в каком бы то ни было суде, но их нужно устранить совершенно, так, чтобы они от человеческих законов обратились к божественному писанию и в качестве лиц искусных были призваны проповедовать, ибо от их деяний разоряется много народа.

. . . .

В-шестых, хорошо было бы, чтобы в империи было устранено все светское право, которое употреблялось до сих пор, и утверждено было право божеское и естественное, как указано выше и

ниже; тогда бедняк имел бы столько же доступа к праву, сколько самый главный или самый богатый.

Пусть императорский камергерихт в Священной империи германской нации состоит из 16 храбрых, честных, безупречных мужей, именно: 2 от князей, 2 от графов и господ, 2 от рыцарства, 3 от имперских городов, 3 от княжеских городов, 4 от всех коммун в империи. Они должны будут выбрать себе [в председатели] имперского камеррихтера из графов или господ. И из числа этих 16 лиц истец и ответчик должны выбирать себе ходатая и советника по своему делу. Взятые в камергерихт лица до этого должны по крайней мере 10 лет заседать и действовать на суде.

. . . .

В-седьмых, хорошо было бы устранить все имевшие доселе место пошлины, провозные поборы (Glait) [1], пошлины на съестные припасы (Ungelt) [2] и другие подати и отягощения, за исключением самого необходимого, дабы простой человек не терпел от корысти.

Причина: так много развелось пошлин у духовных и светских князей, графов, господ, рыцарей, дворян, прелатов и городов, что этим затруднены все купеческие сделки, и простой человек все дороже и дороже покупает даже розничный товар (pfenigwert).

Далее, необходимые пошлины на поддержание общеполезных нужд — мостов, дорог, путей — должны продолжаться, а остаток от них должен откладываться на общую пользу.

В-восьмых, все дороги в немецком народе должны содержаться свободно и без принуждения, без насилий и провозных поборов, без всякого исключения, ибо князья и господа держат их на правах лена от Римской империи. А если в области какого-нибудь князя или господина кто-нибудь потерпит ущерб или у него будет отнято его имущество, то пусть этот самый князь или господин вполне за это заплатит и возместит убыток.

. . . .

В-десятых, вся золотая и серебряная монета должна быть переплавлена и приведена к одному зерну и весу, однако без ущерба для вольностей и прав каждого.

И чтобы всякое горное дело было сделано свободным, будь то золото или серебро, ртуть, медь, свинец или что иное, без всякого исключения. Кроме того, необходимость требует, чтобы вся добыча золота, серебра, свинца и меди принималась имперскою камерою и покупалась за настоящую плату.

. . . .

Далее, появилось много новых господ (muntzheirrn), чеканящих свою монету, отчего старая хорошая монета пропала и распространилась в большом количестве малоценная монета. Хоро-

[1] Право сеньера требовать продукты при проезде.

[2] Вновь установленные сеньериальные косвенные налоги «Ungelt», то есть «нехорошие деньги», в отличие от издавна установленных обычных платежей или «денег» просто.

шо бы выяснить право и давность этого чекана, и что не находит себе основания в вольностях и старых правах, то отменить, а исстари чеканивших свою монету, убедившись в необходимости, допустить; но они должны сообразоваться с имперской монетой, как она будет установлена, и в смысле монетного дохода и в смысле чекана; на одной стороне должен быть имперский орел, на другой — герб чеканящего монету господина.

. . . .

В-одиннадцатых, нужно обратить внимание на большие потери бедных при покупках и продажах. В империи должна быть введена одна мера, один локоть, один воз, одинаковый вес, одна длина для сукна, бумазей и для всех других товаров. Отсюда следует, что все пряности и другое, что продается на центнер, будет иметь одинаковый вес. Но какие пряности или подобные товары продаются на фунты, те должны иметь вес города Труа (troisch gewicht)[1].

. . . .

В-двенадцатых, чтобы компании, как Фуггеры, Гохштетеры, Вельзеры и т. п., были отменены, ибо от их произвола богатые и бедные одинаково терпят отягощение во всех товарах.

Составляется ли компания или кто торгует один, в торговле нельзя иметь больше 10 тыс. гульденов. А у кого окажется больше, у того отнять в казну основной капитал и излишек наполовину.

Далее, купец, который сверх 10 тыс. гульденов имеет избыток в деньгах, может, кому хочет, давать всякие ссуды и помогать по-евангельски.

Далее, если купец сверх своего вложенного в торговые дела капитала имеет избыток в деньгах, то он может отдать их совету своего города и в год брать 4 гульдена со 100. А господа советники могут ссужать их бедным людям под обеспечение и брать 5 гульденов со 100, и бедному и способному при этом можно будет кормиться.

Далее, чтобы всякие монетные разменные сделки были запрещены и устранены под угрозою тяжелого наказания.

Далее, чтобы было установлено соглашение между большими оптовиками (den grossen Hanssen) и торговцами (den handelevn), чтобы более бедным осталась розница и они могли бы кормиться.

Далее, чтобы мелкие торговцы (Kremer) в городах, которые продают всякого рода товар и мелочи (pfenig wert), были разделены и чтобы каждому разрешался только один товар.

В заключение, чтобы были устранены всякие союзы князей, господ и городов и чтобы всюду соблюдался только императорский мир, без всяких провозных поборов и иных отягощений, и всякие частные распоряжения, установленные с этой целью, должны быть устранены и никогда не должны устанавливаться впредь под угрозою потери всех вольностей, ленов и регалий.

---

[1] Труа — главный город Шампани; со времен шампанских ярмарок весовые единицы города Труа были широко распространены в Европе.

Также пусть все в империи, даже иностранцы из других королевств, странствуют свободно и безопасно, верхом, в повозке, водою, пешком и не принуждаются ни к каким провозным поборам и ни к какому личному или имущественному отягощению, на преуспеяние бедному человеку и к общей пользе. Аминь.

37. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА И ЛЮТЕР

«ОБРАЩЕНИЕ С МИРНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ»

(апрель 1525 г.)

Доктора Мартина Лютера «Обращение с мирными предложениями на основе 12 статей».

...Никто на свете не был в такой же мере причиной настоящих беспорядков и возмущения, как вы, князья и господа, особенно же вы, ослепленные епископы, сумасбродные попы и монахи... Меч приставлен к вашему горлу, вы же все еще думаете, будто так крепко сидите в седле, что никто не может вас выбить из него. Эта уверенность и ожесточенная самонадеянность приведет вас к тому, что вы сломите себе шею — вы это увидите... Знайте, так как вы причина гнева божия, то, без сомнения, он постигнет вас, если вы не исправитесь со временем. Знамения на небе и чудеса на земле относятся к вам, господа; они не предвещают вам ничего хорошего, и ничего хорошего с вами не произойдет... Знайте, бог сделал так, что народ не может и не хочет дольше терпеть вашего злодейства. Вы должны измениться и следовать слову божию; если не сделаете этого добровольно и охотно, то должны будете сделать по принуждению и с потерями для себя... Против вас, господа, восстали не крестьяне, а сам бог, который хочет наказать вас за ваши злодейства.

Но Лютер уверяет, что он вовсе не стоит на стороне крестьян. Он лишь просит князей сделать крестьянам некоторые уступки. По его мнению, можно вести переговоры с крестьянами, взяв за основу «12 статей». Некоторые из них совершенно справедливы, например, первая, требующая, чтобы крестьяне имели право выбирать священников и читать евангелие. Дальше он говорит:

Другие статьи, требующие материальных облегчений, также справедливы, ибо власти поставлены для того, чтобы приносить подданным пользу и творить благо. Но теперь гнет сделался невыносимым. Разве помогло бы крестьянину, если бы на его поле росло столько гульденов, сколько на нем стеблей и колосьев зерен? Для того чтобы бедному человеку осталось что-нибудь, следовало бы ограничить роскошь и сократить расходы...

Поэтому я с добрым намерением советовал бы выбрать из среды дворян несколько графов и господ, от городов — несколько советников и обсудить и уладить дело миром. Вы, господа, должны оставить свое высокомерие; все равно, добровольно или нет, вам придется расстаться с ним, вам надо было бы немного ограничить свою

тиранию и свой гнет, чтобы бедные люди также получили достаточно воздуха и места в жизни. С другой стороны, нужно, чтобы крестьяне вошли в соглашение и отказались бы от некоторых статей, предъявляющих слишком большие требования, так что дело хоть и не было бы сделано по-христиански, но все-таки было бы улажено по законам человеческим... Итак, совесть моя спокойна, потому что я дал вам христианский и братский совет. Дай бог, чтобы совет этот помог вам. Аминь.

38. ИЗ ПАМФЛЕТА ЛЮТЕРА «ПРОТИВ РАЗБОЙНЫХ И ГРАБИТЕЛЬСКИХ ШАЕК КРЕСТЬЯН»

(1525 г.)

Три года ужасных грехов против бога и людей навлекают на себя эти крестьяне, поэтому они заслужили много раз смерть, и телесную и душевную.

Во-первых, они клялись своим господам в верности и преданности, быть покорными и послушными, как повелевает бог, говоря: «Дайте кесарево кесарю» [Римл. 13,1] и «Каждый да повинуется власти». Но так как они своевольно и дерзко нарушают это повиновение, к тому же восстают против своих господ, то они навлекли казнь на тело и душу, поступая как неверные, клятвопреступные, лживые, непокорные негодяи и злодеи. Поэтому и св. Павел [Римл. 13,2] высказывает о них такое суждение: «Противящийся власти навлекает на себя кару». Это изречение осуществится, наконец, рано или поздно на крестьянах, ибо бог ценит преданность и верность.

Во-вторых, так как они поднимают мятеж, дерзко расхищают и грабят монастыри и замки, которые им не принадлежат, то уже за это одно они дважды повинны смерти телесной и душевной, как общественные придорожные грабители и убийцы. Всякий мятежник, которого в этом могут уличить, находится уже в опале божией и императорской, так что всякий, кто раньше других сможет такого человека удавить, сделает справедливо и хорошо. Ибо по отношению к нарушителю мира каждый является высшим судьей и палачом, подобно тому как при пожаре всякий, кто прежде всех тушит, наилучший человек. Ибо мятеж — не простое убийство, но подобен большому пожару, который воспламеняет и опустошает страну, потому что мятеж наполняет страну убийством, кровопролитием, создает вдов и сирот и приводит все в расстройство, как величайшее бедствие. Поэтому всякий, кто может, должен их [крестьян] бить, душить, колоть тайно или явно и помнить, что не может быть ничего ядовитее, вреднее, ничего более дьявольского, чем мятежник. Его надо убивать, как бешеную собаку: если ты его не убьешь, то он убьет тебя и вместе с тобою целую страну.

В-третьих, подлежат смерти за то, что такие ужасные, великие грехи прикрывают евангелием, называют себя братьями во Христе, принимают присягу и [выражение] преданности и принуждают людей вместе с ними поддерживать эти ужасы. За то, что они величайшие богохульники и поносители святого имени божия, и за то, что чтят дьявола и служат ему под видом евангелия, они десять раз заслуживают смерть телесную и душевную, ибо я не слыхал о более отвратительном грехе. Обрати внимание на то, что дьявол предчувствует близость страшного суда, так как он берется прямо за неслыханное дело. Он будто бы хочет сказать: это — последнее, потому должно быть наихудшим, надо взболтать осадок и выломить дно. Да воспрепятствует ему бог. Посмотри, какой могущественный князь — дьявол, как он держит в своих руках мир и как все может перемешать, если он в состоянии в такое короткое время обольстить, соблазнить, ослепить, ожесточить, взбунтовать столько тысяч крестьян и сделать с ними все, что замыслит его неистовствующая ярость.

39. НАЗИДАНИЕ ЛЮТЕРА КРЕСТЬЯНАМ

ТОЛКОВАНИЕ ВТОРОЗАКОНИЯ[1]

Проповеди 1529 г.[2]

Второзаконие 1, 12

... У государя громадный, роскошный замок, на государе самоцветы, златые цепи, бархат — вот как судит о государе глупец, широко раскрыв пасть свою, сравнивая [с этим] бедность свою, свой домишко, крытый соломой; он уверен, что князю [живется] куда лучше, чем ему... Если бы он мог слышать, о скольких хлопотах, опасностях и тяжких трудах может повествовать цепь сия, он сказал бы: «На что мне цепь из чистого золота! Нет, пусть лучше останется у меня моя хибарка с соломенной крышей... оборони господь от этих золотых цепей и жемчужин»... [Да], трудное дело управлять, и мудрец не пожелает его... Но всего этого мужики не видят, они закрывают глаза... на тяготы управления и думают, что управлять — значит носить куньи шапки («Schauben»). Поэтому они при восстании и говорили: «Мы тоже желаем куньих шапок и золотых цепей, мы тоже хотим наедаться куропатками».

А между тем в мире установлено вящее равенство.

Поведай-ка мне, кому живется лучше, спокойнее, безопаснее, нежели бюргеру или крестьянину. Так говаривал незадолго до смерти и наш курфюрст, герцог Фридрих: «Жизнь бюргера, крестьянина — лучшая доля, ибо у королей и князей лишь блеск да

---

[1] Второзаконие — одна из книг библии, в которой повторяются и подытоживаются основные положения учения Моисея, легендарного законодателя библейской традиции.

[2] Напечатано лишь в 1564 г.

мишура, у подданных же настоящее золото». Как же так?.. Под куньей шапкой князя спрятано такое великое множество дум и забот, как волос на шапке этой; всякое недоброе дело прилипает к ней.

................Я (т. е. Лютер) страшно разгневан на крестьян, которые вздумали сами править, не сознавая своего великого богатства, не ценя спокойной жизни своей — подарка и предмета заботы князей. Бессильные, грубые, глупые люди... да разумейте же, наконец: у вас — лучшая доля, вы воистину пользуетесь и услаждаетесь соком виноградным, князьям же достаются лишь кожица да косточки.

Бог создал так, чтобы каждое звание имело бы свои тяготы (Ungemach); и нужно видеть не только неприятное, но и хорошее в каждом звании. К тому же запомни: чем незначительнее чин или должность (Amt oder Stand), тем вольнее, приятнее жизнь...

40. ПЕСНЯ ОБ УСМИРЕНИИ МЮЛЬГАУЗЕНА

Хотите песенке внимать,
Что пелась про князей да знать,
Высокоблагородных
Теснителей народных?

Им христианскую-то кровь
Пивать за трапезой не вновь,
Им миловать не гоже
Спаси нас, бедных, боже!

В четверг стряслась у нас беда.
Сошлись князья и господа
Под Шлоттейм всей оравой,
Грозили нам расправой.

Как герцог Юрий [1] зол и лют,
Расскажет эббелейдский люд;
К князьям он едет в поле,
Чтоб благ стяжать поболе.

Мюльгаузен — крепость хоть куда,
Но взяли город господа,
В том доктор был виною
С багряной бородою.

Ты, доктор, признанный злодей,
Ты худо сделал, ей же ей!
Но мы тебя отвадим,
На кол тебя посадим.

И Генрих Баумгард был из тех,
Кого не устрашает грех,
Он знал, что доктор хочет,
О чем злодей хлопочет.

Их плутни Кенемунд открыл,
Зато и голову сложил
В угоду барам злобным
У нас, на месте лобном.

Был Пфейфер [2] честен и учен,
Славней не сыщется имен.
В пути его схватили,
Навеки уложили.

---

[1] Герцог Юрий (точнее — Георг) Саксонский — один из участников кровавой расправы над тюрингскими повстанцами. Совместно с герцогом Генрихом Брауншвейгским, ландграфом Филиппом Гессенским и другими принимал участие в решающей битве при Франкенгаузене, завершившейся полным поражением восставших крестьян. Из Франкенгаузена объединенная сила князей направилась тотчас же к Мюльгаузену. 25 мая 1525 г. город сдался победителям.

[2] Генрих Пфейфер — ученик и соратник Томаса Мюнцера, руководитель (наряду с Мюнцером) восстания в Мюльгаузене. Когда он увидел,

Так нам мюльгаузенский совет
Немало понаделал бед,
Из злобы и из мести
Нас бьют на лобном месте.

И даже тех, кому князья
Свободу дали, видел я,
Прислужники хватали
И насмерть убивали.

Людей не милуют они.
Господь, теснителей казни!
Пусть черти с хворостиной
Их примут в час кончины.

Нам Ламгарт, воевода-плут,
Сказал: на Попперекский пруд
Идите всей толпою
С повинной головою.

И жены бедные гурьбой,
Ведомы докторской женой,
Пошли молить злодеев...
Спусти на ведьму змеев!

Кто эту песенку сложил,
Тот на земле недолго жил.
Он выпил злую чашу.
Ты песню слышал нашу?

Е. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

41. ФРАНЦУЗСКИЙ ДИПЛОМАТ ФАНКАН О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ В ЕВРОПЕ В 1627 г.

Если бы обе Индии[1] были истощены или если бы оба союзных дома [т. е. Габсбурги испанские и Габсбурги австрийские] их потеряли, Германия продолжала бы оставаться боеспособной, дабы сражаться за цели, поставленные Габсбургами, как самое обширное, богатое и могущественное государство христианского мира, у которого есть сильные князья, имперские города, торговые, богатые и расположенные по большим рекам; и все это в центре Европы, а это является для них великим преимуществом, дабы установить здесь центр огромной монархии...Габсбурги найдут средства создать и экипировать флот, чтобы держать в узде север, тревожить юг, у них будут силы не только для того, чтобы препятствовать торговле датчан, англичан и французов, но и для того, чтобы захватить то, что им не принадлежит, и возвратить то, что они потеряли. Вот почему они так упорны и с таким воодушевлением атакуют всеми своими силами короля Дании, города и страны Нижней Саксонии, большую часть которых они уже заняли. Немногого недостает им для того, чтобы они стали господами всего, и они добьются этого, если им предоставить действовать без помехи и если король Дании капитулирует. Таким образом вся Герма-

---

что все потеряно, что город намерен открыть ворота князьям, он тайно бежал из Мюльгаузена 24 мая в сопровождении 400 приверженцев с тем, чтобы пробиться в верхнюю Франконию. Однако по дороге он был настигнут княжескими солдатами, взят в плен, привезен обратно в Мюльгаузен и обезглавлен.

[1] То есть Ост и Вест-Индии. Первая принадлежала Португалии, вторая — Испании. Но в промежуток 1581—1640 гг. Португалия и Испания были объединены, и, таким образом, обе Индии находились в руках испанских Габсбургов.

ния, если она будет подчинена Габсбургам, поможет возвыситься последним и станет для них прочным пьедесталом для того, чтобы воздвигнуть на нем их монархию и восторжествовать над всем христианским миром.

42. РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ШВЕДСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКЕ ГУСТАВА-АДОЛЬФА

Русское государство в начале XVII в. перенесло тяжкую для него польскую и шведскую интервенции и сопряженные с ней внутренние потрясения, вызвавшие временное его ослабление. Отстаивая свои национальные интересы, Россия вскоре была опять поставлена в необходимость возобновить борьбу с Польшей (Смоленская война 1632—1634 гг.), являвшейся союзником Габсбургской империи. Польша, будучи основным противником России, оставалась в то же время и противником Швеции, с которой она вела упорную борьбу за побережье Балтийского моря. Густав-Адольф шведский во-время понял бесплодность попыток завоеваний за счет России. Помышляя на пороге Тридцатилетней войны об интервенции в Германию и сознавая, что Польша продолжает оставаться непримиримым противником Швеции, Густав-Адольф решил вступить в союз с Россией. Этот союз с Россией призван был оградить шведов от нападения со стороны Польши и развязать ему руки для завоевания германской территории.

Не принимая непосредственного участия в Тридцатилетней войне, Россия все же считалась ее участницей, отвлекавшей польские силы от противодействия шведам. Это обстоятельство нашло свое отражение в тексте Вестфальского трактата, в котором «великий князь московский» упоминается, как союзник Швеции. Приводимый ниже документ представляет большой интерес, так как несмотря на явную переоценку военных успехов Швеции выдающийся полководец тем не менее вынужден признать мощь России, несмотря на разорительные результаты недавней интервенции.

РЕЧЬ ГУСТАВА-АДОЛЬФА О МИРЕ С РОССИЕЙ НА ШВЕДСКОМ СЕЙМЕ 1617 г.

Бог даровал нам мир с русскими, сила и могущество которых были некогда страшны для всего света.

О храбрости русских можно судить по множеству покоренных ими народов: казанского, астраханского и сибирского. Турки не раз испытали на себе их силу, когда, например, попытались каналом соединить Волгу с Доном и освободить Астрахань из-под власти московских царей.

Гордые поляки, презирающие русских, также неоднократно терпели от них поражения и одерживали верх только во время внутренних смут России, действуя, как коварные и лукавые лисицы. Захватив раздираемую усобицами Россию, они, как жадные львы, хищничали, все разграбляя и убивая; но стоило русским соединиться, и поляки были с позором изгнаны из Москвы, как собаки.

Добиться у такого могущественного народа столь славного мира [Столбовский мир между Россией и Швецией] возможно было лишь при особенной божественной милости. Теперь этот враг отделен от нас озерами, реками и болотами, через которые ему не так-то легко будет проникнуть к нам.

Русские — народ, силою которого нельзя пренебрегать. У московского царя множество богатых бояр, зажиточные крестьяне и густо населенные города. Он в состоянии выставить огромное войско. Так, Борис Годунов имел в своем распоряжении до полутора миллионов человек. Передвижению этих сил содействуют удобные водные пути: с Каспийского моря он в короткий срок может перевести свои войска к Балтийскому морю, так что для всех своих соседей он одинаково опасен и внушает немалый страх. Опираясь на такую силу, русские не переставали быть гордыми и высокомерными и не желали иметь себе равных. Победа над таким народом должна поднять в шведах мужество и доверие к себе. Благодаря уступке шведам Ивангорода, Яма, Копорья, Нотебурга, Кексгольма мы вполне гарантированы и в Эстляндии и в Финляндии от всяких нападений со стороны русских. Финляндия отделена от России Ладожским озером, по ширине своей равняющимся Балтийскому морю между Швецией и Аландом. Как полякам, так и русским будет трудно перескочить через этот ручеек. Да если бы им это и удалось, то впереди их ожидали бы еще две крепости — Нотебург и Кексгольм. Эстляндию защищают Нарва и Ивангород, озеро Пейпус и впадающая в него река Нарова. С востока Швецию отделяют от России непроходимые болота. На случай будущей войны все выгоды на стороне шведов. Невою можно перевезти войско по Ладожскому озеру, Волховом — к самым воротам Новгорода... Без нашей воли русские купцы не могут показаться на Балтийском море ни с одною лодкою. Кроме этого, шведы теперь могут руководить по своей воле нарвскою торговлею. До войны русские препятствовали правильному ходу торговли, из-за чего между Швецией и Россией происходило немало столкновений. Области, теперь уступленные шведам, отличаются плодородием, в них много рек, богатых рыбою, много лесов с изобилием дичи и пушных зверей, меха и шкуры которых высоко ценятся. Вся эта богатая русская торговля теперь должна проходить через наши руки, так что при новой таможенной организации доходы Швеции в значительной степени увеличатся.

43. РЕЧЬ ГУСТАВА-АДОЛЬФА НА СЕЙМЕ В ОРЕБРО (январь 1617 г.)

Мир не может существовать с Польшей, покуда Сигизмунд не оставит своих притязаний на престол [шведский].

Воспитанный папистами, он усвоил себе их принципы. С Россией он заключил 20-летний мир, который, однако, уже нарушил на пятый год. Чего ждать от Сигизмунда, который и сам злой человек и управляется дьявольской партией иезуитов, зачинщиков ужасной тирании в Испании, Франции и других государствах... Обращаю внимание сословий на тайное преследование протестантов в Польше, где одна за другой закрываются их церкви. Открыто он [Сигизмунд] не может начать преследований их, так как его власть

ограничена сословиями. Цель Сигизмунда, как представителя католической лиги, искоренить протестантов, подчинить их папскому игу, мирные договоры этих государей—только средство лучше вооружиться и снова начать борьбу с протестантами. Накакими средствами не стесняются лигисты. Достаточно вспомнить интриги Сигизмунда в России, его старания поднять на Швецию ганзейские города. Теперь дело идет о политической и религиозной свободе и независимости Швеции. Я прошу сословия помочь мне против Сигизмунда и иезуитов и призываю их к тому единству, которое делает и незначительные государства смелыми в борьбе с сильнейшими.

44. ВАЛЛЕНШТЕЙН И ЕГО АРМИЯ

Альбрехт Валленштейн (1583—1635) — полководец империи в эпоху Тридцатилетней войны, крупный землевладелец Чехии, мечтавший о чешской короне. С начала Тридцатилетней войны и разгрома чехов при Белой горе (1620) скупил за бесценок множество конфискованных имений чешских дворян и сделался одним из самых богатых людей Чехии. Сформировав большую наемную армию, он разгромил протестантских князей и датского короля и захватил все побережье Балтийского моря (1629). Подозреваемый в честолюбивых замыслах императором и католическими князьями, он был убит наемными убийцами 25 февраля 1635 г. Приказ Валленштейна свидетельствует о том, какие неслыханные злоупотребления творились в армии, он преследует цель навести хоть минимальный порядок в наемной армии ландскнехтов.

Полковнику фон Арним

(Один из приказов Валленштейна)

(26 декабря 1627 г.)

Мы узнали из письма господина полковника, какого рода приказ он хотел получить от нас о содержании людей на квартирах в Померании. Мы не можем издать иного распоряжения, кроме приказа господину полковнику следить за тем, чтобы люди получали аккуратно свое месячное жалованье, жили бы на него и ни в каком случае не требовали бы содержания от жителей. Некоторые полки растеряли солдат и не имеют полного комплекта; поэтому пусть господин полковник позволяет выдавать полное жалованье только полкам, имеющим комплект, нерадивым же офицерам, допустившим до расстройства свои роты и тем набившим себе карманы, не выдавать. Ибо если давать месячное жалованье плохим одинаково с теми, у которых роты комплектны, то вполне заслуживший награду будет обижен, допустивший же зло будет награжден. Поэтому пусть господин рейтарам и кнехтам, действительно находившимся в ротах, выдает полное содержание, у тех же, которые находились в отсутствии, должен быть сделан вычет, у аркебузца 15 гульденов и у кирасира 15 гульденов в месяц.

Кроме того, случается, что офицеры, получая деньги для содержания солдат, кладут их в карман и стремятся тем или другим путем к тому, чтобы еду, питье и фураж доставляли солдатам жители, что нечестно и заслуживает наивысшего наказания; ввиду

сказанного пусть господин обратит внимание на то, чтобы подобная вещь никоим образом не случилась. Далее, так как жители не всегда могут иметь при себе деньги, между тем должны доставлять солдатам провиант, то при первой же выдаче жалованья деньги должны быть удержаны и выданы жителям.

Все это господин полковник должен передать 30 полкам, находящимся под его командой, и тех, которые будут поступать вопреки приказанию, строго наказывать и тотчас же об этом доносить нам, и тогда мы с беспощадной строгостью применим к таким высшую меру наказания.

Затем пусть господин полковник сделает распоряжение, чтобы во всех полках тотчас же был уничтожен излишний обоз и багаж, были прекращены разбои и грабежи; солдаты, которые будут на них пойманы, все равно, к какому бы сословию они ни принадлежали, должны быть наказаны смертью; офицеров же, допустивших подобное, отставить от командования, взять под арест и тотчас же донести о случившемся нам, ибо мы решили наказывать как следует, чтобы другим это было уроком; было бы справедливо и в высшей степени необходимо прекратить это зло. Благосклонные к господину [который обязан позаботиться об исполнении распоряжения], мы ждем, что он так же твердо будет держаться приказания и виновных будет действительно наказывать.

Дано в Ботшине 26 декабря 1627 г.

Альбрехт фон Г. Г., герцог Фридландский и пр. и пр.

45. ЗВЕРСТВА ВО ВРЕМЯ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

(Из современного немецкого описания)

Отрывок из романа немецкого писателя XVII в. Гриммельстаузена «Симплициссимус» (1668). Герой романа Эйленшпигель описывает разгром деревни, в которой он жил. Солдаты напали на дом Эйленшпигеля...

...Потом каждый солдат занялся своим делом, и были следствием этих дел гибель и разорение. Одни занимались тем, что резали, варили и жарили, так что было похоже на приготовление к пиру. Другие ломали и громили дом сверху и снизу, словно искали потайной кладовой, в которой надеялись найти золотое руно Колхиды. Третьи складывали сукно, платье и домашнюю утварь в тюки, как будто собрались везти их на рынок. А то, что не могли забрать с собою, было разломано и разбито. Иные рылись шпагами в сене и соломе, как будто не довольно перекололи ими свиней и овец. Иные выпускали пух из перин и набивали их салом или напихивали туда жесткое мясо и всякую всячину, как будто так мягче было спать. Некоторые выбивали двери и окна, как бы желая возвестить вечное лето. Медную и оловянную посуду били одну о другую, а потом тоже запаковывали в тюки в погнутом и испорченном виде. Кровати, столы, стулья, скамейки пошли на топку, хотя во дворе лежало сколько угодно дров. Миски и тарелки были разбиты, потому что они предпочитали есть жареное, а не вареное,

или потому, что они рассчитывали пообедать тут один только раз. Нашу прислужницу сволокли на конюшню и так с ней обращались, что она более не оправилась; рассказывать даже совестно. Слугу связали, разложив на земле, вставили ему в рот распорку и влили в горло целое ведро навозной жижи. Это они называли шведским питьем... Одного из захваченных крестьян они посадили в печку и поджаривали его сзади. Другому обвязали голову веревкой и так закрутили ее при помощи деревянной чурки, что у того кровь брызнула из глаз, носа и горла. Словом, каждый измышлял свою пытку для крестьян; ни один не избежал мук... Отца моего посадили к огню, скрутили его так, что он не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, смочили ему босые подошвы разведенной солью и заставили нашу старую козу лизать их. Щекотка была, очевидно, такая, что он чуть не лопнул от смеха. Среди этого безумного смеха он признался, куда спрятал деньги...

46. ПОСЛЕДСТВИЯ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

а) *Из донесения думы г. Пренцлау от 9 февраля 1639 г.*

Так как война уже много лет не дает земледельцу работать, то жизнь до того вздорожала, что теперь повсюду слышны стоны, крики и вой голодающих. Люди питаются самыми неподобными вещами: едят собак, кошек и даже на улицах, среди бела дня, гложут кости мертвых. Говорить ли все до конца? Голод свирепствует с такой жестокостью, что в деревнях и даже в самом городе люди бросаются друг на друга; более сильные убивают тех, кто слабее, жарят их и едят.

б) *Из донесения Берлинской городской думы 1642 г.*

Дел нет! Нечем жить! Бывает, что на расстоянии целых 4 миль пути не встретишь ни человека, ни скотины, ни собаки, ни кошки.

Ни пастухам, ни школьным учителям больше не платят. Многие утопились, удавились или зарезались. Другие с женами и детьми погибают в нищете!

47. РАЗОРЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ТРИДЦАТИЛЕТНЮЮ ВОЙНУ

Список населенных мест Германии, выжженных и разрушенных во время войны)

Документ Шведского государственного архива в Стокгольме. Список свидетельствует о том, что шведы, на которых протестантское население смотрело сначала как на освободителей, после смерти Густава-Адольфа (1632) превратились в таких же грабителей, как и войска прочих участников опустошительной Тридцатилетней войны.

Здесь еще не приведено почти невероятное количество сожженных городов и сел в Мушау, Лифляндии, Литве, Пруссии и Польше, не говоря уже о тех многих тысячах монастырей, господ-

ских имений и дворянских усадеб в Германии и во всех местах, где они [шведы] вели войну, которых они в пламени отослали на небо. Справедливо, однако, похвалить их за сообразительность, с которой они, чтобы принести пользу своему государству, сожгли и разрушили, сколько могли, много (почти все) всякого рода железных, проволочных и литейных заводов, а также рудных копей.

Так, в Геттингене и Госларе, около 100 железных, медных и латунных копей, в Вернингероде, в Гейлигенроде, Гарце; также все металлические заводы в Мейсенских горах, как-то: в Мариенберге, Аннеберге, Цвиккау. Все металлические заводы и ремесленные предприятия разрушены и сожжены в Верхнелужицких горах: в Баудсене, Цитау, Герлице. Кроме того, в Силезских горах около Богемии, именно: в Гульдтберге, Шмидеберге, Швейнице, Яуэре, Ягерндорфе, Троппау, Лослау — разрушено много тысяч всякого рода металлических заводов и ремесленных предприятий. Люди, особенно из богемских Медных и Серебряных гор, в бесчисленном множестве перевезены в Швецию, так что если бы их собрать вместе, они оказались бы в таком чрезмерном количестве, что будь все шведские горы из чистой меди и то этих бедных людей для работы в них было бы более чем достаточно.

Список городов, замков и сел, из которых бóльшая часть сожжена шведами, остальные же были сожжены и разрушены отчасти по их вине, отчасти же другими.

	Монастырей	Городов	Сел
В Померании, Мекленбурге и Гольштинии	203	307	2 041
В Бранденбургской марке	48	60	5 000
В Мейсене	96	155	1 386
В Силезии	118	36	1 025
В Моравии	63	22	333
В Богемии	215	80	813
В Австрии	51	23	313
В Пфальце	109	106	807
В Франконии	44	26	313
В Фохтланде и Тюрингии	68	41	409
В епископствах Мерзебургском, Галльском, Магдебургском, Гальберштадском, Гильдесгеймском	217	103	1 105
Брауншвейг, Люнебург и епископство Бременское	50	38	406
Епископства Оснабрюкское, Мюнденское, Падеборнское, Фульдское, Вельдское	213	304	1 027
Вестфалия	119	97	1 019
В архиепископствах Кельнском, Майнцском и Трирском	327	205	2 033
В епископстве Вюрцбургском	15	10	80
Около Лимбурга	20	16	200
Всего	1 976	1 629	18 310

Но если они [шведы] нанесли таким образом дорогой Германии непоправимый вред, то тем самым они значительно улучшили состояние своего государства; однако благочестивые слова Густава [Адольфа] вовсе не согласуются с этими их делами.

Если бы было можно, то гораздо справедливее было бы ввиду столь огромного вреда, который изображен выше, требовать вознаграждения от шведов, чем поощрять их в их несправедливой жадности к столь многим миллионам, идущим на содержание их армий. Вред, причиненный Шведским государством Германии, а также почти неисчислимые суммы денег, выжатых их тиранической контрибуцией, никогда не вознаградятся, даже если бы потом взвесить и продать все Шведское государство и вычерпать их железные и медные горы.

48. ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР. МИРНЫЙ ДОГОВОР ИМПЕРАТОРСКО-ШВЕДСКИЙ, ИЛИ ОСНАБРЮКСКИЙ [1]

(24 октября 1648 г.)

1. Да будет христианский, всеобщий и вечный мир и истинная и искренняя дружба между священным императорским величеством, Австрийским домом и всеми его союзниками и сторонниками, их наследниками и преемниками и прежде всего католическим королем [2]; курфюрстами и чинами империи, с одной стороны, и священным королевским величеством и королевством Шведским, всеми его союзниками и сторонниками, их наследниками и прежде всего — христианнейшим королем [3], и соответственными курфюрстами и чинами империи — с другой стороны, и пусть эта дружба сохраняется и почитается настолько, чтобы одна сторона оказывала другой честь и пользу, чтобы восстановились прочные добрососедские отношения всех частей и всей Римской империи с королевством Швеции и взаимно—королевства Швеции с Римской империей, и чтобы снова возродились и расцвели наука, мир и дружба.

2. С т а т ь я II. Да будет с той и другой стороны вечное забвение и амнистия всему, что с начала этих волнений где бы то ни было и как бы то ни было с той и другой стороны было взаимно сделано враждебного...

3. С т а т ь я IV, 2. *О Палатинате.* Прежде всего совещание в Оснабрюке и Мюнстере постановило по поводу Палантината [Пфальца], чтобы уже долго ведшийся спор об этом был разрешен следующим образом.

3. Сан курфюрста пфальцского предоставляется Баварскому дому. Что касается Баварского дома, сан курфюрста, который до сих пор имели курфюрсты пфальцские, со всеми регалиями, служ-

---

[1] См. следующий Мюнстерский договор, с которым первый составляет одно целое.

[2] Королем Испании.

[3] Христианнейший король — традиционный титул французских королей.

бами, привилегиями, отличиями и правами, относящимися к этому сану, без исключения, а также весь Верхний Пфальц с графством... со всеми их принадлежностями, регалиями и правами, какие были до сих пор, отныне будут принадлежать Максимилиану, пфальцграфу Рейнскому, герцогу Баварскому и его детям и всей вильгельминской линии, пока в ней будут существовать потомки мужского пола.

5. *Учреждение восьмого курфюршества.* Что касается Пфальцского дома, император ради общественного спокойствия согласился, чтобы в силу настоящего соглашения было учреждено восьмое курфюршество в пользу Карла-Людовика, пфальцграфа Рейнского и его наследников и родственников по мужской линии рудольфовой, согласно закону о наследовании, изложенному в Золотой булле [1].

. . . .

Статья V, 15. *Духовные лица, меняющие религию, должны лишиться своих прав.* Если католический архиепископ, прелат или лицо аугсбургского исповедания, избранное, или которое желают видеть избранным архиепископом, прелатом, единолично или же с некоторыми из капитула или со всем капитулом [2], а также если другие духовные лица в будущем переменят религию, то они немедленно будут лишены своих прав, но без лишения чести и доброго имени, и должны будут отказаться от своих обычных и исключительных сборов и доходов; от капитула или от того, кто на то имеет право, будет зависеть избрать или просить о назначении другого лица той религии, к которой в силу настоящего соглашения относится данный бенефиций...

35. Никто не будет подвергаться презрению по поводу религии, но в том и другом случае будут иметь равные права.

36. Эмигрирующим по религиозным поводам будет предоставлено полное распоряжение их имуществом. Если же кто из подданных в 1624 г. не исповедовал публично или частным образом своей религии или же кто переменит религию после опубликования мира и добровольно пожелает эмигрировать, или же это будет повелено местным государем, то ему будет дана свобода удалиться, взяв с собой имущество или продав его...

Статья VII, 1. Протестантам предоставляются относительно вероисповедания и другие права, одинаковые с правами других чинов и подданных.

2. Но, кроме вышеупомянутых вероисповеданий [3], никакие другие не будут приняты или терпимы в Священной Римской империи.

Статья VIII, 2. *О праве голосования чинов империи на собраниях [4] по поводу государственных дел.* Пусть они пользуются неос-

---

[1] Золотая булла была издана императором Карлом IV в 1356 г.

[2] Капитулом называлось организованное корпоративно духовенство соборной церкви, состоящее при епископе.

[3] Католического и лютеранского (аугсбурского).

[4] То есть имперских сеймах.

поримым правом голоса во всех совещаниях относительно дел империи, в особенности, когда будут вноситься или обсуждаться законы, объявляться война, определяться налоги, установляться набор или содержание солдат, обсуждаться вопрос о постройке государством новых укреплений во владениях чинов или же об усилении гарнизона старых укреплений, когда дело будет идти о заключении мира или договора, или же будут обсуждаться другие дела этого рода, и впредь никогда ничто из этого или подобного не будет сделано или допущено без свободного голосования и согласия собрания всех чинов империи. Хотя отдельным первым чинам всегда будет предоставлена свобода заключать друг с другом и с иностранцами договоры для собственной своей защиты и безопасности, однако для того чтобы подобные договоры не были направлены против императора, империи и общественного мира и особенно против настоящего договора, они нерушимой присягой заявят, что каждый повинуется императору и империи.

Статья VIII. 3. *Об имперских сеймах.* Имперский сейм состоится в течение шести месяцев со времени ратификации мира, а затем каждый раз... когда встретится необходимость. На ближайшем сейме будут исправлены... дефекты... в избрании римских королей... в способе и порядке объявления имперской опалы тому или другому чину...

Статья X. 1. *Об удовлетворении Швеции.* Далее, так как светлейшая королева Швеции потребовала себе удовлетворения за возвращение занятых во время этой войны мест для восстановления в империи общественного мира,то было найдено приличным, чтобы его императорское величество с согласия курфюрстов... уступил светлейшей королеве и будущим ее наследникам и преемникам, королям и королевству Швеции навеки на полном праве и в независимой от империи феод следующие области:

X. 2. Уступка западной Померании и острова Ругии [1].

X. 6. Висмар уступается в вечный феод Швеции.

X. 7. Также архиепископство и епископство Бременское и Верденское.

X. 9. В интересах вышеназванных ... областей... император и империя избирают светлейшую королеву и наследников королевства Швеции в качестве непосредственного чина империи, чтобы на имперских сеймах королева или король Швеции значились среди прочих чинов империи под титулом герцога Бременского, Верденского и Померанского, князя Ругии и государя Висмарского.

Для заседания на имперских сеймах им назначается пятое место на светской скамье в коллегии князей... [2]

---

[1] Рюген.

[2] Имперский сейм состоял из трех коллегий или палат (так как каждая коллегия заседала в отдельной палате): 1) курфюрстов, 2) князей и 3) имперских городов (то есть их представителей).

Статья XI. 1. *Об удовлетворении Бранденбурга.* Также для соответствующего вознаграждения курфюрста Бранденбургского, государя Фридриха-Вильгельма [1], ввиду того что для успеха всеобщего мира он лишается своих прав в западной Померании и Ругии с прилежащими областями и местностями[2], должно позаботиться о том, чтобы ему и его потомкам и преемникам, наследникам и родственникам по мужской линии... его священным императорским величеством с согласия в особенности заинтересованных чинов империи было передано в вечный и независимый феод епископство Гальберштадтское со всеми правами, привилегиями, территориями и светскими и церковными владениями, как бы они ни назывались...

XI. 4. Тому государю-курфюрсту и его преемникам сверх названного передается епископство Мюнденское со всеми правами...

5. Названному государю-курфюрсту и его преемникам императором и империей уступается в вечный феод епископство Каминское [3].

6. Равным образом государю-курфюрсту предоставляется надежда на архиепископство Магдебургское...[4].

49. МИРНЫЙ ДОГОВОР ИМПЕРАТОРСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ, ИЛИ МЮНСТЕРСКИЙ [5]

Статья 69. Для вящего укрепления мира и дружбы между императором и христианнейшим королем [6] и лучшего обеспечения общественной безопасности с согласия совета и воли курфюрстов, князей и чинов империи для блага мира решено...

Статья 70. Французскому королевству уступается епископство Метц, Туль и Верден.

Статья 73. Император за себя и за весь светлейший Австрийский дом и империю отказывается от всех прав собственности, власти, обладания и права на суд, какие до сих пор принадлежали ему, империи и Австрийскому дому в городе Брейзах, ландграфстве Верхнего и Нижнего Эльзаса, Сундгау и провинциальном округе десяти имперских городов, расположенных в Эльзасе, а именно: Гагенау, Кольмар, Шлетштадт, Вейсенбург, Ландау,

---

[1] Этот курфюрст правил с 1640 по 1686 г.

[2] Так как эти земли были уступлены Швеции (см. выше, статья X стр. 146)

[3] Превращенное при этом в светское ленное владение, иначе «секуляризованное».

[4] Это значит, что курфюрст Бранденбургский получит в свое обладание архиепископство Магдебургское (конечно, секуляризованное) по смерти теперешнего своего обладателя. «Надежда» курфюрста фактически осуществилась лишь 32 года спустя, после Вестфальского мира, когда в 1680 г. умер последний архиепископ Магдебургский Август Саксонско-Вейсенфельдский, занимавший архиепископскую кафедру с 1638 г.

[5] Здесь приведены только те статьи, которые служат дополнением к предыдущему.

[6] См. примечание на стр. 145.

Обернгейм, Россгейм, Мюнстер в долине св. Григория, Кайзерсберг, Тюринген и все села и прочие права, которые зависят от названного округа, и все это и в частности передает христианнейшему королю и королевству Франции, а также названный город Брейзах с сеньериями Гохштадт, Нидеримзинг, Гартен и Ахаррен, относящимися к городской общине со всей территорией и областью бана[1], на которую он простирался исстари, но с сохранением за этим городом привилегий и иммунитетов, до сих пор полученных от Австрийского дома.

Статья 74. Империя не должна более претендовать ни на какое право в Эльзасе и Сундгау.

Также названное ландграфство Верхнего и Нижнего Эльзаса и Сундгау и провинциальный округ десяти названных городов и зависимые местности, также все вассалы, зависимые, подданные, города, крепости, виллы, замки, леса, рощи, золотые, серебряные и иные рудники, реки, ручьи, пастбища и все права, регалии и все, что к этому относится, без всяких оговорок, со всякого рода юрисдикцией, суверенитетом и верховной властью должны принадлежать навеки христианнейшему королю и короне Франции и считаться входящими в состав названной короны, без противоречия со стороны императора, империи, Австрийского дома или кого бы то ни было, — таким образом, чтобы вообще ни император, ни другой государь из Австрийского дома никогда не заявлял притязания на какое бы то ни было право или власть в вышепоименованных местах, находящихся за Рейном...

Статья 85. Христианнейший король возвратит Австрийскому дому в лице упомянутого государя эрцгерцога Фердинанда-Карла, первого сына покойного эрцгерцога Леопольда, четыре лесные общины Рейнфельден, Зекинген, Лауфенбург, Вальдсгут... также графство Гаунштейн, Черный лес и весь Верхний и Нижний Брейсгау и находящиеся в нем населенные места, относящиеся по древнему праву к Австрийскому дому.

Так же весь Ортенау с имперскими городами Оффенбургом, Гегенбахом и Целлой в Гаммерсбахе...

Торговля и сношения между жителями обоих берегов Рейна и прилежащих провинций должны быть свободны и прежде всего должно быть свободно плавание по Рейну...

[1] То есть областью, на которую распространялась власть города Брейзаха как (коллективного) феодального сеньера.

Франция в XVI и первой половине XVII века

Введение

Документы данного раздела характеризуют социальное и политическое развитие Франции в XVI и первой половине XVII столетия.

При изучении данного периода основное внимание должно быть уделено документам, характеризующим французский абсолютизм. При этом необходимо помнить основные указания Маркса и Энгельса, относящиеся к причинам усиления королевской власти в западноевропейских государствах и перехода от централизованной сословной монархии к монархии абсолютной.

Характеризуя вековой путь, пройденный королевской властью, Энгельс писал: «Союз королевской власти и буржуазии ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов; далеко не всегда в течение всех средних веков дело шло этим путем объединения, все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника» [1].

Итак, Энгельс указывает на то, что монархия крепла, опираясь на поддержку городов, и благодаря этой поддержке, наконец, сумела победить феодальный сепаратизм.

Здесь же Энгельс подчеркивает, что монархия, одержавшая окончательную победу над феодальной раздробленностью, «поработила и ограбила своего союзника».

Речь идет о том, что французские города, способствовавшие торжеству монархии, потеряли свои средневековые вольности и привилегии и подверглись тяжелому налоговому обложению. Так называемое «третье сословие» стало основным источником средств феодально-абсолютистской монархии. Об этом выразительно свидетельствуют документы, относящиеся к царствованию Людовика XIII.

Следует иметь в виду, что в течение долгого времени буржуазия не отваживалась вступить на путь открытой оппозиции абсолютизму, а представители феодально-дворянского класса видели в нем свою главную опору и основной источник дополнительных материальных средств, без которых уже не мыслили своего существования тысячи оскудевших французских дворян, не удовлетворенных своей убывающей поземельной рентой.

Именно этим, по мнению Маркса, и создавалась база для абсолютизма: «...*абсолютная монархия*,— говорит Маркс,— возникает в переходные эпохи, когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в современный класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла еще перевеса над другой» [2].

Говоря о времени утверждения абсолютизма, Маркс писал: «XVI век был эпохой образования великих монархий, которые повсюду воздвиглись на раз-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445.
[2] Там же, т. V, стр. 212.

валинах враждовавших между собою феодальных классов — аристократии и городов»[1].

На примере Франции легче всего познакомить учащихся с процессом роста и укрепления абсолютизма.

При этом следует помнить, что французский абсолютизм не знал прямолинейного и непрерывного развития. Ранний абсолютизм XVI в. во Франции — абсолютизм Франциска I и Генриха II — отделен от абсолютизма Бурбонов глубоким социально-политическим кризисом — гугенотскими войнами. В связи с этим и документы данного раздела, расположенные в хронологической последовательности, характеризуют сначала ранний абсолютизм, затем время гугенотских войн и, наконец, абсолютную монархию Людовика XIII.

Документ 1 — краткая, но выразительная характеристика, которую дает Франции XVI в. наблюдательный и хорошо осведомленный венецианский посол Микеле Суриано. Документ подчеркивает обширность Франции, многочисленность ее населения (в XVI в. во Франции было не менее 15 миллионов населения, тогда как в Англии — не свыше 4 миллионов),— речь идет о богатстве Франции, о ее тесно связанных друг с другом городах. Характерно, что меткий взор венецианского представителя отметил важнейшую особенность, которая заключалась в том, что «11 провинций Франции, будучи связанными друг с другом, сообщают друг другу силу и жизненность». Это ценное свидетельство показывает, что в середине XVI в. отдельные области Франции уже не представляли собой экономически независимых и обособленных территорий, а, напротив, являлись хозяйственными районами, связанными неразрывными узами такого торгового обмена, который предполагает вполне определенную производственную специализацию каждого из этих районов, систематически снабжающего другие районы страны своими изделиями и товарами. Таково сукноделие в Пуату, шелкопрядение в Лионе, льняное и полотняное производство в Бретани.

Значение этого обстоятельства выпукло раскрыто в словах товарища Сталина: «Общность территорий, сама по себе, ещё не даёт нации. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, объединяющая отдельные части нации в одно целое»[2].

Это положение товарища Сталина поможет учителю выяснить, почему вопреки всем поползновениям мятежной гугенотской знати и отдельных отсталых городов Франция вышла из кризиса не расторгнутой на части, а единой в национальном и государственном отношении.

Учитель может использовать краткую и ясную характеристику, которую Суриано дает французскому купечеству, и обратить внимание на отмечаемые в этом случае противоречия: купцы — обладатели денежных богатств и в то же время они лишены каких-либо преимуществ и вынуждены, подобно крестьянам, безропотно нести бремя налогов. В противовес им, свободное от податного бремени, дворянство стремится к богатству, гнушаясь всякой хозяйственной деятельности Конкретные данные и выводы, к которым приходит автор документа, помогут облегчить общее знакомство с французским обществом XVI в., без которого никакой обзор политических событий невозможен.

Документы 1 и *4* могут явиться основой для краткого ученического выступления, характеризующего французское общество XVI в.

Документы 2 и *3* говорят о весьма важной политической победе, одержанной ранним французским абсолютизмом.

Блестящая военная победа, которую одержал французский король Франциск I при Мариньяно в первый же год его правления, позволила ему заключить с папой так называемый «Болонский конкордат», фактически подчиняющий французскую церковь королю, согласно своей воле замещающему вакантные епископские кафедры и контролирующему всю деятельность и финансы этой церкви.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 721.

[2] Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 294.

Восстановление прав папы на «аннаты», то есть на получение с вновь посвященных епископов суммы, равной их годичному доходу (документ 3), не умаляет политического значения конкордата.

Учитель может отметить, что с этого времени французская церковь, неустанно ратовала за монархию, в связи с чем все элементы, поддерживавшие эту монархию, выступали приверженцами католицизма, тогда как все противники королевского единодержавия заявляли себя поборниками протестантизма — «гугенотами».

Документ 4 целесообразно связать с *документом 23*, хотя эти документы отделены друг от друга значительным промежутком времени. В первом случае речь идет о протоколе заседания королевской «палаты правосудия» Франциска I, во втором же — об эдикте Людовика XIII.

Однако оба документа связывает общность темы. Речь идет об ограничении прав королевского парламента. Комментируя оба документа, учитель должен напомнить, что во Франции «парламент» издавна являлся высшим судебно-апелляционным и юридическим учреждением государства. Французский парламент, однако, не только выносил свои решения по спорным судебным делам и не только регистрировал (то есть вносил в старое законодательство новые королевские ордонансы), но также и рассматривал королевские повеления по существу, дерзая оспаривать их «законность» и выдвигать свои, по форме почтительные, но настойчивые представления и возражения.

Первый из этих документов позволяет процитировать замечания президента парламента Клода Гюйяра, который не хотел, чтобы традиционная компетенция парламента была сужена перенесением ряда вопросов на рассмотрение Большого совета короля.

Учитель может напомнить, что французские короли издавна домогались права предписывать свою волю, выраженную в законе, как непререкаемое повеление, не нуждающееся в аргументации. Соответственно этому еще ордонансы Филиппа IV и его предшественников венчала знаменательная концовка: «Ибо таково наше соизволение». В противовес этой тенденции Клод Гюйяр требовал, чтобы король не злоупотреблял своей властью, а предписывал лишь то, что может быть, с точки зрения парламента, признано «справедливым, хорошим и разумным». Ответом на это притязание служит эдикт, излагаемый в конце документа.

Документ 23 показывает, что лишь при Людовике XIII королевская власть сумела окончательно ограничить парламент и свести его роль к выполнению строго очерченных функций судебного органа, непричастного к административным и государственным делам.

Следует обратить внимание учащихся на формулу парламентского протеста: «Мы не должны и не можем», которую эдикт Людовика XIII запрещает.

Прежде чем приступить к истолкованию документов, относящихся к событиям гугенотских войн, учителю необходимо охарактеризовать два противоположных политических лагеря: сторонников и противников централизованной монархии. В этом случае придется подчеркнуть, что во Франции, как было отмечено выше, существовали общественные силы, заинтересованные в нераздельном хозяйственном и политическом единстве Франции, последовательная централизация которой осуществлялась королевской властью. Следует напомнить и о том, что французская церковь (о чем говорилось выше) служила королю и это обусловливало приверженность к официальной католической религии всех королевских сторонников.

Лагерю сторонников короля и государственной церкви противостоял другой лагерь: в первую очередь это были мятежные аристократы из дома Бурбонов, готовые расчленить Францию на части и путем ослабления королевской власти утвердить в собственных владениях свое полновластие, освященное кальвинизмом. Не мешает напомнить и то обстоятельство, что окончание «итальянских войн», последовавшее в 1559 г. (мир в Като-Камбрези), поставило вне королевской армии множество дворян, которые вследствие этого оказались лишенными надежд на военную добычу. Утрата прежней роли служилых людей, вознаграждаемых королем, и падение рентных доходов побуждали их присоединиться к тому или другому из враждующих

лагерей и воспользоваться распрей, позволяющей грабить и своих и чужих.

Документ 6 знакомит учащихся со взглядами писателя и гуманиста Франсуа Рабле на разумный образ жизни, образование и воспитание.

Телемское аббатство представляет собой уголок, в котором его просвещенные обитатели — гуманисты — пользуются полной свободой, уголок, в котором господствуют литературные и научные интересы, находящиеся в гармоническом сочетании с развлечениями, играми и физическими упражнениями, обеспечивающими силу и здоровье обитателей Телемского аббатства. Комментируя документ, учитель может подчеркнуть, что в нем выражены воззрения гуманистов, мечтавших о полном освобождении человека от пут порабощавшей его феодально-церковной идеологии, осуждавшей все человеческие влечения, все его творческие побуждения и познавательные интересы.

Документ 8 посвящен описанию последнего придворного турнира. Он показывает, что традиции и вкусы придворной клики и самого короля Генриха II еще были тесно связаны со средневековым прошлым. В то же время комментируя документ, учитель сможет разъяснить, что все эти отживающие традиции рыцарского быта вступили в очевидное и неразрешимое противоречие с временем, так как применение огнестрельного орудия вызвало к жизни регулярную наемную армию и обусловило появление массовых сил пехоты и артиллерии, тем самым сделав ненужным средневековое рыцарство со всеми его атрибутами.

Документ 9 посвящен важнейшему эпизоду гугенотских войн — так называемой «Варфоломеевской ночи». Весьма интересная и яркая выдержка из рассказа Агриппы д'Обинье с успехом может быть прочитана любым из учащихся, а затем и пересказана в классе. Учителю будет нетрудно подчеркнуть беспощадную жестокость, проявленную организаторами резни и ее непосредственными исполнителями.

Следует отметить, как важное обстоятельство, причастность Мадрида и Рима к данному событию. Этой деталью можно иллюстрировать роль папства, нетерпимость и жестокость которого стояла в разительном контрасте с христианской проповедью «апостольской любви к друзьям и врагам».

Знаменательно, что и в Риме и в Мадриде были отслужены благодарственные молебны по случаю Варфоломеевской ночи, означавшей провал всех надежд на примирение враждебных лагерей, а вслед за этим и возобновление той междоусобной войны, в которой были заинтересованы и римский папа, и король Испании Филипп II.

Документ 10 — «День баррикад» — будет прочтен и легко понят всеми учащимися, которые на его основе смогут охарактеризовать полное политическое банкротство короля Генриха III. Авантюризм и расточительность сделали его одинаково ненавистным и для католической лиги, и для старых противников — гугенотов, и, наконец, для восставшего населения Парижа, готового защищать свои права и свое достояние.

В этом случае на помощь ему должен прийти учитель, который сумеет показать принципиальное различие между той враждой, которую питали к королю гугеноты, и враждой «лигистов», стремившихся не к ослаблению королевской власти, а лишь к устранению заведомо несостоятельного короля Генриха III и замене его другим государем.

Документ 11 — «Нантский эдикт» — весьма важен. Этот документ с успехом может быть резюмирован в рассказе учителя. Зачитывать его в классе нецелесообразно. Следует обратить внимание на то, что Париж, упорно отстаивавший национальное и государственное единство Франции, оставался непримиримым по отношению к гугенотам, которым свободное исповедание их религии дозволялось повсеместно, но за пределами Парижа. Необходимо отметить оставление Ля Рошели и других крепостей в руках гугенотов.

Документ 12 представляет собой дополнение к документу 11 и свидетельствует о той энергии, с которой Генрих IV осуществлял свою политику умиротворения Франции.

Документ 13 — «Обращение кроканов» — следует использовать, обобщив его содержание в нескольких словах. Это особенно необходимо потому, что

зачастую неправильно толкуются мероприятия Генриха IV, а также его повсюду цитируемые слова о супе с курицей, как желательном воскресном кушанье для каждого крестьянина.

Генрих IV, как и всякий феодальный государь, был главой класса феодалов, а его государство существовало для подавления всякого протеста со стороны эксплоатируемых масс. Поэтому учитель должен опровергнуть ложное представление о том, будто популярный король Генрих IV являлся радетелем крестьянских интересов, и показать, что этот государь лишь стремился исключить крайние и слишком опасные для господствующего класса (взятого в целом) проявления и формы эксплоатации, полностью подрывающие крестьянское хозяйство (например конфискацию крестьянского инвентаря за недоимки) и толкающие крестьян к открытому возмущению и восстанию. Тем более необходимо подчеркнуть, что никакие мероприятия королевской власти, никакие частичные и мелкие послабления с ее стороны не могли ни при Генрихе IV, ни при Людовике XIII ликвидировать антагонизма классов, что и подтверждается восстаниями, одно из которых освещено данным документом.

Следует обратить внимание учащихся, если они будут данный документ читать, на то, что крестьяне считали сборщиков податей не агентами короля, а «врагами короля», наивно полагая, будто король заботится о крестьянах, тогда как носителями зла выступают якобы в разрез с его волей алчные сборщики налогов и порочные чиновники.

Документ 14 отражает взгляды Сюлли на хозяйство Франции. Этот документ полезно предложить вниманию одного из успевающих учеников с тем, чтобы тот разобрался в его содержании и сделал необходимые выводы. При этом следует предотвратить легко могущую возникнуть ошибку. Учащийся, характеризуя стремление Сюлли к оздоровлению финансов и экономики и говоря об осуждении роскоши и расточительности, не должен рассматривать Сюлли, как антидворянского писателя, а должен правильно понять роль, отводимую Сюлли дворянству французской монархии, как верноподданному сословию, которое он только предостерегает от чрезмерной и вредной для государства расточительности.

Документ 15 — «Смерть Генриха IV» — дает возможность рассказать о роли иезуитов, воспитанником которых являлся убийца короля Равальяк, а также отметить то волнение и брожение умов, которое было вызвано вестью о гибели Генриха IV.

Документы 16, 17, 18, 19 и *20* представляют большой интерес. Они рисуют политические взгляды Ришелье и его политическую систему. Начало документа 16 показывает безотрадное положение государства после смерти Генриха IV, когда в годы малолетства и юности Людовика XIII на время вновь возобладала неурядица.

Перед учащимися может быть поставлен основной вопрос: «Чьи интересы защищал Ришелье?» Учитель должен добиться того, чтобы все ученики поняли роль Ришелье. Они должны понять, что, выступая против мятежных аристократов и спесивых вельмож, карая смертью ретивых участников дуэлей, подавляя и уничтожая дворянское своеволие, Ришелье отнюдь не шел против дворянства, а, напротив, обеспечивал его интересы.

Чтобы эта мысль была убедительной, уместно напомнить об оскудении мелкопоместных феодалов, о падении их рентных доходов, об исторической гибели рыцарства как основы военного могущества государства,— о том, что феодально-дворянский класс в целом усматривал для себя выход в сплочении вокруг короля и в своем существовании при помощи короля, поддерживающего верных ему дворян за счет нещадно обираемого народа. В этой связи станут понятными усилия Ришелье, направленные к тому, чтобы сплотить, дисциплинировать дворян Франции и превратить их в представителей верноподданного военно-служилого сословия, облагодетельствовать их за счет бесправного французского народа и тех побежденных народов, которым будет грозить оружие французских дворян, ставших под королевское знамя.

Характерные метафоры и сравнения, вроде сравнения народа с выносливым мулом, целесообразно процитировать в классе, чтобы этим путем наглядно

показать мировоззрение Ришелье как государственного деятеля феодально-абсолютистской монархии.

В *документе 21* следует подчеркнуть ту оценку создавшегося в стране положения, которая дается в словах: «эти господа (гугеноты) намеревались сохранить положение своих городов, как маленьких республик».

Документ 22 уже рассматривался выше в связи с документом 7.

Документы 23 и *24* характеризуют роль той новой администрации, которая была создана реформой Ришелье.

Документы показывают, что интенданты отличались от прежних губернаторов своим повиновением короне и безотказным выполнением всех правительственных инструкций. Документы говорят о том, что интендант, ревностно относясь к своим обязанностям, администрировал, судил, угрожал, расследовал, оставаясь при всех этих обстоятельствах «глазами и ушами государевыми» и ведя последовательную и непримиримую борьбу со своевольными аристократами.

Особенного внимания заслуживает последний документ. Он показывает, как обузданию и подчинению дворянства сопутствовало увеличение того податного бремени крестьянства, за счет которого дворянство привлекалось к престолу.

Учителю следует рассказать о сложной и разорительной системе обложения: о прямом налоге — «королевской талье», о косвенных налогах, о проклинаемом крестьянами соляном налоге — так называемой «габели», об откупщиках и, наконец, о новых методах опустошения купеческого кошелька — «займах».

Эти упоминания подчеркнут значение документа и отраженного в нем упорного нежелания мэров и синдиков городов содействовать сбору королевских доходов.

Документ позволяет констатировать в XVII столетии углубление пропасти между привилегированными сословиями Франции (дворянством и духовенством) и трудящимися массами. Сама жизнь неуклонно толкала буржуазию к вступлению на путь оппозиции, на путь сопротивления и борьбы, результаты которой в дальнейшем привели к неизбежной гибели самой абсолютной монархии.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма — от утопии к науке»; т. XXII — письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 27 июля 1854 г.; т. XXVII — письмо К. Маркса к Даниэльсону от 10 апреля 1879 г. К. Маркс, Хронологические выписки, т. III и IV («Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 124—128, 157—161, 293—314, 354—359; т. VIII, стр. 3—10, 18—26, 97—99, 230—267, 287—308).

* * *

Документы 1, 10, 17, 18, 19 переведены С. Д. Сказкиным. Документы 2, 3, 4 и 13 переведены для первого издания настоящей хрестоматии. Документы 5, 6, 9, 11, 12, 14, 15, 16, 20, 21, 22, 23, 24 взяты из хрестоматии проф. П. Н. Ардашева «Новая история в отрывках из источников». Документ 7 взят из книги Марьежоля «История средних веков и нового времени».

Документы для данного раздела подобраны для первого издания хрестоматии М. М. Себенцовой. Введение написано А. Д. Эпштейном.

А. ФРАНЦИЯ В XVI ВЕКЕ

1. ВЕНЕЦИАНСКИЙ ПОСОЛ МИКЕЛЕ СУРИАНО О ФРАНЦИИ XVI века (1561 г.)

1. Французское королевство, по общему мнению, считалось первым среди христианских государств как по своему достоинству и силе, так и по тому авторитету, которым пользовался его король. Что касается королевского достоинства, то оно со времени своего возникновения всегда было независимым, и король не признавал над собой никакой другой власти, кроме бога. Эта независимость, хотя и свойственна другим государям, но далеко не всем, потому что одни признавали над собой власть церкви, как некогда Англия или теперь Неаполь, другие — власть императора, как Богемия и Польша...

2. Что касается могущества королевства, то в нем не приходится сомневаться, принимая во внимание обширность страны, число ее обитателей,силу ее воинства и ее богатство, превосходящее богатство всякого другого государства Европы. Его одиннадцать провинций суть одиннадцать могучих органов одного и того же тела, которые, будучи связаны друг с другом, сообщают взаимно друг другу силу и жизненность...

3. Но так как главным фундаментом величия и могущества государства являются его люди, ум и отвага которых имеют и для нападения и защиты большее значение, чем артиллерия, оружие и крепости, то я кратко скажу здесь о жителях Франции, об их числе, их характере, о службе, которую они несут по отношению к королю, и о тех качествах, которые делают эту нацию столь прославленной во всем мире.

Количество народа во Франции чрезвычайно велико, так как она имеет более 140 городов с епископскими кафедрами, затем бесконечное множество угодий, замков и деревень, и каждое из этих поселений полно народа. Один Париж насчитывает, как говорят, от 4 до 5 сот тысяч жителей. По своему положению и достоинству каждый из жителей может принадлежать к одному из трех сословий, откуда и ведут свое начало три чина королевства: первый чин — духовенство, второй — дворянство, третий — не имеет особого названия, и так как он состоит из людей разного положения и занятий, то он может быть назван сословием народа вообще.

Духовенство включает в себя большое количество лиц третьего сословия и много иностранцев, которые или за услуги, оказанные ими королю, или же благодаря королевскому фавору, пользуются церковными бенефициями; но дворянство составляет наиболее важную часть духовенства. Младшие сыновья хороших фамилий, не рассчитывающие на часть отцовского наследства, которое почти целиком переходит к старшим, принимают духовное звание, дабы получить сразу и богатство и авторитет.

Под дворянством подразумевают тех, кто пользуется привилегией не платить налогов и обязан только личной военной службой.

В число дворян входят и принцы и бароны. Среди первых наиболее выделяются принцы крови, как возможные наследники короны, хотя среди принцев крови есть такие, бедность которых не позволяет им вести тот блестящий образ жизни, который приличествовал бы их величию.

Принцев крови было много 80 лет назад, но за это время они либо получили корону, либо вовсе угасли; таковы фамилии Орлеанов, Ангулемов, Анжу, герцогов Бургундских, Алансонов и Бурбонов (последние включают в себя Вандомов, Монпасье и де ла Рош-сюр-Ион). Исключение составляет дом Бурбонов. Этот дом был самым младшим, а теперь стал первым по близости к трону, после герцогов Орлеанского и Анжуйского, братьев короля; его могущество теперь велико, как никогда. Главой его является король Наваррский, у него сын восьми лет. Затем идет принц Конде, брат короля Наваррского. Кардинал в счет не идет, как лицо духовное. Герцог Монпасье, у которого нет детей, и принц де ла Рош-сюр-Ион, у которого только один ребенок, тоже принадлежат к этому дому...

Что касается других принцев, не являющихся принцами крови, и баронов, было бы долго и скучно говорить о них всех, потому что их много. Но между ними первым по власти и влиянию является герцог Гиз, между баронами — конетабль.

Третье сословие состоит из людей пера, которых называют людьми длинной мантии, купцов, ремесленников, плебеев и крестьян. Тот из людей мантии, кто имеет степень президента или советника или носит подобное звание, становится дворянином и привилегированным в силу занимаемой им должности и считается таковым в течение своей жизни.

Купцов, которые в наши дни являются господами денежного богатства, всячески ублажают и заискивают у них, но никакими преимуществами и достоинством они не пользуются, потому что всякая торговая деятельность считается предосудительной для дворянства. Они, таким образом, причисляются к третьему сословию; они платят налоги совершенно так же, как и неблагородные и крестьяне, а положение последних наиболее тяжелое, так как их одинаково притесняют и король и дворяне.

Император Максимилиан говаривал про французского короля, что он — король ослов, потому что его народ несет всяческие тяготы и не жалуется.

2. КОНКОРДАТ ФРАНЦИСКА I С ПАПОЙ ЛЬВОМ X

Этот конкордат был заключен в Болонье в декабре в 1515 г. и в Риме 16 августа 1516 г.; булла папы об аннатах [1] — в октябре 1516 г. Лев X, объявляя себя компетентным назначать епископов, уступает королю право представлять кандидатов в епископы и аббаты; в свою очередь король уступает папе право взимать аннаты. Парламенты, университет, духовенство противились реги-

[1] Аннаты — сбор, равный годовому доходу от какой-либо должности. Взимался папами с XIII в. Прагматическая санкция, изданная в Бурже в 1438 г., его отвергла. Болонский конкордат снова восстановил.

страции этого конкордата и его исполнению. По указу и специальному предписанию короля, неоднократно повторенному, конкордат был зарегистрирован в парижском парламенте[1].

Лев, епископ, раб рабов божьих, для вечного воспоминания о настоящем предмете.

...Вследствие сыновнего подчинения, проявленного нашим дражайшим сыном во Христе, королем Франции Франциском, мы обсудили с его величеством и отеческими увещеваниями убедили его, во славу бога и к его чести, мужественно и добровольно отречься от прагматической санкции [2] и пожелать жить по законам святой римской церкви, как живут другие христиане, и подчиняться велениям, уже изданным, и которые в будущем будут изданы святым апостольским престолом. Учитывая, что выборы происходили в течение ряда лет в кафедральных и митрополичьих церквах и монастырях этого королевства [Франции] с большой опасностью для благочестивых душ, ибо во многих случаях имелись злоупотребления светских властей, в других случаях имелись предварительные соглашения, основанные на симонии[3] и незаконные, иногда имели влияние личные симпатии, родство и клятвопреступления,— вышеупомянутый французский король, внимая нашим отеческим увещеваниям, как подлинно послушный сын, желая подчиняться как из принципа послушания, являющегося большой заслугой, так и во имя общего блага своего королевства, принял через нашего дорогого сына, Рожера Барма, королевского адвоката, специально для этой цели посланного и имеющего для этого достаточные полномочия и поручения, вместо вышеуказанной прагматической санкции и содержащихся в ней постановлений нижеследующие законы и постановления, согласованные с нами и нашими братьями — кардиналами святой римской церкви...

По совету и единогласному одобрению наших вышеуказанных братьев, по нашему глубокому убеждению и по нашей полной власти постановляем и приказываем, что отныне вместо вышеупомянутой прагматической санкции и всех содержащихся в ней статей будет соблюдаться следующее:

А именно, отныне в кафедральных и митрополичьих церквах вакантных, а также могущих в будущем стать вакантными, как это установлено добровольно произведенной нами уступкой, а также уступкой наших преемников, римских епископов, капитулы и каноникаты этих церквей не могут производить избрание или

---

[1] Парламент — высшее судебное учреждение во Франции — в качестве «хранителя законов королевства» вел особые реестры, куда вписывался текст всякого нового королевского ордонанса. Согласно обычаю, получившему силу обязательного правила, никакой новый ордонанс не становился законом, прежде чем был вписан в парламентские реестры.

[2] Прагматической санкцией назывались акты особой государственной важности, объявлявшиеся в качестве основных законов «на вечные времена». Одной из таких санкций была прагматическая санкция Кала VII, изданная в Бурже в 1438 г., подтверждавшая вольности церкви во Франции.

[3] Симония — продажа и покупка духовных должностей.

представление будущего прелата. Если откроется такая вакансия, король Франции, который в это время будет царствовать, будет обязан представить нам или нашим преемникам, римским епископам, или апостольскому престолу магистра[1] или лиценциата теологии, или доктора, или лиценциата всех прав или одного права — университета, славящегося строгостью экзаменов,— имеющего не менее 27 лет и подходящего в других отношениях, в течение шести месяцев с момента, когда указанные церкви станут вакантными, дабы мы позаботились о замещении вакантной должности. Если в такого рода случае король не укажет нам никакого надлежащим образом квалифицированного лица,мы и наши преемники не будем обязаны назначить такое лицо. В этом случае король должен будет в течение трех месяцев,следующих за отклонением предложенного им кандидата, наметить нового порядком, указанным выше. В противном случае, мы или наши преемники позаботимся о замещении вакансии с надлежащей поспешностью лицом, имеющим квалификацию, указанную выше. Мы решаем и постановляем, что всякие выборы, нарушающие установленные выше правила, а равным образом и акты наши и наших преемников — ничтожны и недействительны. Однако делается исключение для свойственников и кровных родственников короля, а также для высокопоставленных лиц, при наличии законных и разумных причин, которые будут указаны в представлении короля и апостольских письмах. Также делается исключение для нищенствующих монахов, лиц выдающихся знаний и высокой науки, которые, согласно уставу их ордена, если они законно к нему принадлежат, не могут быть возведены в указанные выше степени. Мы решаем и провозглашаем, что всякие выборы и их утверждение и иные акты, совершенные или могущие быть совершенными за нас, наших преемников или наш престол, иначе чем в вышеуказанной форме,— ничтожны, недействительны и необязательны и не имеют никакой силы и значения.

3. БУЛЛА ПАПЫ ОБ АННАТАХ

(Рим, октябрь 1516 г.)

Лев, епископ, раб рабов божьих, для вечного воспоминания о настоящем предмете.

...В конкордате, который мы заключили с нашим дорогим сыном Франциском, королем Франции, во славу божию, ради мира и спокойствия христиан по совету наших братьев [кардиналов], мы устанавливаем: получение вакантных бенефициев, пожалованных нами и нашими преемниками, или престол [епископский] в церквах кафедральных и митрополичьих, а также в монастырях могут быть сохранены только после получения нами годовой стоимости вышеупомянутых бенефиций— золотыми дукатами, турскими фунтами или другой монетой.

[1] Доктор, магистр, лиценциат — ученые степени.

4. ПРОТОКОЛ «LIT DE JUSTICE» ТОРЖЕСТВЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ПАРЛАМЕНТА, СОЗВАННОГО КОРОЛЕМ ПО СЛУЧАЮ ПРОТЕСТОВ ПАРЛАМЕНТА ПРОТИВ ПЕРЕНОСА ДЕЛ НА РАССМОТРЕНИЕ В БОЛЬШОЙ СОВЕТ

(Париж, 24 июля 1527 г.)

В случае если парламент находил ордонанс короля противоречащим «основным законам королевста», он обращался к королю с соответствующими «представлениями» («remontrances») об изменении или совершенной отмене данного королевского акта. Если «представления» оставлялись королем без последствия, то парламент отказывал такому ордонансу в «регистрации» (см. выше). Тогда король прибегал к принудительной регистрации посредством так называемого «lit de justice», то есть торжественного заседания парламента в присутствии самого короля. Ниже приводится описание такого заседания, посвященного регистрации одронанса о создании Большого совета юстиции, то есть высшей судебной инстанции при королевском совете, которая своим существованием умаляла значение парламента.

Король восседал на троне в парижском парламенте и руководил торжественным заседанием.

Справа от короля, на высоких скамьях, находились: король Наваррский, кавалер ордена, пэр [1] Франции; герцог Вандом, пэр Франции, генерал-лейтенант и губернатор Пикардии; граф де Сен-Поль, генерал-лейтенант и губернатор Дофинэ; граф де Гиз, генерал-лейтенант Бри и Шампани; господин Анн де Монморанси, обер-гофмейстер и маршал [2] Франции, губернатор Лангедока, Верхнего и Нижнего Эльзаса; господин Жиль де Женуйек, генерал фельдцехмейстер Франции и верховный судья Арманьяка, господин Роберт Стюарт, владелец Обиньи, капитан шотландской гвардии короля.

Слева, на высоких скамьях: кардинал де Бурбон, епископ и герцог Ланский, пэр Франции; епископ и граф де Нуайон, пэр Франции; архиепископ Буржский, примас Аквитании и Галлии, епископ Лизье.

У подножия королевского трона: герцог Лонгвиль, обер-камергер Франции, ближе всех к особе короля с правой стороны, на верхней ступеньке; господин Людовик де Брезе, губернатор и первое должностное лицо Нормандии и первый камергер, немного ниже с левой стороны короля также лежа.

Господин Жан де Лабор, парижский прево [3], ниже, справа, с белым жезлом в руках, также лежа на нижней ступеньке. На коленях перед королем два придворных пристава с жезлами в руках. На нижних местах, где обыкновенно сидят в дни заседаний председательствующие, находились: господин Антуан Дюпре, архиепископ Сансский, канцлер Франции, и три президента.

---

[1] Пэры — представители высшего дворянства, обладавшие особыми привилегиями, имевшие постоянный доступ к королю.

[2] Маршал — высшая военная должность, командующий войсками, конницей.

[3] Парижский прево — представитель судебной власти.

На нижних местах справа: семь ординарных докладчиков королевского двора и двое вновь назначенных.

На нижних местах слева: ниже духовенства — 36 советников, 3 секретаря и 2 судебных нотариуса.

Позади скамей — множество дворян палаты во главе с прево; посредине внизу, сидя на маленьких скамьях: господин Франсуа Робер, канцлер, секретарь французского ордена, парижский бальи [1], господин де ла Шадр, прево французского ордена и один из капитанов французской королевской гвардии; у дверей парламента, для их охраны, гвардейские лейтенанты. Перед прибытием короля и епископа граф де Нуайон, пэр Франции, принял от суда обычную присягу.

Когда король взошел на свое место, канцлер Франции [2], архиепископ Сансский, сказал суду, что если он имеет сделать королю какие-либо замечания, он может их сделать; президент и советники стали на колени, а когда король велел им встать, господин Клод Гюйар, президент, обратился к королю с очень длинной речью, полной цитат из Гомера, Цицерона, священного писания и пр., в которой имеются следующие места:

«Первоначально во Франции парламент был создан как государственное собрание, происходившее каждый год в определенное время и в определенном месте по указанию короля. Обыкновенно ежегодно созывалось два парламента, максимум три; каждый парламент продолжался 6 недель, максимум 2 месяца.

Так как это собрание представителей всех частей королевства было трудно организовать и обходилось оно очень дорого, было решено, что от более крупных городов и провинций будут избираться духовные и светские лица, опытные в решении судебных дел, которые будут разрешать апелляционные жалобы. А так как еще не были известны время и место, при Филиппе Красивом было установлено на основании мнения сословий, что парламент Франции будет в Париже и в нем будут заседать назначенные таким образом судьи, постоянные вершители апелляцонных жалоб. Это долго соблюдалось и воспринималось как положительный факт, вплоть до царствования покойного короля Людовика XI, который, покровительствуя докучливости некоторых своих приближенных, истребовал ряд дел из парламентов для рассмотрения их в Большом совете. Этим была сильно нарушена справедливость и подданные сильно возмущены, настолько, что после его кончины на генеральных штатах в Туре были принесены на это жалобы и прошения со всех концов Франции, и покойный король Карл, его сын, в заседании этих штатов снова постановил, что отныне никакие дела не будут истребованы из парламента для рассмотрения в Большом совете. А ордонансами, изданными затем последними покойными королями Карлом и Людовиком, было подтверждено, повторено и

[1] Парижский бальи — судья.

[2] Канцлер Франции — высшее должностное лицо, хранитель государственных печатей.

вновь приказано канцелярии не прикладывать печать к такого рода истребованиям, а верховным судам — не подчиняться и хранить дела у себя, сами они приказали принести в этом торжественную клятву.

Вы не соблаговолили позволить, чтобы в случае апелляции ваши подданные отправлялись в Рим по своим судебным делам, так как вы не хотите лишних расходов и трудов. Однако, требуя в Большой совет дела обыкновенного судопроизводства, вы поступаете наоборот. Несправедливо приписываете другим закон, которого вы не хотите применять к себе...

Мы не хотим подвергать сомнению или обсуждать вашу власть, это было бы своего рода святотатством, мы хорошо знаем, что вы стоите выше закона и что законы и ордонансы не могут вас принуждать и нет власти, могущей вас принуждать. Но мы хотим сказать, что вы не должны и не хотите предписывать все, что в вашей власти, но только то, что разумно, хорошо и справедливо. Добродетель — это не что иное, как совершенная и хорошая природа, следующая разуму, избегающая пороков и считающая, что высшее благо — это поступать по естественному разуму, которому божественное право никогда не противоречит и которому вы должны следовать, если хотите хорошо царствовать».

[В тот же день, 24 июля].

Король восседал на троне, окруженный своим Малым советом, из членов которого присутствовали... [идет перечисление присутствующих].

Когда президент и советники предстали перед королем, им был прочитан от имени короля эдикт следующего содержания: [приводятся выдержки из эдикта].

«Король вам воспрещает вмешиваться каким бы то ни было образом в дела государственные и все иные, кроме судебных, что вы должны буквально соблюдать как границы вашей власти...

Точно так же король воспрещает вышеуказанному суду применять в дальнейшем какие бы то ни было ограничения или изменения его ордонансов, эдиктов, хартий. Если же они найдут, что что-нибудь должно быть в этих актах изменено или уменьшено в интересах вышеуказанного короля и государства, они об этом доложат королю...

Король хочет и требует, чтобы настоящий эдикт был зарегистрирован в его Малом совете, Большом совете и в парламентах».

5. ФРАНСУА РАБЛЕ «ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО ГАРГАНТЮА»

Ф. Рабле—самый крупный из представителей гуманизма во Франции—родился около 1490 г. (год точно неизвестен), умер в 1553 г., медик по профессии; написал ряд трактатов по медицине, юриспруденции, классической философии. Своим значением в истории французской литературы и гуманизма обязан своему знаменитому роману. Первый отрывок — о воспитании Гаргантюа — дает понятие об основных идеях гуманистической педагогики; второй отрывок—картина жизни Телемского аббатства—ярко выявляет мировоззрение гуманистов.

КАК ГАРГАНТЮА ВОСПИТЫВАЛСЯ ПАНОКРАТОМ ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЧТО НЕ ТЕРЯЛ НИ ЧАСУ ВРЕМЕНИ

Гаргантюа просыпался около четырех часов утра. Пока его растирали, ему прочитывалась какая-либо страница из божественного писания громко, ясно и с соответствующим тексту выражением. Сообразно содержанию и агрументам этого урока, он часто принимался с любовью поклоняться и молиться богу, величие и божественное правосудие которого обнаруживалось из прочитанного места.

Потом его одевали, причесывали, чистили и опрыскивали духами. Тем временем повторяли ему уроки предыдущего дня, а он отвечал их наизусть, причем приводил их в связь с некоторыми практическими случаями, касающимися человеческого состояния; это иногда затягивалось на два-три часа, но обыкновенно прекращалось после того, как он был вполне одет.

Затем добрых три часа ему читали лекции.

После этого они, продолжая беседовать по поводу прочитанного, выходили из дому в брак [1] или на луга и играли в мяч, деятельно упражняя тело, как перед тем упражняли дух. [После этого] они шли домой посмотреть, не готов ли обед. В ожидании обеда они громко и красноречиво цитировали удержанные из урока сентенции. Тем временем приходил господин аппетит, и они во благовремении садились за стол.

В начале обеда прочитывалась какая-либо интересная история о древних подвигах, что продолжалось до того, как они выпивали свое вино. Затем (если было желание) чтение продолжалось или же вместе начинали весело беседовать; первые месяцы разговаривали о свойствах, достоинствах, пользе и природе всего, что подавалось к столу,— хлеба, вина, воды, соли, мяса, рыбы, фруктов, трав, овощей и о их приготовлении. Таким образом, Гаргантюа в недолгое время узнал все относящиеся к этому места из Плиния, Диоскорида, Поллукса, Галена, Порфирия, Полибия, Аристотеля и др. Во время этих разговоров для большей уверенности часто приказывали приносить названные книги к столу.

Затем беседовали по поводу утренних уроков и, закончив обед каким-нибудь вареньем, чистили зубы фисташковым черенком, мыли руки и глаза хорошей свежей водой и возносили благодарность богу в прекрасных гимнах, сочиненных в прославление величия бога и его благодеяний. После этого приносили карты, но не для игры, а для того, чтобы узнать этим путем массу мелких тонкостей и новых изобретений, которые все происходят от арифметики.

Таким образом, он начал любить эту науку о числах и ежедневно после обеда и ужина проводил время с таким интересом, что увлекался за картами. Он любил также другие математические науки — геометрию, астрономию и музыку, ибо, ожидая, пока переварится обед, они приготовляли массу интересных приборов и

---

[1] Так называлось в Париже одно здание, предназначенное для игры в мяч.

геометрических фигур, а также пользовались астрономическими трубами; затем они развлекались пением в четыре и в пять голосов или же на музыкальную тему и пели во все горло.

Что касается музыкальных инструментов, то он научился играть на лютне, эпинетте [1], арфе, флейте немецкой и с девятью отверстиями, скрипке и тромбоне.

После того как этот час был таким образом занят, он возвращался к своим главным занятиям на три часа и более — повторять утренний урок, продолжать чтение начатой книги, а также заниматься старинной и римской литературой.

После этого они выходили из дому с одним молодым дворянином из Турени, оруженосцем, Гимнастом по имени, который показывал ему искусство верховой езды.

Переменив одежду, он садился верхом на скакуна, испанского или берберийского жеребца, мчался на нем в карьер, заставлял его делать вольты, перескакивать через ров, перепрыгивать через частокол, быстро поворачиваться кругом направо и налево.

Все это он проделывал, вооруженный с головы до ног. Он так ловко гарцовал на коне, припевал и присвистывал, что никто не мог с ним в этом состязаться. Вольтижер из Феррарры по сравнению с ним был обезьяной. В особенности он научился быстро перескакивать с одной лошади на другую, не касаясь земли, а также с любой стороны вскакивать на лошадь с копьем в руке, не касаясь стремян, и без узды управлять конем по своему желанию.

Все это весьма пригодно для военной дисциплины.

Охотился он на оленя, козу, медведя, лань, кабана, зайца, куропатку, фазана, дрофу. Играл большим мячом, подбрасывая его ногой и кулаком.

Боролся, бегал, прыгал, но не на три шага, не на одной ноге и не по-немецки, ибо, как говорил Гимнаст, такие прыжки бесполезны и не приносят пользы на войне, но одним прыжком перескакивал через ров, перелетал через забор, становился в шести шагах против стены и прыгал в окно, находившееся на высоте копья.

Плавал в глубокой воде прямо, навзничь, всем телом, только ногами, высунув наружу одну руку, в которой он держал книгу, переплывал таким образом Сену, не замочив книги и держа в зубах плащ, как это делал Юлий Цезарь; потом, с силой ухватившись одной рукой, он взбирался на лодку и правил ею, вел ее то быстро, то медленно, по течению и против течения и т. д.

Выйдя из воды, он быстро поднимался на гору и также свободно спускался, карабкался на деревья, как кот, перепрыгивал с одного дерева на другое, как белка; ломал толстые сучья, как второй Милон; при помощи двух отточенных кинжалов и двух испробованных шильев он взбирался по стене на крышу дома, как крыса, и затем спускаля вниз в таком положении, что падение никоим образом не могло ему повредить.

---

[1] Прототип современного пианино.

Для упражнения грудной клетки и легких он кричал, как все дьяволы вместе. Я слышал однажды, как он звал Евдемона от ворот св. Виктора до Монмартра. Стентор никогда не имел такого голоса во время Троянской войны.

Для укрепления мышц ему сделали две большие гири из свинца, каждая весом в 8 700 квинталов. Он брал их с земли в обе руки, поднимал выше головы и так держал их, не шевелясь, три-четыре часа и более.

После этих занятий он, вытершись, почистившись и переменив одежду, спокойно возвращался домой. Проходя через луга и другие заросшие места, они рассматривали деревья и растения, сравнивая их с книгами древних, которые об этом писали, как, например, Теофраст, Диоскорид, Плиний и другие, и приносили их домой целыми охапками

По возвращении, в ожидании ужина, они повторяли некоторые места из прочитанного и садились за стол.

Заметьте, что обед был скромен и прост, ибо он ел тогда только для того, чтобы прекратить урчание в животе; зато ужин был изобилен, ибо тогда он ел столько, сколько было необходимо для поддержания и питания организма. Это настоящая диэта, предписываемая искусством доброй и верной медицины, хотя кучка глупцов-врачей, вышедших из фабрики софистов, советует обратно.

За ужином, пока была охота, продолжался обеденный урок; остальное время уходило на беседу о литературе и других полезных вещах.

По прочтении благодарственной молитвы начинали петь по нотам и играть на музыкальных инструментах или коротали досуг за картами и кубками и иной раз оставались за столом до того часа, когда надо ложиться спать; иногда же отправлялись в общество людей ученых или же видевших чужие страны.

Ночью, перед тем как идти спать, они выходили на самое открытое место — посмотреть на небо, и отмечали на нем кометы, если таковые были, фигуры, положения, вид, противостояния и соединения звезд.

Затем он и его наставник, по примеру пифагорейцев, вкратце повторяли все, что они читали, видели, узнали, сделали и услышали в течение дня.

Затем они молились богу-создателю, поклоняясь ему, утверждая свою веру в него, и прославляли его за его безграничную благость и, воздав ему благодарность за проведенное время, поручали себя его божественному милосердию на будущее время. Сделав это, они отправлялись почивать.

6. ПРАВИЛА, РЕГУЛИРОВАВШИЕ ОБРАЗ ЖИЗНИ ТЕЛЕМИТОВ

Вся жизнь их протекала не по законам, уставам и правилам, а по доброй воле и личному усмотрению каждого. Вставали с постели, когда заблагорассудится. Пили, ели, работали, спали, когда

являлось желание. Никто их не будил, никто не понуждал ни пить, ни есть, ни делать что бы то ни было. Такой порядок установил Гаргантюа. Весь их устав сводился к следующему правилу: делай, что хочешь. В самом деле, люди свободные, благородные, благовоспитанные, вращающиеся в хорошем обществе, имеют от природы инстинкт и внутреннее влечение, которое их направляет к добродетели и отклоняет от порока. Этот инстинкт телемиты называли честью. При такой свободе они привыкли состязаться друг перед другом в том, чтобы делать то, что доставляло удовольствие другому. Если кто говорил: «Будемте пить», все начинали пить. Если кто говорил: «Будемте играть», все принимались играть. Если кто говорил: «Пойдемте погулять в поле», все шли туда. Если дело шло об охоте с птицами или собаками, дамы, верхом на красивых кобылицах, брали в руки каждая по соколу или коршуну; мужчины брали других птиц.

Все были настолько образованны, что не было среди них ни одного и ни одной, которые не умели читать, писать, петь, играть на музыкальных инструментах, говорить на пяти-шести языках и сочинять на них в стихах и прозе. Никогда не было видно кавалеров столь храбрых,столь галантных, легких на ходу и верхом, более ловких, более искусных в обращении со всяким оружием; никогда не было видано дам столь опрятных, изящных, менее скучных, более сведущих во всяком рукоделии, в шитье и во всяком женском деле, честном и свободном. Когда приходило время, что кто-нибудь, по просьбе ли родных или по какой иной причине, хотел выйти из аббатства, то он уводил с собой одну из дам и женился на ней. И как жили они в Телеме во взаимной дружбе и преданности, так еще лучше продолжали они жить после брака и любили друг друга до последнего дня своей жизни, так же, как в первый день после свадьбы.

7. УКАЗ АНН ДЕ МОНМОРАНСИ (1548 г.)

Данный документ — указ Анн де Монморанси, коннетабля Франции и губернатора Лангедока, изданный в 1548 г. Анн де Монморанси — коннетабль (главнокомандующий) Франции и губернатор Лангедока, важный государственный сановник при Франциске I и Генрихе II. Он был поклонником классической древности, покровителем искусств, охранителем археологических памятников Франции.

Мы, Анн де Монморанси, первый барон, коннетабль и первый сановник Франции, губернатор и главный наместник короля в Лангедоке, посылаем судье города Нима наш привет.

Проезжая через вышеупомянутый город, мы видели прекрасные и большие здания, воздвигнутые в древние времена, большая часть которых доставляет своим видом не только удовольствие, но могла бы принести и много пользы для искусства архитектуры, так как все размеры, требуемые упомянутым искусством, в них сохранены и соблюдены, и они потому служат украшением названного города,

провинции Лангедок и гордостью королевства, а также имея в виду, что многие жители города, имеющие дома и владения рядом и в соседстве с вышеупомянутыми древними зданиями, постоянно возводят новые постройки и для увеличения и украшения их не стесняются разрушать и уничтожать эти древние памятники, так что в ближайшем будущем ничего не останется целым, а все будет испорчено и разорено.

А потому мы, желая, чтобы подобные здания сохранились во всей целости, предписываем и строжайше приказываем вам от нашего имени и под страхом строгого наказания со стороны короля воспретить владельцам означенных древних домов возобновлять, перестраивать или разрушать вышеупомянутые древние здания и строить новые сооружения, которые могли бы скрыть и заслонить их, не обратившись предварительно к вам, дабы вы совокупно с королевскими чиновниками означенного города осмотрели те места и убедились бы, разумно ли и представляется ли необходимым дать им надлежащее разрешение строиться. Если же кто-либо будет противиться этому запрещению, то вы возбудите против них преследование и подвергнете их взысканию по вашему усмотрению. Даем вам на это власть и специальное полномочие настоящим указом в силу власти, дарованной нам королем: заявляем и приказываем всем судьям, должностным лицам и королевским подданным, чтобы они оказывали вам в данном деле должное повиновение. Дан такого-то числа сентября 1548 г.

8. ПРИДВОРНЫЙ ТУРНИР ВО ФРАНЦИИ В XVI ВЕКЕ

(По рассказу очевидца)

30 июня 1559 г.

Турнир, о котором здесь идет речь, был устроен в числе прочих празднеств Генрихом II 30 июня 1559 г. по случаю двух свадеб: его дочери Елизаветы с королем Филиппом II Испанским и сестры Генриха II Маргариты с герцогом Савойским. Этот блестящий турнир, окончившийся смертью короля Генриха II, был одним из последних турниров во Франции. Приводимый здесь рассказ принадлежит очевидцу и участнику турнира, одному из приближенных Генриха II, маршалу де Вьевилю (умер в 1571 г.). Франсуа Вьевиль написал обширные мемуары, опубликованные еще при жизни автора в 1767 г. в пяти томах и затем воспроизведенные в некоторых крупных собраниях мемуаров.

Его величество не имел времени сделать вызов, потому что герцог Савойский [1] в мгновение явился перед ним в полном вооружении; король со смехом сказал ему, чтобы он хорошо сжал колени, так как он намерен хорошо встряхнуть его, несмотря на союз и братство. Затем они выходят из зала, чтобы сесть на лошадей, и вступают на место поединка, где король очень красиво сделал нападение и очень искусно переложил свое копье; герцог Савойский также переложил свое, но он ухватился за седельную

[1] Молодой супруг сестры короля Маргариты.

луку, выбросил обломок и несколько пошатнулся, что уменьшило похвалу его нападению. Однако некоторые приписали этот недостаток упрямству его лошади.

Затем последовал де Гиз, который провел поединок очень хорошо. Но в третьем турнире, последнем, в котором король должен был участвовать (так как вызывающие выдерживают три поединка, а нападающие — один), занял место граф де Монгомери, молодой человек большого роста и неуклюжий, бывший лейтенантом сеньера де Лорж, своего отца, одного из капитанов гвардии. Оба они сошлись в поединке и очень искусно переломили свои копья. Де Вьевиль, которому, как одному из вызывавших, надлежало после короля также выступить в трех поединках, представился и хотел выйти на арену,но король просил его дать ему возможность еще выступить в поединке против молодого де Лоржа, так как он желал получить реванш и говорил, что заставил его пошатнуться и будто бы выпустил ноги из стремян. Де Вьевиль ответил королю, что он выступал достаточно и с большой честью: если же он чувствует себя задетым, то предоставит сделать вызов ему, и если Монгомери держится нехорошо, то он обойдется с ним не мягче, чем с племянником дон Ригома. Его величество, несмотря на это, пожелал еще выступить против этого де Лоржа и вызвал его. На это де Вьевиль сказал королю: «Клянусь богом живым, ваше величество, что вот уже более трех ночей мне снится, что с вами сегодня должно случиться какое-нибудь несчастье и что последнее число июня для вас является роковым: поступайте же как вам будет угодно».

Де Лорж также желал уклониться, говоря, что он уже выполнил свою очередь и что другие участники не допустят, чтобы он воспользовался их правом. Но его величество разрешил ему это, приказав выступить на арену поединка, чему тот, к величайшему несчастью, повиновался и взял копье.

Нужно ли отметить, прежде чем перейти к изложению этого печального события, что во все продолжение турнира, как всегда водится, непрерывно били во все барабаны и трубили во все трубы изо всех сил, до оглушения, но как только оба противника вступили на арену и начался поединок, все смолкло, и воцарилась полная тишина, в которой всеми нами жутко почуялось грядущее несчастье. После того как оба они храбро напали друг на друга и с большим искусством и проворством переломили свои копья, этот неловкий де Лорж не бросил, согласно обыкновению, обломок, который остается в руке после того, как сломано копье, но продолжал держать его опущенным и на всем скаку наткнулся на голову короля, угодив прямо в забрало, которое от удара поднялось, и пронзил глаз. Это заставило его величество охватить шею своей лошади, которая с опущенными поводьями закончила свой пробег, в конце которого находились главный и первый конюшие, чтобы по обыкновению остановить ее; во всех поединках, в которых участвовал король, оба эти чина делали это вне арены: они спустили

его с лошади и сняли с него головной убор, чтобы проводить его в его покои. Король слабым голосом говорил им, что умирает, что де Вьевиль, снаряжая его, хорошо предвидел это несчастье, что он настойчиво желал отклонить его от возобновления поединка, и только что сделал все, что мог, чтобы помешать ему сделать этот роковой круг, но что нельзя избежать своей судьбы.

Пять или шесть наиболее опытных во Франции хирургов приложили все свое старание, чтобы углубить рану и исследовать область мозга, где могли находиться осколки древка. Однако это для них оказалось невозможным, хотя в течение четырех дней они анатомировали четыре головы преступников, которых обезглавили в Консьержери и тюрьмах Гран-Шатле; в эти головы с силой вонзали обломок копья с той же стороны, с какой он вошел в голову короля, но все было напрасно.

На четвертый день он очнулся... велел позвать королеву, и когда та явилась вся заплаканная, велел ей, если возможно, ускорить свадьбу своей сестры... Свадьба была справлена через пять дней после приказания короля и походила скорее на похороны, чем на что-либо другое. Вместо музыки и увеселений, плач, рыдания, скорбь и печаль... На другой день после свадьбы, справленной 10 июля 1559 г., король отдал богу душу.

9. ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

(24 августа 1572 г.)

Ниже приводится описание Варфоломеевской ночи современником—гугенотом Агриппой д'Обинье (Theodore Agrippa dé Aubigné, 1550—1630). Он является одним из видных писателей XVI в.; среди других сочинений написал мемуары под заглавием «Histoire universelle», откуда и приводится настоящий рассказ. Д'Обинье был одним из соратников Генриха Наваррского, впоследствии короля Генриха IV. Необходимо помнить, что д'Обинье был гугенотом и его рассказ отражает настроения этой партии.

С вечера герцог де Гиз [1], главный руководитель предприятия, призвал к себе несколько французских и швейцарских капитанов и сказал им: «Вот настал час, когда по воле короля следует отомстить роду, противному богу; зверь в тенетах, и нельзя допустить, чтобы он спасся; вот честь, дешевая прибыль и средство совершить без опасности больше, чем то могло сделать столь великое количество крови, пролитой нашими». Сказав это, он помещает своих капитанов по обеим сторонам Лувра [2], приказав им не выпускать оттуда никого из сторонников принцев Бурбонов; Кассену увеличивают и обновляют число его людей с тем же поручением относительно дома, который он охранял; отсюда он посылает разыскать президента Шаррона, бывшего уже несколько дней городским головой. Последний извещает всех капитанов города, что они дол-

[1] Герцог де Гиз (1555—1588) — один из главарей католической партии и организаторов Варфоломеевской ночи.

[2] Королевского дворца.

жны быть готовы в полночь перед городской ратушей. Там они получили из уст Марселя [так как он пользовался большим влиянием на короля] желанное, хотя и странное приказание; особенно странным казалось приказание не щадить никого и что все города Франции поступят, как они; было приказано, чтобы все они в качестве отличительного знака имели белую повязку на левой руке и крест на шляпе, чтобы они узнали час экзекуции по звону большого колокола во дворце и зажгли огни в окнах. В полночь королева [1], которая опасалась какой-либо перемены в короле, входит в комнату своего сына, где были герцоги де Гиз и де Невер, Бираг Таванв и граф де Ретц, приведенные сюда старшим братом короля. Заметив в короле некоторое колебание, королева, среди других разговоров, чтобы ободрить его, произнесла следующие слова: «Не лучше ли растерзать эти гнилые члены, чем лоно церкви, супруги господа нашего?» Король решился, и она ускоряет набат во дворце, приказав звонить на полтора часа раньше колокола Сен-Жермен-Оксерруа [2].

Улицы уже были полны вооруженных людей, на шум которых хотели собраться протестанты, которых король распорядился разместить вблизи Лувра, но, после того как на их расспросы им ответили, что это приготовление к турниру, кто-то, желавший пройти далее, был ранен гасконцем из гвардии; так как в это время послышался первый набат и нужно было начать преследование, то герцог де Гиз и шевалье д'Ангулем, которые всю ночь отдавали приказания, берут с собой герцога д'Омаль и приходят к квартире адмирала, который, услышав шум, вообразил, что происходит бунт против самого короля; однако он изменил свое мнение, когда Кассен, которому открыл двери тот, у кого были ключи, пронзил его кинжалом на глазах швейцарцев, из которых один был убит в то время, как хотел загородить дверь. Вот герцог де Гиз во дворе, и Кассен с капитанами Атэном, Кардильяком, итальянцем Сарлабосом и немцем по имени Бем добрались до крыльца. Адмирал [3] стоял со своим пастором Марленом, хирургами и немногими слугами, которым он без смущения в лице говорил: «Это моя смерть, которой я никогда не боялся, ибо это от бога; не нужно мне более человеческой помощи. Ради бога, друзья мои, спасайтесь». Пока они испытывают сломанные двери, Бем входит в комнату; он находит адмирала в ночном платье и спрашивает его: «Ты адмирал?» Ответом было (по рапорту; д'Атэна): «Молодой человек, уважай мою старость: пусть по крайней мере я умру от руки дворянина, а не этого денщика». Но на эти слова Бем пронзил его шпагой и, извлекши ее, рассек ему лицо надвое палашом. Герцог де Гиз спросил, сделано ли дело, и когда Бем ответил, что да, ему приказали выбросить тело за окно, что он и сделал.

---

[1] Екатерина Медичи — мать короля Карла IX

[2] Знаменитое аббатство в Париже.

[3] Колиньи, который вместе с князем Конде был вождем протестантской партии во Франции.

Говорят, что ему на лицо накинули платок, чтобы отереть кровь и узнать его; также говорят, что герцог перед тем, как отправиться по улицам и повсюду ободрять к хорошему завершению того, что было так счастливо начато, дал ему пинка в живот. Народ, разбуженный звоном дворцовых часов, сбегается к квартире убитого, отрубает все части, какие можно было отрубить, особенно голову, которая дошла до Рима; они волокут его по улицам (как он сам предсказал, не предполагая этого), бросают его в воду, вытаскиват обратно, чтобы повесить за ноги на Монфоконе [1], и внизу зажигают огни, чтобы в своем мщении использовать все стихии. Через несколько дней он был снят с этой виселицы сторонниками Монморанси и похоронен в часовне Шантильи. Его квартира была отдана на разграбление всем желающим, за исключением бумаг, которые королева позаботилась конфисковать.

10. ДЕНЬ БАРРИКАД 12—13 МАЯ 1588 г.

Рассказ очевидца, историка XVI в. де Ту. День баррикад—одно из важных событий так называемой «войны трех Генрихов» Король Генрих III, все время колебавшийся между лигистами, возглавляемыми Генрихом Гизом, и гугенотами, предводительствуемыми Генрихом Наваррским, был встревожен появлением Гиза в Париже. Король боялся, что популярный в Париже Гиз будет держать его, короля, в плену и фактически захватит власть. Он приказал впустить в Париж наемные войска и замышлял арестовать Гиза, но в последний момент не решился. Между тем парижане, встревоженные появлением в стенах Парижа королевских наемников и слухами о готовящейся резне католиков, которые распускали сторонники Гиза, подняли восстание. Текст де Ту, приводимый ниже, дан с некоторыми сокращениями и упрощениями

Размещение наемных войск по всем кварталам Парижа навело такое уныние на парижан, что буржуа стали повсюду закрывать свои лавки. Губернатор Парижа, дабы рассеять страх буржуа перед королевскими войсками и поднять дух тех, кто был против него, посоветовал королю дать ему разрешение проехать по улицам и уговорить буржуа от имени его величества, что бояться-де нечего и что нужно снова открыть свои лавки, а с другой стороны, дать приказ войскам не выходить за пределы своих постов и спокойно ждать приказов его величества, не прибегая к насилиям. Королева-мать со своей стороны поддержала этот совет, и король согласился. Таким образом эти войска, которые в первый момент их появления в Париже и вследствие страха, который они навели на буржуа, могли бы дать королю возможность полностью овладеть положением, если бы король пожелал ими воспользоваться, пребывая в течение значительного времени в бездействии вместо того, чтобы навести страх, вызвали презрение народа. Народ стал относиться к ним как к чугунным неподвижным тумбам.

---

[1] Находившееся за городом лобное место, где стояла огромная виселица, на которой вешали преступников.

Между тем мятежный дух, который проявился впервые на Плас-Мобер, распространился вскоре по всем прочим кварталам Парижа. Сразу же все цепи, запиравшие улицы, были натянуты, выходы из площадей были завалены баррикадами. Каждый старался принести побольше камней, и ими были немедленно забиты все окна, которые выходили на площади. Были сделаны, наконец, все приготовления к тому, чтобы напасть и уничтожить королевские войска.

Так как на Новом рынке и у моста св. Михаила стали усиливаться беспорядки, королевский двор послал туда сначала одного, потом другого из королевских военачальников, которым, однако, королева-мать не переставала внушать мысль сдерживать войска, не допускать их нападать на мятежников и держаться оборонительной позиции. Такого рода приказы, казавшиеся признаком слабости и трусости, сломили дух королевских войск и подняли дух мятежников, которые, имея во главе своих отрядов самых знаменитых в Париже драчунов и офицеров из отрядов герцога Гиза, стали наступать с оружием в руках, угрожая королевским войскам. Продвигая вперед баррикады, они блокировали наемников, которые, стоя неподвижно на своих постах, оказались не в состоянии вырваться из блокады. Напрасно командиры посылали одного за другим в Лувр, дабы оповестить короля о том, что происходит, и получить новые приказы. Эти приказы оставались неизменными. Королева-мать все время приказывала им — не допускать, чтобы королевские войска начали нападение; они должны были только обороняться.

С другой стороны, королева-мать и другие все время путешествовали между королевским дворцом и дворцом Гиза, стараясь убедить герцога от имени короля удалиться из Парижа. Они обещали, что ни ему, ни тем парижским буржуа, которые принадлежали к его партии, не будет нанесено никакого ущерба и что в будущем никого за это не тронут. Герцог, который вначале несколько опасался последствий восстания, казалось, склонялся к соглашению, требуя лишь, чтобы ему дали соответствующие обязательства, но в действительности он лишь старался выиграть время, решив использовать события. Когда же он заметил, что королевские войска потеряли мужество, а его сторонники, наоборот, становились все более смелыми, он стал предъявлять все большие требования. Он жаловался на то, что король якобы его обидел и желал удовлетворения...

Что касается меня, то я вспоминаю, что несколько раньше полудня, когда улицы еще не было до конца забаррикадированы, желая определить свое место в этом великом событии и узнать положение обеих партий, я вышел из своего дома и, не боясь опасностей, которым я подвергался, отправился пешком к Лувру [королевский дворец]. Я нашел его пустым и погруженным в полное молчание — признак того, что там царило полное отчаяние. Выйдя из него с дрожью в сердце, я отправился к дворцу

Гиза. Встретив его прогуливавшимся, я подошел к одному из моих друзей, который следовал за мною, и сказал ему на ухо, что в этот день, если я не ошибаюсь, будет нанесен последний удар королю и королевскому авторитету... События подтвердили мои предсказания...

[На следующий день] до дворца дошли новые вести, что мятежники совещались всю ночь, что у них целый склад оружия в монастыре Кордельеров, что студенческая молодежь, которая стекалась в Париж из всех провинций, тоже во власти мятежников; студентам роздано оружие, и они присоединяются к восставшим, наконец, что члены католической лиги окончательно решили захватить короля во что бы то ни стало. С этой целью они якобы договорились отправить отряд в 9 000 человек для того, чтобы захватить выходы из Лувра и воспрепятствовать королю выйти из него, когда они начнут атаку на Лувр с фронтона. Страх заставил короля поверить этим слухам, и он решил покинуть Париж... Сообщив о своем намерении королеве-матери и некоторым из своих министров, он сделал вид, что хочет пойти на свою обычную полуденную прогулку в парк Тюильри. Он уехал из Парижа... эскортируемый швейцарцами, полком гвардии и сопровождаемый частью своего двора. Было зрелищем поистине достойным сожаления видеть государя, который всего несколько дней тому назад властвовал над одним из самых больших и самых многолюдных городов мира, граждан которого он обогатил своим долгим пребыванием и своей исключительной щедростью; видеть государя, принужденного бежать и скрываться, обращающего тем не менее время от времени свои взоры к нему, к этому неблагодарному и покинутому им городу; видеть государя, который бежал, окруженный своими, немногими оставшимися у него слугами, которые шли, одни пешком, другие на жалких наемных клячах без одежды и даже иногда без сапог.

Б. ФРАНЦИЯ ПРИ ГЕНРИХЕ IV

11. НАНТСКИЙ ЭДИКТ

(13 апреля 1598 г.)

Нантский эдикт 1598 г. предоставлял гугенотам не полную религиозную свободу, а лишь частичную; гугеноты остались им недовольны и настояли на добавлении к нему нескольких статей, которыми хотели гарантировать себя против возможных в дальнейшем притеснений. Эти дополнительные статьи, подписанные Генрихом IV 9 мая 1598 г., могли возбудить неудовольствие католиков, и было решено их не опубликовывать. Приводятся выдержки из документа.

Генрих, милостью божиею король Франции и Наварры, всем присутствующим и имеющим явиться привет. Этим вечным и неотменимым эдиктом мы сказали, объявили и повелели следующее:

I. Во-первых, что воспоминание обо всем, что произошло с той и с другой стороны с начала марта 1585 г. до нашего короно-

вания и в течение других предшествовавших смут, будет изглажено, как будто ничего не происходило. Ни нашим генеральным прокурорам, ни иным лицам, государственным и частным, не будет дозволено никогда и ни по какому поводу упоминать об этом или преследовать судебным порядком в каких бы то ни было трибуналах и юрисдикциях.

III. Повелеваем, чтобы католическая апостольская римская религия была восстановлена во всех местах нашего королевства и повинующихся нам странах, где отправление ее было прервано, и да исповедуется она мирно и свободно без всяких смут и препятствий.

VI Чтобы не дать никакого повода к смутам и распрям среди наших подданных, мы позволили и позволяем исповедующим так называемую реформированную религию жить и обитать во всех городах и местах нашего королевства и подчиненных нам областях без преследований, притеснений и принуждений делать что-либо в деле религии противное их совести; их не будут по этому поводу разыскивать в домах и местах, где они пожелают жить.

IX. Мы разрешаем также всем придерживающимся названной религии продолжать исповедовать ее во всех городах и подчиненных нам местах, где она была введена и несколько раз публично отправлялась в 1596 и 1597 гг. до конца августа, несмотря на все противоречащие этому постановления и судебные решения.

XIII. Мы весьма определенно запрещаем всем придерживающимся названной религии проявлять ее в службе, уставе, дисциплине или в народном образовании в нашем королевстве и подчиненных нам областях, а также во всем, что касается религии, за исключением мест, где это дозволено и пожаловано настоящим эдиктом.

XIV. [Запрещается] также всякое проявление названной религии при нашем дворе и в нашей свите и равным образом в наших землях и провинциях за Альпами, а также в нашем городе Париже и в окружности на пять миль от Парижа; однако все держащиеся названной религии, проживающие в упомянутых землях и заальпийских провинциях, в нашем городе Париже и окружности его на пять миль, не могут быть ни разыскиваемы в своих домах, ни принуждаемы делать что-либо против совести в отношении их религии, в остальном поступая согласно содержанию нашего настоящего эдикта

XVIII. Также запрещаем всем нашим подданным всякого звания и положения отнимать силой и обманом, против воли их родителей, детей названной религии, чтобы окрестить и конфирмировать их в католической, апостольской и римской церкви Эти же запрещения относятся и к исповедующим так называемую реформированную религию, под страхом примерного наказания.

XXI Книги, касающиеся названной религии, могут печататься и публично продаваться только в городах и местах, где допущено публичное отправление названной религии.

XXII. Повелеваем, чтобы не было никакого различия в отношении названной религии при приеме учеников в университеты, коллегии и школы, а больных и бедных в госпитали и учреждения общественного призрения.

XXV Желаем и повелеваем, чтобы все исповедующие так называемую реформированную религию и их сторонники, какого бы звания и положения они ни были, обязались и принуждались всеми должными и разумными средствами, под страхом наказаний, содержащихся в эдиктах по этому поводу, платить и выполнять десятины священникам и прочим духовным и всем, кому они принадлежат согласно обычаю и кутюму [1] местности.

XXVII. Чтобы тем лучше объединить желания наших подданных, согласно нашему намерению, и на будущее время прекратить все жалобы, мы объявляем, что все, кто исповедует или будет исповедовать так называемую реформированную религию, имеют право занимать и исправлять все общественные должности — королевские, сеньериальные или городские в нашем королевстве и подвластных нам провинциях, землях и сеньериях, несмотря на все противоречащие сему клятвы, и могут быть принимаемы и допускаемы к нам без различия.

XXX. Чтобы правосудие отправлялось и оказывалось нашим подданным без всякого пристрастия, ненависти или благоволения, ибо оно является одним из важнейших средств для поддержания мира и согласия, мы повелели и повелеваем, чтобы в нашем парижском парламенте была учреждена палата, составленная из президента и 16 советников парламента, которая будет называться палатой эдикта и будет ведать не только дела и процессы исповедующих так называемую реформированную религию, которые будут в ведомстве этого парламента, но и в ведомстве наших парламентов Нормандии и Бретани, согласно юрисдикции, которая присваивается ему настоящим эдиктом, до тех пор, пока в каждом из последних парламентов будет учреждена палата для отправления правосудия на местах [2].

Дан в Нанте, в апреле 1598 г., в девятый год нашего царствования.

[Подпись] *Генрих.*

[Ниже:] По повелению короля в его совете *Форже.*

Секретные статьи.

II. Исповедующие названную религию не могут быть принуждаемы ни строить и чинить церкви, часовни и священнические дома, ни покупать облачения, освещение, колокола... ни к другим подобным вещам, если только они не обязаны делать это вследствие вкладов, завещаний и иных распоряжений, сделанных ими или их предками и предшественниками

[1] Кутюм — тоже обычное право, но записанное и кодифицированное.

[2] Парламентами во Франции назывались высшие судебные учреждения. Кроме парижского, было несколько парламентов в провинциях.

III. Также они не будут принуждаемы украшать фасады своих домов в дни праздников, когда это должно делать, но нужно допустить, чтобы фасады украшались местными властями, без того, чтобы исповедующие названную религию платили что-либо по этому поводу.

Дано в Нанте 9 мая 1598 г., в девятый год нашего царствования.

[Подпись] Именем короля, *Форже*.

12. НАНТСКИЙ ЭДИКТ И ТУЛУЗСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

ОТВЕТ ГЕНРИХА IV ПАРЛАМЕНТУ

Отрывок из речи Генриха IV, произнесенной им при приеме депутации тулузского парламента. Нантский эдикт вызвал возражения со стороны большинства парламентов; особенно сильное неудовольствие возбуждало допущение протестантов к государственным и общественным должностям. Тулузский парламент выступил с «представлениями» (remontrances) по этому поводу и послал депутацию королю 3 ноября 1599 г.

Странно, что вы до сих пор не можете отделаться от дурных повадок. Прекрасно вижу, что в вашем чреве все еще сидит испанец [1]. Кто бы поверил, что люди, ставившие на карту свою жизнь, свое имущество, состояние и личное благополучие ради защиты и сохранения королевства, будут недостойны почетных общественных должностей, как какие-нибудь коварные лигисты [2], заслуживающие преследования и изгнания из пределов королевства? И в то же время те, которые сделали все возможное для того, чтобы погубить государство, должны рассматриваться, как добрые французы, достойные и способные занимать должности! Нет, я не слеп, я вижу ясно! Я хочу, чтобы протестанты жили мирно в моем королевстве и допускались к общественным должностям не потому, что они протестанты, а постольку, поскольку они — верные слуги мне и Французской короне. Я хочу, чтобы мне повиновались и чтобы мой эдикт был обнародован по всему королевству. Все мы опьянели от войны, и пора, наконец, взяться за ум!

13. ОБРАЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН «КРОКАНОВ» К ОФИЦЕРАМ, КОМЕНДАНТАМ КРЕПОСТЕЙ НА ПУТИ ИХ СЛЕДОВАНИЯ

Прокламация крестьян «крокaнов» приводится у Боннемера в «Истории крестьянства» (Bonnemére «Histoire des paysans», t. I, 534, Paris 1856). Крестьянское восстание «кроканов» получило свое название, очевидно, от возгласа крестьян «Aux croquants!»—«На грызунов!», которыми они называли всех тех, «кто пожирал бедный народ». Восстание охватило провинции Пуату, Сентонж, Лимузэн, Кьерси, Перигор, Аженуа, Марн; особенно сильно оно было в Перигоре, где восставших было около 40 тыс.; их руководителем был нотариус.

[1] Намек на католическую непримиримость и религиозную нетерпимость, которыми отличались испанцы.

[2] Главари католической лиги, которым Генрих не мог простить их эксцессов против своих бывших единоверцев.

Господа, мы считаем вас порядочными людьми,— вот почему, немедленно после получения настоящего, мы просим вас вооружиться, присоединиться к нам и восстать вместе с нами против пагубных намерений врагов короля, нашего государя, против воров — сборщиков податей и их агентов. По этим причинам не делайте ошибки, не отказывайтесь вооружаться и будьте готовы. В противном случае вы будете у нас в руках три дня спустя после получения нынешнего письма и будете к этому принуждены силой оружия, как соумышленники вышеуказанных воров.

Дано 2 июня 1594 года. Ваши братья и друзья провинции Кьерси, Аженуа, Перигор, Сентонж, Верхней и Нижней Марны.

14. КОРОЛЕВСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ДВОР ВО ФРАНЦИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Герцог Сюлли (1560—1641) происходил из старинной дворянской фамилии, будучи гугенотом, едва не погиб в Варфоломеевскую ночь; стал одним из ближайших соратников и сотрудников Генриха Наваррского — короля Генриха IV В качестве суперинтенданта финансов при Генрихе IV он широко развернул свою государственную деятельность, главным образом, в области народного хозяйства Франции Урывками, при помощи своих секретарей, он вел нечто вроде делового дневника, куда заносил факты, разговоры с королем, свои размышления и соображения. Часть накопившегося таким образом материала была опубликована еще при жизни Сюлли под заглавием «Economies royales».

Приводимый отрывок характеризует королевскую администрацию и двор начала XVII в., а также экономические воззрения Сюлли.

Король, успокоив, как он и говорил, благодаря своему мужеству и благоразумию все бури, которые так долго волновали государство, мирно жил в своем королевстве... Заботливо стараясь найти пригодные средства, чтобы унять всякую злобу, вражду и частные распри, оказывать каждому правосудие без лицеприятия, улучшить свои доходы и облегчить положение народа. Особенно, зная по опыту, что ничто более не свидетельствует о близком упадке государства, как необузданная масса чиновников и бесцеремонность, с которой чины юстиции и финансов стремятся чрезмерно обогатиться на счет государственных доходов и частных имуществ, он прежде всего произвел сокращение числа чиновников; чтобы уничтожить принятый чиновниками финансов обычай вести незаконные процессы, он учредил королевскую камеру для расследования злоупотреблений и лихоимства, допущенных казначеями, сборщиками и другими финансовыми агентами. Эта палата, вопреки вашему мнению, подобно другим прошлого времени, благодаря проискам и обилию подарков, сделанных более богатым придворным и фаворитам, мужчинам и женщинам, которых вы слишком хорошо знаете, чтобы мне нужно было называть их по имени, завершилась сделкой, благодаря которой жалкие, мелкие воришки заплатили за крупных воров и разбойников; вы же хотели бы, чтобы обратились именно

к ним и заставили их силой возвратить все сполна; вы желали бы видеть их подвергнутыми телесному наказанию для того, как вы говорили королю, чтобы дать предостережение и чтобы они в будущем были принуждены жить как добродетельные люди, а также, чтобы совершенно вывести и изгнать роскошь, излишество и всякого рода чрезмерность в платьях, драгоценных камнях, празднествах, постройках, позолотах, экипажах, лошадях, свите, свадьбах сыновей и дочерей; только пример подобных людей приводил к упадку истинное и древнее дворянство, приобретенное оружием (только оружие может сообщать звание дворянина). Большинство их, поддавшись искушению подобного тщеславия и чтобы удовлетворить ему, не заключает более браков между собою по причине незначительности приданого, которое они могут дать своим детям, но заключают браки с сыновьями и дочерями судейских, финансовых чиновников и секретарей, отцы которых вышли из крючкотворцев, торговцев, менял, ремесленников и лавочников; наконец, таким образом может выродиться все истинное дворянство, так что больше не встретится дворян, которые бы не являлись помесью и не были бы скорее пригодны для того, чтобы давать волокит и праздношатающихся, чем предаваться истинной доблести и войне для доброй службы своему королю и защиты своего отечества. Все эти доводы королю весьма нравились, и иногда он давал убедить себя в них совершенно.

Но, наконец, ему так надоела назойливость королевы и других дам, которых он любил, коннетабля, господ де Бульон, де Бельгард, де Кончини, де Роклор, Суврэ, Фронтенак, Ла-Варенны, Замэ, Гонди, Бонейль и других лиц, которые окружали его и могли оказывать на него некоторое влияние благодаря привычке или же угодничеству и которым не жалели делать всякие подарки, что король позволил убедить себя принять худшее решение. Также были изданы некоторые запрещения относительно ввоза иностранных произведений и ношения и употребления тканей и галунов из золота и серебра; древний греческий Марс был совершенно изгнан из Франции благодаря благоразумию и доблести юного французского Марса и также тому, что его доблесть не могла пребывать в праздности, которой бы он не предавался и своим примером не склонял бы других. Так что при дворе в Париже, в Фонтенебло и в Арсенале можно было увидеть только всякого рода волокитство и компании, составлявшиеся, чтобы идти на всякого рода охоту и на разные игры, устраивать всякого рода фехтования, балеты, маскарады и дамские собрания; и все это совершалось без излишества в расходах, которых король отнюдь не одобрял; тем не менее, несмотря на прекрасные и благородные занятия, которые молодой Марс предоставлял людям, чтобы отвлекать их от дурных мыслей и пагубных замыслов, он не мог помешать тому, чтобы не проявились дурные наклонности.

15. СМЕРТЬ ГЕНРИХА IV
(14 мая 1610 г.)

Документ 15— отрывок из дневника Пьера д'Этуаль (1540—1611). Пьер д'Этуаль занимал видное положение в королевской администрации; с 1574 г. и до самой смерти он вел дневник, являющийся ценным источником для его времени. Дневник был опубликован после его смерти в двух частях: 1) «Journal du règne de Henri III»; 2) «Journal du règne de Henri IV».

В пятницу [14 мая 1610 г.] около 4 часов вечера король в своей коляске без охраны, имея при себе только Эпернона, Монбазона и 4—5 других, проезжал мимо св. Иннокентия в Арсенал. Когда его коляска благодаря заграждению пути дорожной повозкой и двухколесной телегой была принуждена остановиться на углу улицы де ла Фероньер, против нотариуса, по имени Путрен, король был безжалостно убит коварным и гнусным негодяем по имени Франсуа де Равальяк, уроженцем города Ангулема; он воспользовался данным случаем, чтобы нанести этот злополучный удар (он давно уже выжидал, находясь в Париже только с этой целью, и его величество предупреждали, чтобы он имел охрану, но он не придал этому значения). В то время как король внимательно слушал письмо, которое читал д'Эпернон, он набросился на него с яростью, держа в руке нож, и нанес последовательно два удара в грудь его величества; последний удар пришелся прямо в сердце, перерезал сердечную артерию и таким образом лишил этого доброго короля дыхания и жизни. Видя, что король истекает кровью, д'Эпернон покрыл его плащом; когда он и остальные убедились, что он мертв, они стали, как могли, успокаивать народ, сильно смущенный и взволнованный этим случаем, крича народу, что король только легко ранен и чтобы они ободрились; повернули прямо на каретный двор Лувра, и из коляски, в которой бедный государь весь плавал в крови, его извлекли мертвым, хотя один сплетник этого времени нагло напечатал рассуждение, в котором архиепископ д'Эмбрен исповедует и напутствует в Лувре короля, который, несмотря на то, что был вполне мертв, поднял будто бы глаза и руки к небу, свидетельствуя тем, что он умер христианином и добрым католиком. Это послужило причиной (и вполне основательной) к запрещению что-либо публиковать или печатать относительно смерти короля; это было объявлено по городу под бой барабанов.

В. ФРАНЦИЯ ПРИ РИШЕЛЬЕ

Документы 16—24 — отрывки из «Политического завещания» Ришелье и его «Мемуаров», королевские эдикты и донесения интендантов — дают характеристику жизни Франции в первую половину XVII в., когда руководителем внутренней и внешней политики Франции был Ришелье.

Кардинал герцог Ришелье родился в 1585 г.; в 1624 г. стал председателем королевского совета, главой министерства военного и иностранных дел; умер в 1642 г. Он оставил «Мемуары», «Политическое завещание», подлинность которых несомненна, хотя в свое время и оспаривалась Вольтером, и огромную деловую переписку, изданную М. Авенелем. Все его произведения являются ценными источниками для истории его эпохи.

16. СОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Из «Политического завещания» Ришелье

Когда вы, ваше величество, решились предоставить мне одновременно и доступ в ваши советы и оказать значительное доверие в ведении ваших дел, то я могу удостоверить, что гугеноты разделяли государство с вашим величеством, что вельможи вели себя, как если бы они не были подданными вашего величества, а наиболее могущественные губернаторы провинций вели себя, как будто они были государями в своих должностях.

Я могу сказать, что дурной пример тех и других был столь вреден для королевства, что наиболее упорядоченные корпорации [парламенты] испытывали расстройство и, в известных случаях, уменьшали ваш законный авторитет, насколько это было им возможно, чтобы вознести свой далее разумных пределов.

Я могу сказать, что каждый измерял свою заслугу своей дерзостью; что вместо того, чтобы ценить благодеяния, которые они получали от вашего величества, по их собственной цене, они дорожили ими только тогда, когда они были пропорциональны их разнузданной фантазии: что наиболее предприимчивые считались умнейшими и оказывались наиболее счастливыми.

Я могу еще сказать, что иностранные союзы находились в пренебрежении: интересы частные предпочитались государственным; одним словом, достоинство вашего величества было столь унижено и столь отличалось от того, каким бы оно должно было быть, по вине тех, кто имел тогда главное управление вашими делами, что почти невозможно было признать его.

Нельзя было далее терпеть поступки тех, кому вы, ваше величество, доверили кормило своего государства, чтобы не потерять всего; с другой стороны, нельзя было также сразу изменить все, не нарушая законов благоразумия, которое не позволяет непосредственно переходить от одной крайности к другой.

Плохое состояние ваших дел, казалось, побудит вас к опрометчивым решениям без выбора времени и средств; однако, необходимо было выбрать и то и другое, чтобы извлечь пользу из перемены, которой требовала от вашего благоразумия необходимость.

Лучшие умы не думали, что можно без крушения обойти все подводные камни, которые появились в столь мало надежное время; двор был полон людей, которые уже порицали безрассудство тех, кто желал взяться за это; и так как все знали, что государи легко приписывают тем, кто находится при них, плохие успехи дел, относительно которых они получили хорошие советы, то столь немного людей надеялось на хороший исход перемены, которую, как объявили, я хотел произвести, что многие считали мое падение обеспеченным ранее, чем ваше величество возвысили меня.

Невзирая на все эти затруднения, которые я представил вашему величеству, я, зная, что могут делать короли, когда они хорошо пользуются своей властью, осмелился обещать вам, по моему мнению, не безрассудно, что вы обретете благо вашему государству и в непродолжительном времени ваше могущество и благословение божие придадут новый вид этому королевству.

Я обещал вашему величеству все свое искусство и весь авторитет, который вам угодно было дать мне, чтобы сокрушить партию гугенотов, сломить спесь вельмож, привести всех подданных к исполнению их обязанностей и поднять ваше имя среди иностранных наций на ту ступень, на которой оно должно находиться.

17. ОТНОШЕНИЕ РИШЕЛЬЕ К ДВОРЯНСТВУ

Из «Политического завещания» Ришелье

Я говорю, что дворянство надо рассматривать, как один из главнейших нервов государства, могущий много способствовать его сохранению и упрочению. Оно в течение некоторого времени было столь унижено благодаря большому числу чиновников, которых зло века создало в ущерб ему, что оно весьма нуждается в поддержке против посягательств этих людей. Богатство и спесь одних отягчают нужду других, богатых только храбростью, благодаря которой они свободно жертвуют жизнью государству, от которого чиновники получают содержание.

Происходящим из этого сословия свойственна обычная ошибка жестоко обращаться с народом, которому бог, повидимому, дал руки скорее для того, чтобы добывать пропитание, нежели для того, чтобы защищать свою жизнь.

Весьма важно прекратить подобный беспорядок обуздывающей строгостью, благодаря которой слабые ваши подданные, даже будучи безоружными, имели бы под сенью ваших законов столько же безопасности, как если бы в руках у них было оружие.

Дворянство, засвидетельствовав в войне, счастливо завершившейся миром, что оно унаследовало доблесть своих предков, которой Цезарь отдавал предпочтение перед всякой другой, нуждается в дисциплине, чтобы оно помогло приобрести новую и сохранить прежнюю репутацию и с пользой служить государству.

Хотя дворяне заслуживают того, чтобы с ними обращались хорошо, когда они поступают хорошо, но нужно быть с ними строгим, если они пренебрегают тем, к чему обязывает их рождение. Я без всякого колебания говорю, что те, кто, отстав от доблести предков, уклоняются от того, чтобы служить короне шпагой и жизнью с постоянством и твердостью, коих требуют законы государства, заслуживают быть лишенными выгод своего происхождения и принужденными нести часть бремени народа.

Ввиду того, что честь для них должна быть дороже жизни, их следует карать скорее лишением первой, нежели последней.

Лишать жизни людей, которые ежедневно рискуют ею ради простой фантазии о чести,— меньшее наказание, чем лишать их чести и оставить жизнь, которая для них в таком состоянии является вечным наказанием.

Если ничего не следует забывать, чтобы сохранить дворянство в истинной доблести его предков, то в то же время не надо ничего делать, чтобы сохранить за ними владение пожалованными ему землями или же заботиться о возможности для него приобретать новые.

Многочисленные браки, совершающиеся в королевстве в каждой фамилии, тогда как в других государствах вступает в брак только старший, являются одной из истинных причин того, что в короткое время разоряются наиболее могущественные фамилии. Однако если этот обычай приводит к бедности отдельные фамилии, то он настолько обогащает государство, сила которого состоит в массе верных людей, что вместо того, чтобы жаловаться, надо быть довольным им и, вместо того, чтобы изменять его, надо стараться лишь доставить тем, кто благодаря этому обычаю появляется на свет, средства существовать в чистоте сердца, которую они получают от своего происхождения.

Этим путем следует отличать дворянство придворное от деревенского.

Придворное дворянство будет весьма облегчено, если будут сокращены роскошь и невыносимые расходы, которые мало-помалу вошли в обычай при дворе, так как несомненно, что подобное распоряжение будет столь же для него полезно, как и все пенсии, которые ему дают.

Что касается деревенского дворянства, то хотя оно и не получит от подобного распоряжения столько облегчения, ибо его нищета не позволяет ему делать излишних расходов, но и оно не замедлит почувствовать результаты этого средства, столь необходимого для всего государства, которое без того не может избежать разорения.

18. ОТНОШЕНИЕ РИШЕЛЬЕ К НАРОДУ

Из «Политического завещания» Ришелье

Все политики согласны с тем, что если бы народ слишком благоденствовал, его нельзя было бы удержать в границах его обязанностей. Они основываются на том, что, имея меньше знаний, чем другие сословия государства, несравненно лучше воспитанные и более образованные, народ едва ли оставался бы верен порядку, который ему предписывают разум и законы, если бы он не был до некоторой степени сдерживаем нуждою.

Разум не позволяет освобождать его от каких бы то ни было тягот, ибо, теряя в таком случае знак своего подчинения, народ забыл бы о своей участи и, будучи освобожден от податей, вообразил бы, что он свободен и от повиновения.

Его следует сравнивать с мулом, который, привыкнув к тяжести, портится от продолжительного отдыха сильнее, чем от работы. Но подобно тому, как работа мула должна быть умерена, а тяжесть животного соразмеряется с его силою, то же самое должно быть соблюдаемо и относительно повинностей народа: будучи чрезмерными, они не перестали бы быть несправедливыми даже и в том случае, если бы они были полезны для общества.

Я хорошо знаю, что когда короли предпринимают общественные работы, прав тот, кто говорит, что королям возвращается в виде тальи то, что у них зарабатывает народ. Но можно также утверждать, что народу возвращается то, что у него берут короли, и что народ дает, чтобы снова получить, ибо он пользуется своим имуществом и безопасностью, которые он не мог бы сохранить, если бы он не содействовал существованию государства.

Я знаю, кроме этого, что многие государи потеряли свои государства и своих подданных потому, что они не держали войск, необходимых для их сохранения, из боязни излишне обременить налогами своих подданных, и что некоторые подданные попали в рабство к врагам потому, что излишне желали свободы под властью их прирожденного монарха. Но есть некоторая граница, которую нельзя перейти, не сделав несправедливости, так как здравый смысл учит каждого, что должно быть соответствие между тяжестью и силами, которые ее подъемлют.

Это соотношение должно быть соблюдаемо как божественный закон, так что, как нельзя считать хорошим государя, берущего от своих подданных больше, чем следует, так нельзя считать всегда наилучшим и того из них, который берет меньше, чем следует. Наконец, как у раненого человека сердце, ослабевшее от потери крови, привлекает к себе на помощь кровь нижних частей организма лишь после того, как истощена большая часть крови верхних частей, так и в тяжелые времена государства монархи должны, поскольку это в их силах, воспользоваться благосостоянием богатых прежде, чем чрезмерно истощать бедняков.

19. ЭДИКТ ПРОТИВ ДУЭЛЕЙ

(февраль 1626 г.)

Людовик и т. д. Так как нет ничего, что нарушало бы более святотатственным образом божеский закон, чем необузданная страсть к дуэлям, и нет ничего вреднее для сохранения и увеличения нашего государства, так как благодаря этому исступлению погибает большое количество нашего дворянства, которое является одним из главных устоев государства, то мы до сих пор изыскивали все возможные для нас средства, чтобы прекратить это угрозой суровых кар и примерных наказаний, налагаемых за это преступление нашими предыдущими эдиктами; но так как качество названных наказаний таково, что некоторые из имею-

щих честь быть нашими приближенными часто осмеливались докучать нам своими просьбами о смягчении их строгости в различных случаях, благодаря чему виновные, которые в силу милости и снисхождения получили наши грамоты о помиловании, остаются, вопреки нашему намерению, совершенно безнаказанными, и, кроме того, мы недавно должны были уступить настойчивой просьбе, обращенной к нам нашей дорогой и возлюбленной сестрой, королевой Великобритании, и во внимание в ее свадьбе... пожаловать общее прощение за все названные преступления в прошлом,— то мы желаем прийти на помощь и принять снова меры к тому, чтобы впредь подобные преступления не совершались в надежде на безнаказанность, а также заранее воспрепятствовать вольности и исполнению всех просьб и ходатайств, которые могут быть к нам обращены для освобождения виновных от заслуженного наказания.

Не отменяя на будущее время наших предыдущих эдиктов, мы решили и постановили установить и наложить новые наказания, тем более соответствующие предположенным нами целям, что ввиду их меньшей суровости будет менее удобным просить нас и докучать нам об избавлении от них виновных, которые никогда, ни по какому поводу и никаким путем не смогут быть освобождены от них.

I. Ранее совершенные вины и преступления против эдиктов о дуэлях и поединках прощаются. Приказываем, чтобы все, кто в будущем совершит это преступление, как вызвавшие, так и вызванные на дуэль, невзирая ни на какие грамоты о помиловании, которые они могли бы получить от нас хитростью или иным образом, с этого времени были лишаемы всех своих должностей, если они их имеют... и, равным образом, всех пенсий и прочих милостей, какие они получат от нас, и сверх того, были наказаны по всей строгости наших предыдущих эдиктов, если только судьи найдут, что серьезность преступлений и обстоятельства будут того заслуживать... Смягчение нижеизложенных наказаний не будет распространяться на тех, кто, вопреки настоящему эдикту, совершит убийство, в каковом случае мы желаем, чтобы имела место строгость наших предыдущих эдиктов.

III. Также повелеваем, чтобы третья часть имущества вызвавших и вызванных на дуэль была конфискуема.

IV. Так как вызывающий является главным виновником преступления обоих лиц, то мы повелеваем, чтобы, кроме вышепоименованных наказаний, всякий, сделавший вызов, подвергался на три года изгнанию и, вместо трети имущества, терял половину; не исключается более строгое наказание, если наши обычные судьи найдут, что тяжесть преступления заслуживает этого.

VI. Повелеваем, чтобы те, кто, затеяв ссору в королевстве, встретились вне его или на его границах, были преследуемы совершенно так же и в таком же порядке, как и те, которые по-

ступят вопреки нашему настоящему эдикту, не выходя из нашего королевства.

VII. Что касается тех, которые, не довольствуясь тем, что совершают столь тяжелые преступления пред богом и людьми, привлекают и приглашают к этому других лиц и пользуются ими в качестве вторых, третьих и т. д. секундантов, то мы повелеваем, чтобы они без всякой пощады наказывались смертью по всей строгости наших эдиктов, и отныне объявляем вызывающих и вызванных на дуэль, которые будут пользоваться названными вторыми, третьими и более секундантами лишенными чести; они и их потомство объявляются лишенными дворянства и навсегда лишаются права занимать всякие должности с тем, чтобы ни мы, ни наши преемники не могли возвратить их в прежнее состояние и снять с них пятно бесчестия, которого они по справедливости будут заслуживать..., однако названные вторые и третьи секунданты подлежат только тем же наказаниям, как и вызванные.

20. КОРОЛЕВСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О СНЕСЕНИИ ЗАМКОВ

(31 июля 1626 г.)

Людовик и т. д. Так как еще раньше собрания штатов королевства и собрания нотаблей, созванных, чтобы дать нам и покойному королю, нашему глубокоуважаемому сеньеру и отцу, совет относительно наиболее важных дел королевства, а также собрание штатов провинции Бретани, открытых нами в 1614 г., постоянно просили и нижайше умоляли нашего покойного сеньера и отца и нас о разрушении нескольких укреплений в различных местах королевства, которые, не являясь границами по отношению к врагам и соседям ни проходами или важными пунктами, служат только к увеличению наших расходов на содержание бесполезных гарнизонов и для убежища различным лицам, которые при малейшем волнении весьма беспокоили провинции, где эти укрепления находятся,— мы объявляем:

Что так как об этом снова просили наши подданные трех сословий, в настоящее время собранные на штаты, то это дало нам повод отменить ордонансы, изданные раньше как для названных провинций, так и для всего нашего королевства, чтобы тем скорее сократить расходы, устранить эти поводы к смутам и освободить наш народ от беспокойств, которые он от этого получает.

По этим причинам мы заявляем, объявляем, приказываем, повелеваем и нам угодно:

Чтобы во всех укрепленных местах, будь то города или замки, находящихся внутри нашего королевства и провинций и не расположенных в важных пунктах на границах или других важных местах, укрепления были снесены и разрушены; даже старые стены должны быть разрушены, сообразно с тем, насколько это будет признано необходимым для блага и спокойствия наших поддан-

ных и безопасности государства, так чтобы отныне наши подданные не могли опасаться, что названные укрепления доставят им какое-либо беспокойство, и чтобы мы были освобождены от расхода, который мы принуждены производить на гарнизоны.

21. УСМИРЕНИЕ ГУГЕНОТОВ

(Из «Мемуаров» кардинала Ришелье)
(1629 г.)

Покончив с этим затруднением [1], король позволяет герцогу де Рогану перевести общее собрание мятежников из Нима в Андюз, на что те едва согласились. Это собрание пожелало иметь сочувствие провинции Севен и Андюз; оно приняло к себе еще 6 депутатов от Нима и 6 от Андюз, и все вместе отправили депутацию ко двору. Сначала эти господа имели большие претензии: они намеревались сохранить свое положение [своих городов] в качестве маленьких республик, но необходимость заставила их подчиниться тому, на что они не согласились бы добровольно, хотя этого требовало благоразумие. Они были вынуждены принять мир не так, как они желали, но как было угодно дать его королю, и не в форме договора, как то они всегда делали в прошлом, но в виде прощения и милости. Прежде им оставляли укрепленные города; теперь король приказал их срыть все без всякого исключения укрепления тех городов, которые участвовали в мятеже, и сделать это за их счет собственными руками; это должно показать, что король желает иметь ту честь, чтобы воздвигнутое против его авторитета было разрушено самими же строителями. Некогда в местах, занятых этими несчастными, можно было служить богу только тайно, теперь они были обязаны восстановить церкви, допустить поразить идола Дагона, чтобы с триумфом бог вступил во все места, откуда его внешний культ был святотатственно изгнан. Некогда вожди мятежей получали видное положение, награды и огромные суммы не менее 40—50 тыс. экю. В этом случае герцог де Роган не только оставил Лангедок, но и королевство; едва ли ему давалась награда тем, что ему возвращали только его имущество и дали 100 тыс. экю, которые не составляли и половины стоимости разрушенных его построек и домов и опустошенных лесов. Надо еще заметить, что в других договорах на первом плане стоял частный интерес, тогда как в настоящем случае никогда герцог де Роган не узнал бы, что король пожелал пожаловать ему что-либо раньше, чем принял милость мира.

---

[1] В 1620 г. гугеноты подняли войну против короля, которая продолжалась около трех лет и кончилась миром в Монпелье. В 1625 г. гугеноты оказали сопротивление королевским повелениям, и Ришелье усмирил их силой оружия; это усмирение закончилось «эдиктом милости», о котором и говорит Ришелье в данном отрывке.

22. ЭДИКТ, ЗАПРЕЩАЮЩИЙ ПАРЛАМЕНТАМ ВМЕШИВАТЬСЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЛА И АДМИНИСТРАЦИЮ

(февраль 1641 г.)

... Мы, согласно с мнением нашего совета, по нашему определенному убеждению и в силу нашей королевской власти и авторитета, сказали и объявили, говорим и объявляем, что наш парижский парламент и прочие наши трибуналы были учреждены только для того, чтобы давать правосудие нашим подданным; мы делаем им строжайшие запрещения на будущее время не только брать в свое ведение какие-либо дела, подобные тем, которые выше названы, но вообще все дела, которые могут касаться государства, администрации и правительства; эти дела мы оставляем исключительно за нами и нашими преемниками, если только мы не дадим им нашими грамотами власти и специального поручения, сохраняя за собой право спрашивать мнение нашего парламента относительно государственных дел в тех случаях, когда мы сочтем это полезным для блага нашей службы.

IV. Мы повелеваем и желаем, чтобы эдикты и декларации, которые будут занесены в реестры по этой форме (в нашем присутствии и королевском заседании — lit de justice), были вполне исполняемы по их форме и содержанию, и запрещаем нашему парламенту и другим трибуналам оказывать какое-либо противодействие, не воспрещая, однако, нашим должностным лицам делать нам представления, которые они сочтут нужными, относительно выполнения эдиктов для блага нашей службы, после каковых представлений мы желаем и повелеваем, чтобы они повиновались нашим желаниям и исполняли эдикты согласно исправлению, которое будет сделано нашей властью, если мы это прикажем им.

V. Что касается эдиктов и деклараций, которые будут посланы им относительно правительства и администрации государства, то мы приказываем и предписываем им опубликовывать их и подвергать регистрации, никоим образом не разбирая и не обсуждая их; что касается эдиктов и деклараций относительно наших финансов, то мы желаем и повелеваем, чтобы, если, после того как они будут присланы им, встретится какое-либо затруднение при их регистрации, они возвращались для представления нам, чтобы мы могли сделать в них изменения, какие сочтем нужным, они же не будут иметь права вносить в них какие-либо изменения своей властью или же употреблять слова «мы не должны и не можем», что оскорбительно для авторитета государя.

VI. В том случае, когда мы найдем, что эдикты должны быть зарегистрированы и исполнены в той форме, в какой мы их послали им после того, как выслушали представления по этому поводу, мы желаем и повелеваем, чтобы по получении нашего при-

казания они приступили к проверке и регистрации, прервав все дела, если только мы не позволим им сделать вторые представления, после которых мы желаем, чтобы это было выполнено без всяких промедлений.

23. ДОНЕСЕНИЕ ИНТЕНДАНТА ЮСТИЦИИ ДЕ ВУАЙЕ Д'АРЖАНСОНА

(1 июня 1633 г.)

Краткое донесение о наиболее выдающихся делах, какие я совершил на королевской службе во исполнение поручений его величества, когда я был интендантом юстиции в провинциях Турени, Берри, Лимузене, Ангумуа, Ле-Марше и Оверни.

Я выехал из Парижа в августе 1632 г. и, проезжая через Тур, отдал приказание чинам президиала привлечь к суду маркиза де Тусси и его сообщников, согласно распоряжению, посланному им несколькими днями ранее.

Затем, проводив его высочество в Пуату, Ла-Марш и Лимузен до границы Оверни, я возвратился в Лимож, откуда написал чинам судов президиалов и сенешалам, а также вице-сенешалам и превотам этих провинций, чтобы иметь все сведения и возбудить судебное преследование против тех, кто держал сторону его высочества герцога Орлеанского или же помогал этой партии против службы его величества. В этом случае я не нашел ни одного факта, который мог бы служить поводом для справедливого приговора или привлечения кого-либо к суду, что заставило меня немедленно лично произвести следствие и распорядиться о производстве следствия по отношению к главным вождям смуты, которые собирали солдат.

По отношению к ним всем, а также другим дворянам и лицам низшего положения я, собрав достаточно доказательств, распорядился о взятии их под стражу, но не имея возможности взять их, конфисковал все их имущество и продолжал преследовать их по суду, за их неявкой, заочно со всей тщательностью, какую могут позволить неизбежные в подобных процедурах отсрочки, до 14 октября, когда де Шатонеф написал мне после того, как герцог Орлеанский снова вошел в милость его величества, чтобы я продолжал преследовать по суду сеньеров де Саннбеф и де ля Мот Терсан и что по отношению к другим я могу действовать не спеша, постоянно держа виновных в страхе.

Я воспользовался этим, и процессы названных сеньеров были почти подготовлены к заочному решению, но в это время господин де ля Вопо прислал мне письма его величества, де Шатонефа и де ля Врильера, написанные в Тулузе 30 октября 1632 г., в силу которых он приказывал мне не предпринимать ничего сверх следствия и суда как по отношению к названным сеньерам, так и к другим слугам герцога Орлеанского и не сносить построек сеньера де Саннбеф.

Это же распоряжение было взято обратно еще в ноябре его величеством, который, проезжая через Лимож, лично приказал мне не делать никакого зла всем, кто был против него, и продолжать только держать их под страхом. Это было выполнено так, что никто из них не осмелился возвратиться и жить в своем доме, и большинство их постоянно держалось при герцоге Орлеанском в Туре или в других местах до самого ухода его из королевства; за ним последовал сеньер де Саннбеф, единственный из всех виновных в провинциях, на которые распространялось мое поручение; остальные постарались скрыться, где могли, не решаясь возвратиться в свои дома, а некоторые представили мне прошения, в которых просили, чтобы его величеству было угодно простить им совершенные ими вины и позволить им жить в их домах, заявляя, что они не пожелали следовать за герцогом Орлеанским, который еще недалеко вышел за границы королевства, и обещали на будущее время постоянно пребывать в повиновении, коим они обязаны его величеству в качестве его подданных.

Я известил об этом де ля Врильера, который депешами его величества и своими от 12 декабря 1632 г. приказал мне продолжать судебное преследование против названного сеньера де Саннбеф и тех, кто недавно последовал за герцогом Орлеанским и ушел из королевства, а по отношению к оставшимся — принять их прошения, содержащие их объяснения, и отослать на рассмотрение пред его величеством в его совете в течение десяти недель, в течение какового времени все преследования по отношению к ним будут прекращены.

Во исполнение этого приказания, взятого обратно другой депешей де ля Врильера от 12 января, так как процесс названного сеньера де Саннбеф был закончен, я осудил его на смерть заочно в присутствии судебных чинов лиможского президиала; и в силу специального поручения его величества по этому поводу от 3 октября 1632 г., когда мне было приказано снести дома названного сеньера де Саннбеф, в какой бы провинции они ни находились, а также в силу решения моего высшего суда, постановившего то же самое, я велел приступить к полному снесению домов, принадлежащих названному сеньеру де Саннбеф...

24. ПОРУЧЕНИЕ, ДАННОЕ ИНТЕНДАНТУ ЮСТИЦИИ И ФИНАНСОВ ВИЛЛЬМОНТЕ

(31 марта 1637 г.)

Чтобы возможно раньше отпустить в деревню наши армии, позаботиться о безопасности наших пограничных местностей, угрожаемых вторжением, и позаботиться о возвращении сумм, назначенных для уплаты жалованья и содержания армиям, необходима нам скорая помощь деньгами, которые должны получить от объявленного нами в настоящем году займа с городов коро-

левства и от наших тальи, косвенных налогов, соляного налога [габели] и других обыкновенных налогов. Будучи хорошо осведомлены относительно того, что большинство мэров, прокуроров, синдиков и старшин городов и местечек под всякими предлогами и без всякого основания не прилагают заботы и старания, небходимые для обложения и для взимания названного займа, хотя это рекомендовалось посланной им нашей грамотой; [будучи осведомлены] также, что в некоторых провинциях, выборных округах и приходах жители злоупотребляют свободой, которую допускают некоторые заседатели и сборщики, не приступая к составлению росписи и распределению королевской тальи; кроме того, желая прекратить, насколько это нам возможно, жалобы наших подданных на обманы, тягости и притеснения, которым они подвергаются во время прохождения и постоя наших войск, а также на строгие принуждения и взыскания наших налогов и повинностей, что практикует большинство наших чиновников вопреки нашим ордонансам, и на некоторые другие обременения, от которых страдают наши подданные,— мы решили, что для ускорения поступления денег как от названного займа, так и от наших тальи, косвенных налогов и соляного налога и других обложений, и чтобы принять меры против злоупотреблений и беспорядков и гарантировать наших подданных от вымогательств, обременений и притеснений, от которых они страдают, будет целесообразным послать в каждую из наших провинций достойных и авторитетных лиц из первых людей наших советов с полномочиями интенданта юстиции, полиции и финансов.

Испания в XVI—XVII веках

Введение

Документы, посвященные Испании XVI—XVII вв., подразделяются на две группы: первая из них характеризует внешнюю политику испанской мировой державы в период ее наибольшего могущества и намечающегося упадка (документы 1—8), вторая посвящена внутреннему положению Испании (документы 9—14).

Характеризуя роль Испании в международной жизни того времени, учитель должен рассказать о той агрессивной политике, которую вел Филипп II в угоду паразитическому и хищному дворянству. Для этой цели могут быть использованы яркие факты, содержащиеся в отдельных документах.

Документ 1 рисует важнейшее событие международной жизни XVI в. — захват Филиппом португальского престола. В связи с этим можно отметить, что неожиданная смерть португальского короля Себастьяна, погибшего в предпринятой им африканской экспедиции, послужила для Филиппа II поводом, чтобы предъявить, в качестве родственника, свои претензии на престол Португалии. Значение этого события заключалось в том, что вместе с португальской короной Филипп становился обладателем обширнейших колониальных владений, и, таким образом, в его руках с этого момента сосредоточивались все вновь открытые земли, которые в конце XV в. были «поделены» между Испанией и Португалией [1]. Испания поистине превращалась в «мировую державу». Это неизбежно должно было обострить конфликт между Испанией и Англией.

При недостатке времени из текста документа можно выделить несколько строк, свидетельствующих, с какой варварской жестокостью был осуществлен захват португальской столицы. Комментируя документ, целесообразно отметить, что в данном случае бесчеловечную жестокость испанские дворяне-конкистадоры проявили уже в отношении своих единоверцев.

Письмо Елизаветы Английской Генриху IV может быть коротко резюмировано в рассказе учителя. При этом важно подчеркнуть, что в глазах европейских государей Испания времен Филиппа представлялась державой, стремящейся к мировому господству и лишь прикрывающей свои завоевательные планы ролью защитника католической церкви.

Документы 3—8 посвящены англо-испанским отношениям. Они показывают, как постепенно подтачивалось могущество Испании на морях и создавались предпосылки для победы Англии. Документы 3—8 могут быть предложены в качестве материала для небольшого доклада одному из учащихся. Первые три документа рассказывают о действиях английских мореплавателей, полукупцов-полупиратов, на свой страх и риск вторгавшихся в те воды, которые являлись испанской сферой. Жажда грабежа и наживы была основной пружиной их отваги и предприимчивости.

Затруднение может вызвать *документ 4*. Учащемуся следует пояснить, что в данном документе речь идет не только об угрозе со стороны английских моряков, но также и о том, что в 80-х годах XVI в. испанская корона уже была

---

[1] См. документ 9 в разделе «Великие географические открытия» в настоящем томе.

не в силах обеспечить безопасное плавание своих торговых судов в Атлантическом океане. Учащийся должен найти в данном документе указание на экономическую слабость Испании: относительную дороговизну товаров, сбыт которых по ту сторону океана встречал большие трудности.

Комментируя документ, говорящий о нападении на Кадис, можно указать, что это событие лишь одним годом отстоит от гибели «армады» и свидетельствует о решимости английских моряков завершить у берегов Европы борьбу с Испанией, начатую в дальних водах. Говоря о Дрейке, можно отметить, что этот морской разбойник был возведен Елизаветой в звание адмирала и удостоен высшего рыцарского отличия.

Документы 6 и *7* рисуют развязку, которой увенчалась англо-испанская борьба за преобладание на морях. Первый из этих двух документов показывает, насколько тесной была связь между Филиппом II и папой, и выявляет непосредственную заинтересованность папы в захватнических планах испанского короля. Строки этого документа, говорящие о готовности папы беззастенчиво распоряжаться судьбой Англии и Ирландии, о его желании превратить их в испанские провинции ради денег, которые папа этим путем рассчитывал извлечь,— стоит прочитать в классе, как образец самого откровенного цинизма, столь свойственного этому хищнику в папской тиаре.

Документ 8 относится к 1590 г. Он показывает, что после уничтожения военного флота Испании торговым испанским кораблям не оставалось ничего другого, как ускользать от преследования англичан, удлиняя свое плавание и прокладывая новый курс. Рассказ о внешней политике испанской короны следует тесно связать с характеристикой внутреннего состояния Испании в XVI в.

Учитель должен при этом показать, что речь идет о таком периоде, когда внешний блеск временных военных успехов уже не мог скрыть глубокого внутреннего упадка, который становится все более очевидным. При построении рассказа, покоящегося на использовании документов, опорой должны послужить высказывания Маркса об Испании.

Маркс яркими красками рисует картину, которую представляла собой испанская держава при Карле I: «То было время, когда Васко-Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дариена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; то было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Свобода Испании исчезала...но вокруг лились потоки золота, звенели мечи, и зловеще горело зарево костров инквизиции» [1].

Маркс показывает, что завоевания, порабощение беззащитных туземцев, военные успехи в самой Европе, наплыв заокеанского золота и жестокая внутренняя политика привели Испанию не к усилению, а к ослаблению, которое стало очевидным итогом правления Карла I: «...после царствования Карла I политический и социальный упадок Испании обнаруживал все позорные симптомы медленного разложения, напоминающие худшие времена Турецкой империи...»[2]. Это сравнение не является случайным. Маркс указывает, что «в других крупных государствах Европы абсолютная монархия выступает в качестве цивилизующего центра, в качестве основоположника национального единства» [3]. Подобной роли была совершенно лишена испанская абсолютная монархия XVI в.: «Таким образом, абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы, вообще должна быть приравнена к азиатским формам правления» [4].

Противопоставление Маркса говорит о том, что испанская абсолютная монархия не способствовала национальному единству и не сыграла той положительной роли, которую сыграли другие абсолютные монархии Европы. В этой связи необходимо подчеркнуть оценку, которую Маркс дает положению и участи испанских городов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 721.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 722.

«...в Испании аристократия приходила в упадок, не потеряв своих самых вредных привилегий, а города утратили свою средневековую мощь, не получив современного значения

Со времени установления абсолютной монархии эти города прозябали в состоянии непрерывного упадка»[1].

Документы 9—14 являются яркой иллюстрацией к этим высказываниям Маркса.

Документ 9 невелик и без труда может быть прочитан в классе. Он относится к правлению Карла I и свидетельствует о том, что привилегированные сословия считали себя свободными от каких бы то ни было тягот, являвшихся уделом «простого народа». В коротком выступлении дворянского представителя проявляется то беспредельное высокомерие, с которым испанские дворяне относились к горожанам и крестьянам, как к людям, которых, по их мнению, сам бог создал существами подчиненными. Этот документ отчетливо свидетельствует о том, до какой степени феодально-абсолютистское государство в Испании служило интересам господствующего класса, в полной мере пренебрегавшего нуждами всего остального населения страны. Испанские дворяне видели в ограблении заокеанских владений источник богатств, долгое время казавшийся неисчерпаемым. Это обусловливало равнодушие дворян-конкистадоров к развитию испанской национальной промышленности. Такое же равнодушие к нуждам и интересам промышленного развития страны проявляла и испанская монархия. В отличие от абсолютизма французского или английского, испанский абсолютизм был совершенно чужд каких-либо забот о промышленности, напротив, он делал ремесленников и купцов Испании объектом непомерного налогового обложения, тяжесть которого из года в год росла, становилась разорительной, тормозила и сковывала дальнейшее экономическое развитие страны.

Связывая агрессивную внешнюю политику испанской державы с ее внутренней политикой, учитель может указать, что дорого стоившие военные авантюры опустошали казну и заставляли короля обращаться к чрезвычайным мерам финансовой политики. Эти-то чрезвычайные меры, по существу бесплодные и обнаружившие экономический упадок Испании, отображены в *документе 10* и отчасти в *12*. Читать эти документы в классе нецелесообразно. Однако учитель может их обобщить, рассказав, как Филипп II, при помощи насилий и злоупотреблений пополнял свою казну.

Документ 14 и относящиеся к нему примечания дают яркую характеристику экономического упадка Испании. Использовать этот документ в классе нецелесообразно, однако его можно с успехом применить во внеклассной кружковой работе, как и всю группу документов 9—14. Дополнительный материал для характеристики Испании этого периода можно найти в романе Э. Ларетта «Слава дон Рамиро» (часть II, стр. 164—165). Документы 11 и 12 выясняют роль инквизиции, общую оценку которой учитель неизбежно должен дать в своем рассказе об Испании. Надпись на здании Севильского трибунала говорит о том, что 20 000 человек стало его жертвами с момента изгнания мусульман и евреев, то есть с 1492 по 1524 г. Таким образом, в одной только Севилье инквизицией осуждались и лишались своего достояния ежегодно в среднем 625 человек.

Данные документа 12 говорят о конкретных людях, ставших жертвами инквизиции. Документ этот можно использовать в кратких выдержках, в виде одного-двух иллюстративных примеров. Резюмируя содержание документа, учитель должен подчеркнуть, что жертвами инквизиции в конце XVI в. сплошь и рядом являлись скромные люди: ремесленники, торговцы, крестьяне, что предлогом для преследования мог оказаться любой, даже самый нелепый донос — обвинение в колдовстве, магии, сношениях с дьяволом, или подозрение в тайном соблюдении обрядов мусульманской либо еврейской религии. Инквизиция выполняла двоякую задачу: подавляла и душила малейшие проблески свободомыслия и в то же время являлась дополнительным средством ограбления тысяч тружеников, имущество и сбережения которых, независимо от степени

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 721.

вины и приговора, конфисковывались в казну и, подобно налоговым суммам и заокеанским доходам, растрачивались в угоду знати и дворянству. Документ 13 может быть привлечен как свидетельство того непримиримо враждебного отношения, которое деспотическая испанская монархия встречала в отдельных провинциях со стороны основной массы населения.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X («Революционная Испания», очерк I); т. XI, ч. 2 («Армада»); К. Маркс, Хронологические выписки, т. VII («Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 88–94, 101—104, 129—134, 161—164, 293—298, 315—336).

Документы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 13 переведены А. Д. Эпштейном. Документ 9 взят из книги проф. В. К. Пискорского «История Испании и Португалии». Документ 11 взят из книги Э. Льоренте «Критическая история испанской инквизиции». Документ 14 переведен проф. С. Д. Сказкиным.

Введение написано А. Д. Эпштейном.

А. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСПАНСКОЙ ДЕРЖАВЫ

1. ЗАХВАТ ЛИССАБОНА ИСПАНЦАМИ

(Письмо из Лиссабона от 1 сентября 1580 г., полученное фирмой Фуггер от своего агента).

Виной тому, что я давно уже не писал,— война и связанные с нею беспорядки, которые были тут у нас. 25 августа герцог Альба покорил Лиссабон силой меча. Ходит слух, что со стороны португальцев пало 3 тыс. человек, часть которых я лично видел на другой день после битвы. Мертвецы валялись друг на друге подобно свиньям. Я вышел на осмотр поля битвы вместе со свитой графа де Лодрон, расположившегося у нас в доме. Все улички завалены трупами людей и лошадей, так что мы должны были ходить по ним, как по мосту. Некоторые были еще живы, время от времени среди груды тел подымалась то рука, то нога, то голова. В общей сложности это было ужасное зрелище. Пригород, который втрое больше самого города, предавался разграблению день за днем в течение трех суток. Забиралось все. Не оставляли даже гвоздя в стене. Войска, однако, не вошли в город, так как герцог Альба издал на то суровое распоряжение. Войска еще продолжают оставаться под городом. Нам, слава господу, не причинили никакого ущерба.

Четыре дня назад сюда пришло 5 кораблей из Индии. Должен был прибыть еще один корабль, который в этом же году отправился в португальскую Индию. Он, однако, повернул назад. Никто не знает, где находятся корабли, высланные навстречу этому флоту.

2. ОЦЕНКА ИСПАНСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕЛИЗАВЕТОЮ АНГЛИЙСКОЙ

(Из письма Елизаветы Английской Генриху IV)

Долголетние религиозные войны, которые велись во Франции, создавали благоприятный предлог для вмешательства Филиппа II во внутренние дела Франции. В качестве ревностного защитника католической религии Филипп II оказывал поддержку ослабленной королевской власти, а затем «католической лиге» в их борьбе против гугенотов.

Постепенно подчиняя их своему влиянию, он стремился поставить Францию в прямую зависимость от испанской монархии. Генрих IV, придя к власти, свою борьбу за единство и независимость Франции неизбежно должен был начать с изгнания испанских отрядов. Именно к этому моменту и относится приводимое ниже письмо английской королевы Елизаветы. Предлагая Генриху IV свою помощь против Испании, Елизавета дает общую оценку всей внешней политике Испании.

Союз Филиппа II с папою имеет целью восстановить власть Рима во всех христианских государствах. Испанский король, который уже давно задумал всемирную монархию, хочет благодаря союзу с папою достичь апогея задуманного им могущества,

прикрываясь при этом заботою о восстановлении папской власти и единства церкви.

Франция является театром, в котором разыгрывается политическая трагедия. Лига [католическая] поддерживается испанскими деньгами,— таковы последствия союза папы с государями, принявшими на себя защиту римского первосвященника.

Последствия эти начались во Франции, но распространяются и на все другие европейские государства, если только бог допустит это. Все христианские государи должны поэтому быть заинтересованы в данном вопросе. Они не захотят оставаться праздными зрителями борьбы, успешный исход которой будет иметь всеобщее значение.

Лучше всего обдумать меры к общему тесному союзу и обнаружить по крайней мере такое согласие и такую взаимную связь для охраны нашей политической независимости, которые не уступали бы согласию и союзной связи папы, испанского короля и их союзников, соединившихся с целью погубить нас.

3. МОРСКОЙ РАЗБОЙ АНГЛИЧАН

(Сообщение из Севильи от 21 января 1569 г.)

Из Виго в Галисии прибыло несколько писем, в которых содержится следующее. В минувшем году один англичанин отправился с восемью хорошо оснащенными кораблями из Англии в Гвинею, в морскую сферу короля Португалии. Променяв свои товары на 15 сотен чернокожих, он с этими [невольниками] на борту взял курс к берегам Новой Испании. Чтобы проделать все без противодействия и по своему усмотрению, невдалеке от Вера Крус, в котором испанский флот всегда разгружается и производит погрузку, он занял небольшой островок Сан Хуан де Луа, мимо которого постоянно вынужден проходить испанский флот. Там он преградил воды кораблями и орудиями с таким расчетом, чтобы испанский флот, состоявший из 30 кораблей, вскоре затем прибывший, не мог без его согласия войти в гавань Вера Крус. Испанский генерал был вынужден заключить с упомянутым англичанином договор, по которому этот последний получал возможность свободно распродать своих чернокожих и увезти с собою вырученные деньги. Все это было указано в договорной грамоте, и каждый дал другому по 12 заложников. По истечении немногих дней испанский генерал, вошедший в гавань Вера Крус, сочтя договор несправедливым или гневаясь на насильственные действия англичанина, нарушил этот договор, но не открыто и гласно, а тайно, на деле. По его указанию и скрытно семь старых кораблей были зажжены, выпущены из гавани и направлены в сторону английских судов. Подобным образом намеревались сжечь все английские корабли с их капитанами. Однако, когда англичанин заметил это и понял обман, он рассердился и поступил с прочими

испанскими кораблями так, что четыре из них он отправил ко дну. При этом его собственные корабли не потерпели ни малейшего ущерба. С 12 испанскими заложниками на борту он взял курс к берегам родины. На обратном пути буря рассеяла его корабли, и он на единственном корабле, терпя бедствия и недостаток в пище, добрался до Виго. Он не смог бы далее продержаться на море и трех дней! Там [в Виго] он обеспечил себя всем необходимым и направился в Англию. Неизвестно, где остальные его корабли и какова их участь.

4. ДУРНЫЕ ВРЕМЕНА В НОВОЙ ИСПАНИИ

(Сообщение из Мексико от 15 марта 1586 г.)

Вчера прибыл корабль из Новой Испании, ушедший оттуда 1 марта.

25 февраля корабль с тремя стами людьми и всевозможным оружием отплыл из Новой Испании в Гавану. Те, кто до этого прибыл из Гаванны, сообщают, что страна пришла в упадок и там нет никакого спроса на товары. Купцы вынуждены там сбавлять 20 процентов и то немногое, что продают, уступать в долг. О прибытии флота пишут по-разному: одни говорят да, другие — нет. Прибудет ли он, или нет — он доставит мало денег. Товары в Испании стоят дороже, чем здесь. То, что здесь может быть продано, приходится отдавать в кредит. Один из тех трехсот человек, которые ездили в Гаванну,сообщает на основании надежных источников, что английские морские разбойники прибыли в Гондурас и захватили там Порто Канарос, который является там важнейшим городом.Они вывели оттуда корабли, в числе которых был один водоизмещением в 300 тонн. Считают вероятным, что морской разбойник направится в Кампехе и посетит все побережье. Он задержится, чтобы посмотреть, не удастся ли заполучить флот, ушедший из Новой Испании. Поэтому опасаются, что этот флот не сумеет возвратиться. Вот все, что известно.Это самое безнадежное для торговли известие, какое только может быть. Пишут, что наш вице-король Перу находится в Труксилло и близок к смерти.

5. НАПАДЕНИЕ АНГЛИЧАН НА КАДИКС

(Донесение фирме Фуггер из Венеции
22 мая 1587 г.)

5-го сего месяца мы получили письмо из Мадрида, гласящее, что, по сообщениям из Севильи от 30 апреля, английский корсар Дрейк со ста кораблями напал на Кадикс. При этом он располагал хорошо вооруженными галионами. Нападавшие захватили стоявшую в этом порту королевскую армаду, которая насчитывала 22 корабля и галионы. Снаряжение и прочие вещи они предали огню, так как не могли вести с собой кораблей. Люди, нахо-

дившиеся в составе команд испанских кораблей, по большей части заблаговременно бежали на сушу. Эти корабли представляли собой нерв всей армады. Дай бог, чтобы индийская флотилия армады не попалась в их руки, ибо следует опасаться, что Дрейк станет ее подстерегать.

Тогда на море не останется никакого флота, способного противостоять Англии.

6. ПАПА ЖАЛУЕТ ФИЛИППУ II КОРОНУ АНГЛИИ И ИРЛАНДИИ

(Из Зальцбурга от 14 июля 1588 г.)

Война поворачивается лицом к Англии, и из мирных попыток не получается ничего. Его папское святейшество в присутствии моего милостивейшего господина Зальцбургского архиепископа в Ватикане повелел публично огласить буллу. В этой булле английская королева [Елизавета] в качестве давно осужденной еретички лишается своего королевства, страны и подданных. Эти подданные, какого бы сословия они ни были, освобождаются от присяги, в силу которой они несут свои обязанности верноподданных.

Папа лишает Елизавету всех доныне ей принадлежавших титулов, отрешает ее от почестей и передает их все целиком королю Испании. Этот последний должен отныне в качестве законного, избранного и утвержденного короля Ирландии, в качестве защитника католической веры править в этой стране. Он должен победить королеву и стремиться подчинить себе ее страну и людей. Его святейшество публично провозгласил его величество [Филиппа II] королем Испании, Англии и Ирландии и хочет даровать ему этот титул на вечные времена, однако, с условием, чтобы его величество, получив эти провинции [Англию и Ирландию], подобно неаполитанскому королю, повинен был давать римскому престолу определенную ежегодную пенсию. Чтобы его величество мог это сделать легчайшим образом, его святейшество отпустил в виде вспомоществования один миллион крон. Половина дается к моменту ныне предстоящего отплытия армады, а вторая будет выплачена, как только пехота его величества высадится в Англии и захватит там какую-либо из известных гаваней.

7. ГИБЕЛЬ «ВЕЛИКОЙ АРМАДЫ»

(Сообщение из Англии о «Великой армаде», полученное 19 ноября 1588 г. в Аугсбурге из Гамбурга)

Армада короля Испании отплыла от португальских берегов в составе 135 парусов, в том числе: 4 галер из Неаполя, 4 португальских галионов, 44 венецианских кораблей и т. п.

5 июля армада достигла Коруньи и оттуда должна была направиться во Фландрию на соединение с силами герцога Парм-

ского[1], чтобы затем напасть на Англию. Английская армада стояла в то время в Плимуте.

Когда через 8 дней армада вышла из Коруньи, она направилась в Остенде, а затем к берегам Англии, где она от 4 до 5 дней сражалась с английской армадой. В этом сражении англичанам досталось два судна. На одном из них находился дон Педро ди Мендоза, который в качестве пленного был отправлен в Англию. Благодаря непогоде были потеряны 4 португальских галиона, оставшихся у французского берега.

Тогда корабли поплыли дальше и бросили якорь у Кале, так как они не могли больше пройти к Дюнкерку.

В Кале они хотели дождаться герцога Пармского. Последний дал, однако, знать, что он не сможет прибыть раньше чем через 8 дней. Адмирал ответил, что он желает плыть обратно в Испанию. Между тем англичане пустили навстречу армаде несколько горящих кораблей, что заставило испанцев обрубить якорные цепи и поспешить в открытое море. К тому времени каждый корабль оставил по два якоря на мели, а четыре крупнейшие галеры потерпели аварию и сломались под Кале.

На следующий день к 8 часам обе армады столкнулись снова и вели в течение 8 часов сильную перестрелку. В этой битве испанцы потеряли 4 корабля: две португальские галеры, один корабль из Бискайи и еще один. Все четыре пошли ко дну. Три больших венецианских корабля остались у берегов Фландрии под большой угрозой затопления. Из них два корабля достались жителям Флиссингена, а третий затонул. На одном находился начальник гарнизона Севильи. Как передают пленные, испанцы потеряли в битве при Кале 4 тыс. человек, в том числе начальника кавалерии севильской и неаполитанской.

К этому моменту испанцы еще должны были иметь 120 кораблей, хотя некоторые лица насчитывали только 110.

Большого галиона, посланного герцогом Флорентинским, после этой битвы никто не видел. Вслед за этим корабли отступили, и англичане в течение пяти дней гнали их вплоть до берегов Шотландии. Там испанцы пересчитали своих солдат и убедились в том, что потеряли уже 8 тыс. человек. Они были частью убиты, частью же погибли вследствие болезней.

Оттуда, не пополняя запасов провизии, армада направилась к Ирландии. Там снова погибло два корабля: один назывался «Св. Себастьян», а другой «Св. Матвей», на обоих было 465 человек.

Так как на кораблях испытывался острый недостаток пресной воды, пришлось у берегов Ирландии выбросить за борт много лошадей и мулов. Когда корабли отплыли от Ирландии, главноначальствующий герцог де Медина Сидония приказал всем капитанам держать курс на Корунью или на другую ближайшую испанскую гавань.

---

[1] Александр Фарнезе, герцог Пармский, был в то время испанским наместником (штатгальтером) в Нидерландах.

В течение 10 дней все корабли плыли вместе. Потом, вследствие непогоды, герцог Сидония с двадцатью семью кораблями отстал, и было неизвестно, где он находится. Когда армада последний раз находилась вся вместе, в ней было не свыше 78 кораблей. Из больших галер не оставалось ни одной. Два корабля герцога Сидония сели на мель. Лишь 3—4 человека из его отряда спаслись. Они рассказывали, что адмирал имеет лишь 25 бочек вина, мало хлеба и совершенно не имеет воды. Его мачты ослабели и не позволяли натянуть все паруса. 10 сентября большой корабль «Мария-делла-Роза» был выброшен на берег Ирландии. На нем находился полковник Мигэль Оквендо — начальник одной из частей этого флота. Был на нем также и принц Асколи, побочный сын испанского короля, двадцативосьмилетний юноша. Кроме того, на нем было 10 знатных господ, 7 капитанов и 500 солдат. Все они погибли. Спасся лишь один человек, который доплыл, уцепившись за бревно. На этом корабле было 50 пушек и 25 других металлических орудий, а также 15 тыс. дукатов — серебряные реалы и золото.

В тот же день два больших корабля были прибиты к берегам Ирландии. На них было 850 человек, из коих 700 погибло, остальные взяты в плен.

Эти корабли разбились о берег. 12 сентября был выброшен на берег еще один большой корабль. 13 дворян, плывших на этом корабле, были пойманы, а 400 человек спаслись на суше. С другого корабля было снято 78 трупов. На следующем корабле были взяты в плен 3 дворянина, епископ и 79 солдат. Остальные погибли.

17 сентября погибло два больших корабля: «Св. Иоганн» и «Св. Мартин». Адмиралом был де Рикардо, и его корабль был едва ли не самым большим во всем флоте. На нем было 800 солдат, 60 португальских и 40 бискайских моряков. Все они уже в течение 4 дней ничего не ели.

Потом погиб еще галион, на котором находились маркиз и старый гарнизон Неаполя и Севильи. Там были также дон Алонзо де Лайба, Местре де Кампо — начальник миланской кавалерии. 18 сентября из Ирландии пришло известие, что волны выбрасывают на берег много мертвых тел.

8. ЗОЛОТО ИЗ НОВОЙ ИСПАНИИ

(Сообщение из Венеции от 12 января 1590 г.)

Нам сообщают из Лиона, что, по сведениям из Лиссабона, 18 декабря истекшего года в Севилью вошла флотилия, прибывшая из Новой Испании с 8 млн. золота.

В ближайшем будущем ожидается еще больше кораблей, которые вследствие непогоды были вынуждены задержаться. Они доставят 4 млн. Причиной позднего прибытия первых кораблей является то обстоятельство, что они держали путь несколькими градусами выше, чем обычно, пытаясь таким образом избежать

встречи с английскими корсарами, которые их ожидали на обычном градусе. По той же причине и остальные суда избрали другой [не обычный] курс.

Б. ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ ИСПАНИИ

9. ИЗ РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ДВОРЯНСТВА НА КОРТЕСАХ 1538 г.

О проекте введения налога на предметы потребления

Его величество может своими подарками и милостями обогатить человека и сделать его очень знатным,— но, несмотря на свое могущество, его величество не может превратить в идальго того человека, которого бог создал иным; а одна из отличительных особенностей идальгии заключается в освобождении от уплаты податей.

10. ИСПАНСКАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

а) Конфискация золота, принадлежащего частным лицам и компаниям

(Донесение фирме Фуггер из Лиона от 19 сентября 1596 г.)

Король Филипп Испанский хочет наложить запрещение на принадлежащие частным лицам доли золота и серебра, которые незадолго перед этим доставил флот, с тем, чтобы все это оставить за собой. Речь идет почти о 10 млн., согласно приводимому ниже расчету. Это дело многим принесет ущерб.

Расчет того, что причитается каждому отдельному лицу из сокровищ, доставленных флотом, на которые посягает король, таков:

	Млн. дукатов
Мальвенда	1,7
Суарес	1,05
Амброджио Спинола	0,4
Николо Форнари	0,6
Николо Дориа	1,0
Синибальдо Фиеско, Джиованни Баттиста Гвидетти	0,8
Симоне Луичче, Алессандро Саули	0,5
Баттиста Серра	0,5
Фуггерам	2,0
Обещано Фуггерам за фландрский долг	1,3

Сумма: 9 млн. 800 тыс. дукатов.

б) Запрещение вывозить золото и серебро из Испании

(Донесение фирме Фуггер из Венеции от 13 декабря 1596 г.)

Король испанский строго повелел, чтобы из его королевства впредь не вывозилось ни золото, ни серебро и чтобы эти благородные металлы не были предметом торговли. Он поставил в известность, что это золото (будучи вывезенным из страны) чеканят другие государи и извлекают для себя из этого большую выгоду. За левантийские товары также высылается большая сумма золотом, которая может стать достоянием турецкого султана. Как кажется,

его величеством принято твердое решение снарядить флот за счет тех 4 или 5 млн. золотом, которые ежегодно выплачиваются купцами в качестве процентов. Благодаря этому его [короля] векселя будут редко сбываться, и последуют банкротства, так как деньги [кредит] очень ценятся среди купцов.

в) Филипп II домогается займа у португальских купцов

(Письмо из Рима от 25 января 1597 г.)

Последние письма из Испании сообщают, что король просил у некоторых португальских купцов ссудить ему во Фландрию четыре миллиона. Они выразили готовность удовлетворить его величество, но на следующих четырех условиях:

1) чтобы его величество уплатил те суммы, которые он должен;

2) чтобы из упомянутого нового займа они удержали за собою $1/3$ в счет своих [старых] претензий;

3) чтобы им было предоставлено право свободной торговли в Индии;

4) чтобы его величество принимал все сорта испанской монеты в качестве платежного средства.

Однако это очень не нравится его величеству, и он рассматривает все это как слишком невыгодные условия займа.

г) Злоупотребления во взаимоотношениях королевской казны с купцами

(Письмо из Венеции от 31 января 1597 г.)

Последние сообщения из Испании выясняют, что после ревизии купеческих книг [бухгалтерских] установлено, что его величество им [купцам] ничего не должен, они же, напротив, должны королю ввиду тех займов, которые были ими взяты 20 лет тому назад. Это должно быть напечатано, дабы стало ясно, что его величество не склонен посягать на чужое добро.

Несмотря на это, господа Амброзио Спинола, Биккомелио и Мальвенда ежедневно просят при дворе о снисхождении, что легко может воспоследовать, если они уплатят кардиналу Австрийскому 2 млн. золотом в конце марта и столько же в мае с добавлением 6% за рассрочку.

Письма из Генуи от 15 декабря сообщают, что в связи с вышеизложенным делом господа Франческо Марино и Франческо Серра направились во Фландрию, чтобы иметь возможность ссудить двору 3 млн.

д) Новое запрещение вывоза серебряной монеты

(Письмо из Рима от 29 марта 1597 г.)

Из Мадрида от 4-го сего месяца сообщают, что король опубликовал распоряжение, запрещающее вывоз серебряной монеты из

королевства. Кроме того, он велел, чтобы реалы, которые до сего времени ценились в 30 мараведи, шли таперь по курсу 40 мараведи за один реал.

е) Филипп III нуждается в деньгах

(Письмо из Мадрида от 20 ноября 1598 г.)

Новый король Испании 8-го числа сего месяца торжественно ознаменовал свое восшествие на престол в Сент-Иерониме, неподалеку отсюда. Он со своими кавалерами шел под балдахином, который несли 20 человек. При этом можно было видеть очень много золота, драгоценных камней и серебра. Теперь король собирается отправиться вместе с сестрой и престарелой королевой в Барселону. Эта поездка должна состояться в декабре. Но этому мешает сильный недостаток в деньгах. Так как в январе ожидается прибытие флота с золотом и серебром, его величество поручил договориться с придворными поставщиками о займе в четыреста тысяч дукатов, который будет затем в разные сроки покрыт платежами во Фландрии.

ж) Сдача в аренду испанской почты

(Письмо из Рима от 16 июля 1599 г.)

Господин Таксис, оберпочтмейстер Испании, решил сдать управление почтой господину Говето, одному генуэзцу, за 9 тысяч крон в год. При этом, как говорят, он выгадает 3 тыс. крон чистого дохода

11. НАДПИСЬ НА ЗДАНИИ СЕВИЛЬСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ (1524 г.)

В 1481 г. при папе Сиксте IV[1], в царствование Фердинанда V и Изабеллы, католических королей Испании и обеих Сицилий, здесь получил начало священный трибунал инквизиции против иудействующих еретиков для возвышения веры. Со времени изгнания евреев и сарацин до 1524 г., в царствование Карла, римского императора, наследника по матери этих двух католических королей, и в правление этим трибуналом веры преподобнейшего господина Альфонса Манрике, архиепископа севильского, двадцать тысяч еретиков и более отреклись от гнусного преступления ереси, и почти тысяча человек,упорных в своей ереси, после предварительного суда были преданы пламени и сожжены, с согласия и одобрения Иннокентия VIII, Александра VI, Пия III, Юлия II, Льва X, Адриана VI (который получил верховное преосвященничество, будучи кардиналом, правителем Испании и главным инквизитором) и Климента VII.

[1] Сикст IV был папою с 1471 по 1484 г.

По повелению и за счет нашего владыки императора [эта надпись] поставлена здесь по приказанию лиценциата де ла Куэва под руководством Диэго из Картахены, архидиакона Севильи, в 1524 г.

12. АУТО-ДА-ФЕ В СЕВИЛЬЕ

(Отчет о лицах, которые были названы в числе покаявшихся на публичном ауто-да-фе, проведенном святым судилищем или инквизицией в Севилье в воскресенье 3 мая 1579 г.)

Во-первых: Орбриан, фламандец, проживающий в Херес де-ла-Фронтера, по профессии переплетчик, 30 лет. Он сжег некоторые картины вместе с изображением господа нашего Иисуса Христа и других святых и вообще исповедовал лютерово учение, считая его хорошим. Он, кроме того, осмелился учить других. Он выказал себя упрямым, а потому был проклят и передан представителям светского суда для сожжения живым с конфискацией его имущества, движимого и недвижимого.

Во-вторых: Хуана де Перес, португалка, женщина 40 лет, проживающая в Риамонто. Она придерживалась иудейской веры и сохраняла ее в течение многих лет, соблюдая все ее предписания и церемонии, и вводила этим в соблазн других. Она исповедовалась и примирилась с церковью. Она наказывается отлучением и вечным тюремным заключением. Ее движимое и недвижимое имущество конфискуется.

В-третьих: Хуан де Колор, чернокожий, из Рафео, раб Хуана де ля Ромо, 25 лет. Он позорил имя святой девы и других святых, когда эти имена назывались в его присутствии. Он презирал также знамения. Он причастился и наказывается отлучением и двумя годами тюремного заключения. По истечении таковых он снова должен быть возвращен к своему господину.

В-четвертых: Гинос Рарос, англичанин, оружейник из Гренады, 40 лет. Он, по примеру Хуана Алквина, сеял рознь среди христиан и вел себя на море и на суше по обычаям, принятым у лютеран. Он примирился с церковью и наказывается отлучением и пожизненным тюремным заключением. Первые 12 лет он должен отбыть на галерах и работать за веслом.

В-пятых: Фернандо Мориско, 22 лет. Он бежал с галер к берберам и изменил своей святой вере. Вопреки господним заветам он грабил, находясь на пиратском галионе, и пойман как корсар. Он причастился и наказывается пожизненной тюрьмой. Первые годы он отбудет на галерах.

В-шестых: Иоганна Макоццо, девушка, прислужница по уходу за больными в женском монастыре в Севилье. Она утверждала, что видела призрак и проделки нечистого и вследствие этого уверовала в некоторые вещи, противоречащие нашей святой католической вере. Так как она сомневалась, она допущена к покаянию, и отлучение с нее снято. Она должна два года пребывать

там, куда ее пошлют, и в течение первого года поститься по пятницам.

В-седьмых: Луис Морино вместе с другими хотел уехать к берберам, но раскаялся. Он наказывается четырьмя годами тюрьмы. Он должен быть наставлен в делах веры и подвергнуться ста ударам розгами.

В-восьмых: Альфонсо Мориско из королевства Гренады. То же преступление, та же кара.

В-девятых: Форрор Моро, раб Хуана Маттиаса, подстрекал названных выше. Наказывается ста ударами розог.

В-десятых: Томас Моро. То же преступление, та же кара.

В-одиннадцатых: Мария, девушка, дочь Хуаны де Перес. Она вслед за некоторыми лицами восприняла еврейские обряды. Она приговорена к покаянию и должна шесть лет находиться в тюрьме.

В-двенадцатых: Лоренцо Мартин, 30 лет. Он сказал, что исповедоваться надо только перед богом и что смешно исповедоваться перед священником. Он говорил также, что вера и проповедь христиан и мавров одинакова. На него наложено покаяние, и он должен три месяца просидеть взаперти.

В-тринадцатых: Хуан Коринео — мориск. Хотел уехать в Берберию. Наказывается ста ударами розог.

В-четырнадцатых: Брат Хуан де Спиноза из ордена святой троицы. Читал обедню и выслушивал исповедь, не будучи посвященным. На него налагается покаяние, и он должен провести шесть лет взаперти в монастыре своего ордена. Впредь и на вечные времена он лишается права быть посвященным.

В-пятнадцатых: Хуан де Монтис, мавр, дважды состоял в браке. Сто ударов розгами и 10 лет на галерах...

В-двадцать шестых: Диего де Роблоц тяжело хулил господа. Сто ударов розгами и три года на галерах.

В-тридцать первых: баккалавр, Андреас Перес, священник в храме спасителя в Севилье. Ввиду различных проступков, ввиду его занятий некроманией и того, что он вызывал дьявола, подвергается церковному покаянию и на год исключается из ордена проповедников [доминиканцев].

В-тридцать вторых: Андреас Консено, крестьянин, сказал, что перед священниками не следует исповедоваться в тяжких грехах, ибо они люди такие же, как и он. На публичном ауто он должен покаяться и получить сто ударов розгами.

13. ВОССТАНИЕ В САРАГОССЕ

В 1591 г. в Сарагоссе, дрѐвней столице арагонских королей, вспыхнуло восстание. Оно назрело вследствие политики Филиппа II, не считавшейся со старинными вольностями Арагона, его автономией и порядками. Представителями деспотической власти Филиппа II были его ставленники — вице-короли Арагона, которых народ ненавидел и называл чужестранцами.

Административный и финансовый гнет, королевский произвол вызвали оппозицию в широких кругах местного дворянства и буржуазии. Эта оппозиция обострялась национальной рознью и репрессиями со стороны инквизиции.

Поводом к восстанию послужило то, что в Арагон, под защиту его «фуэрос» бежал опальный министр и секретарь Филиппа II Антонио Перес. Арагонские власти отказались выдать королю беглеца и заставили его предстать перед верховным судом Арагона. Суд склонялся к тому, чтобы признать невиновность Переса, но зато сделал достоянием гласности многие темные стороны королевской политики. Филипп II решил не доводить дела до оправдательного приговора и прекратить разоблачения, подрывавшие его авторитет. По королевскому приказу обвиняемый был переведен из тюрьмы в застенки инквизиции. Этим путем публичный процесс обрывался, и Перес становился жертвой инквизиции, которая вела дела тайно, вне контроля светских властей. Перевод Переса из тюрьмы и его передача в руки инквизиции (по вымышленному обвинению в преступлении против веры) послужили сигналом к народному восстанию.

ПИСЬМО ИЗ САРАГОССЫ ОТ 15 МАЯ 1591 г.

У нас опять мало хорошего. Сегодня Антонио Переса, королевского секретаря, взяли из тюрьмы и передали инквизиции. В ответ на это поднялся весь город. Все взялись за оружие с возгласами «Свобода!». Собралось более 6 тыс. вооруженных граждан. Все они сошлись у дома графа де Альменора, сорвали ворота, и оказалось нужным сдержать гнев толпы. Это сделали представители арагонской юстиции. Они вывели графа из его дома и увели пешком. Народ ринулся вслед за ним, так что приходится удивляться, что они его не разорвали на куски. В этой страшной сумятице граф получил две раны. Он был отвезен в тюрьму при громких криках народа, называвшего его предателем и требовавшего его казни. Затем весь народ кинулся к инквизиции и потребовал освобождения Антонио Переса, крича, что в противном случае он уничтожит инквизицию. При этом было убито двое слуг инквизиции, стрелявших в народ. Восстание длилось до тех пор, пока вице-король и архиепископ не распорядились снова перевести секретаря в тюрьму. Там он пока и остается, и это несколько укротило гнев в народе.

Архиепископ находился в большой опасности, ибо, хотя некоторые графы и дворяне явились, чтобы его успокоить, его жизнь была не в безопасности. Я стоял с распятием подле него и видел, как тяжко отзывались на нем эти события. Мы хотели пойти в собор, чтобы взять святое причастие и тем смягчить народное неистовство.

Но приходилось опасаться, как бы не убили архиепископа и нас, так как двух архиепископских слуг, посланных в собор, забросали камнями.

КАЗНИ В САРАГОССЕ

Волнения в Сарагоссе вызвали недовольство в Мадриде. По королевскому приказу Антонио Переса снова под сильным конвоем препроводили в здание инквизиции. Но во время переезда арестованного сторонники арагонской независимости ударили в набат, и сбежавшаяся толпа отбила Переса у конвоиров. Повторились

снова бурные манифестации. В Сарагоссе стали выходить памфлеты, высмеивавшие Филиппа II и призывавшие к освобождению Арагона. Наконец король двинул против Арагона сильное кастильское войско. Верховный судья Арагона, дон Хуан де Луна, признал такой шаг короля беззаконием, нарушающим конституцию королевства и старинные вольности Арагона. Он и его единомышленники стали деятельно готовиться к отпору, призывая весь арагонский народ защищать оружием свои вольности. Однако попытки поднять народные массы на борьбу не увенчались успехом. Широкие массы арагонского крестьянства остались безучастными к этой борьбе, считая ее делом богачей, «ricos hombros». Собственноручное письмо короля вменяло в обязанность начальнику кастильской армии казнить виновников восстания.

ПИСЬМО КОРОЛЯ ФИЛИППА II ГЕНЕРАЛУ ВАРГАСУ, КОМАНДУЮЩЕМУ КАСТИЛЬСКОЙ АРМИЕЙ

По получении этого письма приказываю вам арестовать дона Хуана де Луна, и я должен узнать о его смерти одновременно с известием об его аресте. Немедленно велите ему отсечь голову, причем глашатай должен кричать: «Таково правосудие, которое приказал наш государь совершить над этим рыцарем за то, что он возмутил королевство и поднял знамя против своего короля. Всякий, кто поступит так, будет наказан подобным же образом».

ПИСЬМО ИЗ САРАГОССЫ ОТ 11 НОЯБРЯ 1592 г.

19 октября в 3 часа пополудни здесь предали казни: Хуана де Луна, дона Диего де Хередиа, Франциско де Айербе, Дионисио Перес де Сан Хуан и Педро де Фуердес.

По старому обычаю их сначала возили по Сарагоссе на конях: дона Диего и дона Франциско, одетых в черную шерстяную траурную одежду и длинные плащи, их кони также были завешены черными покрывалами поверх седел.

Так же были одеты и Айербе и Дионисио Перес, но кони их были без покрывал. Дона Педро де Фуердес перед этим таскали на связке соломы. На рыночной площади соорудили деревянный помост с небольшим возвышением посередине, перед которым предаваемые казни должны были стоять на коленях. Весь помост был обтянут черным сукном. Дону Хуану де Луна отрубили голову ударом спереди, дону Диего — ударом сзади. Двум другим перерезали горло и бросили на помост, на котором они, корчась, агонизировали и умерли. Дона Педро де Фуердес удавили веревкой. Когда он был мертв, его четвертовали на помосте, и все четыре части тела затем вывесили на разных улицах Сарагоссы. Голову дона Хуана де Луна водрузили над королевским домом, голову дона Диего — над городскими воротами, голову Франциска де Айербе—у тюрьмы, так как он вывел оттуда силой Антонио Переса. Голову Педро де Фуердес поместили у городских ворот.

На следующий день, 20-го, на упомянутой рыночной площади состоялся допрос, учиненный инквизицией. Он длился с 7 часов утра до 8 часов вечера. Перед инквизицией предстало 8 человек, которые были приговорены к смерти за участие в восстании. Их казнили 24-го. Во время допроса был выставлен портрет Антонио Переса и предан затем, наряду с другими, сожжению по обвинению Переса в ереси и безнравственности. Помимо этого, от 20 до 25 человек было удалено из города, наказано розгами и сослано на галеры.

14. УПАДОК ИСПАНИИ В КОНЦЕ XVI И НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Из сочинения испанского экономиста дона Херонимо де Устарица «Теория и практика торговли и мореплавания».

Сочинение знаменитого испанского меркантилиста Устарица было напечатано впервые в Мадриде в 1724 г. В нем, подводя печальные итоги экономическому и политическому упадку Испании, ставшему явным с конца XVI в., автор хотел убедить дворянско-абсолютистское государство в том, что его спасение заключается лишь в подъеме промышленности, в поощрении строительства мануфактур и в поддержке национальной буржуазии. «Отсутствие собственного производства и необходимость покупать товары за границей,— доказывал автор,— влекут за собой постоянную массовую утечку драгоценного металла, который, попадая в Испанию из ее американских владений, не задерживается, однако, в Испании, а переходит в руки ее более трудолюбивых соседей, обогащая их и являясь в то же время причиной разорения испанцев».

О ПРИЧИНАХ УПАДКА ТОРГОВЛИ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ИСПАНИИ И ОБ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВАХ К ЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЮ, ПООЩРЕНИЮ И ПОДДЕРЖКЕ

I. Так как торговля состоит главным образом в покупке, продаже и обмене товаров или продуктов страны как по морю, так и по сухопутью, как вне государства, так и внутри его, то можно сказать, что Испания всегда вела торговлю. У нее никогда не было недостатка в покупателях или в продавцах ее продуктов; продукты других стран всегда ввозились в нее как самими испанцами, так и иностранцами. Но способ, которым велась эта торговля, был настолько вредоносен для нее, что она обнищала, обезлюдела и ослабела до того уровня, в каком ее можно наблюдать в данный момент и в каком ее изображают публично другие народы в сочинениях, ей посвященных. Примером может служить книга, озаглавленная «Голландская торговля», автор которой не назвал себя. Думают, однако, что это один из французских министров, человек знающий и чрезвычайно способный... В ней можно прочесть следующие слова: «Главная торговля Голландии с Испанией ведется через Кадикс; именно в этом знаменитом порту снаряжаются и в него возвращаются галионы, которые поддерживают оживленную торговлю с Перу; именно сюда прибывают флоты, идущие из Мексики и Новой Испании, которые привозили, да и теперь еще при-

возят, почти все золото и серебро, которые мы видим в Европе. Однако можно сказать поистине, что хотя испанцы и владеют землями, откуда текут в таком изобилии драгоценные металлы, сами они имеют их меньше, чем другие нации: обстоятельство, которое показывает, что золотые россыпи не обогащают государства в той же мере, в какой ее обогащает торговля... Ясно, что Испания переживает упадок только потому, что она пренебрегала торговлей и не учреждала многочисленных мануфактур на обширных пространствах своего королевства. Франция же обязана своими богатствами только тому, что она заботилась о процветании своей промышленности, а поскольку она торговала с Испанией, у нее никогда не было недостатка в деньгах, даже во времена дорогостоящих и затяжных войн... Твердо установленный принцип таков, что чем больше ввоз иностранных товаров будет превышать вывоз наших, тем скорее и неизбежнее будет наше разорение, и последствия такого превышения ввоза над вывозом бывают чувствительнее, чем последствия самых ужасных несчастий».

II. От огромного несоответствия между нашими закупками и продажами за границей, равно как и от других причин, всем известных, можно заключить, что в среднем ежегодно из Испании вывозится 15 млн. пезет золотом и серебром... Эти вычеты драгоценного металла наводят на самые серьезные размышления и требуют мер, соответствующих тому ущербу, который неизбежно будет наноситься монархии, если она допустит, чтобы у нее забирали монету: ибо если так будет продолжаться дальше, совершенно очевидно, что она сама ослабеет во всех отношениях, тогда как она увеличит силы своих противников, даже силы турок и неверных, вечных врагов нашей веры. И для того, чтобы подтвердить правильность того, что я сказал относительно утечки золота и серебра из Испании, я приведу то, что говорят по этому поводу некоторые авторитетные авторы. Доктор дон Санчо де Монкада, профессор священного писания в Алькале, говорит в третьем отделе главы 1 своего трактата, опубликованного в 1619 г., что согласно докладу, представленному 24 года назад его величеству, после открытия Вест-Индии в 1492 г. и до 1595 г. было вывезено в Испанию два миллиарда пезет золота и серебра только из Вест-Индии, т. е. за 103 года в среднем по 20 млн. пезет ежегодно; что было вывезено приблизительно столько же незарегистрированного и что из всего этого количества в Испании осталось не более 200 млн.— 100 млн. в монете и 100 млн. в изделиях. Если произвести подсчет с 1595 г. до 1714 г. и если предположить, что в Испанию привозилось только 12 млн. ежегодно в течение этих 129 лет, то это составит сумму в 1 536 млн. пезет, а общая сумма с 1492 г. будет 3 536 млн. Дон Педро Фернандес де Новаретте в 21-й речи о сохранении монархии говорит, что, не считая тех денег, которые были в Испании, и тех, кои были извлечены из копей Гвадалканала, из Вест-Индии было привезено зарегистрированных 1 536 млн. с 1519 по 1617 г., что составит более чем 15 млн. ежегодно в среднем для каждого из

этих 98 лет. Если мы предположим, что привозилось ежегодно до 12 млн. в предшествующие 27 лет с 1492 по 1519 г., с которого Новаретте начинает свой счет, и если мы предположим, что добыча была не меньшей в течение 107 лет, протекших с 1617 до нынешнего 1724 г., мы получим другую сумму, а именно 1 596 млн., а всего вместе 3 132 млн. Прибавим сюда количество драгоценного металла, которое было до этого в королевстве: общий итог будет равен 5 миллиардам пезет в золоте или серебре, даже если мы будем следовать подсчетам Новаретте, который берет более низкие цифры. Ближе к истине было бы, однако, их не уменьшать, а наоборот, увеличить, принимая во внимание количество драгоценного металла, прибывающего в Кадикс в наши дни...

Посмотрим теперь, сколько остается золота и серебра в Испании как в монете, так и в поделках. Я убежден, что даже те, кто готов говорить об этом с легким сердцем, не назовут суммы больше 100 млн., включая сюда и то, что имеется у церкви и частных лиц. Таково явное следствие утечки золота из королевства, и это уплывание драгоценного металла за границу достигает в среднем 20 млн. пезет ежегодно для каждого из 232 лет, протекших с 1492 до 1724 г., так что я выше нисколько не преувеличивал, утверждая, что утечка составляет 15 млн. пезет ежегодно...

III. После всех только что перечисленных фактов не приходится сомневаться, что торговля, которую мы вели столько лет... истинная причина наших несчастий. Точно так же понятно, что для того, чтобы эта торговля была для нас полезна и приносила нам великие выгоды... нужно, чтобы мы использовали изобилие и превосходные качества нашего сырья. Нужно, наконец, строго применять все те средства, которые дадут нам возможность продавать иностранцам больше продуктов нашего производства, чем они продают нам своего производства. В этом весь секрет и единственная польза от торговли... [Необходимо поднять производство, учреждать мануфактуры...], всякий разумный человек должен понимать это; в особенности, если пропагандирующие эти идеи обратят внимание на то, в какой мере указанные выше принципы будут способствовать восстановлению наших городов. Возьмем в качестве примера Севилью, вспомним о ее прежнем блеске, о многочисленности ее населения в прежние времена, о ее прославленных богатствах! Если бы вместо 300 или 400 станков шерстяного и шелкового производства, которые остались там в настоящее время, в городе было бы 16 000 станков, как было когда-то, согласно официальным данным, эти станки, вырабатывая тонкую или обыкновенную материю, занимали бы, считая по 3 человека на станок, 48 000 рабочих и приблизительно 60 000 человек, если включить сюда и семейных. При таких условиях и государственные акцизы на продукты дали бы казне огромные суммы... Но дело идет не только о восстановлении 16 000 станков, которые были некогда в Севилье. Ясно, что все то, что говорилось о средствах восстановления ее богатства и блеска, равным образом приложимо ко всем

прочим городам и провинциям Испании, особенно в Сеговии, Толедо, Кордове, Гренаде, Мурсии, Валенсии, Сарагоссе, Вальядолиду, Медине-дель-Кампо, Бургосу и другим[1], которые во времена не столь отдаленные цвели благодаря своим мануфактурам и другим коммерческим предприятиям. Польза от такого восстановления промышленности была бы для каждого из них пропорциональна их размерам, количеству населения, изобилию и качеству сырья, готовых продуктов и производству каждого из них. Однако успех мануфактур и производств зависит не только от количества и изобилия сырья, производимого в стране. Бывает иногда, что производство само покрывает отсутствие или недостаток некоторых вещей. Можно привести несколько примеров, но достаточно указать на Геную или Голландию. Хотя их территория не производит ни шелка, ни шерсти, ни веществ, употребляемых для крашения, это не мешает им иметь многочисленные и хорошо оборудованные мануфактуры как шелковые, так и шерстяные. Испания снабжена в изобилии сырьем наилучшего качества и другими продуктами; в ее распоряжении достаточное количество рабочих рук; у нее изобилие съестных припасов для продовольствования рабочих, чего нет ни в Голландии, ни в Генуе. Наконец, народ этой монархии таков же, каким он был когда-то. Нужно думать, что в этом отношении он сделает все, что в его силах, раз правительство проявит заботу о том, чтобы побудить его к делу, поощрить и помочь ему. Главное — нужно устранить препятствия, которые мы сами воздвигли на пути развития мануфактур и продажи их продуктов как вне государства, так и внутри его. Это препятствие заключается в тяжелых налогах на съестные припасы, которые потребляются рабочим, на сырье, которое он обрабатывает; в чрезмерном и неоднократно взимаемом налоге «алькабале» на каждую продажу, в 15-процентном налоге на ткани, вывозимые из королевства,— и все это противно принципам политики и естественного права, которыми в данном случае руководствуются другие нации. Я много раз говорил об этом раньше, я неустанно готов повторять: учреждение мануфактур и реформа тарифа — таков перечень действительных средств, при помощи которых мы сможем залечить наши раны и возвратить силу нашему королевству.

---

[1] Автор указывает, что по официальным данным в начале XVI в. общее количество текстильных станков в Испании было не меньше 60 000.

Контрреформация в Европе

Введение

Контрнаступление католической церкви, стремившейся в послереформационный период восстановить свой поколебленный авторитет, было связано с гонениями против мыслителей и ученых, против научного миросозерцания, против таких людей, как Джордано Бруно и Галилей. Учитель может напомнить знаменитый «индекс запрещенных книг», куда церковь включала все произведения, подлежавшие сожжению.

Рассказ учителя о контрреформации может найти опору в документах данного раздела.

Документ 1 представляет собой ту формулу церковного проклятия, которая публично оглашалась для того, чтобы поставить «вероотступника» вне церкви, а вместе с тем и вне закона. Самый текст формулы и торжественный обряд, которым сопровождалось ее произнесение, имели целью вызвать особое впечатление у суеверной и религиозно настроенной массы, подавить ее ужасом и заставить отшатнуться от «безбожника», осужденного церковью.

Документ 2 представляет собой выдержку из устава ордена иезуитов. Приводимый текст показывает, что иезуиты видели свою основную задачу в борьбе за безраздельное господство католической церкви и ее главы — римского папы, что эту борьбу они намеревались вести, не гнушаясь никакими средствами. Поскольку же сама католическая церковь была всегда оплотом и оправданием всех эксплоататоров, как феодальных, так впоследствии и буржуазных, орден иезуитов и до наших дней является оплотом самой бесстыдной, самой оголтелой реакции, лютым врагом социализма и нашего отечества, отечества трудящихся. При наличии времени учитель может, не ограничиваясь обобщением документа, зачитать из него несколько наиболее характерных строк.

Для того чтобы правильно уяснить указанную выше реакционную деятельность ордена иезуитов, следует использовать краткую, но глубокую оценку, которую дал иезуитам товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом: «Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе. Но основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство,—что может быть в этом положительного?» [1].

Документ 3 представляет собой несколько извлечений из поучений основателя и первого генерала ордена — Игнатия Лойолы. Первые две выдержки выявляют тот воинственный характер, который стремился придать новому ордену его основатель. Цели ордена и методы его деятельности выясняются далее. Оперируя выдержками из Лойолы, учитель может рассказать, как иезуиты стремились подавить человеческое сознание, сковать ум забитого и суеверного человека леденящим страхом ада, внушить человеку слепую и раболепную покорность церкви.

Как показывают приводимые слова самого Лойолы, иезуиты стремились к тому, чтобы оказавшиеся в их тенетах люди на все смотрели их глазами, признавали то, чему учат иезуиты-проповедники, хотя бы это и противоречило очевидному (в случае необходимости «белое» должно быть сочтено «черным»).

---

[1] Беседа И. В. Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 528.

Следует отметить совет Лойолы, который рекомендует беседу с нуждающимися людьми начинать с того, что их гнетет,— то есть с их нужды, с их материальных затруднений. Учитель может вскрыть лежащий в основе этого совета циничный расчет и со всей настойчивостью подчеркнуть, что иезуиты заговаривали о тяготах бедноты лишь для того, чтобы завладеть доверием этой бедноты, подчинить ее своему влиянию и сделать в дальнейшем слепым орудием своих намерений.

Суждения Лойолы, относящиеся к нравственности духовенства, заслуживают также внимания. Комментируя соответствующие выдержки, учитель может показать, что глава воинствующей церковной организации не допускал даже и малейшей критики духовенства, как оплота реакции, оставлял безнаказанным все проступки и преступления попов, считая, что огласка и разоблачение могут поколебать авторитет церкви.

Слова Лойолы о «благоразумии и святости» ясно говорят о том, что иезуиты, при подборе новых членов ордена, делали ставку не на благочестивых и богомольных людей, а главным образом на людей расчетливых, ловких, пронырливых, беззастенчивых, которые могли стать проводниками их воли.

Текст Лойолы позволяет заметить, что основатель ордена придавал исключительное значение дисциплине и слепому, безграничному повиновению, которое превращало каждого рядового члена ордена в безличное и нерассуждающее орудие ордена.

Эту мысль о повиновении, полном и беспрекословном, Лойола повторяет на все лады и, прибегая к образным сравнениям, внедряет ее в сознание своих последователей. Ради пущей убедительности он даже отождествляет волю любого орденского начальника с волею Христа.

Из поучений Лойолы целесообразно выделить последний отрывок, который можно зачитать в классе. Именно этот отрывок показывает, что иезуиты в своей деятельности не останавливались ни перед каким преступлением, если оно соответствовало их планам. Выдержка из поучений Лойолы ясно показывает, что молодых иезуитов сознательно приучали к мысли о допустимости и необходимости совершать грех (то есть преступление) во имя преследуемых орденом целей.

Воспитание фанатичных, послушных и готовых на любое злодейство иезуитов связано с основным принципом чудовищной морали иезуитов, которому они тайно учили и явно следовали: «цель оправдывает средства».

Чтобы роль иезуитов стала еще яснее, полезно напомнить также и о вмешательстве иезуитов во взаимоотношения отдельных государств. В этой связи следует указать на ту поддержку, которую иезуиты оказали Лжедимитрию и его польским покровителям. В данном случае уместно подчеркнуть, что по расчетам ордена поход Лжедимитрия на Москву должен был способствовать переходу новых подданных Лжедимитрия, русских людей, из православной веры в католическую.

Внимание к данной теме должно быть обусловлено тем, что католическая церковь и ее агентура и в наши дни действует прежними методами, то есть обманом и вероломством, подлогами и убийствами. В свете этих фактов необходимо ясно, убедительно и четко раскрыть существо целей и тактики иезуитов.

* * *

Документ 1 взят из книги Мотлея «История Нидерландской революции». Документ 2 взят из хрестоматии проф. П. Н. Ардашева «Новая история в отрывках из источников». Документ 3 взят из книги Филипсона «Религиозная контрреволюция в XVI веке».

Введение написано А. Д. Эпштейном.

ОРДЕН ИЕЗУИТОВ

1. ФОРМУЛА ЦЕРКОВНОГО ПРОКЛЯТИЯ

(Отлучение грешника от церкви)

[Созданная еще в XIII в., эта формула была в употреблении и в XVI и в XVII вв. В торжественной обстановке с амвона возглашалось]:

«Во имя отца и сына и святого духа, пресвятой девы Марии, Иоанна крестителя, Петра и Павла и всех святых, предаем анафеме и отлучаем от святого причастия... [такого-то], восставшего против нас. Да постигнет его проклятие наше в его доме, житнице, постели, поле, в дороге, городе, замке. Да будет он проклят в сражении, в молитве, в разговоре, в молчании, в еде, в питье, во сне. Да будут прокляты все его чувства: зрение, слух, обоняние, вкус и все тело его от темени головы до подошвы ног. Взываю к сатане со всеми его ангелами, да не примут они покоя, пока не доведут этого грешника до вечного стыда, пока не погубит его вода или веревка, не разорвут дикие звери или не истребит огонь. Да осиротеют его дети, да овдовеет его жена. Предписываю тебе, сатана, со всеми твоими ангелами, чтобы, как я гашу теперь эти светильники, так ты погасил свет его очей. Да будет так, да будет так! Аминь, аминь!»

[Произнеся это, проклинающий гасил находившиеся в его руках две восковые свечи, и этим выразительным жестом оканчивалось проклятие.]

2. ИЗ УСТАВА «ОБЩЕСТВА ИИСУСА»

Да будет известно всем членам нашего общества и да напишут они это неизгладимыми буквами не только на дверях своих обителей, но и в сердцах своих на всю жизнь; все наше общество и, следовательно, все и каждый, кто в него вступает, обязывается верой, правдой повиноваться нашему святому отцу папе и всем преемникам его, и только под этим условием имеют право трудиться для бога. Хотя евангелие учит, и потому церковь признает догматом, что все верующие во Христа обязаны повиновением и покорностью папе римскому, как видимому главе церкви и наместнику Иисуса Христа, тем не менее для того чтобы показать великое смирение нашего общества вообще и полное самоотречение каждого члена его, в частности,— чтобы всенародно засвидетельствовать решительный отказ наш от собственной воли,— мы обязываемся принять особый обет послушания. Обет этот должен состоять в том, что мы обещаем всегда, немедленно и беззаветно повиноваться всему, что прикажут нам нынешний и будущие папы, насколько это послужит для блага душ и для распространения религии, какие бы поручения они нам ни давали, хотя бы они послали нас к туркам или к другим неверным. Поэтому все, кто намерен вступить в наше общество, должны, прежде чем принять на себя такое бремя, хорошо взвесить и подумать, обладают ли они для этого достаточной душевною силой, чтобы с божьей помощью взобраться на такую

высоту; они должны подумать, одарил ли их на это дело дух святой такой степенью благодати, чтобы они могли надеяться при его помощи не пасть под великим бременем такого призвания. Но раз твердо решившись быть воинами христовыми, они должны денно и нощно не снимать меча и каждый час быть готовыми выполнять свои обязанности.

Все и каждый должны дать обет безусловно повиноваться генералу во всем, что касается устава ордена; генерал же обязывается давать лишь такие приказания, которые, по его мнению, клонятся к достижению цели общества. Словом, для пользы ордена и в видах постоянного упражнения и смирения, члены общества должны всегда и во всем повиноваться генералу, согласно правилам общества, и чтить в нем представителя христова.

3. ИЗ ПОУЧЕНИЙ ИГНАТИЯ ЛОЙОЛЫ

I. О назначении ордена как воинствующей церковной организации

Затишье —опаснее и хуже всякой бури, и самый опасный враг — отсутствие врагов!

* * *

Работающие в винограднике господнем должны опираться на землю лишь одной ногой, другая должна уже быть приподнята для продолжения пути.

II. О подчинении и порабощении верующего человека

Хотя весьма похвально служить богу из чистой любви, тем не менее нужно усердно рекомендовать также и страх перед божественным величеством и не только тот страх, который мы зовем сыновним, но и тот страх, который называется рабским.

* * *

Необходимо, чтобы вера в бога была настолько велика, чтобы человек, не колеблясь, пустился в море на доске, если у него нет корабля!

* * *

Если церковь утверждает, что то, что нам кажется белым, есть черное,— мы должны немедленно признать это!

* * *

Не следует сразу заговаривать о вещах духовных с теми людьми, которые поглощены материальными заботами: это значило бы закидывать удочку без приманки.

III. О нравственности духовенства и ограждении его авторитета

Если мы не находим в священниках и других церковных начальниках желательной чистоты нравов, мы отнюдь не должны обвинять их за это, ни в частных, ни в публичных речах, ибо такими

разговорами порождается больше вреда и позора, чем пользы, так как результатом их будет злоба и презрение народа против своих начальников и пастырей.

* * *

Чрезвычайное благоразумие, соединенное с посредственной святостью, лучше, чем большая святость с малым благоразумием.

IV. О дисциплине и повиновении членов ордена

Мы охотно предоставляем другим монашеским орденам превосходить нас в постах, бдениях и других лишениях в образе жизни, лишениях — которым они свято подвергаются, каждый согласно своему собственному уставу и обычаю. Что же касается до истинного и совершенного повиновения и до отречения от всякой воли и суждения, я хотел бы, возлюбленные мои братья, чтобы в этом особенно отличились те, кто служит богу в нашей общине [ордене иезуитов]. Я хотел бы, чтобы это стало отличительным качеством настоящих и хороших членов нашего ордена...

Ибо, если бы даже начальник и не был украшен или одарен мудростью, добротой и другими божественными дарами, все же следует ему повиноваться по той единственной причине, что он наместник бога и представитель божественной власти. Вот почему я и желаю, чтобы вы приучились видеть во всяком начальнике самого господа нашего Иисуса Христа, и поэтому относились к нему с той религиозной преданностью, почитанием и покорностью, какие подобают божественному величеству...

Нужно отрешиться от нашей собственной воли для того, чтобы проникнуться божественной волей, выраженной начальником... Кто хочет посвятить себя богу, тот должен отдать ему, кроме своей воли, свой разум; в этом заключается и третья и самая возвышенная степень повиновения: нужно не только хотеть так, как хочет начальник, нужно чувствовать так же, как он, нужно подчинить ему свое суждение настолько, чтобы благочестивая воля могла покорить разум...

Подчиненный должен смотреть на старшего, как на самого Христа, он должен повиноваться старшему, как труп, который можно переворачивать во всех направлениях, как палка, которая повинуется всякому движению, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях, как маленькое распятие, которое можно поднимать и которое можно двигать как угодно...

Папе надлежит повиноваться без всяких разговоров, даже ради греха, и надо совершить грех, смертный или простой, если начальник того требует во имя господа нашего Иисуса Христа или в силу обета повиновения. Этот грех может быть совершен ради вещей или ради людей, для которых его сочтут полезным, как для блага какого-нибудь отдельного лица, так и для всеобщего благополучия.

Нидерландская буржуазная революция

Введение

Нидерландская революция представляет собой первую по времени успешную буржуазную революцию в Европе. Характеристика предпосылок и развития революционных событий дается приводимыми документами, имеющими лишь иллюстративное значение и, разумеется, далеко не отражающими всего процесса революции.

Первая буржуазная революция имела место в стране, которая являлась передовой и в своем экономическом развитии опережала другие европейские страны.

Подобная оценка может найти опору в тех интересных цифрах, которые дает *документ 3*, показывающий, что небольшие по размерам Нидерланды обеспечивали Карлу V доход, в четыре раза превосходивший доходы, доставляемые Карлу V обширнейшими заокеанскими владениями в Новом Свете. Это разительное соотношение вполне оправдывало выражение Карла V, называвшего Нидерланды «Драгоценной жемчужиной моей короны».

Цифровые показатели документа 3 целесообразно диаграммировать. Наглядное графическое сопоставление диаграммы полезно связать с данными исторической карты и на этой основе охарактеризовать особенности Нидерландов.

В этой связи следует отметить, что устья Рейна и Шельды расположены в Нидерландах, которые, таким образом, издавна призваны были играть существенную роль в торговле, связывавшей внутренние области Германии и северной Франции с морем. Следует напомнить также, что у берегов Нидерландов пролегала морская дорога, связывавшая страны северной Европы с Францией, Португалией и Испанией, с бассейном Средиземного моря. Надо, наконец, подчеркнуть и то исключительное значение, которое одна из нидерландских провинций — Фландрия — приобрела в деле промышленного использования английской и другая— Брабант —испанской шерсти, являвшихся сырьем, обеспечивавшим расцвет замечательного фландрского сукноделия и производство брабантских шерстяных тканей.

Об исключительном экономическом значении Нидерландов и их богатстве убедительнее всего говорят свидетельства людей XVI в. Одним из таких свидетельств является описание Антверпена (*документ 1*), которым открывается данный раздел.

Этот документ позволяет охарактеризовать Антверпен как подлинно мировой (для той эпохи) торговый город. Антверпен являлся средоточием купцов всех стран, биржа и банки Антверпена имели в то время общеевропейское значение; здесь заключались крупные торговые и кредитные сделки, связывавшие ближние и дальние страны.

Короли, нуждаясь в деньгах, искали кредита именно в Антверпене, куда со всего света стекались капиталы. И то, что в тексте указано лишь бегло, следует особо выделить: в Антверпене, где безвыездно, круглый год, жили иностранные купцы, существовало около тысячи торговых контор, являвшихся постоянными торговыми представительствами богатейших фирм Германии, Англии, Франции и Испании. Уровень ссудного процента в Антверпене являлся как бы законом для других стран. Для уяснения дальнейшего материала важна еще одна черта, лишь вскользь отмеченная документом: широкая терпимость,

проявляемая жителями крупнейшего центра Нидерландов в отношении верований и нравов иностранцев. Такова характерная особенность, свойственная всей стране, заинтересованной в привлечении возможно большего количества иноземных покупателей и продавцов, доставлявших Нидерландам ежегодный доход, независимо от их религиозных убеждений. Значение этой терпимости следует подчеркнуть для того, чтобы в ходе последующего изложения показать, что нидерландцы должны были неизбежно отнестись самым отрицательным образом к религиозным гонениям, которые стали насаждать в Нидерландах испанские власти с помощью инквизиции.

Разумеется, сам по себе документ слишком велик для непосредственного использования в классе. Его лучше передать в рассказе учителя. Лишь при наличии свободного времени можно зачитать несколько строчек, говорящих о смешении наречий в многоязычном Антверпене.

Чтобы иллюстративное значение данных об Антверпене было правильно уяснено, целесообразно показать, что экономическая роль Нидерландов в то время определялась не одним только Антверпеном, а наличием множества городов (в начале XVI в. насчитывалось 303 города).По переписи 1514 г. из 400 тысяч населения Голландии (одной из 17 провинций Нидерландов)— 190 тысяч проживало в городах; таким образом, горожане составляли почти половину всего населения. Такого удельного веса городского населения не знала ни одна из тогдашних стран. Этими дополнительными пояснениями учитель выявит особое место и исключительную роль Нидерландов, как богатейшей страны Европы, страны раннего развития буржуазии.

Документ 2 показывает, что все провинции Нидерландов вступили на путь промышленного развития и предприятия молодой в то время капиталистической мануфактуры распределялись по всем провинциям.

Говоря о том, что Нидерланды, опережая другие европейские страны, оказались очагом раннего развития капиталистического производства, учитель может подчеркнуть, что в орбиту капиталистической эксплоатации были вовлечены не только тысячи городских ремесленников, но и множество деревенских прядильщиков и ткачей, работавших на предпринимателей-скупщиков.

Подобное указание необходимо: оно исключает ошибочное представление о Нидерландах, как «стране богачей». Оно должно показать, что подлинными создателями богатства страны являлись скромные труженики децентрализованной мануфактуры, которых наблюдательный венецианский посол Лодовико Гвиччардини в отчете 1557 г. называл «Бедной и нищей черныю». Именно эти полунищие труженики оказались впоследствии самыми мужественными и самыми непримиримыми противниками иноземных поработителей (испанских, французских и английских). Именно они в качестве иконоборцев выступили зачинателями революционного движения в Нидерландах, и поэтому об их положении следует рассказать, характеризуя Нидерланды и их население.

Важна и интересна и другая особенность документа 3: числом промышленных предприятий интересовались не друзья, а враги Нидерландов. Филипп II, вскоре после вступления на престол посетивший Нидерланды, тщательно записывал все статистические данные о промышленности, а позднее подобные данные выяснял злейший недруг и палач Нидерландов — герцог Альба. Именно по его приказу составлена была небольшая табличка, включенная в данный документ. Таким образом, первые два документа при надлежащем их использовании позволяют показать, как исключительное богатство Нидерландов, так и тот алчный интерес, который оно вызывало у чужеземцев, стремившихся к порабощению и ограблению страны.

Если вспомнить, какое место занимали Нидерланды сначала в империи Карла V, а затем в державе Филиппа II, то легко понять назревание конфликта, который неизбежно должен был стать и национальным (то есть столкновением жителей Нидерландов с чужеземными угнетателями) и классовым (движением буржуазии Нидерландов, отстаивающей свою буржуазную собственность и свои доходы, в противовес паразитическому дворянству испанского и неиспанского происхождения).

Тем самым определяется возможность дать, опираясь на документы, оценку нидерландской революции, как буржуазной революции, являвшейся в то же время и национально-освободительным движением.

Однако для полного понимания характера нидерландской революции требуется уяснить еще одну ее особенность: религиозную окраску. Эту особенность революции характеризуют документы 4, 5, 7, 20. Эти документы весьма интересны. Они отвечают на вопросы:

а) Почему габсбургская монархия Карла V, а позднее — испанская держава Филиппа II усматривала опасность в независимых верованиях и убеждениях жителей Нидерландов?

б) Для чего нужны были правительству меры крайней жестокости?

в) Против кого (каких групп населения) эти меры были направлены?

г) Как оценивал Вильгельм Оранский (документ 7) роль инквизиции в деле порабощения Нидерландов?

д) Каково отношение народных масс к католической религии и католическому культу?

Все эти вопросы могут быть поставлены в качестве контрольных вопросов, на которые сумеет ответить ученик, прочитавший соответствующие документы.

Учитель должен стремиться воспроизвести в своем изложении общий смысл документов так, чтобы вызвать у учащихся чувство возмущения. Он должен указать на беспощадные меры «кровавого указа», награждение доносчиков и клеветников за счет имущества осужденных.

В этой связи было бы весьма кстати привлечь образный и яркий материал замечательного художественного произведения Ш. Де-Костера «Тиль Уленшпигель», в котором говорится о гонениях и жертвах инквизиции, о порыве ненависти, вызванном у населения Нидерландов жестокими религиозными репрессиями. Надо использовать ту оценку роли инквизиции, которую содержит *документ* 7. Вильгельм Оранский в своей прокламации разъясняет, что торжество инквизиции означало бы порабощение Нидерландов,— тогда как сопротивление инквизиции со стороны возмущенного населения ознаменовало бы тот удобный повод для вторжения и ограбления Нидерландов, которого искали испанские дворяне.

Попытки Оранского (который, как аристократ, долго оставался на позициях верности «своему» королю) обелить Филиппа II и свалить всю ответственность на «испанцев» не умаляют правильности и значения этой оценки. Потому-то и нужно ее довести до сознания учащихся и, опираясь на документ, показать, что инквизиция была лишь орудием захватчиков, а «защита веры» — лишь удобным предлогом для организованного грабежа и кровавых насилий. Этими выводами можно объяснить ненависть к католической религии со стороны населения Нидерландов.

Особого внимания заслуживает *документ 4*.

Высказывания регентши Марии Австрийской и Филиппа II звучат как предостережение. Представители Габсбургской династии видели и понимали, что население Нидерландов ненавидит гнет католической церкви, ее алчность, ее вымогательства, ее деспотическую опеку. Они понимали, что богатые нидерландские купцы, судовладельцы, предприниматели не хотят оставаться данниками испанской короны, не хотят уступать значительной части своих доходов испанским и неиспанским дворянам и католическим попам.

Стремясь удержать нидерландскую буржуазию в повиновении испанской короне и католической церкви, Мария Австрийская, а позднее и Филипп II пугают эту буржуазию грозными последствиями, к которым может привести народное движение, направленное против католической церкви. Смысл этих предостережений прост: богачам Нидерландов рекомендуется сохранить верность католической церкви, чтобы не вызвать к жизни широкого движения эксплоатируемых бедняков, стремящихся к торжеству общественной справедливости и к имущественному равенству. Предостерегающие указания документа проливают свет на многие последующие события нидерландской революции. Они помогут учителю объяснить тот страх, который внушала принцу Оранскому и его сторонникам мысль о вооружении и непосредственном участии народных масс в революции. Эти указания помогут объяснить, почему

Оранский и большинство членов генеральных штатов предпочитали сговор с иноземными силами, призывая выступить в роли «спасителя» Нидерландов то брата французского короля—герцога Алансонского, то королеву Елизавету Английскую.

Они помогут объяснить, почему после многих лет трагической борьбы с испанскими поработителями, Оранский и его единомышленники все еще продолжали признавать своим сувереном и королем Филиппа II, не отваживаясь провозгласить республику, которая страшила их и представлялась им такой формой государственного устройства, при которой возможна политическая активность городской и деревенской бедноты, отстаивающей свои интересы.

Характерно, что в разгар ожесточенной борьбы с испанскими войсками и их католической агентурой Вильгельм Оранский выдвигал лицемерный лозунг «веротерпимости», практически означавший пощаду и полную безнаказанность для католиков, открыто служивших испанскому командованию и доставлявших ему все необходимые сведения.

В противовес этому соглашательскому лозунгу терпимости и снисходительности к врагам революции, народные массы открыто выступили против терпимого отношения к католической церкви и открыто проявили свою ненависть к ней. Об этом говорит документ 20, который нетрудно будет обобщить несколькими замечаниями учителя. При этом уместно будет напомнить, что 1581 год принес с собой уже вторую волну так называемого «иконоборческого» движения. Первой же волной иконоборчества народ еще в 1566 г. кладет начало Нидерландской революции, как массовому движению.

Приводимый документ не просто свидетельствует о ненависти народа к католической религии, но и о том, что конец господству этой религии в Нидерландах пытались положить народные массы.

Документ 6 об Эгмонте и Горне очень интересен и ясен по форме. Учащиеся сами прочтут его без труда, как страницу беллетристического произведения. Следует дать им своевременное задание для того, чтобы учитель смог в своем рассказе не излагать события, а лишь ограничиться несколькими указаниями, призванными отметить, как на пороге революции всякая попытка занять промежуточную, компромиссную позицию между двумя враждующими лагерями неизбежно вела к катастрофе тех, кто ее предпринимал.

В этой связи компромиссную позицию Эгмонта и Горна, оставшихся в стране и надеявшихся на примирение с королем, следует противопоставить позиции Вильгельма Оранского, бежавшего из Нидерландов при первой вести о карательной экспедиции Альбы и немедленно приступившего к формированию на германской территории вооруженных отрядов.

Различие этих позиций осмыслил и в образной форме выразил нидерландский народ, создавший версию о якобы состоявшейся встрече между Эгмонтом и Оранским, в ходе которой Эгмонт, смеясь над Оранским, покидавшим свои поместья, сказал: «Прощайте, принц без земли»,— на что Оранский якобы ответил: «Прощайте, граф без головы!»

Однако (и об этом, как отмечено выше, говорит *документ 7*) даже и Оранский, решаясь на борьбу с испанцами, очень долго не отваживался осуждать Филиппа II, которого северные провинции лишь в 1581 г. перестали считать своим государем.

Об обращениях к народу (*документы 9* и *10*) можно упомянуть, подчеркнув, что решающую роль сыграли отнюдь не пожертвования знатных лиц, а патриотизм и самопожертвование народной массы, что признано было самим Альбою в его послании (*документ 12*), в котором он выражает свое изумление перед столь непонятным для него явлением.

Документы, характеризующие деятельность Альбы, без труда прочтет каждый учащийся. Учитель, дав соответствующее задание, сможет сослаться на знакомые учащимся документы и обобщить их указанием на полную неудачу всех попыток насильственного подавления и подчинения Нидерландов с помощью вооруженной силы, пыток и казней.

Зачитать в классе целесообразно лишь два отрывка: первый из них (*документ 11*) свидетельствует об отношении Альбы к «Кровавому совету», — он

может быть процитирован, как очевидное доказательство того, что деспотическое господство над Нидерландами, по мнению Альбы, требовало не правосудия, а беззакония, не юристов, а палачей, готовых отправлять на смерть людей без всякого доказательства их вины.

Оживляя свой рассказ, учитель сможет в порядке яркой иллюстрации упомянуть ответ одного из членов «Кровавого совета» — Виглиуса (кстати, не испанца, а бельгийского дворянина), который, услышав, что приговоренный к казни ни в чем не виновен, сказал: «Тем лучше, стало быть, он сумеет с честью предстать перед страшным судом».

Уместно подчеркнуть общую мысль, лежащую в основе всех донесений Альбы. Она заключается в том, что Альба видел лучший способ подавления и порабощения страны в беспощадной расправе и страхе, внушаемом населению. Можно сослаться на угрозу Альбы обезлюдить и разорить страну (*документ 13*), на циничное заявление о том, что, не уничтожив поголовно всех жителей Гарлема, он, Альба, проявил исключительную милость, неоцененную «неблагодарным» населением (*документ 14*).

К чему привела кровавая расправа над беззащитными людьми, показывает замечательный отрывок в документе 12, который целесообразно зачитать в классе. В этом отрывке сам Альба признается в своей неудаче, хотя и не понимает истоков того могучего патриотического движения, которое он называет «чудом». С этим признанием Альбы можно связать изложение дальнейших событий и рассказать о героическом сопротивлении мирных граждан, превративших свои города в неприступные крепости и сумевших остановить и отбросить от стен Лейдена образцовую и превосходно оснащенную испанскую армию. Рассказ о прорыве плотин, о стойком сопротивлении изнуренных голодом защитников Лейдена, рассказ, способный увлечь учащихся, — будет иметь большое политико-воспитательное значение, если раскрыть содержание этих фактов и показать, что они знаменуют полный провал той политики насилия, которая не только не устрашила и не сковала нидерландский народ, а, напротив, толкнула его на яростный отпор, на борьбу за полное освобождение.

Учитель может усилить значение этого принципиального вывода, указав что жестокий и тупой Альба является прообразом тех современных империалистов, которые, подражая ему, мечтали и мечтают господствовать над свободолюбивыми народами с помощью насилия.

Документ 15 знакомит с одним из важных явлений. Клика французских авантюристов, возглавляемая братом короля — герцогом Алансонским,— под предлогом «помощи» Нидерландам пыталась осуществить интервенцию и завладеть нидерландскими территориями.

Как показывает документ, герцог Алансонский и его соратники легко нашли общий язык с Оранским и представителями генеральных штатов.

Слова депутата Мондусе (документ 15, п. *Б*) говорят о том, что нидерландская буржуазия больше всего боялась народного восстания и готова была искать спасения в привлечении вооруженных французских авантюристов.

Это понимал и герцог Алансонский, услужливо обещавший «истребить ереси и новые секты», то есть повести борьбу не с испанскими захватчиками, а с народными массами, стремления которых пугали нидерландских богачей.

Свидетельство очевидца, католика Монтиньи, обнаруживает подлинные намерения и истинный облик французских «спасителей», грабивших мирные селения и подвергавших крестьян неслыханным жестокостям. Французские «спасители» вызвали такую же ненависть населения, как и испанцы. Горожане Ландреси силой изгнали французов, а горожане Кнуа заявили генеральным штатам, что не признают соглашения, заключенного с иноземцами, и скорее покинут родной город, чем примут в его стены французский гарнизон. На этом фоне представляется весьма характерным приводимое в документе выступление Вильгельма Оранского, всячески расхваливавшего вождя бандитских отрядов — герцога Алансонского, которого Оранский деликатно именовал «приемлемой фигурой». Учитель без труда сумеет показать, что эта позиция Оранского не имела ничего общего с патриотизмом и не являлась бескорыстной.

Об этой-то позиции Маркс писал: «[Хороша—государственная мудрость! Он же (Оранский) должен был знать, *кто такой* этот Анжу! Эта *его мудрость* снова бросила *Восточную* и *Западную Фландрию* в пасть католикам и *аристократам-вельможам*. Их можно было сдерживать только «демагогией» (!) их городов!]»[1].

Документ 16 характеризует политику Англии и ее отношение к Нидерландской революции. Содержание документа показывает, что английские политики видели в Нидерландской революции благоприятное событие, отвлекающее испанские силы от борьбы с Англией. Они были озабочены не помощью Нидерландской революции, а возможностями отторгнуть нидерландские провинции и завладеть ими.

С этим стремлением связан и англо-французский антагонизм, находивший свое выражение во всемерном противодействии французским планам, в твердом намерении не допустить перехода каких бы то ни было нидерландских территорий во французские руки.

Приводимые в документе краткие, но выразительные выдержки и суждения недвусмысленно говорят о том, что королева Елизавета и ее дипломаты отнюдь не помышляли об оказании помощи Нидерландской революции и нидерландскому народу и при случае (пункт *Г*) готовы были отдать искавшие покровительства английской королевы нидерландские города в кровавые руки Альбы.

Общий смысл своекорыстной и вероломной политики Елизаветы правильно оценивается хроникой Леттенхове (документ 16, п. Е) и французским королем Генрихом III (документ 15, п. *Е*).

В обоих случаях подчеркивается нежелание Англии допустить усиление французского влияния в Нидерландах, на которые английская королева смотрела, как на разменную монету выгодных международных сделок.

Мнения двух английских послов, которые приводятся в конце документа, показывают, что английские политики, внимательно следившие за ходом национально-освободительной борьбы с испанскими захватчиками, не были обрадованы успехами, достигнутыми в этой борьбе. Они предвидели возможность созданий новой торговой и морской державы, способной оказаться будущим соперником Англии. Под влиянием подобных опасений оба английских дипломата ставили вопрос о том, не представляют ли нидерландские провинции, освободившиеся от испанского владычества, большей опасности для Англии, чем сама испанская держава.

Документ 17 очень интересен. Этот документ содержит решительный протест против всей политики генеральных штатов, выдвинутый немногочисленными демократами, находившимися в составе генеральных штатов. Этот протест уличает олигархическое большинство генеральных штатов в злоупотреблении доверием народа, который, по мнению авторов протеста, является единственным обладателем суверенитета. Значение подобного протеста станет ясным, если напомнить, что генеральные штаты, руководимые Оранским, боясь вооруженного народа, предавали его интересы, усердно торгуя родиной. Так, в 1576 г. они вели переговоры с герцогом Алансонским, а в 1578 г. заключили соглашение с Англией, обещая уступить последней в награду за военную помощь Брюгге, Гравелин, Флиссинген и Миддельбург.

Документы 15, 16, 17 могут быть обобщены в устном рассказе учителя. Они помогут ему дать правильную оценку политике Вильгельма Оранского и генеральных штатов, политике, которая покоилась не на использовании революционной энергии восставшего народа, а на привлечении наемных войск и иноземных интервентов.

Те же документы могут стать основой для небольшого, но интересного сообщения, которое подготовит один из учащихся.

Документы 18, 19, 21 рассказывают, как в обстановке крайне напряженной борьбы, когда испанские поработители убедились в растущей силе народного сопротивления, они стали все чаще прибегать к обману, вероломству и наемным убийцам. Можно процитировать те слова документа 18, которые сулили будущему убийце Оранского денежную награду и обещали ему прощение всех прежних преступлений. Эти слова ясно показывают, что Филипп II сознательно

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 8.

адресовался к преступникам. Документ 19, коротко резюмированный, докажет учащимся, что моральная поддержка, оказанная Оранскому генеральными штатами, явилась ответом на гнусную подготовку убийства. Наконец, факты, излагаемые в документе 21, дают учителю возможность нарисовать картину убийства Вильгельма Оранского и подчеркнуть, что в этом деле принимали живейшее участие иезуиты.

Два важнейших текста «Гентское умиротворение» и «Утрехтская уния» (*документы 22* и *23*) замыкают серию документов, посвященных нидерландской революции. Весьма целесообразно предложить учащимся законспектировать оба текста в виде перечня конкретных положений и, продумав содержание обоих текстов, постараться выяснить различие между ними.

Выслушав самостоятельные выводы учащихся, учитель сможет ввести необходимые коррективы, обоснованные ссылкой на исторические условия, приведшие к сговору феодальных элементов юга с испанцами и обусловившие сплочение тех северных провинций, интересы которых были тесно связаны с развитием буржуазной собственности и борьбой против феодального деспотизма.

Последняя группа документов посвящена Голландии XVII в. как государству, сложившемуся в результате победы северных провинций, окончательно освободившихся от всякой зависимости от Испании.

Данные этих документов рисуют экономические успехи первой в Европе буржуазной республики, ранние экспедиции и колониальные захваты Голландии, успешно оттеснившей на задний план португальских и испанских мореплавателей и колонизаторов.

Необходимо при этом избежать односторонней и принципиально неправильной оценки Голландской республики, о процветании которой охотно говорили современники, оставлявшие в тени отрицательные факты и прежде всего наличие жесточайшей эксплоатации городских и деревенских тружеников, полударовой труд женщин и детей, втянутых в орбиту капиталистической эксплоатации, и, наконец, грабеж колониального населения далеких земель и островов, доставшихся Голландии.

В этих целях следует использовать суждения Маркса, признававшего Голландию XVII в. «образцовым капиталистическим государством», но отмечавшего при этом, что «народные массы Голландии уже в 1648 году более страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы» [1].

Нидерландская революция была буржуазной революцией. Поэтому на смену феодальному способу производства пришел капиталистический способ производства, который принес лишенным собственных средств производства труженикам гнет тягчайшей капиталистической эксплоатации.

Маркс дает яркую и полную возмущения характеристику колониальной эксплоатации, осуществляемой голландцами:

«История голландского колониального хозяйства,— а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия,— развертывает бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей. Нет ничего более характерного, как практиковавшаяся голландцами система кражи людей на Целебесе для пополнения кадров рабов на острове Яве. С этой целью подготовлялись особые воры людей. Вор, переводчик и продавец были агентами этой торговли, туземные принцы — главными продавцами. Украденная молодежь заключалась в целебесские тайные тюрьмы, пока не достигала возраста, достаточно зрелого для отправки на кораблях, нагруженных рабами. Один официальный отчет гласит: «Например, один этот город Макассар полон тайными тюрьмами, одна ужаснее другой, которые набиты несчастными жертвами жадности и тирании, закованными в цепи, вырванными насильственно из своих семейств». Чтобы овладеть Малаккой, голландцы подкупили португальского губернатора. В 1641 году он впустил их в город. Они тотчас же поспешили к его дому и убили его, чтобы иметь возможность «воздержаться» от уплаты условленной суммы подкупа в 21.875 фт. ст.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 824.

Опустошение и обезлюдение следовали за ними везде, куда только ни ступала их нога. Банъюванги, провинция Явы, насчитывала в 1750 году 80 000 жителей, в 1811 году всего 8 000. Вот это называется doux commerce [приятная торговля]» [1].

Используя данную цитату Маркса, учитель может подчеркнуть, что именно в ту эпоху создавалось колониальное могущество Голландии, именно тогда происходило порабощение мужественного народа Индонезии, который в наше время ведет героическую борьбу за свое освобождение.

Подводя общий итог событиям и результатам нидерландской буржуазной революции, подчеркивая положительное значение национально-освободительной борьбы, приведшей к изгнанию испанских захватчиков, отмечая прогрессивное значение, какое имела ликвидация феодальных отношений, учитель должен напомнить учащимся сформулированное Сталиным важнейшее положение ленинизма, гласящее, что все прежние революции, предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции, лишь заменяли одну форму эксплоатации другой формой эксплоатации. Только Октябрьская революция уничтожила эксплоататорский строй общества и дала трудящимся массам экономическую независимость, благосостояние и подлинную свободу.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I (Дебаты Рейнского союза); т. XVII, гл. 24; т. XX, гл. 47. К. Маркс, Хронологические выписки, т. III («Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 130—134, 324—328, 331—336).

* * *

Документ 1 взят из хрестоматии «Европа в эпоху торгового капитализма». Документ 2, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 18, 19 взяты из книги Мотлея «История Нидерландской революции». Документы 15, 16, 17 переведены А. Н. Чистозвоновым. Документ 12 взят из книги А. Пиррена «История Нидерландской революции». Документ 22 взят из хрестоматии проф. П. Н. Ардашева «Новая история в отрывках из источников». Документ 23 взят из сборника «Меркантилизм». Документы 6, 20, 21, 25 переведены А. Д. Эпштейном. Документ 24 переведен С. Д. Сказкиным.

Введение написано А. Д. Эпштейном.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 603—604 (Соцэкгиз 1931 г.).

БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В НИДЕРЛАНДАХ

1. АНТВЕРПЕН В XVI ВЕКЕ

Отрывок из книги «Описание Нидерландов», написанной Лодовико Гвиччардини, племянником великого флорентинского гуманиста и историка Франческо Гвиччардини. Автор книги прожил ряд лет в Нидерландах, где вел крупные торговые дела.

Продолжительное пребывание в Нидерландах позволило автору ознакомиться с жизнью и бытом страны. Его замечания представляют собой результат наблюдений свидетеля и очевидца.

Антверпен занимал особое место в истории Нидерландов. Этот город, расположенный в устье Шельды, стал не только крупнейшим торговым портом, но и подлинным центром широкой международной торговли. Значение Антверпена особенно сильно возрастает после великих географических открытий, когда, по образному выражению одного историка, Антверпен стал для всей Европы воротами, через которые непрерывно вливался поток океанских товаров. У его обширных набережных могли ежедневно нагружаться 200—250 кораблей.

В XVI в. Антверпен становится международным центром торговли и кредита, средоточием товаров, капиталов и купцов.

В Антверпен съезжаются люди, желающие изучить приемы и технику торговли. Антверпенская биржа и антверпенские банки становятся школой будущих коммерсантов.

Здесь формируются новые компании, здесь же слагаются и новые методы международной торговли и международного кредита.

...Город живет главным образом торговлей и своим благосостоянием и известностью в значительной мере обязан иноземцам. Отмечу, во-первых, что помимо местных жителей и приезжих из других мест страны, а также многочисленных купцов из Франции, которых здесь во время мира бывает очень много, в Антверпене имеется еще свыше тысячи купцов, принадлежащих к шести разным национальностям и живущих здесь даже в военное время. В эту цифру включены и главные агенты иностранных купцов. Это — немцы, датчане с ганзейцами, итальянцы, испанцы, англичане и португальцы. Больше всего здесь, повидимому, испанцев. Во всяком случае, среди последних больше всего женатых и имеющих в городе свои дома.

Подчиняясь местным законам, иностранные купцы могут жить здесь вполне спокойно, носить свою национальную одежду и придерживаться во всем обычаев своей страны.

Иностранцы пользуются в Антверпене, как, впрочем, и повсюду в Нидерландах, большей свободой, чем во всех других государствах мира.

Поистине поразительное зрелище — это смешение всевозможных наций, и удивительно слышать такое множество разных, отличных один от другого языков. Не пускаясь в путешествие, тут же, в городе, имеешь возможность присмотреться и научиться подражать обычаям, манерам и характеру разных народов. Благодаря иностранцам в городе всегда знают все новости со всего света. Самые богатые и известные из всех купцов-иностранцев — Фуггеры, немцы из города Аугсбурга. Старший представитель этой фамилии — Антон, который был как бы господином над осталь-

ными и не так давно умер на своей родине, оставил по духовному завещанию шесть миллионов золотых талеров, помимо прочих огромных богатств, сосредоточенных в руках этой превосходной и славной фамилии и добытых за семьдесят лет торговой деятельности.

Пользуясь своим богатством, представители этой фамилии достигли высоких званий и должностей и получили владения как в Германии, так и в других странах.

Перед тем как перейти к дальнейшему рассказу, укажу, что король католический [испанский], король Португалии и английская королева не брезгуют знаменитыми родовитыми купцами, приближают их к себе, поручая им вести здесь свои денежные дела. Люди эти получили название агентов. Католический король имеет здесь двух агентов... Оба имеют от короля широчайшие полномочия: они могут брать в долг на бирже под векселя, под закладные и другими способами деньги по своему усмотрению в любом количестве и на любой срок. За долг отвечает король или какая-нибудь из принадлежащих короне провинций... Португальский король содержит здесь одного агента... Прежде в случаях, когда короли бывали сильно обременены долгами или по какой-либо другой причине нуждались в деньгах, агенты иногда занимали для них в продолжение одной ярмарки до трех миллионов золотых талеров, каковые всегда возвращались в обещанный срок, день в день. Однако с некоторого времени оба короля, задолжав свыше меры, один из-за индийских предприятий, другой из-за французских и турецких войн, а также, вероятно, тяготясь алчностью злокозненных купцов-ростовщиков, не торопятся с ними расплатиться...

Переходя к описанию крупных торговых сделок, заключаемых здесь ежедневно, замечу, что и местные и приезжие купцы совершают здесь огромные операции как с векселями и закладными, так и с товарами; вкратце расскажем, как они это делают.

По утрам и по вечерам, в установленные часы, купцы идут на английскую биржу, на которой в течение часа с помощью многочисленных и разноплеменных маклеров совершают сделки с товарами. Позже они идут на Новую биржу, которая является важнейшим местом сбора купцов, и снова в течение часа заключают при участии маклеров сделки, на этот раз уже на закладные и векселя...

Сущность расчета по векселям заключается в том, что в Антверпене берут или отдают в долг некую сумму денег, которую должны вернуть или получить где-нибудь в Италии (или в другом месте); операция, когда дают или берут деньги в одном городе с обязательством принять или вернуть деньги в другом, носит название cambio. Придумали ее преимущественно для удобства торговли, но многие злокозненные купцы, главным образом из самых богатых, не довольствуются этим и из скупости, жадности и неустанного стремления к большим барышам извратили эту честную операцию. Они, то вкладывая деньги, то, наоборот, забирая их крупными суммами с биржи, делали денежный рынок неустойчивым и благодаря этому наживались, тогда как другие

терпели убытки. Все же вексельные операции вполне допустимы и чрезвычайно удобны; богословы не считают их несправедливой наживой, если они производятся по закону, ибо заработок на них подчас крайне незначителен, а риск велик, и нередко рискуют всем капиталом. Теперь же побеседуем о закладных операциях.

Так, скрывая нечистые дела, называют ныне отдачу денег на срок под проценты. Повелением божьей милостью императора Карла V, возобновленным его сыном, королем Филиппом, процент установлен в размере 12 годовых. Их величества согласились на столь высокий процент для того, чтобы избежать больших затруднений в трудное для купцов время, но, как показали жизнь и примеры прошлого, высокие проценты очень тяжелы для людей бедных, а также вредят самой торговле, тем более что человеческая недобросовестность их на деле все время еще увеличивает. Операции эти были бы действительно полезны, если бы довольствовались нормальным приростом, хотя бы 6% или $6^1/_4$%, каковые могли брать по разрешению императоров дворяне, или же немного набавляли бы, примерно до 8%. Но не удовлетворяясь таким барышом, забывают меру и превращают сделку в тяжелое бремя и насилие.

2. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ МАНУФАКТУРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Приступая к введению чрезвычайных налогов в Нидерландах, герцог Альба пытался установить годовую производительность предприятий нидерландской мануфактуры.

В результате учета общая годовая продукция была определена (в ценностном выражении) в сумме около 45 млн. флоринов (44 864 883 флорина).

Распределение этой суммы по отдельным провинциям и городам свидетельствует о степени промышленного развития каждой из этих провинций и городов.

Названия провинций	Объем годового производства в тыс. флоринов	Названия провинций	Объем годового производства в тыс. флоринов
Брабант	11 197	Мехельн	263
Фландрия	10 408	Утрехт	735
Валансиен	5 224	Овериссель	1 610
Турнэ	2 369	Намюр	455
Голландия	2 029	Фрисландия	196
Лилль, Дуэ и Орхия	8 883	Артуа	1 719
Геннегау	1 982		

3. РАЗМЕРЫ ГОДОВОГО ДОХОДА КАРЛА V, ПОЛУЧАЕМОГО ОТ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ЕГО ДЕРЖАВЫ

От Испании	$^1/_2$	млн. флор.
» Италии	1	» »
» владений в Новом Свете	$^1/_2$	» »
» Нидерландов	2	» »

4. ОТНОШЕНИЕ ИСПАНСКИХ ВЛАСТЕЙ К РАДИКАЛЬНОМУ ЕРЕТИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ

а) Регентша Мария Австрийская о перекрещенцах (1534 г.)

Это невежественные люди, нищие и рабочие, которые думают только об ограблении церквей, знати, граждан и купцов, одним словом, всех имущих, чтобы собрать вместе все награбленное и потом разделить между всеми, дав каждому ровно столько, сколько необходимо для скромного существования.

б) Из письма Филиппа II Маргарите Пармской

Опыт прошлых времен свидетельствует, что не бывает изменений религий без одновременных перемен в государственном устройстве и что бедняки, бездельники и бродяги часто пользуются ими как предлогом для того, чтобы захватить добро богатых.

5. УКАЗ КАРЛА V О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ЕРЕТИКОВ В НИДЕРЛАНДАХ

(Так называемый «Кровавый указ»)

(Издан 25 сентября 1550 г. в Аугсбурге)

После того как реформация и сопутствующие ей социальные движения ограничили в самой Германии значение власти германского императора, Карл V решил сурово пресечь реформационное движение в своих наследственных землях. Вынужденный мириться с наличием протестантской церкви в Германии, Карл V стремится искоренить всякие попытки религиозного свободомыслия в Нидерландах. Будучи убежден, что только безраздельное господство католической религии способно оградить авторитет его власти и ликвидировать всякие демократические движения в стране, Карл V издает один за другим так называемые «плакаты» (т. е. постановления), направленные против «еретиков». В 1550 г. издается, наконец, «Кровавый указ», который отдает страну в руки инквизиторов.

Филипп II после своего вступления на престол полностью подтверждает указ 1550 г. и требует его точного применения. Католическая церковь выступает не только в роли вероучителя, но является одновременно и аппаратом политического сыска, имеющим огромную агентуру, и карательным органом, располагающим своими застенками и выносящим смертные приговоры, и, наконец, орудием финансовой эксплоатации страны, с помощью которого из Нидерландов извлекается огромное количество денежных средств и из-за которого тысячи нидерландских бюргеров, разоряясь или теряя часть своих доходов, обогащают тем самым испанское дворянство. Применение «Кровавого указа» вызвало бурю негодования в Нидерландах, и революционное движение в первую очередь было направлено против гнета католической церкви и ненавистной народу инквизиции.

Воспрещается печатать, писать, иметь, хранить, продавать, покупать, раздавать в церквах, на улицах и других местах все печатные или рукописные сочинения Мартина Лютера, Иоанна Эколампадия, Ульриха Цвингли, Мартина Бусера, Иоанна Кальвина и других ересиархов, лжеучителей и основателей еретиче-

ских бесстыдных сект, порицаемых святой церковью... Воспрещается разбивать или оскорблять иным способом образа пречистой девы в признаваемых церковью святых... Воспрещается допускать в своем доме беседы или противозаконные сборища, а также присутствовать на таких сходках, где вышеупомянутые еретики и сектанты тайно проповедуют свои лжеучения, перекрещивают людей и составляют заговоры против святой церкви и общественного спокойствия... Воспрещаем, сверх того, всем мирянам открыто и тайно рассуждать и спорить о святом писании, особенно о вопросах сомнительных или необъяснимых, а также читать, учить и объяснять писание, за исключением тех, кто основательно изучал богословие и имеет аттестат от университетов... Воспрещаем тайно или явно проповедовать, защищать, повторять или распространять учения вышеупомянутых еретиков; в случае нарушения одного из этих пунктов виновные подвергаются наказанию как мятежники и нарушители общественного спокойствия и государственного порядка.

Такие нарушители общественного спокойствия наказываются: мужчины — мечом, а женщины — зарытием заживо в землю, если не будут упорствовать в своих заблуждениях; если же упорствуют, то предаются огню; собственность их в обоих случаях конфискуется в пользу казны...

Воспрещаем давать убежище, пищу, одежду, деньги и вообще каким бы то ни было образом помогать лицам, уличенным в ереси или подозреваемым в ней; виновные в этом подвергаются тем же наказаниям, что и сами еретики.

Если кто-либо, хотя бы и не уличенный в ереси или заблуждении, но сильно заподозренный в них и приговоренный духовным судьею к отречению от ереси или светским судом к публичному покаянию и пене, будет вновь заподозрен в ереси или окажется зараженным ею, хотя бы не было доказано, что он преступил или нарушил в чем-нибудь вышеозначенные пункты, — того тем не менее приказываем считать вновь впавшим в ересь и, сообразно этому, наказывать лишением жизни и собственности без всякой надежды на уменьшение или смягчение вышеуказанных наказаний.

Духовные судьи, намереваясь преследовать кого-либо за ересь, должны требовать, чтобы верховные суды или провинциальные советы назначали кого-нибудь из своей среды или какое-нибудь другое должностное лицо, по их выбору, для председательствования в суде над обвиняемым. Всякий, кто откроет лицо, зараженное ересью, обязан доносить на него начальству, судьям, епископам или другим установленным властям под страхом наказания, сообразно благоусмотрению судьи. Все обязаны также доносить начальству о местопребывании таких еретиков под страхом быть сочтенными за сообщников виновных и подвергнуться наказанию наравне с ними.

Доносчик в случае уличения обвиненного получает половину собственности осужденного, если она не превышает ста фламанд-

ских фунтов; если же превышает, то десять процентов со всего, превышающего эту сумму...

Присутствовавшие на тайном сборище получают полное прощение, если по возвращении оттуда выдадут своих товарищей...

Чтобы лишить судей и начальников повода смягчать наказания под предлогом, что оно слишком строго и тяжко и имеет целью только внушить страх виновным, чтобы виновные подвергались всей силе вышеисчисленных наказаний, воспрещаем судьям изменять или смягчать каким бы то ни было образом положенные наказания; воспрещаем всем лицам, какого бы они ни были звания, просить нас или кого другого, имеющего власть, о помиловании, а также подавать просьбы за еретиков, изгнанников или эмигрантов под страхом лишения навсегда права занимать гражданские и военные должности и сверх того иного наказания, которое определяют судьи.

6. РАСПРАВА НАД ГРАФОМ ЭГМОНТОМ И АДМИРАЛОМ ГРАФОМ ГОРНОМ

Предсмертное письмо графа Эгмонта и казнь его и графа Горна представляют существенный интерес.

Расправа над двумя нидерландскими вельможами кладет начало полосе кровавых террористических репрессий, знаменующих период господства герцога Альбы в Нидерландах.

И письмо Эгмонта и поведение обоих осужденных у места казни чрезвычайно характерны для той политической позиции, какую занимали эти два выдающихся представителя нидерландской знати. Притеснения, чинимые инквизиторами, вредная для интересов страны политика кардинала Гранвеллы (фактического правителя Нидерландов), тяжелое налоговое бремя, которое несла вся страна в интересах испанского короля и окружающих его феодалов,—все это неуклонно толкало нидерландскую знать и нидерландских дворян к оппозиции... Но в то время как бюргерство и та часть дворянства, которая была с ним связана общими хозяйственными интересами, последовательно боролась за освобождение страны от всех пут, стеснявших ее развитие,— многие представители высшей знати занимали колеблющуюся, неустойчивую позицию. Они то примыкали к оппозиции, то спешили подчеркнуть свое повиновение королю Филиппу.

Граф Эгмонт оказал испанскому королю важные боевые услуги. Под испанскими знаменами как подданный и как генерал испанского короля граф Эгмонт дважды наголову разбил французские войска в сражениях под Гравелином и под Сен-Кантеном.

Примыкая к оппозиции, ненавидя Гранвеллу, поддерживая петиции, составляемые дворянами, Эгмонт в то же время не переставал чувствовать себя связанным с испанским королем, не переставал ощущать себя представителем феодального лагеря, признающим господство короля Филиппа II.

Когда широкие народные массы всколыхнулись и, негодуя против церковного гнета, стали предавать уничтожению ненавистные им реликвии и богатства католической церкви, Эгмонт взял на себя карательные функции и учинил в провинциях Фландрии и Артуа жестокую расправу над участниками возмущения. Но эта запоздалая верноподданность не спасла его от гнева короля Филиппа. Занимать неопределенную, двойственную позицию, пытаться найти середину между восстанием и повиновением оказалось невозможным. Герцог Альба решил казнить графов Эгмонта и Горна, чтобы этим устрашающим примером воздействовать на нидерландское дворянство.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО ГРАФА ЭГМОНТА ФИЛИППУ II ИЗ БРЮССЕЛЯ

Государь! Сегодня вечером я узнал приговор, который вашему величеству угодно было произнести надо мной. Хотя я никогда не имел в отношении вас ни одной злой мысли и думаю, что никогда не совершил ни одного поступка, который клонился бы ко вреду особы или службы вашего величества или в ущерб нашей истинной и древней католической веры, я, однако, терпеливо переношу то, что богу угодно было послать мне. Если во время этих смут в Нидерландах я сделал или допустил что-нибудь, что могло показаться противным делу службы вашему величеству, то я это делал с истинными и хорошими намерениями служить богу, вашему величеству и требованиям времени. Поэтому я прошу ваше величество простить мне и иметь сострадание к моей бедной жене, детям и слугам во внимание к моей прошлой службе. С этой надеждой я предаю себя божьему милосердию.

Готовый умереть, сего 5 июня 1568 г.

Вашего величества нижайший и вернейший вассал и слуга Ламараль д'Эгмонт.

КАЗНЬ ГРАФОВ ЭГМОНТА И ГОРНА В БРЮССЕЛЕ

(Донесение фирме Фуггер)

4 июня сего 1568 г. два графа, Эгмонт и Горн, привезены на особой телеге из Гента в Брюссель. Они сопровождались 12 взводами пеших испанцев и несколькими сотнями кавалерии.

Когда граф Эгмонт увидел Брюссель, он сказал:

«Я питаю надежду на то, что герцог Альба будет ко мне настолько милостив, что позволит мне сидеть за ужином с женой и детьми».

Когда же в 3 часа пополудни они прибыли в город, оба графа были доставлены в королевский дворец, стоявший на рыночной площади против ратуши. Тогда Эгмонт сказал: «Теперь я потерял всякую надежду». В тот же вечер, в 7 часов, обоим графам был прочтен приговор. И тогда Эгмонт стал говорить и повторять: «Пусть будут ему прощены те проступки, в которых он провинился перед его величеством, пусть будут они милостиво забыты ради тех услуг, которые он оказывал королю. Пусть оставят ему жизнь и накажут пожизненным тюремным заключением с тем, чтобы его содержали не как графа, а как бедного дворянина. Об этом следует просить...»

Как передают, великий приор бросился на колени перед герцогским экипажем, но ничего не смог добиться.

Герцог ответил, что приговор над обоими графами должен быть приведен в исполнение. Для причастия осужденным был послан епископ Ипрский, в помощь которому был придан герцогский капеллан и один испанский священник.

Эти лица оставались при осужденных до самой их смерти.

Поутру на рыночной площади возвели помост, который здешние люди называют эшафотом. По бокам были водружены шесты с железными наконечниками. Упомянутый эшафот был обтянут черным сукном, и на него были возложены две черные подушки. Рыночная площадь была заполнена отрядами испанцев, явившимися из Гента и находившимися в Брюсселе. В 11 часов первым был приведен на рыночную площадь граф Эгмонт. Он не был связан, и его сопровождали епископ Ипрский и два испанских священника.

Он был в черном бархатном камзоле с большим вырезом у шеи, черных бархатных штанах и белых испанских сапогах. Поверх он носил красный камчатный сюртук и обыкновенный черный плащ,—то и другое с золотыми позументами. На голове его была шляпа с черными и белыми перьями. В таком виде шел он через площадь к эшафоту. Плащ его покоился на плечах, а руки были скрещены на груди. Так он величественно шел с тем гордым выражением лица, с которым он обычно являлся в совет. Он выказал себя мужественным, но, судя по лицу, угнетенным. Взойдя на эшафот, он сбросил плащ и приготовился к смерти. Но метр де Камп сказал ему: «Господин, не торопитесь, а подумайте о вашем деле. Вам будет для этого предоставлено достаточно времени». Тогда он снова вскинул плащ на плечи, снова огляделся вокруг, не произнося ни слова. Только его правая рука выдвинулась из-под плаща, и он вглядывался в нее напряженным взором. Тогда епископ Ипрский обратился к нему со словами: «Господин, не заботьтесь сейчас ни о каких мирских вещах, а подумайте о спасении вашей души». На это ответил Эгмонт: «Разве помешает спасению души, если я думаю о своей жене и детях?» Епископ ответил: «Нет, ибо наш господь бог сам, когда висел на кресте и искупал наши грехи, препоручил свою мать Иоанну». На это ответил граф: «Кроме этого нет ничего, чем было бы озабочено мое сердце и отягощена совесть».

При этих словах он снял шляпу, скинул плащ и сюртук. Метр де Камп снова сказал ему, что не надо торопиться. Граф ответил, что раз он должен умереть, то он хочет этого скорее. Он опустился на колени вместе с епископом и шептался с ним столько времени, сколько нужно было, чтобы дважды прочесть «Отче наш». Потом он жестом предложил епископу отойти в сторону, взял в руки золоченый крест, лежавший на эшафоте, и, держа его в руках, оставался коленопреклоненным, ожидая, пока приготовится палач. Епископ спросил его, позволит ли он закрыть ему глаза повязкой. «Нет,— ответил он,— я хочу рыцарски умереть и держать себя достойно». Тогда палач подошел и мечом отсек голову. Тотчас же испанские священники отнесли тело и отрубленную голову в сторону и скрыли их под черным покрывалом.

Тогда привели графа Горна фон Бротгауз. Он также был не связан и, вступив на рыночную площадь, снял шляпу и, поклонив-

шись в обе стороны, на испанском языке поздоровался с солдатами. Те ответили на приветствие. С непокрытой головой, держа шляпу в руке, он мужественно вступил на эшафот. Он был в своем обычном костюме: камзоле из белого полотна и черных бархатных штанах, с накинутым поверх плащом. Взойдя на эшафот, он сказал, что сожалеет о том, что шел против своего короля и не смог служить ему лучше. Он просит его величество и всех, кого он оскорблял, о прощении. С той же готовностью он готов простить всякого. Он попросил, чтобы каждый прочел за него «Отче наш».

Вслед за этим он вместе с епископом опустился на колени и оставался коленопреклоненным примерно столько, сколько нужно было, чтобы дважды прочесть «Отче наш». Шляпу он все еще держал в руке. Потом он встал, поблагодарил всех сильным, мужественным голосом, поклонился особо солдатам, на что и те ответили поклоном. Тогда он сбросил плащ и снова, не связанный, опустился на колени. По его приказанию палач выполнил свое дело.

Когда оба графа были казнены, их головы были водружены на боковые шесты, где они и оставались до 3 часов пополудни.

Трупы же были поручены шести монахам.

Оба трупа, обернутые белым полотном, были положены в особые ящики, в которых они около часа оставались на эшафоте. После 3 часов дня эти ящики вместе с двумя маленькими ящичками, в которых покоились головы казненных, были перенесены в церковь св. Гудулы. Там головы были пришиты к телам. После этого Эгмонт был отправлен в Сент-Кларенский монастырь, а Горн — в другой монастырь. Вслед за этим тело Эгмонта было перевезено в его владение — Готтегем, а тело Горна — в Веерт, где их предали погребению.

7. ПРОКЛАМАЦИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ОРАНСКОГО

(31 августа 1568 г.)

Мы, божиею милостью принц Оранский, приветствуем всех верных подданных его величества. Мало кто не знает, что испанцы давно уже стараются управлять этой страной, как им вздумается. Употребляя во зло доброту его величества, они убедили его предписать введение инквизиции в Нидерландах. Они очень хорошо знали, что если можно будет заставить нидерландцев терпеть ее действия, они потеряют всякое обеспечение своей свободы; что если они будут противиться ее введению,— они откроют в этих богатых провинциях обширное поле для грабежа.

Мы надеялись, что его величество, приняв это дело к сердцу, сохранит свои наследственные провинции от такого конечного разорения. Мы нашли, что наши надежды тщетны. Мы не можем по причине нашей обязанности верно служить его величеству и ввиду нашего истинного сострадания к его верным подданным, спокойно смотреть далее на такие убийства, разбои, бесчинства

и страдания. Кроме того, мы уверены, что его величество имеет неверные сведения о нидерландских делах. Вследствие этого мы поднимаем оружие, чтобы противиться насильственной тирании испанцев с помощью милосердного бога, который есть враг всякой кровожадности. Готовые радостно отдать нашу жизнь и все наше мирское богатство за это дело, мы имеем теперь благодаря богу отличную армию из кавалерии, пехоты и артиллерии, набранную всю на наш счет. Мы призываем всех нидерландских верноподданных прийти нам на помощь. Пусть они примут к сердцу крайнюю нужду отечества, опасность вечного рабства для самих себя и своих детей и совершенного уничтожения евангелической религии.

Только тогда, когда будет, наконец, пересилена кровожадность Альбы, могут провинции снова приобрести свое чистое отправление правосудия и вновь обрести состояние благоденствия для своей республики.

8. ФОРМУЛА ПОЛНОМОЧИЙ, ДАННЫХ ВИЛЬГЕЛЬМОМ ОРАНСКИМ ЛЮДВИГУ НАССАУСКОМУ ДЛЯ НАБОРА ВОЙСК

(Выдержка)

Чтобы высказать нашу любовь к монарху и его наследственным провинциям, отвратить разорение, тяготеющее над страной по причине свирепости испанцев, поддержать привилегии, которым присягнули его величество и его предшественники, предупредить искоренение эдиктами всякой религии и спасти сынов и дочерей страны от унизительного рабства, мы просим нашего возлюбленного брата Людвига Нассауского набрать столько войск, сколько он признает нужным.

9. ПИСЬМО О ПОЖЕРТВОВАНИЯХ, ВРУЧЕННОЕ ВИЛЬГЕЛЬМОМ ОРАНСКИМ ДИТРИХУ СОНУА

Не желая допускать активного участия народных масс в борьбе с испанскими поработителями, всячески противясь созданию демократических вооруженных сил, Вильгельм Оранский стремился к использованию наемных отрядов, в частности, немецких ландскнехтов, которых он рассчитывал навербовать с помощью пожертвований, полученных от богатейших представителей нидерландского купечества и знати.

Теперь необходимо, чтобы и другие, кроме меня, приняли участие в пожертвованиях. Потому что, хотя все в руке божией, и хотя он сотворил все из ничего, он, однако, даровал разным людям разные способности, посредством которых, как посредством различных орудий, он достигает своих целей.

Для этого он даровал одним телесную силу, другим мирское богатство, иным еще разные дары, которые все должны быть употреблены их обладателями к его чести и славе, если они не желают

подвергнуться наказанию недостойного раба, который закопал в землю свой талант...

Теперь вы легко можете видеть, что принц не может больше вести этого великого дела один, так как он потерял земли, вассалов и имущество и уже употребил в дело все, что у него осталось, а кроме того, наделал тяжелые долги.

10. ОТРЫВОК ИЗ «РЕЧИ»

По указанию Оранского было составлено большое воззвание. Это агитационное произведение было названо «Речью».

Хотя воззвания, обращаемые к принцу, различны в своем существе и разнообразны в своих указаниях, однако все они стремятся к увеличению славы божией и к освобождению родины. Это-то дает силу ему и тем, кто думает так, как он, терпеть голод, жажду, холод, жар и все несчастия, какие небу угодно будет послать... Наши враги не щадят ни своих денег, ни своих трудов. Неужто вы будете холоднее и тупее, нежели наши враги? Пусть же каждая церковная конгрегация подает пример другим. Мы читаем, что царь Саул, когда захотел освободить жителей Иависа из рук Нааса, разрубил ярмо на куски и послал по всему Израилю, говоря: «Так же поступят с телом того, кто не пойдет по следам Саула и Самуила»... и страх божий сошел на народ, он восстал, и жители Иависа были освобождены.

Здесь для вас такое же предостережение — берегитесь презреть его, чтобы гнев божий, которого избегали люди израильские своим быстрым повиновением, не сошел на ваши головы...

Вы, может быть, скажете, что вы — изгнанники; это правда, но этим вы не лишены всякой способности быть полезными.

Кроме этого, вашей помощи просит человек, который возвратит вас в ваши дома. Вы, может быть, скажете, что у вас ограбили все, что вы имели, однако у многих из вас еще осталось кое-что, и от этого малого вы должны принести каждый свою лепту. Вы говорите, что вы уже много давали. Это правда, но неприятель опять стоит в поле, жаждая покорить вас, поддерживаемый щедротами своих приверженцев. Неужели вы будете менее мужественны, менее щедры, нежели ваши враги?

11. ОТНОШЕНИЕ ГЕРЦОГА АЛЬБЫ К «КРОВАВОМУ СОВЕТУ»

Главным судилищем, обрекавшим тысячи граждан на смерть по обвинению в ереси и противоправительственной деятельности, был так называемый «Совет волнений».

Этот «Совет волнений» получил от современников более верное название «Кровавого совета». Все его члены избирались герцогом Альбой, который к тому же оставлял за собой право окончательного решения всех дел.

В письме к королю Альба объясняет причины, побудившие его ограничить полномочия Совета и подчинить его своему контролю.

...Две причины заставили меня ограничить власть этого судилища: первая — та, что, не зная членов, я легко могу быть обманутым ими; вторая — та, что законники осуждают только за доказанные преступления, между тем как вашему величеству известно, что государственные дела ведутся по правилам, очень не похожим на законы, которые они здесь имеют...

12. ДОНЕСЕНИЕ АЛЬБЫ ФИЛИППУ II ОБ ОСАДЕ ГАРЛЕМА

12 июля 1573 г. после продолжительной осады город Гарлем был вынужден сдаться на милость победителя. Этому предшествовали обещания Альбы милостиво отнестись к защитникам Гарлема. После сдачи города 2 300 солдат французских, валлонских и английских было расстреляно и 6 выдающихся граждан города казнено. На население была наложена контрибуция в 100 тыс. экю. Ниже приводимая выдержка относится ко дням осады Гарлема.

Не нашлось ни одного человека, который захотел бы нести морскую службу: все матросы были заодно с восставшими... Защитники города вели себя, как настоящие солдаты... Их инженеры творили неслыханные вещи... Никогда не видели столь отлично защищенного пункта... Это самая кровавая война, какой давно уже не было... Если бы это была война против какого-либо другого государя, то она давно была бы уже окончена, но рост числа этих изменников,— это настоящее чудо!.. Особенно сбивает меня с толку, когда я вижу, с каким трудом вы, ваше величество, достаете новые подкрепления и с какой легкостью люди отдают свою жизнь и свое имущество в распоряжение этих мятежников.

13. ЦИРКУЛЯР ГЕРЦОГА АЛЬБЫ, ИЗДАННЫЙ В УТРЕХТЕ (26 июля 1573 г.)

После осады и взятия города Гарлема герцогу Альбе стало ясно, что ему предстоит еще ряд труднейших осад, так как города Нидерландов обнаружили свою готовность всеми средствами сопротивляться испанским войскам. Вследствие этого Альба решил обратиться к непокорным городам с увещеваниями и попытаться вернуть их таким образом к повиновению.

Вам хорошо известно, что король не раз выказывал желание принять своих детей, в каком бы отчаянном положении ни вернулись блудные сыны.

Его величество еще раз уверяет вас, что ваши грехи, как бы черны они ни были, будут прощены и забыты в обилии королевской благости, если вы раскаетесь и во-время возвратитесь в объятия его величества. Несмотря на ваши многократные преступления, его величество еще старается, как курица, созывающая своих цыплят, собрать вас всех под родительское крыло. Этим король еще раз предостерегает вас, чтобы вы отдались в его королевские руки и не ждали его ярости, жестокости, бешенства и приближения его армии.

Но если вы презрите это предложение милосердия, если примете его с закрытыми ушами, как было до сих пор, мы вас предостерегаем, что нет строгости, нет жестокости, как бы они ни были велики, которых вам бы не следовало ожидать; мы внесем опустошение, голод и меч, так что нигде не останется и следа того, что теперь существует; его величество разорит и совершенно обезлюдит страну и заставит ее населиться снова иностранцами, потому что иначе его величество не может поверить, чтобы воля божия и его величества была исполнена.

14. ПИСЬМО ГЕРЦОГА АЛЬБЫ ФИЛИППУ II (1573 г.)

Герцог Альба, захватив и беспощадно разграбив Гарлем, считал, однако, что он поступил с городом Гарлемом «слишком мягко» и упрекал себя за чрезмерное великодушие, так как он не встретил со стороны горожан, которым «пощадил» жизнь, никаких изъявлений «признательности» и «привязанности»; он решил «вознаградить» себя, намереваясь поголовно истребить население города Алькмаара. Это свое решение герцог и излагает в письме к королю.

Пусть ваше величество разуверится в мнении, что добротой можно что-нибудь сделать с этим народом. Дела дошли уже до того, что многие люди, родившиеся в этой стране, которые до сих пор стояли за милосердие, теперь вышли из заблуждения и признались в своей ошибке. Они такого мнения, что в Алькмааре не нужно оставить ни одной живой души, а что нужно перебить всех до последнего.

Ваше величество можете быть уверены, что ни один человек на свете не желает больше моего идти путем милосердия, несмотря на мою особенную ненависть к еретикам и изменникам.

Но, если я возьму Алькмаар, я решился не оставить ни одного существа в живых. Нож будет всажен в каждое горло. Так как пример Гарлема оказался бесполезным, может быть, пример жестокости заставит другие города опомниться.

[Город Алькмаар оказал героическое сопротивление испанским войскам. После того как был отбит первый штурм, солдаты отказались вторично идти на приступ городских стен.

Испанцы были вынуждены снять осаду, узнав, что по просьбе осажденных принц Оранский распорядился открыть плотины и затопить водами океана всю окружающую город местность.]

15. ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В НИДЕРЛАНДЫ

а) Из письма герцога Алансонского[1]

Наша цель — добиться доброго спасительного мира и усмирить и истребить ереси и новые секты, которые, как это видно, каждодневно размножаются в этих провинциях.

[1] Герцог Алансонский — французский принц, сын Екатерины Медичи.

б) Из выступления депутата Мондусе на ассамблее генеральных штатов (март 1578 г.)

Отказ принять помощь герцога Алансонского подвергнет нас опасности увидеть народ восставшим во всей стране.

в) Действия французских солдат отрядов герцога Алансонского

Из мемуаров католика Монтиньи

Лишь только перейдя Лис, они не думали более ни о каком повиновении своим главным военачальникам. Они потеряли всякое уважение к своим непосредственным капитанам, предаваясь всякого рода злодеяниям, грабя, убивая, сжигая, творя насилия... вымогая невероятными пытками у большого числа крестьян выкуп за жизнь. У одних для этого жгли ноги и руки до костей, других подвешивали на 3—4 дня, третьих морили голодом и жаждой.

г) Из выступления Вильгельма Оранского на заседании генеральных штатов (июль 1579 г.)

Во всем христианском мире нет принца, который был бы столь расположен к нам, как герцог Алансонский.

Мы уже обещали герцогу, что в случае смены суверена, отдадим предпочтение ему. Герцог опирается на значительные силы во Франции и может рассматриваться в качестве приемлемой фигуры и валлонцами, которые уже однажды призывали его к себе. Надо лишь обставить его призыв соответствующими условиями, из которых главными являются следующие: сформирование авторитетного и правомочного правительства из жителей страны, нерушимое соблюдение вольностей и привилегий провинций и провозглашение «религиозного мира» при решительном пресечении крайностей.

д) Из письма герцога Алансонского принцу Оранскому (февраль 1580 г.)

Я вас уверяю, что вы всегда будете иметь долю в том успехе, которым я буду пользоваться.

е) Ответ короля Генриха III брату — герцогу Алансонскому — на просьбу о поддержке нидерландской экспедиции

(Из донесения венецианского посла)

Фламандцы столь же ненавидят французов, сколь и испанцев. Если они и призовут герцога в качестве суверена, то поставят в столь унизительные условия, что он не будет действительным правителем страны.

Для самой Франции эта война не будет полезна, ибо, как показал опыт недавнего прошлого, французские солдаты принесли больше зла Пикардии и Нормандии, чем испанцам, и вернулись из похода беднее, чем были до него.

Международная обстановка значительно сложнее и менее благоприятна для Франции, чем это изображает герцог, а на помощь английской королевы рассчитывать особенно не приходится. Она боится французского соседства не менее, чем испанского, и предпочтет стравить обе эти державы между собой, чтобы самой пользоваться благами мира.

16. ОТНОШЕНИЕ АНГЛИИ К СОБЫТИЯМ НИДЕРЛАНДСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

а) Письмо английского посла во Франции Уолсингэма — лорду Берли, руководителю внешней политики Англии (1572 г.)

Если бы господь не подвиг принца Оранского отвлечь Испанию, опасный огонь уже пылал бы в нашем собственном доме.

б) Из письма лорда Гудсона лорду Берли

(О плане захвата Англией Голландии и Зеландии)

Королева не захочет отказаться от такого выгодного дела, как Голландия и Зеландия, или какая-нибудь часть Нидерландов, которая может быть удержана. Если она этого не сделает, то возьмет король Франции.

в) Резолюция Филиппа II на дипломатическом донесении

Ссорить англичан с французами хорошо, я одобряю, чтобы это было сделано. То, чего не должно, это пытаться примирить меня с англичанами.

г) Письмо Елизаветы Филиппу II после Варфоломеевской ночи

Жители Флиссингена ежедневно предлагают мне передать свой город. Если это на пользу интересам и с согласия короля Испании, я приму эти предложения. Я овладею городом и передам его Альбе.

д) Инструкция английскому послу Роджерсу, направленному в 1575 г. в Нидерланды

В случае возникновения франко-голландского союза, Елизавета приложит все силы, чтобы помочь испанскому королю помешать этому и добиться, чтобы император и германские князья присоединились к ней в этих действиях.

е) Из донесения английского посла в Нидерландах Вильсона (1576 г.)

Весь христианский мир сегодня пристально смотрит на трех лиц: дон Хуана, герцога Алансонского и принца Оранского, и трудно сказать, которого из них следует больше опасаться в интересах Англии.

ж) Из письма английского посла во Франции Уолсингэма

(11 мая 1578 г.)

Трудно судить, в чем главная опасность. В объединении ли с дон Хуаном или со штатами. Сохранение первого принесет нам зло в настоящем, второе — в будущем, которое скорее постигнет наших потомков, чем нас.

17. ЗАЯВЛЕНИЕ «МЕНЬШИНСТВА» НА АССАМБЛЕЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ В ДЕЛЬФТЕ В 1576 г.

Большинство депутатов генеральных штатов поддерживало Вильгельма Оранского в его стремлении найти опору не в революционной активности народных масс, а в поддержке со стороны иноземных сил. Немногочисленные сторонники демократической политики старались опротестовать действия оранжистов и доказывали, что суверенная власть принадлежит не им, а народу.

За отсутствием законного государя суверенитет принадлежит народу, а не вам, господа, ибо вы являетесь не чем иным, как слугами, должностными лицами и депутатами указанного народа и обладаете всеми вашими полномочиями и инструкциями ограниченно не только во времени, но также и относительно дел, которые вы обсуждаете, что является условиями настолько удаленными от суверенитета, как небо отдалено от земли.

18. ОБЪЯВЛЕНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ОРАНСКОГО ВНЕ ЗАКОНА

(15 марта 1580 г.)

Будучи не в силах сокрушить авторитет Вильгельма Оранского и подорвать его растущую популярность, враги Оранского решили отделаться от него с помощью наемных убийц.

Кардинал Гранвелла предложил «оценить голову мятежника». Это предложение было принято Филиппом II, и по его указанию был составлен особый акт, объявляющий Оранского вне закона.

В начале этого документа перечисляются «преступления» Оранского: его обвиняют в лицемерии и черной неблагодарности по отношению к королю, в оскорблении икон, в преступлениях против нравственности, в публичных проповедях, на него возлагают ответственность за восстание в Голландии и за страшную резню, учиненную испанцами над мирным населением, которая якобы явилась неизбежным последствием его измены. Он объявляется «низким лицемером», вполне заслуживающим сурового наказания.

Далее говорилось:

За все преступления мы объявляем его изменником и изувером, врагом нашим и нашего отечества, изгоняем его навсегда из наших владений, запрещая всем нашим подданным всех сословий иметь с ним явные и тайные сношения и доставлять ему пищу, питье, топливо или что-либо другое, необходимое для поддержания его жизни. Имущество вышеупомянутого Вильгельма Нассауского предоставляется разграблению каждого из наших подданных. Позволяется нападать на его имущество и посягать на его жизнь.

Тому из наших подданных или иностранцев, кто по великодушию своему избавит нас от этой язвы, представив его нам живым или мертвым, или умертвит его, мы обязуемся немедленно выплатить 25 тыс. крон золотом, даруя ему при этом полное прощение за всякое совершенное им преступление, как бы гнусно оно ни было, и обещая возвести его в дворянство, если он не дворянин.

19. «ЗАЩИТА» ВИЛЬГЕЛЬМА ОРАНСКОГО (1580 г.)

В ответ на оценку его головы и угрозу убийства Вильгельм опубликовал особый документ, который он назвал «Защитой». В этом документе Оранский открыто заявляет о своем неповиновении королю.

Свою деятельность Оранский рассматривает как служение народным интересам и объявляет, что только народное решение может определить его участь. «Защита» была прочитана 13 декабря 1580 г. в собрании штатов в Дельфте и встретила там горячее сочувствие.

Я весь в руках божиих. Давно уже я посвятил мою жизнь и все, что я имею, на служение ему. Господь бог сумеет распорядиться моей жизнью и моим имуществом во славу себе и на спасение души моей.

Но если будут представлены положительные ручательства или хотя бы подана надежда, что мое удаление принесет пользу стране, я готов тотчас же отправиться в изгнание...

...Как бы я желал, чтобы мое вечное изгнание или смерть могли спасти вас [жителей Нидерландов] от ваших несчастий. Как утешительно было бы мое изгнание! Как славна смерть! Для чего я растратил свое состояние? Для того ли, чтобы разбогатеть? Почему я потерял своих братьев? Где могу я найти им замену? Почему сын мой так долго в плену? Вы не можете дать мне другого! Зачем я подвергал столько раз свою жизнь опасности? Какую награду мог я ожидать за мою долгую службу и окончательное мое разорение, кроме сладкой уверенности, что я с опасностью для жизни способствовал вашей свободе?

Поэтому, господа, если вы считаете мой отъезд или смерть для себя полезными, скажите,— я готов повиноваться.

Приказывайте, посылайте меня на конец света,— весь ваш. Вот вам моя голова, над которой никакой государь в мире не имеет

власти, кроме вас. Располагайте мною, как хотите, и если вы находите, что мои ничтожные способности и мой запас опытности могут быть вам полезны так же, как остаток моего имущества и моей жизни,—я снова предлагаю их вам и всей стране.

20. ИКОНОБОРЧЕСТВО В БЕЛЬГИИ

Сообщение из Антверпена от 2 мая 1581 г.

Восемь дней назад солдаты и кальвинисты Брюсселя разбили на куски иконы и алтари в церквах и монастырях. Духовенство и до 500 католиков были изгнаны и брошены в тюрьмы. Таким образом в Брюсселе было упразднено католическое вероучение и введено кальвинистское.

Вслед за этим и здесь [в Антверпене] цеховые старшины от гильдий и братств и ремесленников, предшественники которых воздвигли в церкви св. Девы прекрасные капеллы и алтари, ныне потребовали, чтобы изображение в красках и другие украшения были убраны из церквей. В вечер Вознесения они начали опрокидывать алтари, заняли церкви и до сегодняшнего дня держали их запертыми... Неизвестно — разобьют ли они все находящееся в церквах. Предполагают, что здесь повторится все то, что было в Брюсселе... Так как последователи католической религии, кальвинисты, лютеране и анабаптисты не могут договориться друг с другом, это не способствует делу, и многие люди уезжают отсюда.

Сообщение из Антверпена от 5 июля 1581 г.

За истекшие дни кальвинисты причинили здесь ущерб. В день святого Якоба в церкви св. Девы, св. Якоба и в городской церкви, а также в монастыре св. Михаила, где католики до сих пор молились и проводили церемонии, они так потрудились, что все оттуда оказалось вынесенным. Органы и немалочисленные иконы разбиты на куски. Они ничего не щадили и все полностью уничтожали. 27-го числа среди бела дня капитан бюргеров, художник по профессии, с несколькими рабочими, вооруженными большими кузнечными молотами и другими железными инструментами, явились во все монастыри, капеллы, госпитали и другие богоугодные здания, короче говоря, во все места, где еще находились иконы и алтари, и все это разбили на куски. Многие иконы, сделанные из дерева, они вынесли на улицу, где несли дозор горожане, и там сожгли. Против этого никто не выступил, ибо господство духовенства полностью уничтожено.

ЗАПРЕТ КАТОЛИЦИЗМА В АНТВЕРПЕНЕ

Сообщение из Антверпена от 15 июля 1581 г.

Сегодня, в час дня после обеда, магистрат опубликовал постановление о том, что [здесь] впредь упраздняется католическая религия. Однако допускается, чтобы католики крестили детей по

своему обычаю и чтобы их брачные союзы благословлялись их священниками. Приверженцы реформации желают все подчинить своей воле, но их правление не устоит долго, и это вызовет большие невзгоды, ибо общине слишком отпустили вожжи.

21. УБИЙСТВО ВИЛЬГЕЛЬМА ОРАНСКОГО

(Донесение фирме Фуггер из Антверпена 16 июля 1584 г.)

К вечеру 12-го числа этого месяца мы получили известие, правдивость которого позже подтвердилась, что 10-го числа этого же месяца принц Оранский был убит в Дельфте одним бургундцем по имени Бартоломей Жерар. Этот бургундец за день до этого прибыл из Франции в качестве посла к штатам и к принцу Оранскому с известием о смерти герцога Алансонского.

И уже через четверть часа после его прибытия принца больше не было в живых.

Пока я писал это письмо, пришло известие, что упомянутый Бартоломей Жерар был в Дельфте подвергнут пытке и сообщил, что его убедил убить Вильгельма Оранского один иезуит в Италии, действовавший от имени испанского короля. Иезуит обещал ему в качестве вознаграждения 30 тыс. фунтов. В случае, если бы исполнение задуманного повлекло за собой смерть самого Жерара, обещанная сумма должна была достаться его друзьям.

Вслед за этим тот же иезуит послал его в Париж к тамошнему испанскому послу по имени Таксис.

Тот направил его к престарелой королеве Франции [1], вручившей Жерару письма к принцу Оранскому и сословиям Голландии, чтобы этим путем известить о кончине ее сына, герцога Алансонского. Жерар, раньше чем отправиться в Голландию, посетил принца Пармского [2], с которым он поделился замыслом. Лишь после этого он появился у принца Оранского.

22. ГЕНТСКОЕ УМИРОТВОРЕНИЕ

(8 ноября 1576 г.)

В тексте этого акта 26 параграфов. Здесь приведены в сокращенном виде только наиболее важные из них. Текст взят из анонимной Histoire générale des Provinces Unies, t. V, Paris 1760, pp. 396—398.

Штаты Брабанта, Фландрии, Артуа, Геннегау, Валансьена, Лилля, Дуэ, Орхии, Намюра, Турнэ, Утрехта и Малина, с одной стороны, и принц Оранский со штатами Голландии, Зеландии и их конфедератами, с другой, обещают поддерживать между собою прочный мир и взаимную связь, объединить их силы для того, чтобы изгнать из Нидерландов иностранцев, а именно испанцев,

---

[1] Екатерине Медичи.

[2] Бывшего в то время командующим всеми испанскими военными силами, действовавшими против Нидерландов.

созвать затем генеральные штаты, дабы покончить с беспорядком, установить правительство, урегулировать вопросы религии, в частности в Голландии, Зеландии, в Боммеле и у других их союзников; восстановить свободу торговли между всеми провинциями; обеспечить отправление религиозного культа в том виде, в каком оно установилось в каждом городе до созыва генеральных штатов; обеспечить принцу Оранскому его титулы, привилегии и достоинства, следить за исполнением данных постановлений в отношении тех городов, которые не пожелают их принять; возвратить свободу заключенным... аннулировать осуждения и приговоры судов, постановленные правительством герцога Альбы; восстановить в правах владения имуществом всех тех, которые его потеряли в то время... возвратить духовенству его имущества, за исключением тех, которые расположены в Голландии, Зеландии, причем нынешние владельцы этих имений в упомянутых двух провинциях будут обязаны платить пожизненные пенсии бывшим владельцам церковных бенефиций, потерявшим их в результате конфискации; объявить ничтожными и не имеющими силы все лишения наследства и дарения или какие-либо иные акты лишения имущества, совершенные в результате партийной ненависти.

Так как необходимость покрывать издержки войны привела к повышению номинальной стоимости денег в сравнении с их реальной стоимостью, таковая будет понижена до уровня, на котором она стоит в других провинциях, дабы предупредить зло, проистекающее от дурной монеты.

Всякий, кто останется на стороне испанцев, будет лишен преимуществ, вытекающих из данного договора, и сможет ими воспользоваться, только примкнув к договаривающимся сторонам.

Города и провинции в лице своих депутатов должны поклясться, что они будут соблюдать данные условия и все, что будет указано генеральными штатами.

Трофеи и монументы, воздвигнутые герцогом Альбой, будут срыты до основания.

Генеральные штаты должны рассмотреть, следует ли произвести раскладку расходов по последним двум кампаниям на всех участников договора.

23. УТРЕХТСКАЯ УНИЯ

23 января 1579 г. была подписана так называемая «Утрехтская уния». Эта уния связывала в единый политический союз северные провинции Нидерландов. Такой политический союз стал необходимым после того, как на юге Нидерландов началось усиление феодальной реакции. По мере того как феодальное дворянство и отсталое крестьянство южных провинций отходили от революции, буржуазия северных провинций стала смыкаться для продолжения дальнейшей борьбы, для окончательного устранения феодального и церковного гнета, для полного завершения буржуазной революции.

В противовес католицизму и признанию власти испанского короля, буржуазия северных провинций решает отстоять свою религиозную и политическую независимость и продолжать непримиримую борьбу с испанскими феодалами.

Провинции, объединенные Утрехтской унией, впоследствии, после успешного окончания вооруженной борьбы, вошли в состав нового, первого в Европе буржуазного государства — республики, носившей название «Соединенных провинций».

Как то стало ясно после Гентского соглашения, в котором почти все нидерландские провинции обязались стоять друг за друга жизнью и имуществом и изгнать испанцев и других чужестранцев с их сторонниками из этих провинций, эти испанцы, во главе с дон Хуаном Австрийским и другими своими вождями и полководцами, применяли все средства и постоянно делали попытки привести названные провинции в целом и в частях к подчинению, тираническому правлению и рабству не столько оружием, сколько интригами, разделить эти провинции и расчленить их, привести к нулю и разрыву союз, заключенный вышеупомянутым соглашением, для совершенной гибели и разорения вышеназванных земель и провинций, так как ясно, что, упорствуя в этих планах, они еще недавно думали склонить письмами на свою сторону известные города и области и путем вооруженного нападения овладели некоторыми местами в Гельдерне.

Вследствие этого жители княжества Гельдерн и графства Цютфен и жители провинций и земель Голландии, Зеландии, Утрехта и Фрисландии между реками Эмсом и Банверсом сочли благоразумным особо и более тесным образом вступить в союз друг с другом не для того, чтобы отделиться от общего союза, заключенного Гентским соглашением, но чтобы укрепить его и оградить себя от всяких затруднений, которые могут в нем возникнуть вследствие каких-либо интриг, посягательств или насилия врагов, чтобы знать, как и каким образом они должны вести себя в подобных обстоятельствах и иметь возможность защищаться против враждебных сил.

Хотя общий союз и Гентская пасификация остаются в силе, но чтобы объявить об отделении упомянутых провинций и отдельных земель, уполномоченными на то депутатами этих провинций были установлены и утверждены следующие пункты и статьи, и во всяком случае они желают таким образом отделиться от Священной Римской империи.

Названные провинции будут соединены и связаны союзом друг с другом и все вместе и всегда будут помогать друг другу всякими путями и способами, как если бы они составляли одну провинцию; никогда они не будут иметь права отделиться, позволить отделиться или уступить в чужое владение по завещанию, обмену, продаже, мирному договору, брачному договору или каким бы то ни было иным способом.

Все это, однако, без ущерба для какой-либо из отдельных провинций, фьефов и их жителей, а также для их специальных и частных привилегий, вольностей, льгот, законов, статутов, добрых старых кутюмов, обычаев и всех других каких бы то ни было прав, в чем они [провинции] не только не будут чинить друг другу ника-

кого ущерба, препятствия или помехи, но скорее будут помогать поддерживать и укреплять в этом всеми справедливыми и возможными средствами и даже,если понадобиться, жизнью и имуществом, а также защищать как бы то ни было и где бы то ни было против всех и каждого, кто пожелает посягнуть на них или овладеть ими. Само собой разумеется, что если какая-либо из вышеупомянутых провинций, фьефов или городов, принадлежащих к союзу, имеет или будет иметь по отношению к другим провинциям какой-либо вопрос, касающийся частных и специальных привилегий, вольностей, льгот, законов, статутов, добрых старых кутюмов, обычаев и других прав, то такие вопросы будут решаться обыкновенной юстицией, третейским судом или дружеским соглашением.

Также [постановлено], что упомянутые провинции, согласно заключенному соглашению и лиге, должны будут помогать друг другу жизнью, имуществом и кровью против всяких насилий, какие кто-либо может причинить им под прикрытием имени его величества короля [Филиппа II] или в его пользу по причине Гентского мирного договора, или же потому, что они приняли в качестве губернатора эрцгерцога Матвея со всем,что было связано с этим или последовало вследствие этого, или со временем может последовать; или же под знаменем и предлогом католической религии, чтобы ввести и утвердить ее силой оружия; или же по поводу некоторых из названных провинций, городов или в подвластных им землях с 1558 г., или по поводу настоящего союза и конфедерации; или по какому-либо иному поводу или причине как в том случае, когда эти насилия и посягательства будут применяться и совершаться по отношению к отдельным провинциям, штатам, городам и зависимым от них землям, так и по отношению ко всем им вообще.

Также [постановлено], что без общего единодушного совета и согласия упомянутых провинций не будет заключено никакое соглашение, никакой мирный договор, не будет начата война, не будут взиматься никакие подати и налоги, касающиеся всего союза; но другие дела, имеющие отношение к конфедерации, или дела, зависящие от этих вопросов, будут регулироваться, обсуждаться и решаться большинством голосов провинций, составляющих эту конфедерацию; эти голоса будут подаваться или собираться по способу, обычно соблюдаемому в общем собрании штатов, но при условии, что это будет постановлено общим советом союзников. Постановлено навсегда, что если провинции не будут в состоянии столковаться друг с другом в делах, касающихся существования государства, мира, войны или подати, то всякое несогласие во мнениях будет передано и представлено будущим штатгальтерам названных провинций, которые придут к соглашению или решат дело по справедливости.

Постановлено, что упомянутые провинции должны будут согласиться друг с другом относительно чеканки монеты, т. е. относительно обращения денег, что, согласно предписаниям,

будет сделано сразу, и одна провинция не сможет изменить монету без согласия других.

В отношении религии жители Голландии и Зеландии будут держаться своего мнения; остальные провинции союза будут руководствоваться статьями религиозного мира, уже выработанного эрцгерцогом Матвеем, губернатором и главным военачальником всех этих земель, и его советом с согласия Генеральных штатов; относительно этого они вообще и в частности установят все правила, какие они сочтут содействующими благу и справедливости провинций и земель и всех духовных и светских лиц, без каких бы то ни было препятствий, чтобы каждая личность была свободна в своей религии и чтобы никто не терпел никаких несчастий из-за своей религии, сообразно Гентскому соглашению.

24. ТОМАС МЕН О ГОЛЛАНДИИ XVII ВЕКА

(1664 г.)

Томас Мен (1571—1641), известный английский купец-экономист, меркантилист. Автор многих экономических сочинений, в которых он обосновал принципы меркантилизма. Ф. Энгельс называл его основной труд «Богатство Англии во внешней торговле...» «евангелием меркантилизма»[1]. Как один из директоров английской Ост-Индской компании, он внимательно изучал экономическое положение Голландии, этой главной соперницы Англии; поэтому сообщаемые им сведения о Голландии представляют особый интерес.

Как изобилие и мощь делают народ порочным и непредусмотрительным, так лишения и нужда делают его разумным и трудолюбивым. В отношении последнего я мог бы привести в пример различные государства христианского мира, которые, имея мало или совсем не имея собственных территорий, все же добивались большого богатства и мощи своей усердной торговлей с иностранцами. Среди них Соединенные провинции Нидерландов являются теперь величайшим и славным примером. С тех пор как они сбросили с себя ярмо испанского рабства, как чудесно они развили все свои способности! Какие большие средства получили они, чтобы защищать свою свободу против мощи такого великого врага! И не произошло ли все это благодаря их непрерывному усердию в торговле? Не являются ли их провинции складами товаров для большинства стран христианского мира, благодаря чему их богатство, судоходство, моряки, ремесла, народ, а потому и общественные доходы и акцизы выросли до удивительной высоты? Если мы сравним времена их порабощения с их настоящим состоянием, они покажутся нам другим народом[2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, стр. 234.

[2] После успешного завершения буржуазной революции города северных нидерландских провинций начинают стремительно расти, становясь круп-

Кто не знает, какая нужда, волнения и беспорядки царили в этих провинциях при испанском владычестве, что приносило испанцам скорее большие издержки, чем удовлетворение их честолюбия? Нетрудно было бы также соседним государям в короткое время низвести Нидерланды до их прежнего состояния, если бы безопасность этих государств требовала этого, как несомненно было бы, если бы испанцы были единственными властителями Нидерландов. Но наш очерк не имеет целью показать все пути и средства этих изменений: наша цель — показать главные причины богатства и величия Голландии. Всему миру чудом покажется, что такая маленькая страна, даже меньше наших двух лучших графств, имеющая мало естественных богатств, пищевых припасов, леса или других необходимых запасов для войны или мира, несмотря на это, обладает всем этим в таком чрезвычайном изобилии, что, кроме своих собственных нужд (которые очень велики), она может снабжать и действительно снабжает и продает другим государствам суда, артиллерийские орудия, снасти, зерно, порох, пули и т. д. и все, что только голландцы собирают со всех концов мира благодаря своей усердной торговле. В этом деле они не менее вредны для других (особенно для Англии), вытесняя их с рынков, чем заботливы в укреплении своего положения. А для того чтобы достигнуть всего этого и даже более того (их война с Испанией), они имели мало средств, кроме рыболовства, которое им разрешено производить в морях его величества. Оно действительно явилось для них средством невероятного обогащения и их силы и на море и на суше, как о том писал Роберт Гичкок, Тобиас Джентльмен и другие для тех, кто желал читать. И сами Генеральные штаты в своей прокламации прямо описывают ценность рыболовства в следующих словах:

ными промышленными центрами и центрами широкой заокеанской торговли.

Об этом росте говорят приводимые цифры численности населения некоторых из этих городов.

Амстердам		Лейден	
Годы	Численность населения в тыс.	Годы	Численность населения в тыс.
1622	105	1581	12
1630	115	1622	44
1637	145	1640	50
1685	185	1740	70
1740	200		
1795	217		

Э. Бааш, История экономического развития Галландии в XVI—XVIII веках, 1949, стр. 48.

Часть прокламации штатов, датированной в Гааге 19 июля 1624 г.

«Крупное рыболовство и ловля сельдей являются главным занятием и основной золотоносной жилой Соединенных провинций; благодаря им много тысяч хозяйств, семейств, ремесел, торговых дел и занятий процветают и работают, причем особенно высоко ценится судоходство и мореходство как внутри, так и вне этих провинций. Кроме того, благодаря рыболовству мы получаем много денег, что увеличивает наши средства, наш флот, таможенные пошлины и доходы Провинций»...

— и многое другое, что ярко выражено в прокламациях Генеральных штатов в защиту сохранения рыболовства, без которого они не смогут долго сохранять свой суверенитет, так как если этот фундамент рухнет, то должно будет пасть все здание их богатства и силы как на море, так и на суше. Тогда значительная часть их судоходства сразу погибнет, их доходы и таможенные пошлины станут незначительными, их страна обезлюдеет из-за недостатка работы и заработка, из-за чего прекратится поступление налогов и сборов, и их торговля с Ост-Индией и другими странами придет в упадок. Таким образом, слава и мощь нидерландцев заключаются в ловле сельди, налима и трески в морях его величества.

25. ГОЛЛАНДИЯ СТАНОВИТСЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ДЕРЖАВОЙ

а) *Донесение фирме Фуггер от 24 июля 1599 г. из Амстердама*

Из восьми голландских кораблей, которые четырнадцать месяцев назад отплыли отсюда в Индию за пряностями, на этой неделе возвратились четыре корабля. Они вернулись с богатым грузом. Их главный груз — перец в 300 тюках, что составляет свыше 4 тыс. пачек. Остальное падает на другие пряности: мускат, корицу и т. п. Корабли обладают вместимостью в 225, 215, 70 и 40 тюков.

Остальные 4 корабля с вооруженными людьми остались в Банка. Они отправляются на Молуккские острова и через несколько месяцев должны прибыть.

Здесь это считают важным известием и удивляются, что корабли совершили столь быстрое путешествие. Они плыли семь месяцев по направлению к Индии и спокойно стояли на якоре в Банка в течение двух месяцев. Там они получили весь свой груз и прошли обратный путь в пять с половиной месяцев.

Подобное путешествие никогда не предпринималось португальцами.

Индейцы в Банка обошлись с ними с полным дружелюбием, и голландцы оплатили весь ущерб, который был ими нанесен 3 года назад жителям Банка.

Тем временем португальцы на трех галерах совершили нападение на город Банеам, но индейцы благодаря помощи голландцев перебили 800 португальцев, а остальных вместе с их кораблями захватили в плен.

Так как этому народу [голландцам] так посчастливилось в этой морской экспедиции, они будут, несомненно, предпринимать дальнейшие экспедиции, и если король Испании не позаботится им воспрепятствовать, то со временем королевство Португалия и венецианцы потерпят большой ущерб. Эти корабли оцениваются трижды по сто тысяч фламандских фунтов. Они будут ежегодно наводить порядок в деле [торговле] с пряностями и кое-кому «собьют компас»... Голландские штаты снова собираются направить корабли в Индию и отрядить королю Банка посла. Испанский король должен этому помешать силой, иначе они никогда не оставят начатого.

б) Донесение фирме Фуггер от 22 октября 1599 г. из Антверпена

Письма из Амстердама сообщают, что один голландский корабль, который отплыл от Канарских островов вместе с 36 другими кораблями по направлению к Индии, отделился от прочих и присоединился к двум английским пиратам, которые ограбили несколько кораблей в Испанском заливе. Этот корабль вошел в Тексель неподалеку от Амстердама. Достоверно неизвестно, что он доставил. Почти одновременно в Эмден прибыло из Бразилии два голландских корабля с 1 500 ящиков сахара. Ожидают еще 3 корабля из Бразилии.

Морские сношения голландцев с Индией все усиливаются, что чревато для португальцев большим ущербом для всей их торговли.

в) Донесение фирме Фуггер от 3 июля 1600 г. из Антверпена

Из Голландии и Зеландии пишут, что снова 4 корабля из Ост-Индии и другие корабли из Вест-Индии пришли в Плимут (Англия), богато груженные пряностями.

Они везут в общей сложности 90 тюков перца, который оценивается в 324 тыс. фунтов, кроме того...

Помимо этого, в Зеландии, Амстердаме и Роттердаме ожидается прибытие таких же судов. Груз недавно прибывших с Молукских островов двух кораблей с пряностями состоит из 620 тыс. фунтов мускатного ореха, 65 тыс. фунтов мускатного цвета, 35 тыс. фунтов гвоздичного масла, 700 фунтов перца, так что весь этот груз оценивается в 230 тыс. фламандских фунтов. Эти два корабля увезли с собой, однако, 300 тыс. фунтов наличными.

В Индию снова отправляются 6 кораблей, из них 4, принадлежащих старым, и 2 корабля, принадлежащих новым компаниям. Эта поездка очень вредна испанцам. Это происходит вследствие того, что голландцы и зеландцы захватывают теперь области пор-

тугальской и испанской торговли. Из Эмдена сообщают, что туда пришел корабль из Пернамбукко (Бразилия) и приехавшие на нем люди рассказывают, что армада из 7 кораблей, принадлежащих Генеральным штатам, заняла в Бразилии 2 укрепленных замка, а по возвращении своем назад привезла от семи до восьми тысяч ящиков сахара.

г) *Донесение фирме Фуггер от 12 ноября 1604 г. из Антверпена*

Нам сообщают из Амстердама, что туда прибыли 2 торговых судна с сахаром из Бразилии. Они привезли весть, что в Бразилии остались 5 военных кораблей вместе с двумя, везущими провиант и снаряжение, которые отплыли в марте. Там эти корабли ограбили суда с сахаром, захватили на них 4 тыс. ящиков сахара, и, кроме того, команда ограбила население.

Они оставались 6 недель на суше в Бразилии и приняли решение соорудить укрепленный замок в местности, именуемой Байа, и удерживать за собой впредь эту территорию.

Англия в XVI—XVII веках

Введение

Представленные в данном разделе документы знакомят учащихся с основными фактами социально-экономической и политической истории Англии XVI в.

Задача учителя заключается в том, чтобы четко охарактеризовать те перемены, в результате которых Англия именно в XVI столетии становится экономически развитой страной и абсолютной монархией. Говоря об экономическом развитии Англии, уместно начать с указания на то, что Англия в XVI в. переходит от роли поставщика сырья (шерсти) к роли поставщика шерстяных тканей.

С этой переменой связан и отказ от услуг ганзейских и генуэзских купцов и мореходов [1], создание английского торгового и военного флота, борьба за овладение морскими путями, участие в географических открытиях и появление первых английских колоний.

С рассказом о развитии английской капиталистической промышленности необходимо связать яркие факты, рисующие ту жестокую классовую борьбу, которой сопровождалось возникновение капиталистического производства в Англии. Процесс так называемого «первоначального накопления», положивший начало капиталистическим отношениям и обогащению предпринимателей, следует охарактеризовать как «... процесс отделения производителя от средств производства» [2].

Эту мысль легко иллюстрировать рассказом об огораживаниях XVI в. Самый термин «огораживание» учащимся уже знаком, так как они знают об огораживаниях, предшествовавших восстанию Уота Тайлера. Целесообразно указать на то, что новые огораживания XVI в. были обусловлены запросами молодой капиталистической промышленности, нуждавшейся в большом количестве сырья — шерсти Здесь же уместно подчеркнуть, что огораживания XVI столетия, в отличие от прежних огораживаний, знаменовали посягательство землевладельца не только на общинные угодья, а и на индивидуальные пахотные участки крестьян, т. е. лишали средневекового производителя — крестьянина — земли, являвшейся для него основным средством производства и основным источником существования.

Используя красочный документальный материал, иллюстрируя свои пояснения конкретными примерами, заимствованными из документов, учитель должен показать трагическое положение многотысячной крестьянской массы, насильственно лишенной земли, крова, пропитания.

Учитель должен показать жестокость и лицемерие классового законодательства, которое Маркс назвал «кровавым законодательством»,— законодательства, обрушившего всю тяжесть беспощадных репрессий не на захватчиков и насильников, а на обезземеленных крестьян, ставших жертвой огораживаний.

Знакомя учащихся с английским абсолютизмом, учитель легко объяснит, что усиление власти Тюдоров было связано с той важной услугой, которую они оказали господствующему классу, подавляя народные восстания, подчиняя трудящихся и, наконец, принудительно вовлекая их в орбиту капиталистической эксплоатации.

С этой ролью уместно связать и другую услугу, которую оказывала английской буржуазии Тюдоровская монархия, — покровительство торго-

[1] См. документ 5 в разделе «Германия» об изгнании ганзейцев.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, гл. 24, стр. 783.

вым компаниям, английскому мореходству и морской торговле, борьба за овладение морскими путями и колониями.

Наряду с этими основными факторами усиления королевской власти имела известное значение и «секуляризация» — ограбление монастырей, произведенное в интересах многочисленных королевских сторонников.

Документ 1 — парламентский акт против разрушения деревень — рисует картину опустошений, в результате которых разрушаются дома и сносятся деревни. Превращение пахотных земель в пастбища приводит к появлению множества людей, насильственно оторванных от земли и труда. Парламент и правительство встревожены упадком земледелия, исчезновением во многих местах крестьянства, столь необходимого для обороны страны. Но всего более авторов акта пугает образование многотысячной массы обнищавших и бездомных людей, которых именуют «праздными». Если, как говорит источник, три пастуха сменили двухсот земледельцев, это свидетельствует о том, что в ряде районов подавляющее большинство сельского населения стало обездоленными скитальцами. Страх перед этой армией отчаявшихся людей выражается в словах о «ниспровержении политики и доброго управления этой страны». Акт парламента пытается запретить чреватое опасными последствиями уничтожение домов и строений, грозя ослушникам утратою половины доходов. Со времени акта 1489 г. проходит 28 лет, и, как явствует из *документа 2*, огораживания продолжаются попрежнему, и в 1517 г. королевской грамотой предписывается образовать комиссию по расследованию огораживаний. Документ говорит о том, что крестьян «выгоняли и выбрасывали» из селений, огороженных канавами и изгородями, и, таким образом, попытка воспрепятствовать распространению огораживаний законодательным путем ни к чему не привела. Документ показывает, что наряду с огораживаниями, которые вызывались развитием овцеводства, имели место и такие огораживания, которые никакой экономической необходимостью не обусловливались, а производились ради создания охотничьих парков, служивших для развлечения знати. *Документ 3* содержит яркую характеристику, которой Томас Мор, выдающийся английский мыслитель, подводит итог процессу огораживаний, очерчивая безвыходное положение людей, которых карают за «праздность», несмотря на то, что они в ней совершенно неповинны, так как ограблены и выброшены на большую дорогу. Мор с негодованием говорит о трагической участи обездоленных, которым ставят в вину их несчастье. Его слова являются обвинением против тех, кто несет ответственность за все невзгоды, постигшие экспроприированных.

Документ 4 содержит жалобу копигольдеров на действия нового землевладельца, который возмущает их своими беззастенчивыми и произвольными действиями. Описание грубого самоуправства и насилий, которыми сопровождается ограбление и выселение крестьян, представляет собой характерную бытовую картину того времени. Эсквайр Джон Помер, как это видно из документа, не только сознает свою безнаказанность, но и чувствует поддержку, которую обеспечивают ему и ему подобным королевская власть. Учащихся следует наводящими вопросами привести к этому выводу, показав, что законодательные попытки затормозить огораживания были продиктованы лишь страхом последствий и что, несмотря на эти попытки, король и парламент поддерживали людей, подобных Джону Померу. Авторы жалобы говорят, что «они не могут за себя постоять» и «находятся в страхе за свою жизнь». Разумеется, их жажда правосудия и надежда на королевское заступничество оказались тщетными.

Две кратких выдержки из памфлета *(документ 5)* и из проповеди *(документ 6)* могут быть процитированы учителем. В них сжато, с негодованием и возмущением выражены чувства широких масс Англии, проклинавших огораживания и тех, по чьей вине они происходили. Документы, предшествующие этим выдержкам, ввиду их объема не могут быть прочитаны в классе. Учащихся можно познакомить лишь с краткими отрывками из них.

Документ 7 содержит требования крестьян, восставших под предводительством Кета в 1549 г. Данный документ, в силу своей громоздкости, непригоден для использования в классе. Его можно использовать для внеклассной работы. Док-

ладчик должен обнаружить в ней влияние «12 статей» Великой крестьянской войны в Германии. Крайне важно отметить, что как в 12 статьях, так и в данной программе крестьяне требуют вернуть нормы поборов к прежнему уровню, который представляется им законным и справедливым. Таковы § 5, 6, 14. Характерно, что ненавистными новшествами крестьяне считают все законодательство Тюдоров, и это ясно выражает § 27, призывающий вернуться к «первому году царствования Генриха VII», то есть, по сути дела, к дотюдоровской эпохе. Ясно выражен протест против захвата пастбищ лордами (см. § 3, 11, 29) против попыток лордов переложить бремя своих обязательств на плечи крестьян (§ 2, 9). Однако мы не находим протеста против самого существования лордов и против неравномерного распределения земли. Обращает на себя внимание и стремление крестьян положить конец церковному землевладению (§ 4) и обязать священников довольствоваться раз навсегда определенной оплатой и выполнять роль проповедников и учителей (§ 15,20, 22, 26).

Сохраняя нерушимым феодальный строй поземельных отношений, крестьяне наивно верят в королевское правосудие; § 13 показывает, что переход суда из рук сеньеров в руки короля представляется им достаточной гарантией для обеспечения спокойного пользования общинными угодьями.

Документ 8— акт Елизаветы «О наказании бродяг и неисправимых нищих». Из этого документа могут быть зачитаны краткие выдержки, а за отсутствием времени учитель может пересказать вкратце его содержание. При этом следует подчеркнуть, что «злостными бродягами» и «упорствующими нищими» были объявлены жертвы хищных землевладельцев. Публичное бичевание и следование по этапу, принудительный труд — таковы меры «кровавого законодательства», в одинаковой степени отобразившие и страх перед отчаявшейся массой и стремление использовать ее подневольный труд в исправительных домах и в мастерских, как дополнительный источник так называемого первоначального накопления, то есть (в данном случае) обогащения основателей капиталистической мануфактуры.

Документ 9 представляет собой жалобу ткачей двух графств.

Ткачи жалуются на невозможность соблюдать те требования, которыми прежде обеспечивалось высокое качество изделий цеховых ремесленников-ткачей. Жестокая конкуренция со стороны скупщиков, как показывает жалоба, лишает мастеров ткацкого промысла их прежней самостоятельной роли независимых производителей. Скупщик, располагающий сырьем и собственными ткацкими станками, использует дешевый труд разорившихся людей и, заполняя рынок своими дешевыми товарами, подрывает старое цеховое производство.

Ткачи-мастера оказываются вынужденными работать на «хозяев-скупщиков», обрабатывать их сырье и получать за это жалкое вознаграждение, размеры которого установили сговорившиеся между собой скупщики. Под угрозой голода опытные мастера принуждены довольствоваться низкой заработной платой. Анализ этого документа позволит отметить не только безрезультатность всяческих обращений к парламенту, но и факт появления «рассеянной мануфактуры», то есть широко разветвленного производства, где прядильщики, ткачи, красильщики, оставаясь территориально разобщенными, работают над одним и тем же сырьем, и в результате их последовательных усилий капиталист-организатор, раздающий сырье и полуфабрикаты, получает готовый товар и обогащается за счет эксплоатируемых им работников.

Такова первая по времени форма капиталистического производства. Резюмируя в устной форме смысл документа, учитель может процитировать отдельные места текста в виде наглядных иллюстраций.

Документ 10 рисует централизованную мануфактуру. Ее отличие от децентрализованной мануфактуры заключается в том, что прежде разобщенные мастера отныне работают под одной кровлей и принцип разделения труда впервые приводит к эксплоатации детей и женщин, щиплющих шерсть, стригалей, прядильщиц, чесальщиц, ткачей, декатировщиков, отделенных лишь перегородкой друг от друга. Баллада, созданная по заказу владельца мануфактуры, прославляет его предприятие, в радужных тонах рисуя обстановку труда женщин и детей, подвергшихся в действительности тяжелой капиталистической эксплоатации.

Документ 11, характеризующий мануфактуру и торговый капитал в шерстяной промышленности XVII в., в силу своей сложности не пригоден для использования в классе. Им может руководствоваться сам преподаватель, который даст краткие выводы, вытекающие из содержания документа. Он подчеркнет глубокую дифференциацию, которая существовала как среди поставщиков шерсти, так и среди производителей сукон. Он укажет, что богатые суконщики располагали зависимыми от них пряхами, ткачами, валяльщиками, что крупнейшие землевладельцы, владея обширными землями и большими стадами, имели возможность сбывать шерсть при наиболее благоприятных обстоятельствах и по наиболее высоким ценам в отличие от мелких сельских хозяев, приобретавших овец на деньги, одолженные у скупщиков, и вынужденных сбывать шерсть несвоевременно и по низкой цене.

Документ 12, говорящий об организации Ост-Индской компании, может быть резюмирован несколькими словами. Учитель может указать, что возникновению Ост-Индской компании предшествовало создание многих других компаний (Московской, Эстляндской, Марокканской, Турецкой, Гвинейской). Ост-Индская компания, в дальнейшем сыгравшая решающую роль в деле захвата и порабощения Индии, как показывает документ, была основана немногочисленными пайщиками-организаторами. Предпосылкой и условием успехов Ост-Индской компании явились те исключительные привилегии и льготы, которых домогались от королевы учредители компании.

Документ 13 — акт парламента о прекращении уплаты аннатов — говорит о начавшейся в Англии реформации.

Для данного документа характерно, что главным мотивом, который выдвигается парламентом и королем против аннатов, является протест против вывоза денег из Англии.

Документ 14 — булла папы Павла III об отлучении Генриха VIII — характеризует начало так называемой королевской реформации в Англии.

Папа точно излагает ход событий, в процессе которых Генрих VIII перешел от роли «защитника веры» к роли «реформатора» и главы независимой от папы англиканской церкви. Следует, однако, подчеркнуть, что причиной, обусловившей резкую перемену взаимоотношений между английским королем и папой, явилось стремление короля усилить собственную власть и овладеть богатствами монастырей (секуляризация). Раздачами из фонда конфискованных земель король желал увеличить свою популярность среди дворян, получивших новые земли. Нежелание папы расторгнуть брак Генриха VIII с Екатериной Арагонской было только поводом отложения от Рима. *Документ 15*— инструкция Томаса Кромвеля — говорит о том, что проведение реформации потребовало идеологической борьбы с папством и его агентурой, выразившейся в регулярных проповедях священников, повсеместно обличавших папу и порицавших пышный культ католической церкви и связанные с ним суеверия.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс, Хронологические выписки, т. III, IV и VI («Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 217—228, 359—398; т. VIII, стр. 84—97; т. X, стр. 249—252); К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII (Рецензия на книгу Гизо «Почему удалась английская революция»); т. XVII, гл. 24; «Капитал», т. III, гл. 47.

* * *

Документы 1, 2, 4, 7, 8, 9, 11, 12 взяты из «Хрестоматии по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время» под ред. В. П. Волгина (Гиз, 1920). Документ 3 взят из книги «Утопия» Томаса Мора (издание «Академия», 1935). Документ 10 взят из книги Эшли «Экономическая история Англии». Документы 13, 14, 15, 18, 20, 22, 29, 30, 44, 46, 47, 51 переведены В. Ф. Семеновым. Введение написано А. Д. Эпштейном.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АНГЛИИ В XVI—XVII ВЕКАХ

Огораживания в Англии XVI в. и аграрное движение

1. АКТ ПРОТИВ РАЗРУШЕНИЯ ДЕРЕВЕНЬ (1489 г.)

Королю, нашему суверену и государю, особенно и более всего угодно, чтобы устранялись такие ненормальности и злоупотребления, которые вредны и опасны для общего блага этой его страны и его подданных, в ней живущих; он помнит, что большие затруднения возрастают с каждым днем по причине опустошения, снесения и намеренного разрушения домов и деревень в этом его королевстве и по причине обращения под пастбище земель, которые обычно находились под пашней. Вследствие этого с каждым днем возрастает праздность, основа и начало всех зол: в некоторых деревнях, где раньше двести человек находили занятие и жили мирным трудом, теперь заняты два или три пастуха, а прочие впадают в праздность; земледелие, одно из наиболее выгодных занятий в этом королевстве, приходит в великий упадок, церкви разрушаются, богослужение прекращается, за погребение там тела никто не молится, патрон [1] и приходские священники терпят ущерб, защита этой страны против наших внешних врагов ослабляется и ухудшается к великому недовольству бога, к ниспровержению политики и доброго управления этой страны, и против этого не принимается спешных мер. Поэтому король, наш суверен и государь, с согласия и совета светских и духовных лордов и общин, собранных в настоящем парламенте, и в силу их авторитета, приказывает, утверждает и постановляет следующее: каждый, каково бы ни было его положение, ранг и состояние, имеющий дом или дома, которые в течение трех последних лет сдавались или сдаются теперь, или будут сдаваться в аренду с 20 или более акрами земли..., обязан сохранять и поддерживать на вышеупомянутой земле дома и строения, подходящие и необходимые для сохранения и поддержания обработки и земледелия; и если кто-либо из владельцев таких домов и земель возьмет такой дом, дома или землю в свои руки и оставит их для себя, то такой владелец или владельцы в силу вышеупомянутого постановления также обязаны сохранить и поддерживать на этих землях дома и строения, подходящие и необходимые для поддержания, обработки и земледелия. А если кто-либо нарушит эти предписания или часть их, то король, если эти земли и дома держатся от него непосредственно, или лорд феода, от которого

[1] Обычно лорд являлся патроном («покровителем») местной приходской церкви, обладая правом представлять кандидата в приходские священники.

непосредственно держатся эти земли, имеет право брать ежегодно половину дохода той земли, на которой дом или дома не поддерживались и не сохранялись; и эту половину доходов он может получать в свою пользу без всякой уплаты за это до тех пор, пока этот дом или эти дома не будут должным образом выстроены или исправлены; но это получение доходов с такой земли никоим образом не создает у короля или лордов никакого фригольда [1]; но король и упомянутый лорд или лорды имеют право только на получение доходов, как было сказано, и поэтому король или лорд, или лорды имеют право налагать арест на эти доходы, которые они должны получать, как было указано, в силу данного акта.

2. КОРОЛЕВСКАЯ ГРАМОТА О НАЗНАЧЕНИИ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ОГОРАЖИВАНИЯ (1517 г.)

Король своим возлюбленным и верным Джону Визи, декану [2] нашей капеллы, Андрею Виндзору, рыцарю, Роджеру Уэджистону из Лестера — привет. В прошлые времена некоторые из наших подданных, не думая ни о боге, ни о благе и выгодах нашего королевства, ни о его защите, окружили изгородями и канавами некоторые деревни, хутора и другие места в английском королевстве, где жили и из году в год прилежно занимались земледелием многие из наших подданных, выгнали и выбросили их из их держаний и ферм, и землю вокруг этих домов, деревень и хуторов, а также принадлежащие к ним поля и земли обратили в пастбище для разведения овечьих стад и другого скота для своей личной выгоды и обратили большие поля, пастбища и леса... в большие и обширные парки, или расширили прежние парки только для того, чтобы разводить там оленей; вследствие этого деревни, хутора и другие места не только приведены в запустение, но и дома и другие здания в них так разорены, что теперь не остается от них и следа, и наши подданные, которые там жили и занимались земледелием, доведены до праздности, мачехи добродетелей, и день за днем живут в праздности, и земледелие и скотоводство, которыми занимались жившие там земледельцы и хозяева, прекратились и совсем исчезли в этих местах, и освященные там церкви и капеллы разорены... Поэтому в силу наших обязанностей, желая исправить все вышесказанное и желая удостовериться, сколько деревень, хуторов, домов и зданий и какие именно были разорены с праздника архангела Михаила [3], 4-го года царствования славнейшего господина Генриха VII, покойного короля Англии, нашего отца, и какие земли, бывшие

[1] Фригольд — «свободное держание» — одна из форм феодального землевладения в Англии, приближавшаяся к праву частной собственности.
[2] Декан — старший священник.
[3] Праздновался 29 сентября.

тогда под обработкой, теперь огорожены и обращены под пастбища, и какие устроены парки для разведения оленей, и какие земли огорожены для расширения старых парков, мы назначили двоих из вас произвести расследования в графствах Оксфорд, Беркшир, Уорвик, Лестер, Бедфорд, Бекингем и Нортгемптон, как в иммунитетных территориях [1], так и вне их, путем опроса под присягой добрых и правоспособных людей, а также всякими другими путями, которыми вы надеетесь лучше добраться до правды: какие деревни, сколько домов и построек было разрушено после вышеупомянутого праздника, и какие и каких размеров земли, бывшие тогда под обработкой, теперь обращены в пастбища, и какие и какой величины парки были огорожены для разведения оленей со времени этого праздника, и какие земли были огорожены для расширения прежних парков, и кем, где, когда, как и каким образом; а также выяснить и другие обстоятельства, касающиеся вышесказанного... и настоящей грамотой мы предписываем нашим шерифам вышеназванных графств вызвать к вам или к двоим из вас в назначенный вами день и в назначенное место столько добрых и правоспособных людей из своего округа, сколько понадобится для выяснения и расследования истины... [2]

3. ТОМАС МОР ОБ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVI ВЕКА

Томас Мор (1478—1535) — известный английский гуманист, автор «Утопии», опубликованной на латинском языке в 1516 г В дальнейшем Мор был канцлером Генриха VIII (1529—1532); за несочувствие реформации был устранен королем от должности, посажен в тюрьму и казнен

Ваши овцы, обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города. Именно во всех тех частях королевства, где добывается более тонкая и поэтому более драгоценная шерсть, знатные аристократы и даже некоторые аббаты [3], люди святые, не довольствуются теми ежегодными доходами и процентами, которые обычно нарастали от имений у их предков; не удовлетворяются тем, что их праздная и роскошная жизнь не приносит никакой пользы обществу, а, пожалуй, даже и вредит ему. Так вот, в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводят все под пастбища, сносят дома, разрушают города, оставляя храмы только для свиных стойл. Эти милые люди обращают в пустыню все поселения и каждую пядь возделанной земли, как будто и без того у вас мало ее теряется под загонами для дичи и зверинцами.

---

[1] Привилегированные территории, не подчинявшиеся начальникам графств — шерифам.

[2] Подобные же комиссии были созданы и для остальных 30 графств (исключая крайние северные)

[3] Аббат — настоятель монастыря.

Таким образом, с тех пор как всего один обжора, ненасытная и жестокая язва отечества, уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров, он выбрасывает вон держателей (colonos, tenants), лишает их, или опутанных обманом, или подавленных насилием, даже их собственного достояния, или, замучив обидами, вынуждает к продаже его. Во всяком случае, происходит переселение несчастных: мужчин, женщин, мужей, жен, сирот, вдов, родителей с малыми детьми и более многочисленными, чем богатыми, домочадцами, так как хлебопашество требует много рук. Они переселяются, повторяю, с привычных и насиженных мест, и не знают, куда деться; всю утварь, стоящую недорого, даже если бы она могла дожидаться покупателей, они продают за бесценок при необходимости сбыть ее. А когда они в своих странствиях быстро потратят это, то что им остается другое, как не воровать и попадать на виселицу по заслугам или скитаться и нищенствовать? Впрочем, и тут, как бродяги, они попадают в тюрьму за свое праздное хождение,— никто ведь не нанимает их труд, хотя они сами пламенным образом предлагают его. А хлебопашеству, к которому они привыкли, нечего делать там, где ничего не сеют. Ведь достаточно одного овчара или пастуха вообще, чтобы пустить под пастбище ту землю, для надлежащей обработки которой под посев требовалось много рук [1].

4. ЖАЛОБА КОПИГОЛЬДЕРОВ [2] НА ОГОРАЖИВАНИЯ, ВЫСЕЛЕНИЯ И ПРОЧИЕ ПРИТЕСНЕНИЯ СО СТОРОНЫ НОВЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ СЕКУЛЯРИЗОВАННОГО МОНАСТЫРЯ СИОН [3]

Его высокопревосходительному высочеству королю. Униженно и со слезами объявляем и жалуемся вашему высочеству мы, ваши бедные подданные и ежедневные молитвенники, Джон Бун, Томас Холл, Джон Юнг, Томас Юнг, Роберт Бенетт, Джон Атфильд и другие вашей милости бедные подданные, живущие в маноре Эккльсден, в части, называемой Уэстангмеринг, в вашем графстве Сессекс [4]: ваши вышеупомянутые бедные подданные и их предки и их предшественники по владению были держателями по копии протокола курии и по обычаю вышеназванного манора, постоянно жили в пределах данной сеньерии с незапамятных времен в мире, покое и спокойствии, и спокойно пользовались дан

[1] Последний абзац Маркс цитирует в «Капитале», т. I, Партиздат, 1935, стр. 590—591.

[2] Копигольдеры — «держатели по копии»; так назывались в Англии крестьяне, владевшие пожизненно или наследственно земельными участками, верховным собственником которых был помещик—лорд манора. Копигольд — держание на обычном праве — образовался из крепостного вилланского держания.

[3] Сион — крупный женский монастырь в Лондоне, владевший рядом поместий в различных графствах.

[4] Приморское графство на юго-востоке Англии.

ными держаниями, согласно обычаю этого манора. Но недавно некий Джон Помер из Уэстангмеринга, эсквайр [1] приобрел во владение этот манор от вашего высочества путем обмена и под этим предлогом злоумышленно притесняет, тревожит и беспокоит ваших бедных подданных, копигольдеров этого манора, в противность всякой справедливости и обычаю этого манора, как следует ниже. Во-первых, этот Джон Помер, будучи человеком весьма сильным, немедленно после первого своего вступления во владение манором, путем вымогательства и насилия отнял у вышеназванных ваших бедных подданных их пастбища, которые они держат по копии, и огородил, и недавно эти пастбища вместе с другими землями обнес изгородью, выделив их для своей собственной пользы и выгоды. И через короткое время после этого вышеназванный Джон Помер, не довольствуясь всем этим, в своей жестокости, коварстве и жадности незаконно, силою и против их воли отнял у ваших бедных подданных их жилища, земли, держания и фруктовые сады, разорил и снес некоторые из их домов и бревна отдал на сторону, а несколько домов сжег, и некоторых из ваших бедных подданных насильно выгнал из этой сеньерии. Далее вышеупомянутый Помер принудительно заставил некоторых из ваших бедных подданных взять взамен их земель другие в других местах по его усмотрению; это были худшие земли и не могли сравняться с прежними ни по качеству, ни по числу акров, и владельческие права на них были неясны. А некоторым из ваших бедных подданных он и совсем не назначил ни земель, ни других возмещений, к их обеднению и крайнему разорению. А тех из ваших подданных, которые не пожелали подчиниться произволу и вымогательствам этого Джона Помера, этот самый Джон, вместе со своими слугами и другими злоумышленными лицами, числом до семи и более, вооруженными мечами, палками и другим оружием, осадил в их домах самым мятежным и насильственным образом и угрожал посадить их в тюрьму, и ваши бедные подданные, увидев его злые намерения, для спасения своей жизни запирали перед ним свои двери и не смели от страха и риска смерти выходить вон. И тогда этот Джон Помер со своими слугами и сторонниками насильственно и мятежно взломал двери ваших бедных подданных, не обращая внимания на крики и жалобный плач их жен и детей и на изумление прохожих, шедших на рынок, и намеревался бросить в тюрьму, избить, изувечить и убить ваших бедных подданных; и некоторые из них при этом от его жестокого обращения и поведения при отбирании у них копий на некоторое время лишились рассудка. И некая Маргарита, жена Роберта Бенетта, и другие, будучи в крайнем страхе, жалобно спросили у этого Джона Помера так: «Во имя бога и Христа, сэр, что это значит? Почему вы так жестоко обращаетесь с нами, бедным народом?»

---

[1] Эсквайр, или сквайр (буквально «оруженосец») — титул дворянина, не имевшего еще рыцарского звания.

На это Джон Помер ответил этой Маргарите в присутствии вышеупомянутого Роберта Бенетта и других лиц, говоря следующие слова: «Разве вы не знаете, что его милость король снес все дома монахов, нищенствующей братии и монахинь? Поэтому пришло теперь время нам, джентльменам, снести дома таких нищих бездельников, как вы». И сверх этого Джон Помер предупредил всех держателей, живущих в этой сеньерии по улице, ближайшей к морю, чтобы они поскорее очистили свои земли и держания. Местность, где в прошлые времена жило много всякого народа, способного хорошо нести службу вашей милости и отражать в случае нужды врагов вашей милости, теперь по вышеизложенной причине почти пуста и необитаема, к великому ослаблению берегов вашей милости у тамошнего моря. И это приведет к крайнему разорению и обеднению ваших бедных подданных, их жен и детей на вечные времена, если только ваша милостивейшая благость, милосердие, расположение и сострадание не будут на них в скором времени простерты и им показаны. И, далее, ваши вышеупомянутые бедные подданные, из страха и опасности для своей жизни от этого Джона Помера, его слуг и сторонников, не решаются вернуться домой в свою сторону, не получив от вас милостивейшей и скорой помощи в этом деле, так как Джон Помер и его слуги подняли драку и избили мужчин, женщин и детей, живущих в этой сеньерии, которые осмеливались говорить против этих обид, несправедливостей и вымогательств, им совершенных, как было сказано выше. Ввиду этого, а также ввиду того, что Джон Помер — человек большого богатства и влияния и притом вполне преданный жестокости и злобе и склонный к ним, а ваши бедные подданные — бедные люди и не могут за себя постоять и находятся в великом страхе за свою жизнь, не говоря о потере их бедного имущества, пусть будет благоугодно вашему высокопревосходительному высочеству, милостиво приняв во внимание все вышеизложенное, распорядиться послать Джону Померу вашу всемилостивейшую грамоту «Sub poena» [1] с приказанием ему в силу ее немедленно по получении и прочтении ее лично явиться перед вашей милости высокопочтенным советом Звездной палаты [2] и дать ответ на эту жалобу, и впредь держаться тех приказаний, которые даст ваш высокопочтенный совет для исправления этого.

5. ВЫДЕРЖКА ИЗ ПАМФЛЕТА XVI ВЕКА

До сих пор нам нужны были собаки для охраны овец,— но лучше бы этих овец съели лисицы, ибо от них погибают целые города и селения, погибнет и все государство.

---

[1] Приказ, предписывающий явиться в королевский суд в недельный срок под страхом наказания.

[2] Звездная палата — высший королевский трубинал, возникший при Генрихе VII в целях борьбы с феодальной знатью.

6. ВЫДЕРЖКА ИЗ ПРОПОВЕДИ XVII ВЕКА

Огораживатель — кровожадный волк с двумя дьявольскими клыками, из коих один — деньги, которыми он вербует себе друзей и достигает того, что власти смотрят на него сквозь пальцы, а другой — нечистая совесть, которая не боится плыть по морю крови прямо в ад.

7. ТРЕБОВАНИЯ КРЕСТЬЯН, ВОССТАВШИХ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ КЕТА[1]

(1549 г.)

(1). Мы просим вашу милость, чтобы законы, изданные против огораживаний, не были направлены против тех, кто огородил земли для возделывания шафрана, так как такие земли требуют больших расходов; но чтобы впредь никто не смел огораживать.

(2). Мы удостоверяем перед вашей милостью, что лорды маноров, обязанные уплачивать известные свободные ренты, изыскивают средства переложить уплату этих рент на [своих] фригольдеров противно праву.

(3). Мы просим вашу милость, чтобы лорды маноров не имели участия в выпасе на общинных пастбищах.

(4). Мы просим, чтобы духовные лица впредь не покупали земель ни свободных, ни крепостных, а те земли, которые они приобрели после первого года царствования Генриха VII, были бы сданы светским лицам.

(5). Мы просим, чтобы земли, на которых растет тростник и луга, сдавались по тем же ценам, что и в первый год царствования Генриха VII.

(6). Мы просим, чтобы все болота, которые держатся от короля за свободную ренту или иначе, были опять по той же цене, что и в первый год царствования Генриха VII.

(7). Мы просим, чтобы все бушели в вашем королевстве были одинаковой меры, то-есть в 8 галлонов[2].

(8). Мы просим, чтобы были удалены с бенефициев все [священники] или викарии, [неспособные] проповедовать и возвещать прихожанам слово божие, и чтобы прихожане или патрон, или лорд деревни выбрали других.

(9). Мы просим, чтобы взносы на охрану замка, blanch farm и office lands[3] не собирались, как это вошло в обычай, с держателей.

---

[1] Восстание Роберта Кета — крупнейшее после восстания Уота Тайлера крестьянское движение в Англии. Восстание происходило в июле — августе 1549 г. в графстве Норфок (восточная Англия); в движении участвовали также крестьяне соседних графств, особенно Сеффока. Повстанцы захватили Норич (главный город Норфокского графства) и образовали возле него вооруженный лагерь, в котором было до 20 тыс. человек.

[2] Б у ш е л ь — мера сыпучих тел, равнялся около 36,3 литра.

[3] Налог за охрану замка уплачивался лордом королю взамен требовавшейся ранее гарнизонной службы. Blanch farm и office lands — вознаграждение бэйлифам (приказчикам) и другим должностным лицам поместья за их службу.

Мы полагаем, что их должны платить лорды своим бэйлифам за собирание рент, а не держатели.

(10). Мы просим, чтобы никто ниже ранга рыцаря или сквайра не имел права держать голубятню, если это право не было предоставлено ему старинным и древним обычаем.

(11). Мы просим, чтобы все фригольдеры и копигольдеры извлекали выгоды из общинных угодий и пасли там скот, а лорды чтобы не пасли там скота и не извлекали оттуда выгод.

(12). Мы просим, чтобы феодарии [1] в ваших графствах, пока они находятся в должности, не могли выступать в качестве чьих-либо советников, чтобы служба королю выполнялась добросовестно, [мы просим], чтобы на эту должность ежегодно избирался общинами графства добросовестный человек.

(13). Мы просим вашу милость взять все права на манориальные суды в свои руки, чтобы все могли спокойно пользоваться общинными угодьями и всеми [связанными с ними] выгодами.

(14). Мы просим, чтобы копигольдерские земли, чрезмерно обложенные рентами, шли так же, как и в первый год царствования Генриха VII, и чтобы по смерти держателей или при продаже эти земли облагались легкой пошлиной, например, каплуном, или умеренной суммой денег, только для того, чтобы не забывалось [что данная земля — копигольд].

(15). Мы просим, чтобы священники не могли быть капелланами и вообще не состояли на службе у влиятельных особ, но жили на своих бенефициях, чтобы прихожане могли быть научены закону божию.

(16). Мы просим, чтобы все крепостные были сделаны свободными, ибо бог освободил всех, пролив свою драгоценную кровь.

(17). Мы просим, чтобы реки были свободны и предоставлены в общее пользование для рыбной ловли и проезда.

(18). Мы просим, чтобы ваши исчиторы (escheators)[2] или феодарии допускали к должностям только лиц, имеющих непосредственно от короля держание с доходом не менее 40 фунтов в год.

(19). Мы просим, чтобы бедным морякам и рыбакам была предоставлена полностью прибыль от ловли дельфинов, касаток, китов и всяких больших рыб, и пусть это не будет к ущербу [интересам] вашей милости.

(20). Мы просим, чтобы каждый обеспеченный [приходскими доходами] священник или викарий, имеющий бенефиций с доходом в 15 фунтов в год или более, был обязан лично, или пригласив учителя, учить детей бедных прихожан книгам, называемым катехизис и молитвенник.

---

[1] Феодарий — королевский чиновник, заведовавший земельными владениями, переходившими в опеку короля после смерти лордов и рыцарей, державших землю непосредственно от короны.

[2] Исчиторы — королевские чиновники, заведующие земельными владениями умерших держателей короны до перехода этих земель в королевскую опеку.

(21). Мы просим, чтобы не разрешалось лордам маноров приобретать землю в фригольд и пересдавать ее по копии протокола маниоральной курии к своему великому обогащению и разорению ваших бедных подданных.

(22). Мы просим, чтобы священник или викарий, обеспеченный приходскими доходами, получал взамен всяких собираемых ныне десятин только 8 пенсов с каждого нобля [1] в полную отмену всякой иной десятины, во избежание ежедневно возникающих споров и тяжб между ними и их бедными прихожанами.

(23). Мы просим, чтобы никто рангом ниже [рыцаря или сквайра] не держал кроликов на своем фригольде или копигольде; или же их следует держать в загородке, так чтобы они не могли причинить вреда обществу.

(24). Мы просим, чтобы никому, какого бы звания он ни был, впредь не разрешалось продавать право опеки над несовершеннолетним; и если этот несовершеннолетний достигнет полного возраста, он должен иметь полную свободу выбора в деле брака. Исключение допускается лишь для королевских опек.

(25). Мы просим, чтобы никто, имея свой манор, не управлял в то же время имением другого лорда, а только своим.

(26). Мы просим, чтобы никакой лорд, рыцарь или джентльмен не брал в аренду права назначать на церковные должности.

(27). Мы просим вашу милость разрешить и приказать своей милостивой грамотой за большой печатью, чтобы выбранные вашим бедным народом комиссары или те из них, кого ваше величество и ваш совет сочтет подходящим и назначит, восстановили и привели в действие все те хорошие законы, статуты, прокламации и другие ваши мероприятия, которые были скрыты вашими мировыми судьями [2], шерифами, исчиторами (escheators) и другими вашими чиновниками от вашего бедного народа, начиная с первого года царствования Генриха VII.

(28). Мы просим, чтобы ваши чиновники, провинившиеся перед вашей милостью и обижавшие ваш народ и уличенные в этом жалобой вашего бедного народа, уплатили всем этим бедным людям, здесь собравшимся, по 4 пенса за каждый проведенный здесь день.

(29). Мы просим, чтобы лорды, рыцари, сквайры и джентльмены не откармливали и не разводили крупного скота и овец иначе как для надобностей своего дома, если они получают со своих земель не менее 40 фунтов чистого дохода.

[Подписи] *Роберт Кет, Томас Олдрич, Томас Код* [3]

---

[1] Старинная монета стоимостью в 6 шиллингов 8 пенсов.

[2] Мировые судьи назначались королем из местного дворянства и отправляли свои обязанности бесплатно; в эпоху Тюдоров и Стюартов они были важнейшим судебно-административным органом в графствах, осуществляя на местах помещичью диктатуру.

[3] Томас Код состоял в 1549 г. в должности мэра (городского головы) Норича; Томас Олдрич был олдерменом, то есть членом городского совета Норича.

8. АКТ О НАКАЗАНИЯХ ДЛЯ БРОДЯГ И УПОРНЫХ НИЩИХ

(1597 г.)

I. Для борьбы с бродягами и упорными нищими постановляется властью настоящего парламента... что мировые судьи в графствах и городах этого королевства и княжества Уэлс на своих четвертных сессиях... должны принимать постановления об устройстве... одного или нескольких исправительных домов в своих графствах и городах...

III... Всякий, кто этим актом признается бродягой или упорным нищим, схваченный после ближайшей пасхи за выпрашиванием милостыни, бродяжничеством или бесчинством в каком-либо месте в этом королевстве или в княжестве Уэлс, должен быть после своего ареста, по распоряжению мирового судьи, констэбля или десятского... раздет догола выше пояса и публично бит кнутом, пока его или ее спина не покроется кровью, а потом их следует пересылать из прихода в приход... ближайшим путем до тех приходов, где они родились, если эти приходы известны..., а если они неизвестны, то в те приходы, где он или она жили перед наказанием в течение года, и там они должны наняться на работу, как следует честным людям; а если неизвестно, где они в последнее время проживали, то их следует посылать в тот приход, через который они в последний раз прошли без наказания. И после наказания кнутом данное лицо получает свидетельство, подписанное мировым судьей... с приложением его печати, удостоверяющее, что это лицо было наказано, согласно этому акту, с упоминанием о дне и месте наказания и о том месте, куда данное лицо направляется, и о том времени, которое ему предоставлено для того, чтобы прибыть в это место под страхом ответственности. И если это лицо по своей вине не выполнит предписания, содержащегося в данном свидетельстве, то его следует немедленно схватить и наказать кнутом, и делать это всякий раз, как им будет нарушено какое-либо из предписаний этого статута...; а такое наказанное кнутом лицо, относительно которого неизвестно, где оно родилось или где в последний раз проживало в течение года, должно быть отправлено должностными лицами деревни, через которую оно в последний раз проходило без наказания, в исправительный дом того округа, в котором лежит деревня, или в общую тюрьму графства или местности; и там оно должно оставаться и работать, пока не будет ему найдена какая-нибудь служба...

IV... Если окажется, что кто-либо из этих бродяг представляет опасность для простонародья той местности, где его взяли, и вообще не может быть исправлен от своей бродяжнической жизни мерами этого статута, то в каждом таком случае мировые судьи округа, где он будет взят... могут заключить такого бродягу в исправительный дом или в тюрьму графства впредь до ближайшей четвертной сессии, ...и тогда по решению этих судей или боль-

шинства из них [эти бродяги] могут быть изгнаны из этого королевства и всех его владений и на государственный счет сосланы в те заморские страны, которые будут предназначены для этого тайным советом ее величества или ее преемников... или же пожизненно отправлены на казенные галеры ...и если кто-либо из сосланных бродяг вернется обратно в какую-либо местность этого королевства или княжества Уэлс, не имея на то законного разрешения, то такое преступление будет караться смертной казнью...

Промышленность и внешняя торговля

9. ЖАЛОБЫ ТКАЧЕЙ СЕФФОКА И ЭССЕКСА (1539 г.)

... Лорду хранителю королевской печати. Жалуются и докладывают вашей почтенной милости ваши бедные просители... ткачи шерстяных тканей... в графствах Сеффок и Эссекс и городах Ипсиче, Гэдли, Лавенгаме... Баргольте, Кольчестере и Дедгаме... Его королевскому высочеству было угодно, заботясь об общем благе английского королевства, издать некоторые акты и статуты, один из которых касается чистой и правильной выделки шерстяных тканей; в нем было предписано, что шерстяные ткани всегда должны иметь полную меру как в ширину, так и в длину, что всегда требует от ваших просителей дополнительных расходов, лишнего труда и других хлопот при изготовлении каждой штуки, как ваша милость может ясно видеть. Однако ваши просители-ткачи не могут за это получить никакой дополнительной платы от своих хозяев-скупщиков. Вследствие этого ремесло ткачества, являющееся самым главным и чистым звеном в изготовлении сукна, уже пришло в большой упадок, так что уже никто в этих местах не желает отдавать своих детей в это ремесло, и, может быть, в течение нескольких лет в этих графствах Сеффок и Эссекс ткачи вовсе переведутся. Сверх того, милостивейший лорд, эти богачи-суконщики держат в своих домах ткацкие станки, а также ткачей и валяльщиков на ежедневной работе, и вследствие этого ваши просители, работающие в своих домах, имеющие жен и детей, постоянно лишаются заработка. И чем больше они живут, тем больше им угрожает крайняя бедность, так как богачи-суконщики согласились между собою платить одинаковую плату за тканье сукна, и эта плата так мала, что ваши просители-ткачи не могут своим трудом поддержать свое бедное хозяйство, хотя они и работают непрестанно днем и ночью, и в праздник, и в будни; но чтобы избежать безработицы, ваши бедные подданные принуждены брать работу за плату, назначаемую суконщиками. Вследствие этого многие из ваших просителей, прежде имевшие хорошее хозяйство, издержали и растратили все свое имущество и рады поступить в услужение к другим людям, и еще больше из них скоро очутится в таком положении, если не будут приняты спешные меры против этого. Обо всем этом ваши просители в свое время составили билль и представили его в парламент, но до

сих пор от этого они получили мало толку. Да будет угодно вам, почтенный лорд, по вашей обильной доброте и вашему милосердию, быть добрым лордом для ваших просителей и замолвить доброе слово и оказать вашу милостивую помощь для продвижения вышеупомянутого билля в парламенте, так чтобы от него получились какие-нибудь результаты. А ваши просители будут всю свою жизнь молить бога сохранить вашу милость и дать вам долгую жизнь

10. ОПИСАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ МАНУФАКТУРЫ КОНЦА XVI ВЕКА

Отрывок взят из одной баллады, сложенной о крупном суконщике Джоне Уичкомбе, или «Джеке из Ньюбера»; баллада была напечатана впервые в 1597 г. и затем много раз переиздавалась в XVII в. В этой балладе дается идеализация зарождающейся мануфактуры, и тем самым извращается действительная картина эксплоатации детского и женского труда.

В горнице, просторной и длинной, стояло двести станков, прочных и крепких: на этих станках,— истинная правда,— работали двести человек все в одну шеренгу. Возле каждого из них сидело по одному прелестному мальчику, которые с большим восторгом приготовляли челноки. А тут же, в другом помещении, сто женщин без устали чесали шерсть с радостным видом и звонко распевали песни. В следующей комнате, находившейся возле, работали сто девушек в красных юбках, с белыми, как молоко, платками на головах; эти прелестные девушки, не переставая, пряли в этой горнице весь день и распевали сладкими, как у соловьев, голосами, нежно-пренежно. После этого они вошли в другую комнату, где увидели бедно одетых детей; все они сидели и щипали шерсть, отбирая самую тонкую от грубой: всех их было полтораста, детей бедных, слабых родителей; в награду за свои труды каждый из них получал вечером по одному пенни [1], кроме того, что они выпьют и съедят за день, что было для этих бедных людей немаловажным подспорьем. В следующем помещении он видит еще 50 молодцов: это были стригали, показывающие здесь свое искусство и умение. Тут же, возле них, работали целых 80 декатировщиков. Кроме того, он имел еще красильню, при которой держал 40 человек, да еще на сукновальне 20 [2].

11. МАНУФАКТУРА И ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ В ШЕРСТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ XVII ВЕКА [3]

Производители шерсти во всех областях делятся на три группы:

1. Это крупные землевладельцы, кои обладают собственностью на землю и скот и выдаются своим богатством. Они могут

---

[1] Пенни, или пенс — 1/12 шиллинга, или около 4 копеек.

[2] Эшли, Экономическая история Англии, 1897, стр. 531.

[3] Документ относится к 1615 г. Его заглавие в подлиннике «Доводы в пользу выгодности покупки и продажи шерсти».

задержать продажу своей шерсти и предоставить суконщикам отсрочку в уплате, чтобы увеличить цены. Численно эта группа мала.

2. Те, которые арендуют землю у короля, знатных лиц или джентльменов и продают столько, сколько допускает или их инвентарь, или кредит. Их много, и производят они большое количество шерсти. Большинство их вперед запродает свою шерсть или обещает уступить ее за деньги, которые они берут в долг весной, чтобы купить себе овец для производства шерсти; тогда они нуждаются в деньгах, чтобы заплатить свою благовещенскую ренту и удвоить инвентарь на своей земле, как это требует весеннее время; и в то же время суконщики тратят свой капитал на пряжу, чтобы сделать запас к сенокосу и жатве, когда выпрядается недостаточное количество пряжи, так что как фермеры, так и суконщики испытывают тогда одновременно крайнюю нужду в деньгах.

3. Общая масса сельских хозяев с небольшим доходом во всех областях, производящих шерсть; у каждого из них обычно имеется шерсть, хотя и в небольшом количестве. Их много во всех областях, и они [вместе] имеют большое количество шерсти, хотя и в маленьких долях. Многие из них берут у скупщиков шерсти деньги в долг, чтобы купить овец и заполнить ими свои общинные пастбища. Их доли так малы, время продажи настолько различно, расстояние между ними и суконщиком так велико, что для них было бы сущим разорением предоставить суконщику во время продажи отсрочку платежа или зависеть от суконщика в установлении цен.

Эта шерсть обыкновенно обрабатывается четырьмя группами людей:

1. Богатый суконщик, который покупает себе шерсть у производителя в областях, производящих шерсть, делает запас на целый год заранее и хранит его в складе, а в зимнее время эта шерсть выпрядается его собственными пряхами, ткется его собственными ткачами и валяется его собственными валяльщиками, и все это за самую низкую плату. Эти суконщики могут прекрасно обходиться без скупщиков шерсти и могут тоже получить ее по своей цене, а кроме того, многие из них занимаются перепродажей и перепродают очень много, если не большую часть той шерсти, которую они покупают.

2. Вторая группа — менее богатые суконщики, которые редко или вовсе не ездят покупать себе шерсть в тех областях, где она производится, а большую часть ее берут в кредит на рынке; ставят многих бедняков на работу, превращают теперь шерсть в сукно, и потом продают его в неотделанном виде в таких местностях, как Девоншир и Йоркшир (а уже другие отделывают его и продают в Лондон за наличный расчет), а потом приходят на шерстяной рынок, платят старый долг и снова берут в кредит. Многие в этой группе хорошо живут, становятся богатыми

и дают тысячам людей работу; они не могут обойтись без скупщика шерсти, ибо иначе они должны были бы уволить своих рабочих и поступить в услужение к богатым суконщикам за 4 или 6 пенсов в день, то-есть жить впроголодь.

3. Третья группа — это те суконщики, которые не имеют достаточно капитала, чтобы поместить его частью в шерсть и частью в пряжу и часть сберегать в виде готового сукна, как делают богатые суконщики; они или вовсе не покупают шерсти, или лишь немного, но еженедельно покупают пряжу на рынке и тогда переделывают ее в сукно, а затем продают за наличные деньги и на них снова покупают пряжу, каковую пряжу еженедельно выносят на рынок много бедного народа, не желающего прясть за низкую плату на суконщика, но имеющего достаточно капитала, чтобы работать самостоятельно; сообразно надобности они покупают свою шерсть еженедельно очень маленькими партиями на рынке и приносят ее туда еженедельно в пряже и от этого получают очень хорошую выгоду, имея прибыль как от своего труда, так и от продажи, и живут очень хорошо. Этих прядильщиков так много, что знающие люди предполагают, что больше половины сукон, выделываемых в Уилтшире, Глостере и Соммерсетшире, производится средствами этих прядильщиков и бедных суконщиков; они зависят от скупщика шерсти, который еженедельно обслуживает их шерстью за наличные или в кредит.

4. Четвертая группа — те, кто производит сукна лучших сортов; в этом производстве работают тысячи бедного люда, живущего около портов и на побережьях от Ярмута до Плимута, и во многих больших городах, вроде Лондона, Норича, Колчестера, Кентербери, Сауземптона, Экзетера и многих других. Эти люди благодаря своему большому трудолюбию и умению пускают в дело большую часть грубой шерсти, производимой в королевстве, и это по такой же высокой или еще более высокой цене, какую суконщики платят за самую тонкую шерсть в королевстве...

12. ОСНОВАНИЕ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ [1]
(1599—1601 гг.)

Ввиду того, что различные лица, выше упомянутые, вместе с другими разными лицами, имена которых перечислены в начале этой книги, попущением всемогущего бога и с предварительно испрошенного королевского согласия нашей государыни, ее величества королевы, изъявили намерение во имя славы нашей родины и для развития торговых сношений королевской Англии, сообразно с размерами своего участия в предприятии и в соответствии с денежными суммами, назначенными ими и собственноручно под-

[1] Из протокола собрания учредителей от 24 сентября 1599 г. Присутствовало 57 человек. Первое торговое путешествие состоялось в 1601 г. на 4 кораблях с капиталом в 68 372 фун. стерлингов при 198 пайщиках.

писанными,— предпринять в настоящем году путешествие в Ост-Индию и другие острова и страны, близ нее лежащие, и торговать там такими товарами, какие, как это будет установлено по дальнейшему обсуждению, требуются в этих странах, или покупать и выменивать там те товары, драгоценности и т. п., которыми те страны могут снабжать; а для лучшего распорядка и организации предполагаемого путешествия и для поощрения всех тех, кто уже решил принять участие в данном предприятии, а также и тех, кто до момента отправления решит присоединиться к нему, упомянутые лица находят целесообразным выработать для себя известные постановления и правила, которых надлежит придерживаться как в отношении снаряжения подходящих для такого предприятия судов, так и в смысле приготовления всяких товаров, слитков, и т. п., всего того, что требуется и должно быть внесено для осуществления предприятия. Посему настоящее собрание выработало и приняло следующие постановления:

Во-первых, ни одно судно не должно быть принято для участия в предполагаемом путешествии от кого-либо из участников предприятия в качестве его капитала или его доли в предприятии, за какую бы то ни было установленную плату.

Во-вторых, все суда, которые примут участие в путешествии, должны быть куплены за наличные деньги и подысканы теми лицами, которые будут назначены для этой цели.

Что касается, наконец, товаров, то никакой товар не может быть принят для отправки в качестве чьей-либо доли в предприятии, но все товары и все потребное для путешествия должны быть куплены и приготовлены для отправки теми лицами, которые будут назначены ответственными особами и директорами для данного путешествия, — для того, чтобы купить и снарядить соответствующие суда с товарами.

Настоящее собрание избирает и назначает следующих 15 лиц, имена коих ниже названы, ответственными руководителями и директорами путешествия для того, чтобы вести хозяйство, распоряжаться и управлять делами, относящимися к путешествию, а также для того, чтобы обратиться к ее величеству с прошением о даровании купцам, принимающим участие в упомянутом предприятии, исключительной привилегии на возможно больший срок и таких прав и льгот, таможенных и других изъятий и разрешений, какие только могут быть получены; а также для того, чтобы снарядить соответствующие суда, нагрузив их различными товарами, предназначенными для отправки в данное путешествие. Настоящее собрание утверждает и санкционирует все те меры, которые упомянутые ответственные лица и директора, назначенные для данного путешествия, примут единодушно или большинством голосов в отношении распоряжения имуществом, с тем, однако, условием, чтобы ни один фактор или другой служащий не был нанят для данного путешествия без согласия общего собрания всех участников.

Было принято на данном собрании, чтобы впредь не принимался ни один участник в предполагаемое путешествие и предприятие с меньшей суммой, чем 200 фунтов стерлингов.

13. АКТ ПАРЛАМЕНТА О ПРЕКРАЩЕНИИ УПЛАТЫ АННАТОВ РИМСКОМУ ПРЕСТОЛУ

(1532 г.)

«Долгим опытом доказано, что из нашего королевства ежедневно вывозились великие и неисчислимые суммы денег к обеднению этого королевства и особенно деньги, предназначавшиеся его святейшеству папе, взимаемые в Английском королевстве в течение долгого времени под именем аннатов со всех духовных лиц, которые назначены, избраны, представлены и предложены на должности архиепископов и епископов. Эти аннаты взимались в силу папских булл за утверждение, избрание, допущение к должности, просьбу о назначении... И они (архиепископы и епископы) вынуждались платить великие суммы денег еще раньше того, как получали свои должности... благодаря чему не только великие сокровища этого королевства были вывезены из этой страны, но много раз случалось, что по смерти таких недавно поставленных архиепископов и епископов... их друзья, помогавшие им получить должность и уплатить аннаты, совершенно разорялись и беднели. И означенные аннаты увеличивались и росли в силу немилосердного обычая, основанного не на справедливом и добром праве, а в силу булл... Знатные люди королевства и мудрые, благоразумные и искусные общины, собранные в настоящем парламенте, отмечают, что римская курия и в настоящее время не прекращает взимать означенные великие суммы под именем аннатов... к великому ущербу, как это было указано, названных прелатов и этого королевства... И хотя наш государь король и его природные подданные, как духовные, так и светские, являются послушными и преданными католиками и покорными детьми бога и святой церкви, как и всякий другой христианский народ,—тем не менее означенные аннаты настолько невыносимы и тяжелы для этого королевства, что оно [королевство], представленное в полном составе и всеми именьями этого королевства в этом настоящем парламенте, считает и объявляет, что его королевское высочество обязан перед всемогущим богом, в силу своего долга христианского государя в целях охраны и сохранения имущества и благосостояния всего его королевства, делать все, что в его власти, чтобы не допустить, подавить и исправить означенные злоупотребления и взимания аннатов... Поэтому, властью парламента приказывается,... что эта незаконная уплата аннатов... должна быть отныне совершенно прекращена и не будет иметь места в этом королевстве после того, как это будет объявлено настоящим актом».

14. БУЛЛА ПАПЫ ПАВЛА III ОБ ОТЛУЧЕНИИ ГЕНРИХА VIII
(1535 г.)

Павел, епископ, раб рабов божиих, на вечную память. Генрих, король Англии, в правление папы Льва X, нашего предшественника, выступал против заблуждений различных еретиков, осужденных не раз в прошлые времена апостольским престолом и оживившихся в наш век благодаря сыну предательства Мартину Лютеру. Выступив из ревности к католической вере и побуждаемый усердием и преданностью к названному престолу, он [Генрих] обнаружил не меньше учености, чем благочестия в книге, им написанной [1], представленной на одобрение тому же нашему предшественнику, за которую названный предшественник наш, одобрив и похвалив ее, даровал ему титул «защитника веры». Ныне этот Генрих уклонился от истинной веры и апостольского пути и, забыв о своем собственном спасении, славе и чести, вопреки церковному запрещению, развелся без всякой на то законной причины со светлейшей во Христе дочерью нашей королевой Англии Екатериной... и заключил фактический брак с некоей английской женщиной Анной Болейн, еще при жизни названной Екатерины. Далее, идя все к худшему, он [Генрих] не постыдился издать законы и постановления, которыми принуждал своих подданных под страхом смерти держаться еретических и раскольничьих правил, в частности, о том, что будто римский первосвященник не есть глава церкви и наместник Христа и что в Англии верховным главою церкви является сам король. И не довольствуясь этим, но все более угождая дьяволу в святотатстве, он [Генрих] заставил присоединиться к себе, еретику и раскольнику, многих прелатов, епископов и прочих духовных лиц, монахов и светских людей и одобрить означенные правила, противоречащие постановлениям святых отцов и решениям святых соборов, а также и самой евангельской истины. Не желающих же ему следовать и бестрепетно отказывающихся подчиниться, схватывал и заключал в тюрьмы... Посему... требуем во имя господа, чтобы Генрих, король, от указанных заблуждений отказался и вышеупомянутые законы отменил, аннулировал и не принуждал бы впредь им подчиняться под угрозой тюремного заключения, а тех, кого он арестовал за неподчинение, освободил бы из заключения.

Если же Генрих, король и его помощники, приверженцы, советники и прочая свита увещаниям и требованиям нашим не последуют, то мы, обладая властью апостольской и всей полнотой апо-

---

[1] В 1521 г. Генрихом VIII была написана книга против Лютера под заглавием: «В защиту семи таинств», в которой он доказывал «божественное установление» папской власти.

стольского авторитета, и в силу святого повиновения, объявляем Генриха, короля, и его помощников, приверженцев, советников и всю свиту под полным приговором великого отлучения.

15. ИНСТРУКЦИЯ АНГЛИЙСКОМУ ДУХОВЕНСТВУ, СОСТАВЛЕННАЯ ТОМАСОМ КРОМВЕЛЕМ[1] (1536 г.)

Во имя божие, аминь. В год нашего господа бога 1536 ... Я, Томас Кромвель, рыцарь, лорд Кромвель, хранитель тайной печати нашего государя господина короля... назначил и предписал эти правила для соблюдения и исполнения их деканами, священниками, викариями и наемными священниками, имеющими попечение о душах, или какими-нибудь другими лицами, занятыми этим в вашем деканстве, под страхом наказаний, ниже изложенных и назначенных:

Во-первых, чтобы декан, священники, викарии и прочие, имеющие попечение о душах в пределах этого деканства, верно соблюдали и сохраняли и, насколько это в их силах, заставляли других соблюдать и сохранять все законы и статуты королевства, изданные для уничтожения и искоренения той власти, на которую претендует римский епископ, и для установления и утверждения королевского авторитета и юрисдикции в качестве верховного главы английской церкви.

Необходимо, чтобы [декан] священники, викарии и прочие всеми силами, насколько хватит их знаний и учености, проповедовали, свидетельствовали и открывали чисто искренне...в течение первых трех месяцев каждое воскресенье, а в дальнейшем по крайней мере два раза в три месяца, в своих проповедях и беседах, что римский епископ, узурпировавший свою власть и юрисдикцию, не имея на это никакого основания и опоры в законе божием, был справедливо отвергнут и устранен, что поэтому ему никоим образом не следует оказывать никакого повиновения и что король в своих владениях является высшей властью и монархом под богом, которому [королю] его подданные, в силу божиих заповедей, обязаны самым честным повиновением больше, чем каким-либо другим властям и правителям на земле.

В целях уничтожения лицемерия и суеверия, заползших в сердце многих людей, они [священники] не должны выставлять или восхвалять образа, мощи или чудеса, служащие для суеве-

---

[1] Томас Кромвель (1485—1540), по происхождению суконщик, был правой рукой Генриха VIII в проведении реформации, в частности, Кромвелем была осуществлена ликвидация монастырей и секуляризация их имуществ (1536—1540), в конце концов, однако, Генрих VIII казнил его в результате интриг придворной аристократии.

рия и роскоши, и не прельщать народ к путешествиям в честь какого-либо святого..., имея в виду, что всякое благо, здоровье и милость должны испрашиваться непосредственно от бога, как виновника всего, а не от кого-либо другого, увещая прихожан и других паломников, чтобы они более исполняли заповеди божьи и творили дела милосердия, убеждая их в том, что они больше угодят богу, если займутся телесным трудом, работой или каким-либо другим занятием и заботой о своих семьях, чем если они будут бродить в качестве паломников.

Польша в XVI—XVIII веках

Введение

Документы, входящие в состав раздела, посвященного Польше XVI—XVIII вв., подразделяются на две группы: одна из них посвящена положению крепостных крестьян в Польше, другая—ее государственному устройству и политической жизни.

Приступая к характеристике Польши XVI—XVIII столетий, учитель должен напомнить те события, которые в конце XV в. привели к торжеству Польши над ее историческим противником — Тевтонским орденом — и обусловили возврат Польше низовья Вислы и Гданска. С этими событиями, нашедшими свое отражение во втором *Торунском мире* 1466 г., как известно, связан свободный выход Польши к берегам Балтики и установление непосредственной торговой связи между Польшей и западноевропейскими странами, которые стали охотно приобретать польский хлеб, лен, лес, скот.

Сбыт сельскохозяйственных продуктов Польши, дававший польским землевладельцам денежный доход и позволявший им закупать самые разнообразные товары Запада, удовлетворявшие запросы паразитического класса, обусловил неутолимую алчность панов и шляхтичей, их стремление увеличить товарную продукцию своих поместий. С этим неразрывно сочетается и стремление выжать как можно больше из подневольного населения, усилить барщину, опутать крестьян новыми повинностями и вымогательскими поборами. Задача учителя при прохождении настоящей темы заключается в том, чтобы показать те варварски беспощадные методы насилия над крестьянством, которые имели место в пределах польско-литовского государства, и в особенности на подвластной ему территории Украины и Белоруссии. Здесь крепостническая эксплоатация сочеталась с тягчайшим национальным угнетением. Этим была обусловлена волна повстанческих движений, завершившихся бурей народной войны украинских и белорусских крестьян против польских панов. Польша была одной из тех стран, где имело место, по выражению Энгельса, «второе издание крепостничества».

Документ 1 содержит статьи Петроковского статута, говорящие о положении крестьян. Запрет покидать страну в период жатвы, запрет посылать для обучения ремеслу в город более одного сына свидетельствует о том, что уже на исходе XV в. польская шляхта стремится увеличить крепостной гнет.

Документ 2 содержит данные о регламентации барщины. Здесь важно подчеркнуть одну характерную черту: «один день в неделю» — это лишь обязательный минимум. Закон не только не ограничивает барщинной эксплоатации какими бы то ни было рамками, но, напротив, откровенно одобряет инициативу тех панов, которые сумели заставить крестьян работать более одного дня в неделю. Решение вопроса о количестве рабочих дней представляется самим господам, произвол которых, таким образом, узаконяется в полной мере.

Документ 3 характеризует положение крестьян в XVI в. В отличие от предыдущих, данный документ может быть частично процитирован в классе. Он интересен признанием «невероятных притеснений», низведения крепостных крестьян до такого положения, какое, как утверждали польские юристы XVII в., якобы существовало в древнем Риме. Еще более интересны те выводы, которые делает польский публицист XVI в. на основе подобной констатации.

Он рекомендует крестьянам «помечтать о справедливых и добродетельных господах и, отказавшись от земного возмездия, предпочесть послушание господам и молитву за них по завету апостолов...» Эти строки, представляющие обра-

зец цинизма эксплоататоров, целесообразно прочитать в классе. Учитель может сравнить их с аналогичными попытками умиротворения крестьян, исходившими от Мартина Лютера, который сначала призывал душить и резать восставших крестьян, а затем учил их добродетели христианского послушания (см. документы в разделе «Реформация и Крестьянская война в Германии»). *Документ 4*, посвященный притеснениям крестьян, может быть резюмирован в нескольких словах. Учителю в данном случае следует указать на классовое единство панов, с оружием в руках готовых напасть на любого непокорного крестьянина и расправой над ним отбить охоту у других крестьян искать управы и правосудия.

Документ 5 представляет яркую сатиру на крепостное право в Польше. Слова документа о рабстве, более тяжелом, чем у язычников, сравнение мужика с верблюдом, указание на то, что в насилиях над крестьянами епископы и вельможи опережают мелких шляхтичей, — таковы моменты, которые следует выделить и, по возможности, дословно воспроизвести в рассказе учителя. Уместно также привести учащимся точку зрения автора документа — Христофора Опалинского, который тщетно пытается предостеречь шляхтичей, доказывая им, что их политика грабежа крестьян может закончиться восстанием. Слова о том, что «бог покарал вас за крестьян», слова о позорном для шляхтичей мире 1649 г. связывают всю тему с грозными событиями народной войны на Украине, хорошо известными учащимся по материалам истории нашей родины.

Резюмируя тему, учитель может связать конец документа 5 с последними строчками документа 3, говорящем о том, что «Речь Посполитая просуществовала бы недолго, если бы крепостные не были послушны приказаниям господ». Там же сказано, что крестьяне должны стоять на стороне господ «против всех и особенно против неприятелей». Напомнив о том, что часть украинского крестьянства в XVII в с оружием в руках освободилась от гнета панской Польши, учитель может подчеркнуть, что и в коронных, и в литовских землях, и на Правобережной Украине, находившейся тогда под властью Польши, никакими средствами и никогда не удавалось сделать крестьян сторонниками шляхетской польской державы и что именно ненависть «хлопов» к крепостническому государству и полное их нежелание защищать его в значительной мере обусловили прогрессирующую военно-политическую слабость Речи Посполитой. Подтверждением этой мысли послужит *документ 6*, посвященный одному из крестьянских восстаний, который следует связать со сходными крестьянскими движениями в других странах.

Во вторую тему, посвященную политической организации Речи Посполитой, вводит *документ 10* — «Обличения Скарги». Автор документа ярко рисует состояние польского государства и раскрывает перед современниками мрачную перспективу неизбежного упадка шляхетской державы.

Этот документ можно прочитать в классе, причем лучше читать его по частям, перемежая чтение необходимыми пояснениями. Особенность его заключается не только в обличительном тоне, но и в том, что автор его, будучи духовным лицом, выступает как моралист и видит все зло в нравственной испорченности шляхтичей. Для нас важна не эта его оценка, а признание исторических фактов.

Увлечение роскошью, безудержная расточительность паразитического польского дворянства здесь засвидетельствованы так же, как и полное равнодушие шляхтичей к судьбам государства, его прочности и силе.

Оргия насилий, расхищение казны, беспощадное разграбление деревни, низведение крестьян на положение невольников, оберегание «вольностей», то есть привилегий шляхты, явно ведут к гибели государства, и этот вывод с беспощадной резкостью Скарга бросает в лицо своим современникам.

Документ 8 говорит о поведении шляхты во время войны с орденом. Историк Длугош показывает, что шляхтичей не столько интересовал исход борьбы с орденом, сколько возможность вырвать у короля уступки и заставить его в трудную минуту признать «вольности» шляхты. Обобщив содержание документа, учитель сможет связать его с Нешавским *(документ 9)* и Петроковским *(документ 1)* статутами в той его части, которая касается политической организации Польши. О Нешавских статутах следует сказать, что без согласия

шляхты, выражавшей свою волю на «сеймиках», то есть местных уездных (повитовых) съездах, невозможно было ни издание законов, ни ведение войны. Петроковский статут следует охарактеризовать как документ, обеспечивающий интересы шляхты в ущерб всем другим сословиям.

«Мещане», то есть горожане, лишены права владеть земельной собственностью, они, будучи «плебеями», не могут становиться представителями высшего духовенства. Право шляхты производить и продавать напитки, право свободной навигации и беспошлинного ввоза иностранных товаров ограничивало роль горожан в торговле и в производстве, обусловливая экономический застой и невозможность буржуазного развития.

Документ 11 — «Власть короля в Польше» — очень важен. Он позволяет обрисовать подчиненное положение короля, связанного шляхетскими «вольностями» и вынужденного признавать за шляхтичами даже право восстания. Два последних документа подводят итоги всей теме. *Документ 12* характеризует состояние экономического упадка и анархии, в котором оказалась Польша в XVIII столетии. Нищета деревни и разорение городов, обесцененная монета, беззастенчивый разгул вооруженных шаек, казнокрадство и беззаконие, констатируемые автором документа, следует связать со всем предшествующим материалом как неизбежный итог неограниченного господства шляхты, обрекшей на разорение всю страну.

Выдержки из последней части документа следует использовать как яркую иллюстрацию, сообщающую рассказу учителя большую убедительность и наглядность. Рассказ о своеобразном государственном устройстве Польши, о выборном короле, о праве отдельного шляхетского представителя своим протестом сорвать общее решение сейма следует связать с тем устойчивым феодальным сепаратизмом, который лишал Польшу внутреннего единства и превращал ее в совокупность отдельных «повитов» (уездов), управляемых местными шляхетскими сеймиками.

Последний *документ 13* представляет собой яркую картину политических порядков и нравов шляхты. Этот документ можно с успехом прочитать в классе и показать при его помощи, что представлял собой сейм Речи Посполитой, члены которого за жалкое вознаграждение нередко продавали свои голоса представителям иностранных государств.

Данный документ показывает невежество, моральное убожество и продажность как характерные черты шляхты, властвовавшей в Польше и предававшей ее национальные и государственные интересы.

* * *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1. (Какое дело рабочему классу до Польши? стр. 149—161).

* * *

Документ 10 взят из книги проф. М. К. Любавского «История западных славян». Все остальные документы без изменения взяты из первого издания хрестоматии. Введение написано А. Д. Эпштейном.

А. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

1. УСИЛЕНИЕ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ КРЕСТЬЯН В ПОЛЬШЕ

(Петроковские статуты 1496 г.)

С XV в. растет вывоз польских земледельческих продуктов за границу. В связи с этим польский помещик не хочет уже ограничиться натуральным оброком крестьян, но считает более выгодным превратиться в сельскохозяйственного предпринимателя, производящего хлеб на вывоз за границу. Пользуясь своей властью, помещик все более и более урезывает крестьянскую землю и увеличивает за ее счет свою запашку. Чтобы обеспечить себя рабочими руками, помещик прикрепляет крестьян к земле и заставляет их нести барщину. Одновременно шляхтич делает землевладение своей монополией, запрещая горожанам владеть землей и покупать ее («Volumina legum», I, 113. Заимствовано из «Teksty zródlowe, № 27, стр. 22, 23).

Мы, Ян-Альбрехт [1], милостью божьей польский король, после общего и долгого совещания с прелатами, панами, шляхтой и земскими послами... на этом генеральном Петроковском сейме... решили издать нижеприведенные статуты.

О свободной навигации на реках. Мы постановили, чтобы навигация на реках нашего королевства, вверх и вниз, со всякого рода товарами была свободна для всех людей любого сословия, запрещая всякие препятствия и пошлины.

О препятствии г. Торуня навигации. Чтобы жители Торуня не мешали, не арестовывали и не задерживали плывущих, так чтобы каждый свободно мог плыть в Данциг [2].

О сыновьях крестьян. Затем, чтобы не допустить разгильдяйства крестьянской молодежи, как и запустения поместий, мы постановили, чтобы только один сын из деревни мог уходить от отца на службу, особенно же учиться или заниматься ремеслом. Когда же он возвращается, он должен получить от владельца земли свидетельство, согласно которому, как освобожденный, он может посвятить себя ремеслу или пойти на службу.

О недопущении плебеев на высшие церковные должности. Постановляем, чтобы в капитулы первоклассных костелов, как-то: гнезненского, краковского, вроцлавского и плоцкого, допускались только коренные жители польского королевства шляхетского происхождения и по отцу и по матери.

О лицах плебейского происхождения, допускаемых на должности в капитулах. Разрешаем допускать на должности в капитулах докторов плебейского происхождения: одного по теологии, одного по каноническому праву и одного по медицине или же по теологии и праву по два и одного по медицине.

Запрещение уходить из королевства во время жатвы. Так как многие мужчины и женщины с мазовецких земель и других земель

---

[1] Даты его царствования в Польше — 1492—1501 гг.

[2] Поморье с Данцигом (Гданьском) Польша получила в 1466 г. после победоносной войны с Тевтонским орденом (1454—1466).

польского королевства имеют обыкновение во время жатвы уходить в Силезию и Пруссию, в результате чего в польских землях нелегко получить работников и прислугу, постановляем, чтобы власти всех таковых задерживали и возвращали на работу помещикам.

О нищих. Так как в этом славном королевстве такое количество нищих, что трудно найти другое, в котором их было бы такое же множество, мы постановили, чтобы в городах и деревнях нашего королевства не было других нищих, кроме тех, которым городские власти или приходские священники, или помещики дадут соответствующие удостоверения. Тех, которые окажутся без оных, следует ловить и отдавать на фортификационную работу против турок и татар.

Запрещение горожанам и крестьянам владеть земельными поместьями. Далее мы постановили, что горожанам и крестьянам нельзя покупать земских поместий, арендовать их или владеть ими, ибо они, имея такие поместья, обыкновенно ищут возможности освободиться от военной службы. А те, которые приобрели уже земские поместья, должны их до определенного времени продать под угрозой наказанья.

2. ЗАКОН О БАРЩИНЕ

(*Постановление торунского сейма 1520 г.*[1])

Мы, Сигизмунд[2]... настоящим объявляем всем, что, заботясь о пользе наших подданных, согласно совету и желанию всех сенаторов обоих сословий[3] и послов коронных[4] земель, постановляем и решаем на вечные времена, что все поселенцы или крестьяне всех деревень как наших, так и наших подданных любого сословия, которые прежде не работали одного дня в неделю для нас и своих господ, обязаны с каждого лана работать один день в неделю[5], за исключением тех крестьян, которые раньше оплачивали барщину денежным оброком, зерном или какой-нибудь другой платой. Решение, однако, этого [вопроса] предоставляется господам. Мы специально отмечаем, кроме того, что сие постановление не распространяется на тех крестьян, которые работают для нас и своих господ больше, чем один день в неделю, так как это относится только к тем, которые работают для нас и своих господ меньше, чем один день в неделю.

---

[1] Balzre, Corpus juris, III, № 228. Заимствовано из «Teksty zródlowe», № 30, стр. 15.

[2] Польский король (1506—1548).

[3] То есть духовных и светских.

[4] Коронными землями назывались польские земли в противопоставление литовским.

[5] С течением времени барщина была значительно увеличена (см. документ 3).

3. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ПОЛЬШЕ В XVI ВЕКЕ [1]

... Власть над крепостными у нас очень суровая, ибо крестьянину нельзя жаловаться на своего господина [2] даже при самых невероятных притеснениях, а иные паны так жестоки, что обращаются со своими крестьянами, как со скотом... Религия мусульман запрещает, чтобы люди своей веры считались рабами. А мы, которые исповедуем истинную религию, не стыдимся иметь христиан в качестве рабов... Паны забирают у своих крестьян землю, имущество, а в некоторых уездах продают их, как скот.

Об обязанности крепостных [3]

Так как хорошее устройство Речи Посполитой требует не только того, чтобы те, которые управляют, исполняли свои обязанности, но и те, которыми управляют, то пусть и эти последние точно и прилежно исполняют свои обязанности.

Есть много крепостных, которых обижают поступки или недостатки их господ, и поэтому они не слушаются их, как должно. А ведь апостолы всем приказывают, что надо быть послушным начальству, ибо это начальство назначено богом... [апостолы] велят за них [за начальство] молиться и велят быть послушными не только хорошим и добрым, но и плохим и недобрым господам. Ибо они [апостолы] нам указывали, чтобы мы покорно переносили их [то-есть господ] недостатки и преступления и ждали расплаты до божьего суда, ибо такова его [бога] воля, наказывать грехи народа суровостью панов. Нет ничего лучшего, на свете, чем когда начальствующие паны набожны, мудры и одарены всеми достоинствами, необходимыми для властвования.

Если же бывает иначе, то-есть если они в чем-нибудь бывают по отношению к нам несправедливы, мы должны уповать на бога. Ибо бог, который может славу сего света разрушить в любой момент, осудит в свое время злобу и несправедливость господствующих. Крепостные же обязаны исполнять их приказания и быть послушными во всем том, что не нарушает величия Речи Посполитой и христианской веры; [крестьяне должны] стоять на их стороне против всех и особенно против неприятелей. Ибо недолго существовала бы Речь Посполитая, если бы крепостные не были послушны приказаниям господ.

4. ПРИТЕСНЕНИЯ КРЕСТЬЯН В ПОЛЬШЕ В XVII ВЕКЕ [4]

Велико в Польше живодерство старост и арендаторов казенных поместий, которые возлагают на убогих королевских крестьян

[1] Отрывки из произведения польского публициста XVI в. Станислава Ожеховского (1513—1583).

[2] В 1518 г. король издает закон, по которому он отказывается рассматривать жалобы крестьян на их господ.

[3] Из XXII главы произведения Ожеховского «De Repulica emendanda».

[4] Старовольский, Реформа польских нравов, написано в 1645 г., изд. 1859 г., стр. 105.

всяческие повинности, работу и подати, а иные и у своих собственных чуть ли не кожу сдирают. А если против какого-нибудь из них возбудят дело[1]..., паны являются ко двору, спасают один другого, защищают обвиняемого, ругают крестьян, читают им нотации, запугивают и говорят им, чтобы непременно уступили (отказались от жалобы). Когда же некоторые, более умные крестьяне, надеясь на некоторые улучшения [своего положения], крепко отстаивают свои права и не перестают обращаться ко двору с просьбами, они сейчас же приказывают их убить или утопить, рухлядь же, если они какую-нибудь имели, [они приказывают] конфисковать... утверждая об утопленном крестьянине, что он был бунтовщиком, разбойником, что поддерживал злодейские сношения с пограничными.

5. САТИРА НА ПОВИННОСТИ И ПРИТЕСНЕНИЯ КРЕСТЬЯН В ПОЛЬШЕ

Сатира Христофора Опалинского (1610—1656) — познанского воеводы, написана в 1650 г. Приводим отрывки из этой сатиры, написанной белыми стихами; сатира эта ярко рисует экономическое и правовое положение крестьян в Польше в XVII в. Нетрудно понять, что автором руководит страх перед восстанием крестьян в коренной Польше. Автор убеждает своих собратьев по классу, чтобы они не доводили крестьян до крайности. Многочисленные крестьянские восстания в Польше (как, например, Костки Наперского) доказали, что опасения Опалинского не были необоснованы.

По-моему, бог ни за что так не карает поляков, как за суровое притеснение крепостных. [Положение крестьян] хуже рабства. А разве крестьянин не только твой близкий и не человек? Сердце трепещет, по телу мурашки идут, когда вспоминаешь об этом рабстве, которое [у нас] тяжелее, чем у язычников. Побойтесь бога, поляки, не с ума ли вы сошли? Все имущество, достаток, продукты — все это вы имеете от своих крепостных. Их руки кормят вас. Но вы так жестоко с ними обращаетесь. Верблюд, как рассказывают, через силу не носит, и когда его навьючат так, что он почувствует себя перегруженным, он сразу ложится и не хочет встать... Мужичок должен все выдерживать, что бы ему пан ни взвалил на плечи, хоть издыхай. Бранят проповедники, бранят исповедники, адом грозят — все не помогает, да и сами епископы то же творят, если не хуже, при помощи своих экономов и прелатов. Бедный шляхтич имеет оправдание, когда видит, что более знатные грешат. Прежде всего, из каких повинностей состоит барщина? Где раньше работало 20 крестьян или больше, там их теперь [работает] 8 или 10, а ведь 10 велят сделать то, что [прежде] делало 20. Где раньше выходило по одному человеку с дома, потом стало выходить по два, по три, по четыре. Где два дня или три работали в неделю, теперь временами [крестьяне] не имеют ни одного свободного [дня]...

---

[1] Речь идет о крестьянах королевских поместий; крестьяне частных помещиков не могли (с 1518 г.) жаловаться на своих господ.

Скажут слуги, челядь: вот этот крестьянин богат, у него скот, овцы и немало другого имущества, пригодится это для кухни; ячмень у него уродился, пшеница — и то хорошо для гостей на пиво. О ином скажут: у него слишком много земли, и хорошей, пригодится для имения, взять ее у него,— да и всех остальных лишают земли, а имения закладывают. Может меня кто-нибудь спросить: «Ну что, все уже высказал?» — Сто ртов и сто языков, и этого нехватило бы, чтобы описать притеснения крестьян...

... Когда наступает весна, а дождь прекратился в мае, обвиняют ведьм. Издох вол, один, другой, или кое-что из молодняка, обвиняют ведьм. [Паны] приказывают взять невинную бабу и пытают ее.

Расскажу, — ибо трудно промолчать: когда я однажды ехал мимо деревни, я велел вынести себе из харчевни пива; вынесли, спрашиваю: «Разве такое пиво у вас всегда бывает?» Отвечают: «В сто раз хуже, а пить мы его должны, ибо пан отдает содержателю харчевни определенное количество бочек на неделю, за которые содержатель харчевни должен ему отдать деньги независимо от того, выпьем мы или нет. Владелец харчевни требует с нас, вычисляет, сколько приходится пива на каждого крестьянина; если не придешь в харчевню, тебе твое количество пива принесут домой. Пей, хоть оно плохое; не хочешь — вылей свиньям, но содержателю харчевни заплати». Таким же образом они поступают и с овсом, и с мукой, и с солью, и с селедками, которыми все больше и больше забрасывают крестьян... Дерут с крестьянина шкуру в городе, в харчевне, в усадьбе и в церкви. А ведь притеснения тех давних времен после изгнания хищной Риксы с сыном Казимиром привели к тому, что все крепостные взбунтовались против своих собственных господ [1]. Они принуждены были убегать и скрываться в лесах и в разных укромных местах, как епископы, так и кастеляны и воеводы, а крестьяне их искали, мстя за свои обиды. Притеснения же вызывали выступления Павлюков, Мух и Наливаек, бунтовщиков и теперешнюю кровавую войну и привели к великому позору отечества... Бог покарал нас за крестьян, раньше поражением и пленением гетманов, а потом постыдным бегством и, наконец, позорным миром [2].

Кончаю теми словами, которыми я начал, что бог карает Польшу больше всего за крестьян: да и будет карать, если ты, поляк, не опомнишься.

---

[1] Автор имеет в виду восстание крестьян в Польше в XI в. (см. отрывок из хроники Галля, т. II данной хрестоматии, стр. 168).

[2] Автор говорит о битвах под Корсунем и Желтыми Водами (1648) и о Зборовском мире (1649).

6. КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ АЛЕКСАНДРА КОСТКИ НАПЕРСКОГО В КРАКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ (1651 г).

Как и русские крепостные крестьяне во время Разина, польские крестьяне выступали против своих помещиков. Они наивно верили, что король является их защитником, что дворяне притесняют их против воли короля. Подобно Пугачеву, Александр Костка Наперский, чтобы легче поднять народ на восстание, назвал себя сыном короля Владислава IV и утверждал, что выступает якобы по поручению короля. (Заимствовано из «Teksty zródlowe», № 39, стр. 6—7. Воззвание Александра Костки Наперского, т. I, стр. 325—326.)

Мир христов. Всем и каждому верным подданным его королевского величества государя нашего милостивого... желаю свободы и вольности, объявляя прежде всего божью волю и [волю] его королевского величества. Хочет шляхта поднять мятеж против его королевского величества, государя нашего; поэтому, кто верен королю, пусть как можно скорее направится под мои крылья, под Чорштын... При этом его королевское величество, милостивый государь наш, обещает, что всем тем, кто теперь будет стоять на моей стороне, все слободы и усадьбы со всем тем, что в них есть, будет ваше, а поэтому освобождайтесь сами из этой неволи, пока не поздно. Неужели они должны вас окончательно разорить; лучше, если вы их разорите. Хватит уже, довольно они вас мучили, эти панки; голос ваш, голос плачущих взывает к богу о мести. Предупреждаю вас, чтобы вы никаким грамотам, даже если бы они были с печатью и [подписаны] рукой его королевского величества короля, не верили, потому что он принужден издавать [грамоты], страшаясь шляхты. Но мы должны делать как можно скорее то, что следует делать, и в день св. Яна мы пойдем на Краков. Я уже всюду разослал грамоты крестьянам, которые охотно явятся, в Новотарской же местности [явятся] все...

Дан в Чорштыне 22 июня 1651 г. Желающий вам доброго здоровья Александр из Стернберка Костка, чортшынский староста[1].

Б. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПОЛЬШИ

7. ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ (1569 г.)

Литовские бояре долго избегали слияния Литвы с Польшей, так как хотели сохранить за собой монополию на эксплоатацию литовского, белорусского и украинского крестьянства и не допускать польских помещиков в Литву.

В XVI в. литовские бояре начинают серьезно опасаться усиливающегося Московского государства, которое уже в 1514 г. сумело возвратить себе Смоленск, а в 1563 г.— Полоцк. Стремясь удержать в своих руках русские земли с сидящими на этих землях закабаленными крестьянами, литовские бояре пыта-

[1] Восстание Наперского было жестоко подавлено войсками краковского епископа; сам Костка Наперский был подвергнут пыткам, а потом казнен в Кракове (посажен на кол).

ются найти помощь у шляхетской Польши. Польская шляхта ставит свою помощь Литве в ее борьбе с Московским государством в зависимость от заключения более тесной унии. Несмотря на протест литовских бояр, которые высказывались лишь за военный союз с Польшей, мелкая литовская шляхта согласилась на унию 1569 г. В силу этого соглашения Польша (корона) и Литва образовали с этого момента дуалистическое государство — «Речь Посполитую» с общим королем, избираемым совместно польской и литовской шляхтой, общим сеймом, общей внешней политикой и общей монетой. Корона и Литва при этом сохраняли отдельное войско, отдельные, хотя и аналогичные государственные должности. Приводимый отрывок взят из текста Люблинской унии («Vol. leg», II, 766—777; «Teksty zródlowe», № 31, стр. 25—29).

3... Польская корона и великое княжество Литовское составляют одно нераздельное и общее тело, а также неразрывную общую Речь Посполитую, которая соединилась и слилась из двух государств и наций в один народ.

4. Во главе этого народа пусть стоит и приказывает на вечные времена одна глава, один государь и один общий король, который будет избираем совместно поляками и Литвой, а место выбора [будет находиться] в Польше, а потом он будет помазан на Польское королевство и коронован в Кракове...

5. Выбор и провозглашение великого князя литовского, которые до этого происходили отдельно в Литве, пусть прекратятся[1].. А так как титул великого князя литовского и чины остаются при выборе и коронации, он должен быть провозглашаем королем польским и одновременно великим князем литовским, русским, мазовецким, жмудским, киевским, подляшским, инфляндским.

11. Соглашения и союзы с иностранными государствами... в будущем не будут совершаться и никакие послы по важным делам не будут высылаться без ведома и совместного совета обоих народов, союзы же и договоры с каким-либо государством, заключенные прежде, которые были бы невыгодны какой-либо стороне, не должны оставаться в силе.

12. Монета как в Польше, так и в Литве... должна быть одинаковая, равная весом... и с одинаковой надписью.

13. Все статуты и постановления... установленные против польского народа в Литве, касающиеся приобретения и владения имениями поляками в Литве.., не имеют никакой силы, как противные закону справедливости... и унии... Но как поляк в Литве, так и литовец в Польше может всегда свободно приобретать имения и владеть ими..

16. Его королевское величество не будет от сего времени созывать никаких сеймов, отдельных для коронных и литовских сословий... а только общие сеймы для обоих народов как составляющих одно тело...

---

[1] В XV и XVI вв. многие из Ягеллонов, чтобы усилить свою позицию в Польше, добивались, вопреки условиям Городельской унии, сначала литовского великокняжеского трона и только потом уже выступали как кандидаты польской короны.

8. ПОЛЬСКИЙ ИСТОРИК ДЛОГУШ О ТРЕБОВАНИЯХ ШЛЯХТЫ
(1454 г.)

Ян Длугош (1418—1480), польский историк, написал историю Польши в 12 томах с древних времен до конца XV в. Длугош как представитель крупных духовных феодалов порицает выступление мелкой шляхты.

[В 1454 г., начиная войну с Тевтонским орденом, король] приказал рыцарям, но только Великой Польши, чтобы они выступили в вооружении под Хойницы. [12 сентября 1454 г.] король прибыл в Цереквицу, где застал великопольских рыцарей, рассеянных и в беспорядке, так что должен был их там собирать и соединять. А те, забыв о давней рыцарской дисциплине, послушании королю и уважении к нему и государству, чем отличались их отцы, воспитанные в роскоши и безделии, пиршествах, вместо войны занялись спорами и потребовали от короля подтверждения прежних вольностей и выдачи новых, объявляя, что в противном случае они вовсе не примут участия в войне. Король утвердил прежние права и удовлетворил назойливые просьбы[1].

9. НЕШАВСКИЕ СТАТУТЫ

Во второй половине XV в. в Польше растет значение мелкой шляхты, составлявшей основу военного ополчения. Шляхта стремится к ограничению власти короля и можновладства, к широкой эксплоатации горожан и крестьян, постепенно становящихся крепостными барщинниками. Шляхта требует от короля Казимира IV (1447—1492) решающего участия в законодательстве. В 1454 г. начинается война с Тевтонским орденом из-за обладания Поморьем. Шляхта обусловливает свое участие в войне получением привилегий от короля. Результатом требования шляхты являются так называемые Нешавские статуты, которые подчиняют законодательство непосредственной власти шляхты. Шляхта захватывает власть в государстве, чтоб использовать ее в целях закрепощения и эксплоатации крестьянства.

«Покоящаяся на крепостной зависимости дворянская демократия, в том виде, как она существовала в Польше... представляет собою одну из самых грубых форм общества...» (Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 65—66).

а) Малопольский статут

Нешава, 11 ноября 1454 г.

§ 29. Если случится, что какой-либо шляхтич будет ранен горожанином или крестьянином, то раненый шляхтич может выступить с жалобой против виновника перед земским судом и вызвать его от магдебургского его суда к земскому суду.

б) Великопольский статут

Для того чтобы государство в будущем было лучше управляемо, желаем и сим постановляем, чтобы никакое новое устройство не

[1] На основании привилегий, выданных предыдущими королями, польская шляхта была освобождена от податей, кроме двух грошей от лана (1374), и пользовалась законом о неприкосновенности личности (1531). С такими же требованиями выступила в октябре 1454 г. малопольская шляхта, результатом чего и были Нешавские статуты.

вводилось частным образом, а также чтобы в будущем никакой поход ни в коем случае не был предпринят без разрешения обычного земского сеймика; а все новые дела, чтобы прежде были обсуждены, затем установлены и приняты земскими массами.

10. ОБЛИЧЕНИЯ И ПРЕДСКАЗАНИЯ СКАРГИ

При отсутствии сильной государственной власти, при недостатке военных и финансовых средств, при внутренних смутах и неурядицах, при моральном упадке правящего класса и угнетении народной массы Польское государство имело очень мало шансов на сохранение своего существования. Это ясно сознавалось лучшими людьми польского общества уже в начале XVII в. В этом отношении особенно выделяется проповедник Петр Скарга, который в своих сеймовых «казаниях» дал яркое изображение всех недугов Речи Посполитой и предсказывал их гибельные последствия. Однако Скарга понимал, что все его сетования напрасны, все его обличения не тронут тех, против кого они направлены.

Боже мой,— какая роскошь проникла в это царство. От мала до велика все отвергли святую умеренность и презрели жизнь старопольскую, воинственную. Всякий хочет пить пиво, редкий пан без шелку, без шестерни лошадей, без ливреи. Пропало и сострадание к Речи Посполитой. Никто не озаботится поддержанием крепостей и стен. Речь Посполитая становится убогою, богатеют лишь отдельные дома. Завелось такое казнокрадство, что лишь половина податей, собираемых с мещан и крестьян, доходит по назначению. Кто исчислит все клеветы, ябеды, обманы и измены в судах? Все кровосмешения, прелюбодеяния и лжесвидетельства? А этот кровавый пот живых подданных из крестьян, который льется беспрестанно, не накликает ли он кару божью на все государство? По какому праву кмети вольные, поляки и христиане убогие обращаются в крепостных, как будто бы они были купленные невольники или военнопленные? По какому праву владельцы делают с ними, что хотят? Почему эти люди не имеют ни защиты, ни суда, который охранял бы их жизнь, здоровье и собственность? Почему мы распространяем на них supremum dominium [верховное господство], которого сами для себя терпеть не можем? Зачем обращаться с ними, как с невольниками, а не как с наймитами? Что мне делать с тобою, бедное государство? Если бы я был Исайя, то я бы ходил наг и бос, взывая к вам, преступники и преступницы закона божия! Стены вашей Речи Посполитой трескаются беспрестанно, а вы говорите: ничего, пустяки. Польша держится безначалием. Вы не понимаете, что нельзя Польше держаться безначалием, что это противно разуму. Безначалием и беспечностью все валится и падает; а так как безначалие проистекает от слепоты греховной, то вышло бы, что Польша держится грехами и уходит как-то от божьего наказания. Она падет, когда вы и чаять не будете, и всех вас раздавит развалинами. Наступит на вас враг внешний; воспользовавшись вашими распрями, скажет: «Разделились сердца их, теперь они погибнут». Эти раздоры заведут вас в плен, в котором все вольности ваши утонут и в смех обратятся. Земли и кня-

жества великие, которые соединились и в одно тело, срослись с короною, отпадут и разорвутся... Вы поглощены будете другими народами, которые вас ненавидят. Вы лишитесь не только государя из крови вашей и права избирать его, но и королевства и отечества; вы станете нищими и изгнанниками, презренными бродягами, которых будут попирать ногами там, где их прежде превозносили и славили.

11. ВЛАСТЬ КОРОЛЯ В ПОЛЬШЕ

(1573—1795 гг.)

С 1573 г. начинается в Польше период выборных королей [1]. Кандидат, на которого пал выбор, должен был присягнуть, что будет править согласно условиям, заключенным в так называемых Генриховых статьях. Название статей происходит от имени первого выборного короля в Польше (1573) Генриха Валуа (впоследствии французского короля Генриха III). Генриховы статьи действовали в Польше с 1573 г. до разделов,ограничивая власть короля в пользу шляхты, (Генриховы статьи, Volumina legum, т. II стр. 897—901. Заимствовано, из «Teksty zródlowe», № 33, стр. 10—14)

1. ...Мы и наши потомки, польские короли, они же великие князья литовские и пр., не должны ни в коем случае назначать... себе преемника. А это для того, чтобы всегда после кончины нашей и наших потомков выбор короля оставался за всей шляхтой. Поэтому ни мы, ни наши потомки, польские короли, не должны употреблять титула наследственного.

3. ...Ни мы, ни наши потомки не должны посылать послов в чужие страны и принимать чужих послов без совета сенаторов...

4. Что касается войны или ополчения, мы ничего не будем предпринимать без разрешения сейма...

6. ...Каждый вальный сейм назначает из числа санаторов 16 человек... которые будут постоянно пребывать при нас... и без которых ни мы, ни наши потомки не должны ничего предпринимать по текущим делам...

7. Вальный коронный сейм должен созываться по крайней мере каждые 2 года... А дольше как 6 недель мы его не будем держать; а перед этими сеймами... должны быть уездные сеймики... На этих сеймиках мы должны через своих послов сообщать о своих нуждах.

16. Так как в нашей женитьбе Речь Посполитая весьма заинтересована, мы обещаем и обязуемся за себя и за наших королевских потомков... никогда не заключать наших браков без ведома и разрешения сената.

17. ...А если бы... мы нарушил в чем-либо права, вольности, статьи и условия или чего-нибудь не исполнили—в таком случае освобождаем граждан... от послушания нам [2].

---

[1] С 1573 г. начинается в Польше так называемая вольная элекция viritim; короля выбирает вся шляхта. Выборы государей происходили в Польше и раньше при Ягеллонах и даже при Пястах, но тогда выбирала не вся шляхта.

[2] Шляхта впоследствии очень часто пользовалась этой статьей и организовала законные вооруженные выступления (рокоши и конфедерации) против короля.

12. УПАДОК РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XVIII ВЕКЕ

Приводим отрывок из произведения Станислава Конарского «О действительной форме совещания», изданного в 1760—1763 гг. Автор критикует устройство Польши и требует реформ (заимствовано из «Teksty zródlowe», 42, стр, 32).

Анархия, то-есть состояние без совета и правительства, постепенно охватывает все, из-за анархии наступает некоторое падение свободы. Ибо при анархии долго не может существовать ни одно государство...

Мы жалуемся на несправедливые и часто бесстыдно продажные трибуналы и суды, на безнаказанные клятвопреступления, которые превратились уже почти в привычку и стали второй природой... на непереносимые обиды от более знатных и сильных, на то, что повсюду много тиранов и тирании над более слабыми. Что войск в стране для внутренней безопасности слишком мало [1]... Каждый гражданин словно ни о чем другом не думает, лишь бы ему было хорошо, а остальные пусть погибают... Государственная казна беднее и хуже устроена, чем во многих иностранных городишках. Торговля в стране совсем упала... стала ненавистна купцам из-за кожедерства панов... Крайняя нищета крепостных. Разорение городов и местечек. Страна полна порченой монеты, нет золота и серебра, нет заботы о том, чтобы охранить страну от прилива самых плохих денег из-за границы [2], нет заботы о том, чтобы унять своих фальшивомонетчиков... Невыносимое угнетение со стороны соседей, повсюду нарушения границы и насилия [3] и иго во время мира. Имущество наших домов, жены и жизнь находятся под угрозой опасности со стороны своих и чужих набегов и со стороны буйных шаек. Неугасающие раздоры между панами. Выборы чиновников, депутатов, судей настолько нарушаются и в такой мере стали невозможны, что только тайком, при несоблюдении всяких прав, они могут еще кое-где происходить.

Непрерывно подло срывают сеймы и сеймики [4], так что в тече-

---

[1] Сейм в 1717 г. установил численность польского войска в 24 тыс. человек, в действительности в середине XVIII в. Польша не насчитывала и этого, в то время как, например, Фридрих II располагал войском в 200 тыс. Шляхта не желала многочисленного войска, так как боялась, что король при его помощи сможет усилить свою власть и лишить шляхту ее «золотых вольностей».

[2] Особенно много фальшивой монеты распространял в Польше прусский король Фридрих II во время Семилетней войны (1756—1763).

[3] Во время Семилетней войны русские, прусские и австрийские войска хозяйничали в «независимой» Польше, как у себя дома; нарушали нейтральность страны, вводя туда свои войска и набирая силой солдат в свои армии.

[4] В Речи Посполитой существовал обычай, что решения в сеймах принимались не большинством голосов, а единогласно. Каждый депутат сейма пользовался так называемым правом вето (liberum veto), мог один воспротивиться желанию всех остальных, и в силу этого не проходил не только обсуждаемый закон, но даже законы, уже принятые ранее единогласно этим же самым сеймом. Так называемое первое liberum veto имело место в 1652 г., тогда депутат Владислав Сицинский один сорвал сейм. Особенно часто сеймы были срываемы в конце 17 и в начале 18 вв.

ние 70 лет прошел только один обыкновенный сейм[1]. Перепутаны права судебного ведомства и государственных учреждений. Постоянные стычки между церковью и светскими...

Позор, слабость, срам и падение всего народа во всех отношениях. Совершенная гибель отечественных законов. Безграничное отчаяние во всей стране оттого, что уже никогда лучше не будет и быть не может...

13. LIBERUM VETO В ПОЛЬШЕ

Выше (см. документ 12) мы привели отрывок, характеризующий liberum veto и отношение к нему Станислава Конарского. Ниже приводим отрывок из произведения «О действительной форме совещания», живо характеризующий поведение шляхты в сейме и мотивы, руководившие ею при срывании сеймов. Liberum veto совершенно парализовало законодательную деятельность в Польше. Конарский старается объяснить шляхте пагубность этого обычая и убеждает ее ввести в польском сейме принцип решения вопроса не единогласным решением, а большинством голосов[2].

Достоверная реляция[3], каким образом и по какой причине был сорван варшавский сейм 1732 г.

Это был третий сейм, который должен был заняться распределением булав[4] и который срывали до выбора маршалка[5], ибо, согласно закону, после выбора маршалка следовало приступить к раздаче вакансий; те, которые были недовольны раздачей булав, были заинтересованы в том, чтобы не допустить выбора маршалка. Мой приятель, достойный человек (поэтому не назову его имени)..., дал мне следующую реляцию, которую я передам вам его словами...

«Уже в течение нескольких недель [собирались выбрать маршалка...] и, вероятно, выбор должен был произойти на следующий день, но те, которые не хотели согласиться с раздачей булав, какую наметил король, собрались на совещание, после которого, вложив мне в карман по пятьсот червонных злотых, обязали меня, чтобы я непременно отыскал среди послов такого, который бы взялся сорвать и не допустить выбора маршалка. Всю ночь я ездил по Новому Свету, по Сольцу, по Велеполю, по Налевкам, по Праге[6]; никто тогда лучше, чем я, не отведал варшавское болото; я сарах subjectum[7] искал на самых грязных улицах, углах и избушках, чтоб он мог взяться за столь великое дело. Я говорил боль-

---

[1] В Польше от 1573 г. короли, согласно Генриховым статьям, были обязаны сзывать сеймы каждые 2 года на 6 недель. Это были так называемые обыкновенные сеймы. Кроме того, короли могли созывать по своему усмотрению сеймы на 2 недели, так называемые экстраординарные.

[2] См. примечание [4] на стр. 287.

[3] Реляция — отчет.

[4] Этот сейм должен был заняться выбором гетманов (военачальников), булава была символом власти гетмана.

[5] Маршалок — председатель посольской избы.

[6] Улицы и предместья Варшавы.

[7] Соответствующую личность.

ше, чем с тридцатью послами, предлагал тысячу червонных злотых, обещал до трех тысяч... Ненужная (как мне тогда казалось) добродетель этих людей приводила меня в отчаяние, я их проклинал, поносил, бранил. Бьет пять часов утра; бегу к чудотворной часовне crucifixi[1], даю талер на святую обедню, чтобы небеса благословили найти хотя бы одного честного человека, который бы взял деньги и сорвал этот чертовский сейм. Я очень горячо молился: здесь дело шло о моей чести и доверии ко мне; знали, что есть у меня приятели,— могли подумать, что я ничего не стою. Еще три часа бродил я по болотам, пот льется с меня ручьями, я говорю еще с несколькими послами, предлагаю, убеждаю, плачу, чтоб сжалились надо мной, чтоб кто-нибудь взялся сорвать этот сейм. Напрасно. Я начал жаловаться на свою несчастную судьбу. Бьет половина десятого. О, я несчастный! Неужели этот проклятый сейм пройдет? Неужели будет избран маршалок? Когда я снова был около фары... вижу стройного барчука; около него двое слуг, кажется, что я его видел в палате. А тогда все мне казались послами. Я его вежливо спрашиваю, не посол ли он. Отвечает: «К услугам милостивого государя, посол».— «Покорнейше прошу прощения, я хорошо ведь сам заметил в палате большую вашу активность, но теперь я так озабочен, так измучен, что сам не могу понять, что говорю».—«Прошу сюда, в кабачок, я пошлю за гданьской водочкой». Мы вошли... Выпиваем рюмочку за рюмочкой, завожу разговор: «Тут речь идет о гибели отечества, о спасении всех нас и т. д. Надо этот низкий и опасный сейм непременно сорвать, нет человека, который бы не понимал необходимости этого, но какой-то страх объял всех послов. Я в вас, милостивый государь, как только имел честь видеть вас в палате, заметил на вашем лице, в ваших глазах, на вашем лбе что-то героическое и клянусь, что у меня относительно вас появилась мысль: вот Ахилл, только он один сможет спасти отечество из крайней нужды». Я видел, что мой паренек принял это мое пророчество с большим удовольствием... «Вы правы,— ответил он,—я чувствую, что я отважен». И схватился за шпагу. «Не надо терять времени,— говорю,— вот случай спасти отечество, кажется начинается сессия; сжалься над нашей скорбной матерью[2] и над всеми праведными. За ваш труд, милостивый государь, поскольку вам придется укрыться от суматохи на всякий случай, какую захочешь сумму, имею при себе, а если мало,— имею полномочие [дать], сколько захочешь». Юноша сконфужен и скромен; на мне [признаться] кожа дрожит, а вдруг он заломит сумму в несколько тысяч! Но галантный честный малый повел такую речь: «Это правда, что у тебя нет времени, но паны умеют много обещать, чтобы бедного юношу подвергнуть опасности, а потом призывают вытолкать его за двери. Я сам хорошо вижу необходимость того, что этот сейм

[1] Распятого.
[2] То есть над Польшей.

должен быть сорван, но потом знаешь, какие бывают последствия от такого смелого поступка». Я его прерываю: «Нас пятьдесят человек, а мы сразу же со мной во главе позади вас, милостивый государь, с саблями наготове будем; нечего тебе вообще опасаться, из горла самого ада мы тебя, милостивый государь, вырвем».— «Это хорошо,— говорит,— но если ты мне, милостивый государь, тут на месте не отсчитаешь трехсот злотых, ничего из этого не будет». Тут меня озарило небесное сияние: «О благодетель,—восклицаю,— о спаситель отечества, о опора и поддержка свободы, о мой господин!». Но когда я взялся за карман, вдруг выскользнули у меня четыре пачки, и это сразу же мой быстроглазый дружок заметил; трудно было повернуть назад: «Ну, ну,— говорю,— отец отечества и благодетель мой, вот и больше; ты достоин многих тысяч миллионов за такую похвальную отвагу». Тут дал я ему четыреста червонных злотых. Только он разорвал пачки, чтобы убедиться, что это не медь, и высыпал их в карман, и поклявшись мне именем бога и т. д. и всею своею честностью и добродетелью, что он сорвет этот безбожный сейм, он побежал в палату, и я направился, чтоб учинить рапорт о своей миссии. Как вдруг он меня под Сигизмундом догоняет. Волосы у меня встали, я весь омертвел. «О несчастье мое, неужели уже после всего...» А он мне шепчет на ухо: «Под каким предлогом я сорву сейм?»— «Ах, дорогой ты мой, да сто тысяч предлогов. Ведь ты сам говорил, что сам ты отлично понимаешь, что этот сейм необходимо сорвать». А мне, между тем, самому ничего сразу не приходит в голову... [Наконец] говорю: «Скажи, милостивый государь, так: ввиду того, что закон велит в первый же день избрать маршалка, а мы уже против очевидного закона несколько недель тратим на этот выбор, поэтому solenissime[1] я, протестуя против нарушения этого закона, выхожу!» Мой молодец несколько раз повторил мои слова, но никогда не мог досказать до конца и сказал, что «это слишком длинная речь, что следовало бы ее сократить». Я был-таки принужден повести моего ученика близко к господину Ройкевичу и там эту столь страшную цицероновскую речь написать»...

---

[1] Торжественнейшим образом.

Падение Византии и Турция XV—XVIII веков

Введение

Документы данного раздела иллюстрируют важнейшие события международной жизни XV—XVIII вв., связанные с турецкими завоеваниями.

Документы 1—4 посвящены падению Константинополя,— крупнейшему событию позднего средневековья. Эти документы помогут учителю построить рассказ об окончательном крушении Византийской империи. Свидетельство Никифора Григоры *(документ 1)* поможет показать, что Византия была подорвана десятилетиями латинского владычества и император не был в состоянии пополнить свою казну за счет оскудевших провинций. Опираясь на эти выводы, учитель сможет объяснить, как обострялись противоречия, разделявшие бесправную массу крепостных крестьян и голодающих ремесленников, с одной стороны, и властвующую аристократию — и другой, как страх этой аристократии перед народом толкал ее к бесплодным попыткам спасти Византию при помощи чужеземцев (генуэзцев, венецианцев и т. д.).

Отзывы современников *(документ 2)* говорят о том глубоком впечатлении, которое на них произвело падение Византийской столицы, и подчеркивают военное и организационное превосходство турок.

Документ 3 можно использовать целиком, прочитав его на уроке, так как он является яркой иллюстрацией взаимоотношений между ослабевшей и погибающей Византией и османской державой.

Документ 4 представляет собой описание штурма и падения Константинополя в освещении турецкого автора. Этот документ вполне доступен учащимся; он содержит много интересных подробностей, относящихся к описанию осады и военных действий. Все же некоторые моменты следует выделить самому учителю. Слабость империи выявляется не только из предложений императора сдать туркам все окрестности Константинополя. Она в такой же мере подчеркивается страхом, внушаемым императору его собственными войсками, которые он пытался заменить на самых опасных участках «франками» (генуэзцами), предавшими его в решающую минуту.

Чрезвычайно любопытны слова Мухаммеда II о том, что его сабля и религия неразлучны. Эти слова доказывают, что так называемая «защита ислама» в действительности служила завоевательным целям турецких феодалов.

Документ 5 интересен по стилю и содержанию. Его вступительная часть, полная торжественных эпитетов, говорит о самовозвеличении султанов, мечтавших о мировом господстве. Заключительные слова документа не просто декларация, они — свидетельство боевой готовности. Следует в связи с этим напомнить, что год, которым помечен документ, является годом победы турок при Могаче (1526) и временем, когда готовился поход на Вену (осада Вены имела место в 1529 г.).

Документ 7 будет учащимися правильно понят, если напомнить им, что грозный натиск турецких армий на Вену повторился в 1683 г., когда Австрию и германские княжества спасли мужественные польские войска под предводительством короля Польши Яна Собеского.

Послание Яна Собеского, написанное им сразу же по окончании великой битвы, интересно в двояком смысле: оно раскрывает картину варварских

опустошений, мародерства и беспощадных насилий, которыми отмечен путь турецких армий по Европе. С другой стороны, в беглых впечатлениях короля уже находит свое отражение тот страх, который победоносная польская армия вызывала у австрийского двора и германских князей, встревоженных ее успехами. С этими впечатлениями следует связать общую оценку австрийской политики, смысл которой сводился к тому, чтобы всемерно использовать польские вооруженные силы, а затем лишить их плодов достигнутой победы.

* *

Высказывания классиков марксизма: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X (Объявление войны. Мусульмане и христиане); т. XVII, гл. 36. К. Маркс, Хронологические выписки, т. III («Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 200—209, 344).

* * *

Документы 1 и 2 взяты из книги проф. А. Васильева «Падение Византии». Документ 3 взят из статьи М. Н. Покровского «Падение Константинополя» (в «Книге для чтения по истории средних веков» под ред. Н. Г. Виноградова, том IV). Документы 4 и 6 переведены проф. С. Д. Сказкиным. Документ 5 взят из книги Марьежоля «История средних веков и нового времени».

Введение написано А. Д. Эпштейном.

1. БЕДНОСТЬ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В ОЦЕНКЕ ИСТОРИКА НИКИФОРА ГРИГОРЫ

Латинское владычество подорвало хозяйство Византии. Последствия грабежей и долголетнего разорения страны продолжали сказываться и после восстановления власти византийских императоров Государи из дома Палеологов не располагали денежными средствами и бессильны были пополнить налогами свою казну, так как провинции были бедны. Историк XIV в. Никифор Григора, присутствовавший на свадебных торжествах Иоанна V, писал:

В те времена дворец был охвачен такой бедностью, что в нем не было ни одной чаши, ни одного бокала из золота или серебра, некоторые из них были из олова, все же прочие глиняные... Я уже оставляю в стороне, что царские венцы и одеяния на том празднестве имели, по большей части, лишь вид золота и драгоценных камней. На самом деле они были из кожи и были лишь позолочены, как делают иногда кожевники, отчасти из стекла, отсвечивавшего различными цветами; кое-где лишь изредка были драгоценные камни, имевшие настоящую прелесть и блеск жемчугов, который не обманывает глаз. До такой степени упали, совершенно погасли и погибли древнее благоденствие и блеск римской державы, так что теперь я не без стыда могу изложить вам рассказ об этом.

2. ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ПО ОЦЕНКАМ СОВРЕМЕННИКОВ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИСТОРИК ДУКА

О Мухаммеде II

Ночью и днем, ложась спать и вставая, в своем дворце и вне его, он всю свою заботу полагал на то, какими военными действиями и средствами овладеть Константинополем.

ПЛАЧ О КОНСТАНТИНОПОЛЕ

О, город, город, глава всех городов! О, город, город, центр четырех стран света! О, город, город, гордость христиан и гибель варваров! О город, город, второй рай, на западе насажденный, заключающий в себе всевозможные растения, сгибающийся от тяжести плодов духовных! Где красота твоя, рай? Где благодетельная сила духа и плоти твоих духовных харит? Где тела апостолов господа моего? Где останки святых, где останки мучеников? Где прах великого Константина и других императоров?

ИЗ ПОВЕСТИ «МНОГОГРЕШНОГО И БЕЗЗАКОННОГО НЕСТОРА ИСКАНДЕРА»

Русский автор, находившийся при войске Мухаммеда II, был свидетелем и очевидцем штурма и падения Константинополя.

Окаянный Махмет прикатил к городским стенам пушки и пищали, и туры, и лестницы, и грады деревянны, и ины корзни стенобитныя.

ИЗ СОЧИНЕНИЙ ГРЕЧЕСКОГО ИСТОРИКА КРИСТОВУЛА

Все сделанные турками подкопы под стены и подземные ходы оказались излишними, и только вызвали бесполезные расходы, так как пушки решили все.

3. ОТВЕТ МУХАММЕДА II ПОСЛАМ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

Готовясь к осаде Константинополя и владея азиатским берегом Босфора, Мухаммед II на самом узком месте Босфора, немного к северу от Константинополя, возвел укрепленный замок, которому он дал имя «Богар — Келен», что в переводе означает «Перережь горло». Его целью было перерадить морскую дорогу, соединяющую Константинополь с Черным морем, и тем самым лишить византийскую столицу хлеба, который она получала из Крыма. Послы императора Константина явились, чтобы опротестовать этот поступок, как вероломное нарушение мира.

Я могу делать все, что мне угодно. Оба берега Босфора принадлежат мне: тот восточный, потому что на нем живут османы, а этот западный — потому что вы не умеете его защищать. Скажите вашему государю, что если он еще раз вздумает прислать ко мне с подобными вопросами, я велю с посла живьем содрать кожу.

4. ТУРЕЦКИЙ ИСТОРИК СААД-АД-ДИН О ВЗЯТИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

(29 мая 1453 г.)

Саад-ад-дин, турецкий историк и воспитатель султана Мурада III (1574—1595), написал историю Турции, начиная с Османа I, то есть с 698 г. хиджры, или с 1299 г. по европейскому летосчислению. Первый том этой работы был переведен на итальянский язык аббатом Бруттати и издан в Вене в 1649 г. Два других тома были переведены на французский язык французским арабистом Антуаном Галланом в 1710 г. и напечатаны в выдержках в известной работе Дарю по истории Венецианской республики, т. VIII, стр. 192—198.

Когда весна была уже на исходе, султан Мехемед[1], видя, что все готово и что все войска уже собраны, отправился с божией помощью в поход, приказав одновременно везти на особых телегах огромные пушки, которые он велел изготовить для того, чтобы разрушить стены и башни [Константинополя]. Перед тем как от-

[1] Мухаммед II Завоеватель (1451—1481).

правиться в поход, он произвел генеральный смотр своей армии, во время которого, воздав хвалу богу и ободрив начальников армии, визирей и войска, дабы они показали свою воинскую доблесть, объявил им, что он намерен взять город Стамбул [Константинополь] и превратить его в центр мусульманской религии, уповая на обещание пророка. И вот, видя общий подъем духа у лиц всех рангов, видя, что нет ни одного человека, который не был бы готов пролить свою кровь за столь благое дело, он тронулся в путь по дороге к Стамбулу. Мудрые потомки пророка и шейхи сопровождали его и некоторое время шли, согласно обычаю, с армией, вознося молитвы за счастливый исход предстоящей битвы, после чего они попрощались и удалились, дабы молиться у себя дома, пока будет продолжаться поход, за исключением шейхов Акшемс-Эддина и Акбююкбедеха, которых султан взял с собою, дабы умолять через их посредство бога о помощи... Утром султан прибыл на место, и вся армия приблизилась и заняла позиции перед стенами со стороны суши, приведя в великое изумление осажденных, которые пришли в страх при виде этого войска, даже несмотря на то, что император [византийский], предупрежденный о решении султана, приказал укрепить все слабые места города, через которые было бы легче начать нападение, и сам он был исполнен твердой решимости защищаться до конца.

Прежде чем султан начал осаду, император послал ему предложение взять себе все города и их окрестности вне Стамбула, но оставить ему, императору, город, за что император будет платить султану ежегодную дань. Но султан, не внимая этим предложениям, ответил, что сабля и его религия неразлучны, и потребовал, чтобы император сдал ему город. Получив отказ, император установил на башнях и стенах артиллерию, воинов, вооруженных мушкетами и большими запасами смолы.

К концу первого дня до наступления ночи султан приказал установить в нужных местах батареи и начал подступ к городу при помощи янычар и азапов [1], а как только пушки были установлены, он приказал подвергнуть стены сильному обстрелу, не говоря уже о непрерывном граде стрел и камней, бросаемых метательными машинами, которые подобно дождю засыпали город. Осажденные в свою очередь производили непрерывные залпы из мушкетов и пушек, заряженных каменными ядрами, которыми они причиняли большие страдания многим мусульманам, оросившим своей кровью землю. В это время прибыли два больших корабля, посланные на помощь императору франками, и высадили значительное подкрепление, которое быстро проникло в город. Затем, так как мусульмане принуждены были удалиться от стен вследствие сильных вылазок неприятеля, осажденные стали громко

[1] Войска, мобилизованные во время войны из числа христиан — подданных турецкого султана. Обычно их заставляли идти первыми на штурм крепостей.

кричать со стен и насмехаться над ними самым оскорбительным образом. Последнее обстоятельство было причиной того, что многие из турецких военных начальников, примкнув к Халил-паше, склонялись к тому, чтобы принять предложение императора и снять осаду. Однако они встретили сильное сопротивление со стороны мудрых и шейхов, в особенности же со стороны шейха Акшемс-Эддина и Загану-паши, которых поддержал султан. Последние и слышать не хотели ни о соглашении, ни о снятии осады и крепко стояли на том, чтобы не уходить и бить по городу из пушек до тех пор, пока не явится возможность взять его приступом. Их воодушевление и жажда подвига у воинов, которые заявляли, что решили биться до последней капли крови за дело религии, взяли верх, и было решено продолжать начатую осаду. И вот султан, собрав начальников, сказал, что для того, чтобы воспрепятствовать неприятелю делать вылазки, нужно вырыть в качестве прикрытия глубокий ров: это позволит укрыться от нападений неприятеля и, во-вторых, не даст возможности неприятелю прорваться и уйти. Так как город окружен стенами с трех сторон, то осаждать его с суши — пропащее время. Приходилось изыскивать средства для атаки его с моря. Это было трудное предприятие, потому что гавань между Галатой и Стамбулом была так прочно защищена цепью, что через нее нельзя было пройти ни одному судну [1].

Как ни умны были начальники, они не могли придумать средства для преодоления этого препятствия. Тогда султану пришла в голову мысль перетащить галеры по земле от нового замка, что позади Галаты, к крайней части гавани, и таким путем напасть на город со стороны моря, подвергнув его пушечному обстрелу. Византийцы были уверены, что это единственное место, через которое мусульмане не смогут напасть на них. Однако предприятие, задуманное султаном, удалось благодаря ловкости опытных инженеров, которые при помощи невероятных усилий сумели перетащить галеры через горы. Когда галеры были переправлены, ими воспользовались для того, чтобы устроить мост, и этот мост стал путем для нападения со стороны гавани и для крепкого охвата осажденных и с этой стороны. Император оказался в большом затруднении, будучи принужден разделять свои силы, для того чтобы противодействовать натиску с новой стороны. Он поставил франков защищать ворота Едрирех, а со стороны гавани поставил заслон из своих войск, очень недовольных, что им предпочли франков. Это внесло ссору между защитниками, а в султана вселило надежду на счастливый исход великих усилий.

После того как султан убедился в наличии всех этих разногласий, он приказал начать штурм со стороны Едрирехских ворот. Сопротивление, оказанное осажденными, было настолько мужественным, что турки лишь к ночи смогли форсировать брешь в

[1] Цепь запирала вход в залив Золотой Рог.

стене. Но вместо того чтобы дать отбой, султан приказал привязать к концу пик факелы, свет которых заменил бы дневное освещение. Он не хотел давать передышки осажденным. Приказание было выполнено, и сражение продолжалось всю ночь. В момент самой жаркой схватки начальник франков появился на высоте стены, сражаясь наряду с другими воинами. Тогда один молодой мусульманин, ловкий и хладнокровный, бросился на него с необычайной быстротой и нанес ему такой яростный удар, что тот, пораженный насмерть, пал ниц на землю. Франки, видя гибель вождя, прекратили битву и тотчас же отступили по дороге к морю, чтобы сесть на свои корабли. Тут осаждающие почувствовали новый прилив сил. Не обращая внимания на стрелы, выстрелы мушкетов, пушек и град камней, они бросились, как львы, на приступ и, войдя в бреши, проделанные ими с такой отвагой, они, наконец, захватили их и утвердили там свое знамя. В то же время город был взят, и войска, войдя в него, предали его крови и разграблению. Император в этот момент был в своем дворце на северном конце Едрирехских ворот, где он залпами из мушкетов и пушек старался отбиться от атаковавших его мусульман. Но так как он узнал, что знамя, к которому был прикреплен алькоран, уже реет в центре города, он потерял мужество и приготовился отступить ко внешнему дворцу с отрядом своих людей. По дороге, встретив несколько грабивших мусульман, он бросился на них и переколол их всех. Наткнувшись на азапа, упавшего на землю от тяжкой раны, он счел своим долгом прикончить его. Азап, несмотря на слабость, напряг все усилия, чтобы избежать удара и продлить свою жизнь, и нанес императору в то же время удар, которым он поверг его на землю, после чего и прикончил его. Это заставило всех, кто сопровождал императора, бежать и рассеяться. Наконец, когда не осталось ни одного человека с оружием в руках, ни одного, кто мог бы оказать сопротивление, открыли городские ворота, и султан въехал в них во главе своей кавалерии.

Грабеж продолжался три дня, и не было ни одного воина, который не стал бы богатым благодаря захваченной добыче и рабам. По прошествии же трех дней султан Мехемед запретил под страхом тяжких наказаний продолжать грабеж и резню, которая все еще не утихала. Все повиновались его приказу. Когда наступило полное спокойствие, вместо нелепого колокольного звона раздался приятный голос муэдзина, возвещающий пять раз в день час молитвы. Из церквей выбросили идолов, очистили их от запахов, которыми они были оскверняемы, и устроили в них ниши, дабы обозначить место, куда следует устремлять взор, когда творишь молитву. К церквам приделали минареты; одним словом, не забыли ничего, чтобы превратить их в места благочестия для мусульман.

Ашик-паша рассказывает, что эта победа, послужившая началом многих других, была окончена в течение вторника на пятьдесят первый день от начала осады. Однако Мевланавесхи сообщает,

что осада была начата в средине месяца ребиул-еввель[1] и что город был взят только в двадцатый день месяца джэма-диул-ахэр[2].

5. ПИСЬМО ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА СУЛЕЙМАНА I ВЕЛИКОЛЕПНОГО К КОРОЛЮ ФРАНЦИСКУ I (1526 г.)

После битвы при Павии 1525 г. Франциск I, попав в плен к Карлу V, королю Испании и императору германскому (с 1519 г.), был вынужден искать союза с Турцией в целях совместных военных действий против Карла V. Вслед за первым посольством, не достигшим цели, к султану был отправлен тайный агент, Жан Франджипани, которому удалось достигнуть Константинополя. Султан благосклонно отнесся к просьбе пленного короля Франциска I и ответил ему следующим письмом:

Он [бог] высок, богат, великодушен и щедр.

Милостью того, чье могущество прославлено и чье слово произнесено, священными чудесами Мухаммеда (да спасет и да благословит его бог), этого солнца на небе пророчества, этой звезды в созвездии апостолов, этого вождя пророков и предводителя отряда избранных, содействием его четырех святых друзей Абубекра. Омара, Османа, Али (да будет над ними всеми милость превысокого бога), а также всех угодников божьих,— я сам, султан султанов, государь государей, раздающий короны монархам всего земного шара, я, тень бога на земле, султан и падишах Белого и Черного морей, Румелии, Анатолии, Карамании, Румской земли, Зулькадрии и Диарбекра, Курдистана, Азербайджана, Персии, Дамаска, Алеппо, Каира, Мекки и Медины, Иерусалима, всей земли Аравии, Иемена и многих других земель, завоеванных оружием моих благородных и знаменитых предков (да освятит господь их могилы), а равно приобретенных огненным мечом и победною саблей моего августейшего величества, я есть султан Сулейман-хан, сын султана Селим-хана, сына султана Баязид-хана.

Ты, Франциск, король Французской земли, через вашего верного слугу Франкипана [Франджипани] вы обратились с письмом в мою Порту[3], убежище государей; вы передали также через него некоторые словесные поручения; вы довели до нашего сведения, что неприятель овладел вашей страной и что вы сами находитесь в настоящее время в плену, и вы обратились сюда за помощью и средствами для вашего освобождения. Все эти сообщения были повергнуты к подножию моего трона, этого прибежища для всего мира; моя императорская ученость овладела ими во всех подробностях, и я получил о них самые полные сведения.

---

[1] Третий месяц мусульманского календаря.

[2] Шестой месяц мусульманского календаря. В таком случае выходит, что осада Константинополя продолжалась не 51 день, а 95 дней (?!).

[3] Название правительства Турции. Это слово вошло в употребление в XVI в. и обозначает французский перевод турецкого слова «капу» — дверь. У турок этим словом называли придворное учреждение визирей, или министров, заседающих у входа, у дверей помещения с троном султана.

Нет ничего удивительного в том, что императоры терпят поражения и попадают в плен. Итак, мужайтесь и не падайте духом. Наши славные предки и наши знаменитые предшественники (да освятит господь их могилы) никогда не прекращали войн для того, чтобы отразить врага и покорить новые земли. И мы также следовали их примеру. Мы непрестанно завоевывали провинции и сильные неприступные крепости. Днем и ночью наш конь стоит оседлан, и мы опоясаны саблей.

Да поможет всевышний доброму делу. Куда бы ни склонялась его воля, да будет она исполнена. Но, впрочем, расспросивши вашего агента, вы узнаете от него все нужное. Итак, да будет это известно вам. Написано в начале луны ребиул-ахира[1] 932 г. [1526 г.] в резиденции столицы империи, в вернохранимом Константинополе.

6. МОРСКАЯ БИТВА ПРИ ЛЕПАНТО
(7 октября 1571 г.)

Католический король Филипп II отправил свой флот в Мессину под командой своего побочного брата дона Хуана Австрийского, к которому присоединился Джан Андреа Дориа, генуэзец, со своими галерами, находившимися на жалованье того же короля. К ним примкнул и Марк Антонио Колонна, папский адмирал, со своими галерами и Себастиан Вениеро, главнокомандующий морскими силами Венецианской республики. На смотру оказалось, что соединенный флот состоял из двенадцати галер папы, восьмидесяти одной галеры испанского короля с двенадцатью кораблями и, быть может, несколько бо̀льшим числом грузовых судов; из ста восьми галер, шести галеасов и двух кораблей венецианцев; из трех мальтийских галер и трех галер герцога Савойского. Кроме них, были и другие мелкие суда в большом количестве.

Столь сильная эскадра, кроме обычного судового экипажа, насчитывала двенадцать тысяч итальянцев под командой своих доблестных командиров, пять тысяч испанцев, три тысячи немцев и три тысячи охотников, движимых желанием постоять за веру и жаждавших славы. Среди этих охотников нельзя не упомянуть Александра Фарнезе, герцога Пармского, и Франческо Мариа де ля Ровере, герцога Урбино.

Отважные бойцы после нескольких совещаний подняли паруса 17 сентября с твердым решением идти на розыски вражеской армады, дабы обломать рога оттоманской державе, ставшей теперь после одержанных побед чересчур заносчивой и гордой.

Утром 7 октября, в воскресенье, они оказались в виду двух сильных вражеских эскадр. Турецкая эскадра вышла из Лепанто под командой адмирала Али, коменданта Туниса и Алжира, и других пашей и командиров и по количеству парусов значительно

[1] Четвертый месяц мусульманского календаря.

превосходила христианскую эскадру. Адмирал Али имел от султана приказ сразиться с неприятелем. Теперь как раз его флот был против христиан на уровне острова Курцоляри. Тогда и та и другая стороны построились в боевой порядок, образуя каждая три отряда, расположенные полумесяцем. Генералиссимус дон Хуан Австрийский, находившийся на одном из фрегатов, двинулся вперед, увещевая и воодушевляя каждого храбро сражаться, защищая веру и честь христианскую, и уверял всех в том, что господь всемогущий окажет помощь и покровительство воинам и вознаградит тех, кто положит жизнь за его святую веру. Растроганные его речами солдаты, плача от умиления, отвечали ему громкими кликами: «Победа, победа!» А в это же время народы христианские возносили непрерывные молитвы, дабы вымолить благословение божие на христианское оружие. С этой же целью папа объявил юбилейный год: совершались многочисленные благочестивые процессии.

Наконец, обе эскадры противников сошлись, и скоро рука божия почтила нас своим благоволением. С начала сражения дул мистраль, благоприятствовавший туркам. Но вот море успокоилось, а затем поднялся ветер сирокко, который нес весь дым на турок и в такой же мере гнал их корабли назад, в какой помогал христианам наступать. Ужасное сражение продолжалось уже четыре часа, но победа еще не склонялась ни на ту, ни на другую сторону. Тяжелые галеры христиан, находившиеся в первой линии, стали наносить такой урон неприятелю своей артиллерией, что некоторые из турецких кораблей начали тонуть. Тогда галеры противников сцепились на абордаж, и тут обнаружилось, кто из неприятелей превосходит другого силой. Великое мужество показал дон Хуан Австрийский, так как его адмиральский корабль оказался в великой опасности, ибо турки, напрягая невероятные усилия, двинули против него свой головной корабль, и уже триста человек около него оказались убитыми. Не менее его храбрыми были два других адмирала: Колонна и Вениеро. Наконец, турецкая эскадра стала в беспорядке отступать, после того как адмирал Али был убит в перестрелке. Ему отрубили голову, и, будучи надета на пику, она окончательно лишила мужества тех, кто мог ее заметить. В руки христиан попало огромное количество неприятельских судов и пленных. Надо считать, что по крайней мере пятнадцать тысяч неверных погибло в этой страшной схватке. Реляции, посланные папе Пию V, и некоторые писатели говорят о тридцати тысячах погибших турок, но, конечно, никто их не считал. Сложили в этом сражении головы свои и более чем пять тысяч христиан, и особо оплакивать приходится смерть Агостино Барбериго, главного интенданта венецианского флота, опытность которого отчасти способствовала победе. Более чем двенадцать тысяч рабов-христиан в результате этого поражения турок получили свободу. Большинство из них, видя, что турки терпят поражение, будучи скованы железными кандалами, способствовали сумятице

на своих галерах. Также и те рабы (гребцы), которые находились на христианских галерах, поскольку им была обещана свобода после победы, взяв оружие, немало помогли своим сражающимся господам. После сражения разделили добычу и пленных, которых оказалось около пяти тысяч. Папскому адмиралу досталось 17 галер и 4 галеаса, дон Хуану Австрийскому — 57 галер и 8 галеасов, венецианцам — 43 галеры и 6 галеасов. Между савойцами и мальтийцами разделили 18 галер. Рассказывали, что около 62 турецких судов пошло ко дну, и наверняка можно считать, что утонуло 17 христианских галер.

Весть о столь замечательной победе была сообщена дворам их представителями путем посылки особых курьеров, и трудно описать ликование, которое охватило сердце каждого католика и с какими празднествами и восторгом воздали они благодарение всевышнему. В Венеции радость была так велика, что этот народ потерял голову... Из Венеции эта весть через два дня пришла в Рим, и несказанным утешением было это для папы и народа римского... Всеобщее ликование еще более усилилось при появлении в Риме 16 декабря отважного генерала папской армии Марка Антонио Колонны, который так много сделал для благополучного исхода всего предприятия. Но скажу, что столь потрясающая победа не сопровождалась какими-либо заметными плодами для христианского мира и послужила только распространением сознания, что турецкая держава не является непобедимой.

7. ТУРКИ ПОД ВЕНОЙ в 1683 г.

(Письмо польского короля Яна Собеского к своей жене Марысеньке)

В визирских шатрах 13 сентября ночью[1]. Единственная и т. д. бог и господь наш благословенный навеки дал победу и славу нашему народу, о какой прошлые века никогда не слыхали. Все пушки, весь обоз, бесценные богатства попали в наши руки. Враг, заваливши трупами траншеи, поля и лагерь, бежит в смятении. Верблюдов, мулов, скот, овец, которые находились в стране, наши войска только сегодня начинают захватывать... [наши] гонят турок перед собой, как стадо, иные же, особенно ренегаты на хороших конях, и в красивом одеянии, перебегают от них к нам. Совершилось столь необычайное дело, что уже сегодня между простонародьем тут в городе [т. е. в Вене] и у нас в лагере была тревога, предполагали... что неприятель вернется. Одного пороха и амуниции [неприятель] оставил больше чем на миллион...

Визирь поспешно бежал на коне в одном платье. Я стал его наследником, ибо по большей части мне досталось все его богатство; и это благодаря тому, что один из камердинеров визиря, будучи в лагере в самой передней его части и следуя всюду за ним,

---

[1] Сражение у Вены с турками произошло 12 сентября 1683 г.

продался [нам] и показал его шатры, столь обширные, как Варшава или Львов в пределах стен. Мне достались все его визирские знаки, которые над ним носят, магометанское знамя, которое ему дал его император на войну и которое я еще сегодня отправил в Рим святому отцу почтой через Талента. Шатры, все возы достались мне и тысячи иных роскошных вещей, очень красивых и очень богатых, хотя еще многого мы не видели. Нельзя даже сравнить с хотимской добычей...[1] у меня и визирский конь с его седлом. За самим [визерем] здорово гнались, но все же он спасся. Его кигайя, то-есть первого после него человека[2], убили, а также немало пашей. В войске множество золотых сабель и иного оружия. Ночь помешала нам и еще то, что, отступая, они отчаянно защищаются и ведут себя храбрецами. Янычаров... бросили в траншеях, ночью их перерезали, ибо так велика была надменность и спесь этих людей, что, когда они дрались с нами в поле, другие атаковали город: и для того, и для другого они имели [в своем распоряжении] достаточно [сил].

Я считаю, что, кроме татар, их было 300 тысяч; иные насчитывают самих шатров до 300 тыс. и берут пропорцию трех на один шатер, что составило бы неслыханное число. Я, однако, считаю, что шатров было по крайней мере сто тысяч, ибо они стояли в нескольких лагерях. Две ночи и день [их] шатры разбирают, кто только желает, и из города вышли люди, но я знаю, что и в течение недели они их не разберут. Невинных людей, здешних австрийцев, особенно женщин, и множество людей они [то-есть турки] оставили, но убивали кого только могли. Огромное множество лежит убитых женщин, но много также раненых, которые могут жить. Вчера я видел ребенка трех лет, очень милого мальчика, которому изменник мерзко рассек рот и голову. Но вот что смешно, что визирь взял тут в одном из императорских дворцов живого страуса, удивительно прекрасного, и, для того чтобы он нам не достался живым, даже и его велел убить. Невозможно описать роскошь, которая окружала его шатры. У него была баня, садик, фонтаны, кролики, коты и даже попугай, но так как он летал, мы не могли его поймать.

Сегодня я был в городе[3], который бы не мог дольше держаться, чем пять дней. Человеческий глаз никогда не видел таких вещей, что там сделали взрывы. Каменные башни огромной величины они превратили в развалины и так их разрушили, что они дольше не могли держаться. Императорский дворец от пуль превратился в ничто...

---

[1] В 1673 г. поляки с Яном Собеским (тогда еще гетманом) во главе одержали победу над турками у Хотима. Ян Собеский был избран польским королем в 1674 г. (царствовал до 1696 г.).

[2] Точнее — управляющий делами визиря. Должность кигайя считается очень важной и почетной и существует при каждом крупном турецком административном, военном или духовном лице.

[3] То есть в Вене.

Когда неприятель начал уже отступать и был сломлен... прибегали ко мне князья, как, например, баварский курфюрст Вальдек, он обнимал меня за шею, целуя в губы, генералы же в руки и ноги; что же касается солдат, офицеров и полковников кавалерии и пехоты, то они кричали: «Ach, unser brave Kenik!» [1]

Они слушались меня так, как никогда [не слушаются] наши. Можно себе представить, как сегодня утром [меня приветствовали] князь Лотарингский, Саксонский, ибо мне с ними вчера не пришлось видеться, так как они были на самом конце левого фланга,— которым я дал для подкрепления несколько гусарских хоругвей, что же касается здешнего коменданта [2] Штаремберга, все они целовали меня, обнимали, называли своим спасителем. Потом я был в двух церквах... Все хотели кричать «виват», но можно было заметить, что они боятся своих офицеров и старших. Часть толпы не выдержала и закричала «виват» со страхом; я видел, что косо смотрели. Поэтому, съев обед у коменданта, я выехал из города сюда в лагерь, а простой народ с приподнятыми руками провожал меня до самых ворот. Вижу, что и господин комендант криво переглядывается с городским магистром, ибо, когда меня приветствовали, он мне их даже не представил. Съехались [немецкие] князья, и император дает знать о себе, что находится на расстоянии мили...

Наших немало погибло в этой борьбе, особенно жалко двух, о которых вам рассказал Дюпон. Из иностранных войск убит князь де Круа [de Croy], брат ранен выстрелами и несколько знатных убито. Падре д' Авиано, который не мог со мной нацеловаться, говорит, что видел белую голубку, которая пролетала над нашими войсками.

Сегодня мы выступим вслед за неприятелем в Венгрию. Курфюрсты не хотят от меня отойти. Такое над нами божие благословение, за что да будет ему [т. е. богу] навеки честь, слава и хвала. Когда визирь уже заметил, что выдержать не может, он, вызвав к себе сыновей своих, рыдал, как дитя. Потом он сказал хану: «Ты меня спасай, если можешь». Хан ему ответил: «Мы знаем короля [Яна Собеского]; мы с ним не справимся, и сами мы должны о себе думать, чтобы могли от него спастись бегством»...

Сейчас мы снова нашли огромное количество возов с порохом и свинцом. Я уже не знаю, чем они будут стрелять. В настоящую минуту нам доносят, что неприятель покинул несколько последних пушек легкого калибра. Теперь мы уже садимся на коней и направляемся прямо за неприятелем в венгерскую сторону... Это письмо — самая лучшая газета, из него можно для всего света сделать газету, написав, что это письмо короля к королеве. Саксонский и баварский князья дали мне слово идти со мной даже на край света. Мы принуждены идти две мили быстрым шагом из-за страшного зловонья от трупов коней, скота, верблюдов. Француз-

---

[1] Испорченная немецкая фраза: «Ах, наш храбрый король!»
[2] То есть коменданта Вены.

скому королю [Людовику XIV] я написал несколько слов, что его как христианнейшего короля[1] извещаю о выигранной битве и о спасении христианства.

Император находится всего на расстоянии полутора миль, он плывет Дунаем. Но я вижу, что он хочет со мной видеться, но не искренне, повидимому, чтобы показать пышность своего двора. Он желал бы быть поскорее в городе, чтобы петь «Te Deum»[2], и поэтому я отсюда удаляюсь, считая великим счастьем избегнуть этой церемонии, кроме чего мы здесь ничего больше не видели...

Князь Гессен-Кассельский, которого только нехватало, прибыл сюда к нам. Эта армия действительно подобна той, которую великий Готфрид вел в святую землю...

Пусть все радуются, а го́спода бога благодарю, что он не позволил, чтобы язычники спросили: «а где ваш бог?»... то-есть, чтобы язычники торжествовали.

---

[1] Французские короли носили титул христианнейших королей.

[2] Хвалебный гимн в честь бога: «Te Deum, laudamus» — «Тебя, бога, хвалим».

Русское государство и Западная Европа в XVI—XVII веках

Введение

Документы настоящего раздела характеризуют развитие тех активных политических и экономических связей, которые в XVI—XVII вв. установились между Русским государством и странами Западной Европы. Эти документы говорят о последовательной борьбе Русского государства за самостоятельность своего хозяйственного и политического развития. В них освещается деятельность русских дипломатов, защищавших интересы своей державы, отношение русского правительства к важнейшим событиям, происходившим на Западе.

В состав публикуемых документов вошли отрывки из наиболее достоверных записок иностранцев, в большом количестве посещавших Россию и проявлявших по отношению к ней настойчивый интерес. Свидетельства этих иноземцев обнаруживают исключительную заинтересованность западноевропейских государств в поддержании и использовании экономических и политических отношений с Россией. Однако впечатления западноевропейских дипломатических представителей и торговых агентов отличаются тенденциозностью и далеко не всегда могут восприниматься как вполне достоверные показания объективных наблюдателей и современников.

Именно поэтому односторонние свидетельства иноземцев должны быть сопоставлены и сравнены с представляющими еще больший интерес русскими официальными документами, грамотами и челобитными, неопровержимо доказывающими, что русские люди того времени ясно осознавали потребности и задачи, стоявшие перед своим государством, и, борясь за осуществление этих задач, не позволяли иностранным представителям вводить себя в заблуждение.

По некоторым отдельным вопросам такое сопоставление легко сделать, так как русские документы расположены рядом с соответствующими документами западного происхождения (4—6, 9, 10).

Укрепление международных связей оберегавшего свой суверенитет Русского государства представляет собой тему, которую учитель неизбежно затрагивает, знакомя учащихся с важными страницами истории нашей родины и с историей стран Запада.

Эта тема может и должна занять подобающее ей место и во внеклассной работе с учащимися.

Ряд публикуемых документов поможет учителю продумать эту важную тему и построить содержательный и занимательный рассказ, находящий опору в конкретных фактах, отношениях и интересах, характеризуемых документами. Учителю будет нетрудно напомнить учащимся, что с конца XV в. Русское государство стало принимать более активное участие в европейской международной жизни. Учащиеся легко поймут, что объединение русских земель вокруг Москвы и свержение татарского ига позволяло образовавшемуся Русскому государству впервые поставить перед собой новые широкие внешнеполитические задачи, решение которых обеспечивало упрочение самостоятельности наряду с экономическим и культурным развитием страны.

Говоря об этой знаменательной перемене, уместно привести блестящую оценку этой перемены Карлом Марксом: «Изумленная Европа в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, стиснутой между

татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи московита»[1].

Поясняя учащимся мысль Маркса, учитель расскажет о том, что правительства различных феодальных государств Запада спешили завязать сношения с далекой «Московией» и использовать политические силы объединенного Русского государства в своих интересах. На ряде примеров учащимся можно продемонстрировать несостоятельность этих попыток; следует подчеркнуть, что с самого начала активных дипломатических сношений между Россией и Западной Европой западноевропейские представители сталкивались при московском великокняжеском дворе с проявлением сознания силы и независимости. Учащиеся с интересом услышат от учителя, что Иван III удивил германского императорского посла Н. Поппеля, решительно отказавшись от королевского титула, предложенного ему от лица императора. Этот поступок не оставлял ни малейших сомнений в том, что Иван III готов говорить с императором только как равный с равным, как государь с государем, но отнюдь не как вассал с сеньером. «А что еси нам говорил о королевстве...,— ответил Иван,— и мы, божьею милостью, государи на своей земле от первых своих прародителей... а постановления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого так и ныне не хотим».

Учащимся следует объяснить, что упоминание об унаследованной от прародителей власти подчеркивало уверенность Ивана III в том, что его полномочия государя ни в прежние времена, ни теперь не зависели, не могут и не будут зависеть от какого бы то ни было западного государя.

Учащимся можно напомнить, что именно в этот период русские дипломатические представители стали все чаще появляться при дворах западноевропейских государей. Так, при Василии III (1505—1533) русское посольство прибыло даже в далекую Испанию, в Мадрид (1525).

Связывая историю Русского государства с важнейшими событиями европейской истории, учитель напомнит учащимся о том, что в 1453 г. под ударами турок-османов пал Константинополь и окончилось многовековое существование Византии. Учитель пояснит, что угрожающий рост турецкой державы и ее усиление на Средиземном море обусловили тревогу западноевропейских государств и папского престола, а вслед за этим и попытки создания могущественной антитурецкой коалиции, активным участником которой заинтересованные государства стремились сделать Россию.

В середине XV в. сильно возросло политическое и церковное значение Москвы, от которой ожидало помощи покоренное турками православное население Балканского полуострова. Возникшее представление о том, что Москва наследует политическое и религиозное значение Константинополя, отражено в первом из публикуемых документов. Эта мысль получила свое законченное выражение в послании монаха псковского Елеазарова монастыря, старца Филофея, адресованном Василию III. В этом интересном памятнике автор определяет значение Русского государства как державы, объединяющей все православные народы (славян и греков). Следует обратить внимание учащихся на высказанную автором послания уверенность в том, что причиной падения Константинополя явилась измена православию. Оценивая это суждение Филофея, учитель пояснит, что в данном случае речь идет о Флорентинской унии 1439 г., которая ставила византийскую православную церковь в прямое подчинение папскому престолу. Подобное подчинение, возмущавшее многих греческих патриотов, встречало самое гневное осуждение со стороны русских людей, оберегавших полную независимость Русского государства и русской церкви. Сурово порицая сторонников Флорентинской унии, старец Филофей наивно внушает своим читателям мысль, что именно церковный компромисс, именно подчинение папскому влиянию является основной причиной военно-политической катастрофы, постигшей Византию. Тем самым выдвигается обратный вывод, гласящий, что сохранение государственной церковной независимости будет являться впредь

---

[1] К. Маркс, Секретная дипломатия XVIII века.

основой несокрушимости Москвы как «третьего Рима». Напомнив учащимся, что в те времена церковные интересы тесно переплетались с государственными, учитель сумеет показать, что послание Филофея имело свое значение в качестве документа, призванного обосновать возросшее политическое могущество Русского государства и, таким образом, способствовать дальнейшему увеличению его роли в международной жизни.

Политический смысл и патриотическое значение послания Филофея станет в полной мере ясным, если учитель свяжет его содержание с тем отпором, который неизменно встречали в Москве притязания папства, стремившегося использовать военные силы России для сокрушения Оттоманской империи. Интересы независимой русской державы были несовместимы со служением чужим политическим целям.

Первоочередной исторической задачей, стоявшей в то время перед Русским государством, являлась окончательная ликвидация зависимости от Золотой Орды, а затем и возврат тех русских земель, которые находились тогда в руках Литвы. Предстояла неизбежная борьба за западные русские земли (Смоленск), захваченные Польшей и Литвой, борьба за Поволжье, борьба за выход к Балтийскому морю. Именно поэтому Иван III и Василий III не позволяли втянуть Русское государство в несвоевременную войну с могущественной тогда султанской империей и этим отвлечь Россию от разрешения ее собственных назревших исторических задач.

Суверенный, самостоятельный и целенаправленный характер внешней политики Русского государства станет очевидным, если напомнить, что при Василии III было завершено объединение русских земель и был отвоеван старый русский город, а вместе с тем и важнейший стратегический пункт — Смоленск, а затем позднее, в 1552 г., после ожесточенного штурма пала Казань, а в 1556 г. взятием Астрахани был обеспечен волжский путь.

В свете этих указаний приобретает интерес *документ 2*, говорящий о предпринятой Иваном Грозным попытке разрешить балтийский вопрос.

Комментируя этот документ, учитель может рассказать о том, что Русское государство, отрезанное от Балтийского моря Польшей, Литвой и Ливонией, было тем самым поставлено в фактическую зависимость от этих государств, которые опасались дальнейшего усиления России и всячески пытались воспрепятствовать сношениям России с другими странами.

Документ 2 представляет собой проект установления русской транзитной торговли, идущей через «Свейскую землю», то есть через шведскую территорию. Этот проект был в 1557 г. передан Иваном Грозным шведскому королю через шведских послов, прибывших в Москву для заключения мира. Добиваясь права провозить русские товары, Иван Грозный, со своей стороны, предлагал «волно торговати» шведским купцам в Русском государстве. Он в своих предложениях пошел еще дальше, открывая шведским купцам возможность беспрепятственно торговать через русские земли с Востоком, чего впоследствии, в XVII в., русское правительство уже не желало допускать. Однако, зависимость от Швеции в развитии русских торговых связей не исчезала, и предложение Ивана IV не имело фактических последствий; безрезультатные переговоры с Ливонией обусловили неизбежность Ливонской войны, начавшейся в январе 1558 г.

Документ 3 говорит об одном из важнейших эпизодов Ливонской войны — о взятии Нарвы (по-русски Ругодива). Содержание этого документа убеждает в том, что русское войско уже располагало в то время сильной артиллерией, а также в том, что русское правительство и русские военачальники вели борьбу с полным сознанием правоты своего дела.

Документ 4 показывает, что Иван Грозный, не теряя времени, сразу же после овладения Нарвой и другими ливонскими городами стал призывать данцигских и других ганзейских купцов к возобновлению торговли с прибалтийскими городами и с русским купечеством, о многочисленности и богатстве которого упоминается в документе.

Документ 5, принадлежащий перу ливонского летописца Рюссова (в то время, очевидно, проживавшего в Ревеле), свидетельствует о тех экономи-

ческих последствиях, которые явились результатом первых русских побед. Отвоеванная русскими войсками Нарва превратилась в морские торговые ворота, через которые в Россию стали поступать заморские товары. Торговля с Нарвой, выгодная для Любека и других ганзейских городов, в то же время нанесла ущерб Ревелю и другим прибалтийским городам.

Дополняя этот вывод, сделанный на основе документального текста, учитель может указать, что выгоды новой обстановки осознали не только ганзейские города во главе с Любеком, но и голландские города и купцы, поспешившие установить и использовать новую торговую связь с Россией через Нарву.

Товарооборот Нарвы после 1558 г. сильно увеличился, возросло количество кораблей, приходивших в этот порт. Одних только голландских судов ежегодно приходило от 200 до 300. Еще более важно подчеркнуть, что противниками совершившейся перемены являлись не только прибалтийские города, потерпевшие урон от торговых операций Нарвы. Появление русских кораблей в Балтийском море и возможность укрепления России на балтийских берегах испугали западные державы, желавшие обеспечить свое политическое, военное и торговое преобладание в Балтике. Следует указать учащимся, что разгромленный Ливонский орден в 1561 г. принес присягу подданства королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду II Августу, а Ревель отдался под власть Швеции, после чего разорявшиеся ревельские купцы повели вооруженную борьбу с кораблями, направлявшимися в Нарву.

Документ 6 иллюстрирует ожесточенную пиратскую борьбу, которую вели поощряемые Швецией ревельские купцы, упорно противодействовавшие нарвско-ганзейской торговле.

Документ 7 представляет собой письмо, кратко повествующее о предприимчивости русских купцов, очевидно, заручившихся своими факторами в ряде городов: Амстердаме, Копенгагене, Данциге, и пытавшихся, несмотря на шведские каперские корабли, установить постоянные торговые рейсы из Нарвы или Ивангорода. Письмо содержит интересные данные о спросе на различные товары и ценах на них в Западной Европе.

Документ 8 говорит о взаимоотношениях между Иваном Грозным и английской королевой Елизаветой.

Для того чтобы учащиеся уяснили себе содержание данного документа, им следует указать на те вполне конкретные интересы, которыми руководствовались обе стороны, стремясь к установлению непосредственных торговых и политических связей. Елизавета Английская была вынуждена вести упорную и долгую борьбу с Испанией и стремилась всеми мерами подорвать морское и колониальное преобладание последней. В этой связи, торговля с Россией и приобретение ценных русских товаров представлялось важным и благоприятным шагом, целесообразность которого была оправдана последующими событиями. В подтверждение этой мысли учащимся достаточно будет сказать, что английские корабли, принимавшие участие в разгроме испанской «Непобедимой армады», были оснащены русскими материалами, имели русские корабельные канаты. Со своей стороны, Иван IV нуждался в доставке снаряжения, пороха, свинца. Двухсторонняя заинтересованность обоих государств обусловила установление сравнительно длительных торговых отношений между Россией и Англией.

Документы 9 и *10* посвящаются польской интервенции. Первый из этих документов представляет собой депешу, направленную в Париж французским агентом, который, несмотря на неудовольствие польского короля Сигизмунда III, находился при войске последнего. Он ярко рисует героическую стойкость защитников осажденного Смоленска, своим сопротивлением разрушавших захватнические планы Сигизмунда III. Любопытно отметить, что трезвый французский наблюдатель убеждается в авантюризме и беспочвенности этих планов, явно не соответствующих реальным возможностям и силам интервентов. Наблюдательный автор депеши, датированной 15 апреля 1610 г., нисколько не сомневается в самозванстве «чудесно спасшегося» царевича Димитрия и тесно связывает его появление с посягательствами польских панов на Русское государство. Неточные данные этого документа об осаде и обороне Смоленска, на-

долго задержавшего интервентов под своими стенами, восполняются отписками смоленских воевод, в которых сообщается о штурмах Смоленска, предпринимавшихся польскими войсками, о бомбардировке Смоленска, а также излагаются важные вести о передвижении польских войск, добытые у пленных и перебежчиков (документ 10).

Документ 11 характеризует отношение русского правительства к крупнейшему международному конфликту XVII в. — Тридцатилетней войне. Содержание этого документа полезно связать с документами 42 и 43, помещенными в разделе «Германия XVI—XVII веков» в настоящем томе.

Комментируя данный документ в его связи с двумя другими отмеченными документами, учитель сможет указать на то, что главной задачей русского правительства в то время являлся возврат Смоленска, отошедшего к Польше по Деулинскому перемирию 1618 г., срок которого истекал в 1633 г. Предвидя неизбежное военное столкновение с Польшей, русское правительство учитывало опасность агрессивных планов Польши, всемерно поощряемой папой.

Этот документ показывает, что русское правительство внимательно следило за европейскими событиями, за развертыванием Тридцатилетней войны и прекрасно учитывало политическую обстановку. Основываясь на содержании документа, учитель сумеет пояснить, что свое предполагавшееся выступление против Польши русское правительство связывало с борьбой антигабсбургских сил против католической агрессии, тем самым выступая активным участником европейской политической жизни.

Документ 12 представляет особый интерес. Содержание этого трудного, но исключительно важного документа станет понятно учащимся лишь в результате соответствующих пояснений учителя. Прежде всего следует отметить, что челобитные подобного рода неоднократно подавались русскими купцами на протяжении 20—40-х годов XVII в. Раскрывая содержание публикуемой челобитной 1646 г., целесообразно связать данный документ с комментированным выше документом 8. Предложения Ивана Грозного (документ 8) намечали развитие англо-русских торговых связей на основе обоюдных выгод и торговых интересов.

Документ 12 говорит о том, что иностранные и в первую очередь английские купцы, злоупотребляя предоставленными им правами и привилегиями, вызвали справедливое возмущение русских купцов.

Характерно, что челобитная исходит не от какой-либо незначительной группы купцов. Она подписана многими русскими торговыми людьми и выражает общее мнение и ярославцев, и нижегородцев, и псковичей, и костромичей. То, что объединяет всех этих людей, является протестом против недобросовестности английских купцов, строивших свою торговлю только на основе собственных выгод, на стремлении парализовать русскую торговлю и превратить русские земли в сферу неограниченного экономического господства иноземцев. Этот политически важный вывод нельзя просто декларировать или преподнести его в готовом виде учащимся. Лучше всего поручить двум-трем ученикам изучить документ с тем, чтобы один из них сделал в классе сообщение, дополненное его товарищами. При этом окажется необходимой помощь учителя. Ученики на примере упоминаемого в челобитной Антона Лаптева должны понять, что иноземцы, находившие гостеприимство в русской земле, бойкотировали русского купца, пытавшегося самостоятельно доставить русские товары за границу. Они стремились к тому, чтобы русские товары вывозились только ими самими. Они, как показывает документ, стремились скупать русские товары в городах и уездах русской земли без участия русских купцов, сосредоточивая затем эти товары в собственных складах и амбарах и сбывая их в момент наибольшей дороговизны.

Иноземные и в первую очередь английские купцы, грубо нарушая таможенные правила, стремились уклониться от уплаты пошлины как при вывозе товаров из России, так и при ввозе в Россию иноземных товаров. Обобщая данные документа, учащиеся должны прийти к мысли о том, что все усилия английских и прочих купцов были направлены к превращению России в такой рынок сбыта и источник сырья, которым могли бы безраздельно владеть ино-

земцы, окончательно оттеснившие и лишившие самостоятельной роли русских торговых людей.

Чтобы в полной мере выяснить значение документа, учащимся следует напомнить об английской буржуазной революции, происходившей именно в эту пору, и о тех экономических тенденциях, которые были свойственны английской буржуазии, сумевшей в лице Кромвеля навязать кабальные торговые договоры другим государствам, в частности Португалии. Весьма уместно напомнить учащимся навигационный акт 1651 г., стимулировавший развитие национального английского судоходства и направленный против иноземной посреднической торговли. Такое напоминание будет очень показательным, если указать учащимся на то, что буржуазная Англия, изгонявшая из сферы собственной торговли чужеземных посредников, в России стремилась занять роль привилегированного, почти монопольного торгового посредника и этим парализовать развитие русской национальной торговли.

Характерно, что русские купцы, стремясь обеспечить себе содействие царя, выдвигают и политический аргумент, указывая на то, что «англичане торговые люди все Карлусу королю неподручны...»

После городских восстаний 1648 г. правительство Алексея Михайловича пошло на удовлетворение требований крупного купечества. Казнь Карла I Стюарта (1649) послужила для царя удобным предлогом, мотивирующим ликвидацию прежних льгот английских купцов. Так были удовлетворены справедливые требования русских торговых людей.

В дальнейшем ярким выражением последовательной меркантилистской политики русского правительства явился Новоторговый устав 1667 г. (*документ 13*). Его создателем явился начальник Посольского приказа, крупнейший политический деятель XVII в. А. Л. Ордын-Нащокин. Учащиеся, прочтя данный документ, убедятся, что в основе его лежат требования челобитной 1646 г. (документ 12). В целях устранения конкуренции, вредящей русской торговле, устав подробно регламентировал торг иностранцев. Торговля иноземцев ограничивалась лишь пограничными городами, а проезд внутрь страны разрешался лишь при наличии специальной царской грамоты и при условии оплаты двойной пошлины в иностранной валюте, на которую русская государева казна предъявляла в то время большой спрос. Иностранцам, находящимся в России, решительно запрещались розничный торг и торговые сделки друг с другом. Давая общую оценку документу, учитель должен подчеркнуть, что русское правительство, правильно понимая национальные и государственные интересы России, сумело оградить отечественную русскую торговлю и поставить должные границы перед иноземцами, мечтавшими об экономическом закабалении России.

Документ 14 имеет вспомогательное значение. Он содержит перечень русских товаров, вывозимых за границу в середине XVI в. через Архангельск. Цифровые данные документа говорят о значительном общем объеме русского экспорта. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наряду с хлебом, мехами и различными сырьевыми продуктами в этом перечне занимают место и изделия русского ремесла, сукно и полотно, находившие немалый спрос на иноземных рынках.

Документы 15 и *16* представляют собой очень интересные оценки русской торговли и ее возможностей, сделанные иностранцами. Чтобы правильно охарактеризовать эти свидетельства, учитель должен учесть, что Швеция, захватившая по Столбовскому договору (1617) все побережье Финского залива, на протяжении почти всего столетия тщетно пыталась, суля большие выгоды, убедить московское правительство перевести основной поток русских экспортных товаров с Белого моря на Балтийское. Однако русское правительство прекрасно понимало кабальный характер этих предложений и, несмотря на неудобства беломорского пути, не думало принимать шведские предложения. Надеясь достигнуть успеха, шведы очень интересовались русской торговлей, и в связи с этим их агентами Де Родесом и Кильбургером были написаны специальные трактаты о русской торговле. Автор одного из публикуемых документов, Кильбургер, правильно оценивает географические особенности и преимущества России, способствующие развитию

широкой национальной торговли, использующей морские и речные водные пути.

Кильбургер обращает внимание на то, что даже знатные люди на Руси заинтересованы в развитии и успехах торговли и, как он выражается, «любят купечество». Этот автор, на основе своих непосредственных впечатлений, сравнивает торговлю России с торговлей Голландии, в то время слывшей первой торговой державой. Второй автор, Рейтенфельс (документ 16), в своем свидетельстве дает очень интересную картину широких международных торговых связей России. Эта картина выясняет экономические взаимоотношения России с ее западными соседями и с отдаленными странами азиатского Востока.

Документы 17 и *18* характеризуют русскую дипломатическую службу. Они могут быть с успехом использованы для внеклассной работы и стать основой особого доклада, разработанного одним из учащихся. Использование этих документов необходимо связать с той политической обстановкой, которая создавалась во второй половине XVII в. Война за Украину и Белоруссию, начатая Россией с Польшей в 1654 г., имела общеевропейское значение. Различные европейские государства, преследуя свои политические цели, пытались склонить противников к соглашению. В 1661 г. посланник императора Леопольда II Августин Мейерберг прибыл в Москву. Империя была особенно заинтересована в сохранении Польши, как своего обычного союзника против Швеции. Однако посольство не принесло империи желанного результата. Опытный дипломат, выполнявший уже свою седьмую дипломатическую миссию, Мейерберг, встретившись в Мариенбурге с воеводой А. Л. Ордын-Нащокиным, уже тогда крупным русским дипломатом, был неприятно поражен проницательностью последнего, обвинив его, впрочем, как и всех русских людей, в подозрительности. Однако плохо скрытая досада прорывается в другом месте записок А. Мейерберга, где он за незначительными оговорками откровенно признает московских дипломатов очень сильными противниками.

Описание организации дипломатической службы приводится по данным подьячего Посольского приказа Г. Котошихина, бежавшего в 1664 г. в Швецию и там, по поручению шведских властей, написавшего подробное сочинение о Русском государстве. Изменив родине, Котошихин плохо кончил, сложив голову на плахе за убийство хозяина дома, в котором он проживал. Тем не менее его записки дают нам много ценных сведений, особенно в той части, которую он по характеру своей прежней службы хорошо знал. Из этих записок видно, какой строгий дипломатический церемониал был выработан в Москве, с какими государствами поддерживались дипломатические отношения, какой характер эти отношения носили, как организовывались посольства в другие государства.

Документ 19 представляет собой выдержки из договора, заключенного Россией и Польшей в Андрусове о перемирии. Данный договор являлся крупной политической и дипломатической победой России. Оценивая результаты состоявшегося соглашения, поясняя их значение учащимся, учитель должен иметь в виду политическую обстановку того времени. В условиях борьбы на два фронта (с Польшей и Швецией) Россия испытывала затруднения, напоминавшие трудности времен Ливонской войны. Русское правительство сумело найти выход из этого положения, добиться возвращения Смоленска и присоединения Левобережной Украины и Киева. Хотя под властью Польши еще оставалась часть Украины и Белоруссия, Андрусовский договор тем не менее закреплял господствующее положение Русского государства в Восточной Европе и знаменовал начало политического упадка Польши. Важно и то обстоятельство, что этому договору был придан характер акта, имеющего общеевропейское значение,— в случае безуспешности дальнейших переговоров о «вечном мире», предполагалось «призвати государей христианских за посредники». Польша брала на себя обязательство не заключать договоров с Турцией без участия Русского государства. Заключение Андрусовского договора является в значительной мере заслугой выдающегося русского дипломата А. Л. Ордын-Нащокина.

Документ 20 подробно описывает русское войско. Это описание было сделано Я. Рейтенфельсом, прибывшим в Москву с целью сблизить с ней Рим и

проживавшего в Москве с 1671 по 1673 г. Недавно окончившаяся война с Польшей, повидимому, произвела сильное впечатление на современников Не скрывая своих чувств, Я. Рейтенфельс пишет о силе русской армии, подробно описывая ее организацию, ее вооружение, военные смотры.

* * *

Документ 1 взят из «Православного собеседника» №1, 1863 г. Документ 2 взят из «Русского вестника» за 1885 г., июнь. Документы 3 и 5 взяты из «Сборника материалов и статей по истории Прибалтийского края», Рига, 1879 г. Документы 4, 6, 7, 11 взяты из собрания «Русская историческая библиотека». Документ 8 взят из «Сборника Русского исторического общества», 1883 г., т. 38. Документ 9 взят из «Записок гетмана Жолкевского о Московской войне», СПБ, 1871. Документ 10 взят из издания «Акты исторические», т. II, № 266. Документ 12 взят из «Актов археографической экспедиции», т. IV, № 13. Документ 13 взят из «Собрания государственных грамот и договоров», т. IV, № 55. Документ 14 взят из «Чтения Общества истории древностей российских», 1915, книга II. Документ 15 взят из книги Б. Г. Курц «Сочинение Кильбургера о русской торговле царствования Алексея Михайловича», Киев, 1915. Документы 16 и 20 взяты из книги Я. Рейтенфельса «Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме о Московии», Москва, 1906. Документ 17 взят из книги «Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга», Москва, 1874. Документ 18 взят из книги Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», СПБ 1884. Документ 19 взят из Полного собр. законов, Собр. первое, т. I, СПБ, № 398.

* * *

Введение к разделу написано и документы подобраны В. А. Александровым.

1. ПОСЛАНИЕ СТАРЦА ФИЛОФЕЯ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВАСИЛИЮ III
(Между 1515 и 1521 гг.)

«Православный собеседник», № 1, 1863. (Печатается с сокращениями).

Иже от вышняя и от всемощныя, вся содержащия десница божия, им же царие царствуют, им же велиции величаются и силнии пишут правду,— тебе пресветлейшему и высокостолнейшему государю великому князю, православному христианскому царю и владыце всех, браздодержателю святых божиих престол святыя вселенския и апостолския церкви пресвятые богородицы честнаго и славнаго ея успения, иже вместо римския и константинопольския просиявшу. Старого убо Рима церкви падеся неверием аполлинариевы ереси; втораго же Рима Костянтинова града церкви агаряне внуцы[1] секирами и оскордми разсекоша двери. Сия же ныне третьяго новаго Рима державнаго твоего царствия святая соборная апостольская церкви, иже в концых вселенныя в православной христианской вере во всей поднебесней паче солнца светится. И да весть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианския веры снидошася в твое едино царство: един ты во всей поднебесней христианом царь.

Подобает тебе, царю, сие держати со страхом божиим; убойся бога, давшего ти сия, не уповай на злато и богатство и славу: вся бо сия зде собрана и на земли зде останутся. Помяни, царю, онаго блаженнаго, иже скипетр в руце и венец царствия на главе своей нося, глаголаше: богатство аще течет, не прилагайте сердца. Премудрый же Соломон рече: богатство и злато не в сокровищех знается, но егда помогает требующим... Но и еще, царю, исправи две заповеди еже в твоем царствии... Не преступай, царю, заповеди, еже положиша твои прадеды Великий Константин и блаженный Владимер и великий богоизбранный Ярослав и прочии блаженнии святии, их же корень и до тебе. Не обиди, царю, святых божиих церквей и честных монастырей, еже данное богови в наследие вечных благ, на память последнему роду. О сем убо святый великий пятый собор страшное запрещение положи...

И ныне молю тя и паки премолю, еже выше писах: внимай, господа ради, яко вся христианская царства снидошася в твое царство; по сем чаем царства, ему же несть конца. Сия же писах ти любя и взывая и моля щедротами божиими, яко да премениши скупость на щедроты и немилосердие на милость: утеши плачущих и вопиющих день и нощь, избави обидимых из руки обидящих...

Якоже выше писах ти, и ныне глаголю: блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася во твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти: уже твое христианское царство инем не останется...

---

[1] То есть турки.

ПОСЛАНИЕ СТАРЦА ФИЛОФЕЯ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ

(Перевод)

«Хрестоматия по истории СССР», т. I, изд. 3-е. Сост. В. И. Лебедев, М. И. Тихомиров, Б. Е. Сыроечковский.

Тому, кто установлен высшей и всемогущей, вседержащей рукой бога, которым цари царствуют, которым великие величаются и сильные пишут правду,— тебе, пресветлому, сидящему на высоком престоле государю великому князю, православному христианскому царю и владыке всех, управителю святыми божьими престолами святой вселенской и апостольской церкви, церкви пресвятой богородицы, честного и славного ее успения, которая просияла вместо римской и константинопольской. Церкви старого Рима пали из-за неверия аполлинариевой ереси; двери церквей второго Рима, города Константинополя, внуки Агари секирами рассекли. Теперь же это — третьего нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь, которая до края вселенной православной христианской верой по всей земле сильней солнца светится. Пусть знает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в одно твое царство: один ты во всей поднебесной христианам царь.

Тебе подобает, царь, держать это со страхом божиим, бойся бога, давшего столько тебе; не надейся на золото, богатство и славу: все это здесь собрано и здесь на земле останется. Вспомни, царь, того блаженного, который в руке [держа] скипетр и нося на своей голове венец царский, говорил: не прилагайте сердца к богатству, которое утекает. Премудрый Соломон сказал: богатство и золото познается не скрытое, но когда оказывают помощь тем, кто ее требует... И еще, царь, исполни две заповеди в твоем царстве... Не нарушай, царь, заповеди, которую положили твой прадед Константин, блаженный Владимир, великий богоизбранный Ярослав и другие блаженные святые, от корня которых и ты. Не обижай, царь, святых божьих церквей и честных монастырей,— того, что дано богу в наследство вечных благ, на память последнему роду. На это святой великий пятый [вселенский] собор положил страшное запрещение...

И теперь молю тебя, и снова молю, о чем выше писал: помни, ради господа, что все христианские царства сошлись в твое царство, а после этого ожидаем царства, которому нет конца. Это я писал, любя тебя, взывая, умоляя милостями божиими,— перемени скупость на щедрость и немилосердие на милость: утешь плачущих и вопиющих день и ночь, избави обиженных от руки обидчиков

Как выше писал тебе, так и теперь говорю: помни и слушай, благочестивый царь,— все христианские царства сошлись в твое единое, два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство иным не заменится...

2. ПРОЕКТ ИВАНА ГРОЗНОГО О РАЗВИТИИ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ (1557 г.)

Опубликован Д. Цветаевым. «Русский Вестник», 1885 г., июнь, стр. 840—41.

Великого государя Ивана, божиею милостию, царя всея Русии и великого князя, околничий [1] Алексей Федорович Адашев [2] и дияк Иван Михайлов даем знати Густава, короля Свейского и Готцкого, послом, князю Штеню Ирикову с товарищи: написано в перемирной грамоте Великаго Новагорода наместников с Густавом, королем Свейским, ноугородцким гостем [3] и купцом торговати в Свейской земле [4], а свейским гостем и купцом торговати в Новогородцкой земле, а опричь того о торговых делех не написано ничего. И гости, и купцы отчин великого государя изо многих городов говорят чтоб им в торговых делех была воля: которые похотят торговать в Свейской земле, и те б торговали в Свейской земле, а которые похотят идти из Свейской земли в Любок [5] и в Антроп [6], и во Ишпанскую землю, и во Англию, и во Францыйскую землю, и тем бы была воля и береженье и корабли бы им были готовы, а они корабленыя пошлины платят потому как в обычае ведется. А в которыя земли ни буди благоверный царь и великий князь пошлет послов и посланников, ино б тем послом и посланником дорога была чиста безо всякия зацепки. А которые послы или гости от иных государей, отколе ни буди, пойдут к великому государю, царю всеа Русии или в его отчину с торгом или без торгу, или служилые люди пойдут служити к великому государю, и тех бы всех к великому государю, и в его отчины с торгом и без торгу пропускати безо всякаго задержанья и обиды. А свейским гостем потому ж в вотчину великого государя, царя Руского, в великий Новгород, и к Москве, и в Казань, и в Астрахань, ездити б торговати волно; а которые Свейские люди похотят чрез отчину великого государя ходити в Шамаху, в Тевриз и в Бухары, и в Китай, и в — Ындию, и в Литовскую землю, и ко Царюграду [7], и в-ыныя государства, куды хто похочет ити, тому б воля ж была. А послов куда захочет король послати в-ыныя государства х кому ни буди через отчину великого государя царя Рускаго, иноб потому ж им ходити воля, куда кому надобе, чтоб христьянству на обе стороны простор был.

---

[1] Окольничий — 2-й думный чин, после боярина.
[2] В то время приближенный и ближайший советник Ивана IV.
[3] Гость — крупный купец.
[4] Свейская земля — Швеция.
[5] Любек.
[6] Антверпен.
[7] Стамбул (Константинополь).

3. РЮССОВ. ВЗЯТИЕ НАРВЫ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ (1558 г.)

«Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края». Рига 1879 г., т. II

Между тем русский подошел к Нарве с войсками и сильными военными снарядами. Так как ливонская Нарва лежала очень близко к России и только маленькая речка разделяла здесь Ливонию от России, то русский с той стороны речки из собственной земли обстреливал Нарву, бросал бомбы и ядра, но причинил мало вреда до 12 мая. Тогда начался большой пожар на Корд Улькене в доме одного цырюльника; этот неожиданный пожар сжег весь городок Нарву. А граждане, видя, что все потеряно, отступили со своими женами и детьми в замок и вели оттуда переговоры с русскими о позволении уйти со всем, что у них еще было; русские обещали им свободный пропуск и исполнили свое обещание. И так московит завоевал и добыл и город Нарву и замок 12 мая 1558 г. Тогда некоторые орденские сановники и помещики в той местности, а именно Герд Гюен фон Анстерат, фохт везенбергский, Дидерих фон Штейнкуль, фохт ниеншлотский, Генрик фон Калленбах, фохт тольсборгский, и многие другие с большого страха покинули свои дома [замки], так как в доброе время не укрепили их от нападения. Когда везенбергские бюргеры, дворяне и не дворяне, уходили из Везенберга [1] и отправлялись в Ревель, то утешали друг друга королем датским и говорили: «Пусть себе русские берут земли и города, король датский снова отнимет их у них». Тогда же были покинуты земли Эц, Ниэгуз, Ланс и другие, которые московит взял без боя.

Когда московит завоевал и занял Нарву с другими упомянутыми замками, тогда только ливонцы прислали ему 40 000 талеров. Но московит не хотел принять их, а сказал, что у него денег довольно; он приобрел в Ливонии более, чем стоимость этих денег. А так как счастье благоприятствует ему, то он будет пользоваться им и утешаться при этом своим правым делом; деньги же пусть они отнесут назад своим господам. Когда деньги были привезены назад из Москвы и Нарва была покорена с другими замками, тогда ливонцы начали жалеть, что так долго промедлили с деньгами. Но тогда уже нечего было делать.

4. ГРАМОТА ЖИТЕЛЯМ ДАНЦИГА (17 мая 1558 г.)

«Русская историческая библиотека», т. XVI, № 13

Божиею милостию, государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии [далее титул]... от боярина и воеводы Алексея Даниловича Басманова в заморской город в Данеск бергоместером и ратманом и гостем и купцом и всем людям того город-

[1] Раквере.

ка. Изволением всемилостиваго бога, дал бог государю нашему царю всеа Русии город Ругодив и Вышегород и иные городы Ливонские земли. И которые люди наперед сего ездили торговати в город в Ругодив, и те б люди и нынеча в государя нашего отчину в город в Ругодив поехали торговати з государя нашего гостьми с торговыми людми безо всякого опасу, путь им чист, приехати и отъехати и торговати всяким товаром без вывету добровольно. А государя нашего царя всеа Русии гостей и купцов и торговых людей со всякими товары добре много. А ся моя грамота на царево и великого князя жалованье и опасная. К сей грамоте боярин и воевода Алексей Даниловичь Басманов печать свою приложил. Писано в государя нашего царя всеа Русии отчине в Вышегороде, лета 7066-го месеце мая 17 дня.

5. РЮССОВ. О ГИБЕЛИ ТОРГОВЛИ ГОРОДА РЕВЕЛЯ

«Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. II, Рига 1879, стр. 383—384

После того как Ливония начала продолжительную войну с московитом, чем затруднила и уменьшила торговлю как заграничных, так и ливонских купцов с русскими, тогда особенно плохо было любекским купцам, которых главная торговля была с Ревелем. Поэтому, когда торговля в Ревеле совершенно приостановилась и у них, любчан, не было никакой неприязни к русским, то они стали ездить в Нарву и в продолжение всей войны проезжали мимо Ревеля большими толпами, вывозили и ввозили много товаров, в противность старого соглашения ганзейских городов. Это немало сердило ревельцев. Поэтому ревельские купцы на свой собственный счет и риск снарядили несколько кораблей с орудиями, чтобы нападать на любчан и мешать им ездить в Нарву. Из этого возникла необыкновенно сильная ненависть, зависть и вражда между любчанами и ревельцами. До того же времени всегда между упомянутыми партиями была такая тесная дружба и братство, что если бюргер из Ревеля приезжал в Любек или любекский бюргер в Ревель, то нельзя было бы предположить, что не брат навещает родного брата. Точно так же принимались и уважались дети бюргеров обоих этих городов. Теперь же эта большая дружба между упомянутыми городами была совершенно расторгнута ездой в Нарву. Любчане публично объявили в свое оправдание, что некоторыми старыми королями шведскими им была дарована привилегия ездить с кораблями в Россию до Нии [Невы]. К тому же они будто бы получили от некоторых прежних ливонских магистров льготу беспрепятственно торговать в общих ливонских военных гаванях и с московитом; что им и было дозволено римским императором того времени. И что в этой войне они не первые были в Нарве, но было несколько ревельцев, которые сами указывали им дорогу в Нарву; а если ревельцы торгуют со

своим открытым врагом, то почему бы им того не делать, особенно если у них нет вражды с московитом. Впоследствии не только любекские города при Балтийском море, но и все французы, англичане, шотландцы и датчане большими толпами отправлялись в Нарву и вели там большую торговлю, происходившую сперва в Ревеле, различными товарами, золотом и серебром; из-за этого город Ревель стал пустым и бедным городом. Тогда-то ревельские купцы и бюргеры стаивали в розовом саду и на валах и с большой тоской и печально смотрели, как корабли неслись мимо города Ревеля в Нарву. Однако корабли в этой нарвской поездке часто терпели неудачу: ежегодно много кораблей тонуло в море, не доходя до Нарвы, и многие ежегодно попадались в плен военным кораблям короля шведского и кораблям морских разбойников. Несмотря на то, они никак не прекращали эти поездки. В то время город Ревель был печальным городом, не знавшим ни конца, ни меры своему несчастию.

6. ОТПИСКА НАРВСКОГО ВОЕВОДЫ В РЕВЕЛЬ С ТРЕБОВАНИЕМ ПРЕКРАТИТЬ ЗАДЕРЖКУ СУДОВ, ИДУЩИХ В НАРВУ

(26 октября 1565 г.)

«Русская историческая библиотека», т. XV (Русские акты Ревельского городского архива, № 75).

Божьею милостью, царя и государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси [далее титул]... и государя Ливонские земли града Юрьева и Полотцкаго и иных, из Ругодива[1] от воеводы от Федора Ивановича Чюлкова, Свейского, Готцкаго и Венденского короля в город в Колывань[2], бурмистром и посадником и ротманом и полатником города Колывани. Били нам челом государевы царевы великого князя Ивана Васильевича всея Руси Ругодивские Немцы, ратман Захария Дядин да полатник Родивон Лимборх и все Ругодивские Немцы. Посылали деи они сего лета 7073 карабли свои с товары за море, и вашего дей города Колывань Колыванские воинские люди те их карабли с товары имали и товары грабили и в Колывань, а иных и в Стеколно[3], водили. А нонеча Ругодивские Немцы били нам челом, что они посылают из Ругодива за море своих четыре ка[ра]бли с своими товары, да в тех жо дей в четырех караблех Голянъских[4] да Анбарских[5] Немец товар. И и[х] дей слух дошол, что Колыванские Немцы стоят заставою на море и хотят дей на те их карабли приходити и товары их грабити, а за море дей они тех Ругодивских Немец на караблех и с товары не хотят пропустити. И то вы чините не-горазно, что государя нашего царя и в. к. Ивана Ва-

[1] Нарва. [2] Ревель (Таллин). [3] Стокгольм. [4] Голландских. [5] Гамбургских.

сильевича всея Руси Ругодивских Немец Колыванские воинские люди на море карабли имают и товар грабят и заморские их городы торговати не пропущают. А мы, по государя своего царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси наказу, вашим Колыванским Немцом торговым людем даем в Ругодиве торг поволной всякими товары торговати и их в Колывань отпущаем безо всякого задержанья, и шкоты [1] им и обиды не чиним никоторые, и управу им даем во всяких делех безволокитно. И вы б также государя нашего царя и в. к. Ивана Васильевича всея Руси Ругодивских Немец карабли и с их товары за море пропущали безо всякого задержанья, с нашими воеводцкими проезжыми грамотами, на нашими печатми шкоты б им и обиды не чинили никоторые. А которые и иные карабли заморских городов из государевы царевы великого князя Ивана Васильевича всея Руси вотчине, из города, из Ругодива, пойдут за море, а у них будут наши воеводцкие проезжые грамоты, с нашими печатми, и ваши б Колыванские воинские люди и тех заморских городов торговых людей и с их товары на караблех в заморские городы пропущали безо всякого задержанья, у которых наши грамоты проезжые будут, шкоты б и обиды не чинили никоторые ни в чом. Да к нам бы есте о том отписали с тем жо с Ругодивским Латышем с Юркою часа сего, чтоб нам было о том известно. Писана в государеве цареве великого князя Ивана Васильевича всея Руси в вотчине, в городе в Ругодиве в Ливонском, лета 7074, октября в 16 день.

7. ИЗ ПЕРЕПИСКИ РУССКИХ КУПЦОВ О СВОИХ ТОРГОВЫХ ДЕЛАХ (1566 г.)

«Русская историческая библиотека», т. XV (Русские акты Ревельского городского архива, № 77)

Господину моему Данилу Дементеевичю, Петр Павлово сынишко да Митко Кондратьево сынишко челом биют. Как тобя, господина нашего, бог милует. А у нас, дал бог, все поздорову. А грамотка твоя нас дошла на Юрееви карабли и бочка огурцов. А Петр съехал к Астрадаму [2] с Ындриком Соловьевым, со старого торгу, за 4 недели до великого посту, да вестей от него не бывала. А был зде писарь з Готлана [3] Енсь Билидев, и Петр ему говорил: про что де вы свинцу не послали. И он сказывает: был де свинец в кадне, в судне, да не поехали за тем, что на мори были свейци. Бог даст на весны мы пришлем. Да и грамотку послали с тым же писарем Еншь з Билде, чтобы пожаловал, послал сви[не]ц, да к нам бы отписал в Копногав [4]: пошлет ли, или не пошлет. А отписка от него не бывала еще. А Микула был Дански [5], да приехал недавно;

[1] Вред. [2] Амстердам. [3] Готланд. [4] Копенгаген. [5] Гданск.

ино говорить не с ким: Петра нет. А лен купят — 20 ефимков[1], а коноплю — 11 ефимков, а се[ль]дь — 30 ефимков, а соль — 12 ефимков. А о своем бы здравии без вести не держал. А мы вам, своим господам, всем челом бием. Да брату моему, Борису, от меня челобитие. Да послал яз к теби, Борис[у], с тем же, хто грамотку привезет, 2 ефимка. Да послали мы к вам полторы бочки селдей [да] накладена котлов, с шкиперем с Лавренцом на боярки, осеннесь, и то вас дошло ли.

Датировано 25 мартом 1566 г.

8. ИЗ ПЕРЕПИСКИ ИВАНА ГРОЗНОГО С АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВОЙ ЕЛИЗАВЕТОЙ ОБ АНГЛИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ В РОССИИ (1581—1582 г.)

«Сборник Русского исторического общества», СПБ 1883, т. 38, стр. 8—10

И июля в 3 день приехал к Москве с морского пристанища с Холмогор, аглинские земли торговый человек, Онтон Иванов, а привез государю царю и великому князю Елизавети королевны грамоту; а сказал, что с ним тое грамоту послали с Колмогор аглинские гости Иван Романов с товарыщи.

А се перевод с ангилейские с Елизавет-королевнины грамоты.

Вельможнейший царь и возлюбленный брат. Сначала, как наши гости сперва почали торговати в вашем царстве, не бывало никаковы помещики в торговленном деле не токмо в большом граде Москве, ни на реке на Двине, ни на Волге, ни в которых местах, ни в Ливонии, и которые им места к торговле годны были и ни в которых в поморских пристанех и урочищах, в северной и в полуденной стране шкоты не было и в той поволностной торговле, твоею величественною великою жаловалною грамотой владели всех больши от морсково пристанища, от Николы чюдотворца до Колы волости и по всем Колским волостям. И не в давне ныне проведали мы, по гостей наших челобитью, что им в Кегоре, да в Печенге торговати не велено по приказу короля Датцкого, потому что король Датцкой те волости называет к своей земле, и грамоты жаловалные на те волости велит у себя иметь, и пошлины с тех волостей велит себе жь платить, а опроче себя с тех волостей пошлин иному никому не велит платить. И мы ныне тому дивимся, что прежь сего таковы заповеди не слыхали и про то ныне тобе извещаем, что твое величество о тех волостях к нам подлинно ведомо учинишь. А мы не хотячи никоторыми обычаи твоей царской земле убытка учинити, ни в которых в тех странах, да не хотим же брата нашего короля датцкого в убытке и в обидах ни в каких учинити. Да ныне б нам по твоей царской грамоте ведомо было: которые он волости своими называет, и те волости под его ли областию или не под его?

[1] Рейхсталер.

Мы твое величество всею любовью прошаем грамоты, для ради нынешние нашие любви, да чтоб и впред межь нами не порушилась; и будет к нам те свои грамоты пришлешь, и мы своим гостем о тех делах вперед по твоей грамоте прикажем, как им быти, чтоб твое величество и вперед славно было, а нашим бы гостем в том никоторые смуты не было. А мы в те поры бога всемогущаго молим за твое царское здравие и о твоем счастье.

Писана в Вестьминстер граде. Лета от Р. Х. 1581 генваря месяца в 23 день, а государства нашего 23.

И царь и великий князь, слушав грамоты Елисавет-королевны, приговорил: против тое грамоты к Елисавете королевне отписати, а послать тое грамоту за Федором за Писемским; а Федору тое грамоту отдать королевне после посолства.

А се грамота от государя к Елисавет-королевне.

Милосердия ради милости бога нашего, в них же посети нас восток свыше, во еже направити ноги наша на путь мирен. Сего убо в троицы славимого бога нашего милостию, мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, Владимирский, Московский, Ноугородцкий, царь Казанскии, царь Астраханскии, государь Псковскии, и великий князь Смоленскии, Тверскии, Югорскии, Пермскии, Вятцкии, Болгарскии и иных; государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговскии, Резанскии, Полотицкии, Ростовскии, Ярославскии, Белоозерскии, Лифляндскии, Удорскии, Обдорскии, Кондинскии, и всеа Сибирскии земли и Северные страны повелитель и иных.

Сестре нашей любительной, королеве Елисавете Аглинской, и Францовской, и Хиберской и иных.

Писала еси к нам как ваши гости сперва... [следует изложение напечатанной выше грамоты Елизаветы].

И о том ты, сестра наша любная, у нашего величества всею любовью прошаешь нашие грамоты, чтоб твоим гостем в том смуты не было, как им на ту нашу пристань приезжать; а вперед ты, сестра наша, о том своим гостем накажешь, как им по нашей грамоте в наше государство к тому пристанищу вперед приезжати.

И мы грамоту твою, сестры своей любной, Елисавет-королевны, выслушали: и ты б, сестра наша любная, к нам своим гостем и торговым всяким людем велела в наши государства ко всем пристанищам на Колмогоры к Николе и х Коле приезжати по нашей прежней жаловалной грамоте, какова им дана, безо всякаго сумненья; а велела б еси своим гостем и торговым людем ездити бережно с провожатыми, с воинскими корабли для того, что датцкой король, докончанье и крестное целованье прежних королей датцких и свое с нами поруша, вчинает новое дело, чего николи не бывало... А то ныне Фредерик, Датцкий король не хочет нашие с тобою, сестрою любной, любви видеть и ссылки, твоих гостей к нашей вотчине, к пристанищам пропущать не велит, чтоб проезд твоим гостем и всяким проезжим людем и иных государств к нашей вот-

чине не был. И ты б, сестра наша любная, Елисавет-королевна, гостем своим от тех от датцкого короля разбойников на море ходить велела с воинскими корабли, чтоб им проезжать от тех датцкого короля разбойников, в нашу отчину во все пристанища морские и на Колмогоры, и на Колу бесстрашно, и их бы с моря согнати и дорога очистить; а мы людей воинских в те пристанища посылаем и велим от датцкого короля людей от приходу бережение держать с вашими людьми и с гостми за один, чтоб нашей любви в том порухи не было, и нашим людем и твоим и иных земель гостем в торговле и во всяком прибытке от датцкого короля людей ни в чем убытка не было, и гости б твои поволно в нашу отчину, во все те пристанища по прежней жаловалной грамоте ходили безо всякого опасенья, а от датцкого короля разбойников береженье держали.

Писана в государствия нашего дворе граде Москвы. Лета от созданья миру 7090 июля месяца, индикта десятого, государствия нашего 48-го, а царств наших Росийского 37-го, Казанского 30-го, Астраханского 29-го.

9. ДЕПЕША ФРАНЦУЗСКОГО АГЕНТА О ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

«Записи гетмана Жолкевского о Московской войне», изд. П. А. Мухановым, СПБ 1871, изд. 2-е, прилож. 21

Московские дела все еще в прежнем положении, и со дня на день становятся затруднительнее. Но чем менее способов к взятию Смоленска и чем более трудностей к достижению победы над всею Россиею, тем более его величество [Сигизмунд III] решается не двигаться с места и не возвращаться без какого-либо блестящего и храброго подвига. Осада продолжается целых семь месяцев, и во все это время королевские войска своими орудиями не произвели в стене ни одного пролома, а осажденные не сделали ни одной вылазки...

Король... на все согласился ..., столь твердое намерение имеет он овладеть Смоленском, хотя для этого недостает ему более ничего, как людей, денег, власти и тому подобного, чем осажденные снабжены превосходно, в мясе только они начинают чувствовать недостаток...

Поляки, последовавшие за первым Димитрием, убитым впоследствии в Москве, по смерти его выставили другого Димитрия, чтобы иметь начальника и вместе предлог к исполнению своих замыслов, выдавая, что это первый Димитрий, которого смерть они отрицают; а не менее того, они обвенчали с ним жену первого Димитрия, дочь Сандомирского воеводы, с условием не вступать в права супруга до тех пор, пока он не достигнет престола.

Первый Димитрий имел столько же прав на свои притязания и предприятия, сколько и этот: он был весьма удобным орудием

для поляков, которые начали приводить свои замыслы в действие при возникших распрях между москвитянами касательно избрания их великого князя в императоры, чтобы из сего извлечь свою пользу, и в мутной воде ловить рыбу, что и теперь делают.

Датировано 15 апреля 1610 г.

10. ОСАДА СМОЛЕНСКА ПОЛЬСКИМИ ВОЙСКАМИ (1609—1611 гг.)

I. Отписка царю смоленских воевод об осаде польскими войсками Смоленска и о приступах поляков, 9 октября 1609 г. Печатается по изданию «Акты исторические», т. II, № 266.

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии, холопи твои, Михалко Шеин, Петрушка Горчаков, Никонко Олексеев челом бьют. Сентября, государь, в 16 день писали мы, холопи твои, к тебе к государю, с посадцкими людми, с смолнянином с Марком Бухвостовым да с вязметином с Михалком Горбуновым, что литовские люди в Смоленской уезд пришли и листы королевские и Лва Сапеги, каковы ко мне холопу твоему к Михалку, с Смоленского рубежа, король и Лев Сапега писали, с ними ж к тебе к государю послали. А другорядь мы, холопи твои, к тебе к государю писали, с смоленскими с посадцкими людьми, с Федкою Ивановым да с сыном его с Ваською, сентября в 28 день, что языки нам, холопем твоим, в роспросе и с пытки сказывают, что король, а с ними радных панов, гетман, пан Жолтовской, да канцлер Лев Сапега, да Стадиитцкой, и иные многие паны и ротмистры, пришед под Смоленск, стали в Троетцком и в Спаском и в Борисоглебском и в Орхангельском и в Духовском монастырех; и мы, холопи твои, поговоря с дворяны и с посадцкими людьми, посад Смоленской и слободы, для королевского приступу, пожгли и сели со всеми людми, в городе, в осаде. И сентября, государь, в 25 день, на утренней зоре, литовские многие люди приходили к городу к Смоленску приступом, к Копытцким и к Оврамьевыским воротам и божиею, государь, милостью и твоим государевым счастьем, от города литовских людей отбили; и взяли, государь, у приступу, твоего государева изменика посадцкого человека, смолянина Игнашку Дмитриева, которой у литовских людей был в вожех [1], а в роспросе, государь, нам холопем твоим сказал, что король хочет над Смоленском промышляти, приступом же и подкопом. Да сентября ж, государь, в 27 день приходили приступом многие ж литовские люди к Пятницким и к Днепровским воротам; и божиею, государь, милостью и твоим государевым счастьем, от приступу литовских людей отбили ж. И после, государь, того, литовские люди за речкою за Чурильею поставили туры и бьют из наряду[2] по Богословской башне.

[1] Быть в вожех — быть в проводниках.
[2] Артиллерия.

II. Второй документ представляет собой отписку смоленских воевод Шеина и кн. Горчакова, датированную 29 маем 1610 г. Д. Шуйскому с сообщением об отправлении Сигизмундом III войск в глубь России. Опубликована там же. № 284.

Господам, князю Дмитрею Ивановичю с товарищи, Михайла Шеин, Петр Горчаков челом бьют. Маия, господа, в 29 день посылали мы на вылазку голов с сотнями для языков; и на вылазке языки поимали, и в роспросе языки и с пытки говорили, что против Государевых людей Король посылает гетмана Желтовского, а с ними многих людей, конных и пеших, на те Государевы люди, которые во Ржеве и в Зубцове. И того ж, господа, числа Литовские люди, из-под Смоленска, пошли многие, конные и пешие, по Белской дороге. Да и выходцы, господа, которые к нам выходят из королевских таборов, в роспросе сказывают тоже, что Литовские люди пошли против Государевых людей. И вам бы, господа, те вести были ведомы.

11. ГРАМОТА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ДАТСКОМУ КОРОЛЮ ХРИСТИАНУ IV (29 января 1631 г.)

«Русская историческая библиотека», т. XVI, № 126 (Русские акты Копенгагенского государственного архива, сост. Ю. Н. Щербачев)

...Да и то нам ведомо, что королевич Владислав хочет доступати нашего Московского государства, и разорить государство и веру нашу христьянскую, а свою еретическую папежскую проклятую веру ввести и утвердити по умышленью папы римского и по совету цесареву, и короля шпанского, и короля литовского. А в прошлом году присылал к нам брат наш, турской Мурат, салтаново величество, посла своего Тому греченина з грамотами, а в грамотах своих брат наш, Мурат салтан, к нашему царскому величеству писал, что он с нашим царским величеством хочет быти в братцкой дружбе и в любви навеки, а на полского короля за его многие неправды хочет стояти, и на весну посылает на него многих ратных людей, а нам бы стояти с ним на полского короля заодин. Да и свейской Густав Адолф король преже сего к нам, великому государю, с послы своими писал же про полского Жигимонта короля, объявляючи неправды его и злой совет и умышленье с цесарем и с папою римским, что они злым своим советом и умыслом хотят Датцкое и Свейское королевства и иных государей евангелицкие веры государства их разорить и в свою папежскую проклятую веру привести, а потом и над нашим Московским государством тоже учинить... И... мы, великий государь, за неправды полского короля перемирных лет ждать не хотим, а хотим над ним промышлять, сколко милосердый бог помочи подаст, потому что мирному договору нарушенье учинилося от них...

12. ЧЕЛОБИТНАЯ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ РУССКИХ ТОРГОВЫХ ЛЮДЕЙ О ПРИТЕСНЕНИЯХ ИНОЗЕМЦЕВ
(1646 г.)

Опубликована в «Актах археографической экспедиции», т. IV, № 13.

Царя Государю Великому князю Алексею Михайловичу всеа Росии бьют челом, холопи и сироты твои государевы, гостишка и гостиныя и суконныя сотни и черных сотен торговые людишка, и многих твоих государевых розных городов, Казанцы, Нижегородцы, Ярославцы, Костромичи, Суздалцы, Муромцы, Вологженя, Псковичи, Устюжане, Романовцы, Галичаня, Угличаня, Белозерцы, Каргополцы, Колмогорцы, и иных многих твоих государевых городов торговые людишка. Жалоба нам, Государь, на иноземцов, на Агличан и на Голанцов торговых людей и на Барaборцов [1] и на Анбурцов [2], которые ездят торговать к Москве...

И после, Государь, Московского разоренья, как воцарился отец твой государев, блаженныя памяти Государь Царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Русии, и Аглинские Немцы [3] зная то, что им в торгех от Московского государьства прибыль многая, и хотя всяким торгом завладев, подкупя думного дьяка Петра Третьякова многими посулы, и взяли из Посолского Приказу грамоту, что торговать Аглинским гостем, у Архангелского города и Московского государьства в городех, двадцати трем человеком; а нам было, холопем и сиротам твоим, в то время челобитья их встретить и грамоту остановить некому, потому что все были разорены до конца и от разоренья бродя скитались по иным городом. А как взяли они Немцы грамоту из Посолского Приказу и с тех мест почали приезжать в Московское государьство Агличан торговых людей человек по штидесять, и по семидесять, и болши, и построили и покупили себе у Архангелского города, и на Колмогорах, и на Вологде, и в Ярославле, и на Москве, и в иных городех, дворы многие и анбары, и построили палаты и погребы каменныя, и почали жить в Московском государьстве без сьезду, так же как и в своей земли, и у Архангелского города Руским людем товаров не учали продавать и на Руские товары менять, а учали свои всякие товары к Москве и в иные городы, привозить: и как который товар будет подороже и они тот товар учнут продавать, а которой товар подешевле и на которой товар походу нет, и они тот товар держат у себя в домех года по два и по три, да как тот товар подымется ценою, так и продавать учнут. А Руские товары в Московском государьстве, которыми мы, холопи и сироты твои, меняли на их товары, они покупают ныне сами, своим заговором, и розсылают покупать по городом и в

---

[1] Брабантцы.
[2] Гамбуржцы.
[3] В Русском государстве в то время всех иностранцев называли немцами.

уезды, закабаля и задолжа многих бедных и должных Русских людей, и те товары покупя Русские люди привозят к ним, а они провозят в свою землю безпошлинно; а иные Руские товары они Аглинские Немцы у города продают на денги Галанским и Бараборским и Анбурским Немцом, а весят у себя на дворе в свои телези, и возят на Галанские и на Бараборские и на Анбурские корабли тайно, и твою государеву пошлину крадут, и всеми торгами, которыми искони вечными мы холопи и сироты твои торговали, завладели Аглинские Немцы, и от того мы, холопи и сироты твои, своих искони вечных старых торговых промыслов отстали и к Архангелскому городу ездить перестали. Да не токмо, Государь, те Немцы, что нас холопей и сирот твоих без промыслов учинили, ино, Государь, и все Московское государьство оголодили: покупая, Государь, на Москве и в городех мяса и всякой харч и хлеб вывозят из Московского государьства в свою землю. А как придут корабли к городу, и они Немцы товаров своих на кораблях досматривать не дадут и, не сказав о том головам и не явя иззаморя, на дощеники товары кладут без целовалников, сами, и в таможнях емлют выписи, а в выписях товаров своих не пишут и десятой доли; а как у них те товары придут к Москве и в иные городы, и они тож товары свои записывают по тому же десятую долю, или менши; а те все свои товары на дворы свои провозят тайно и твою государеву пошлину многую крадут. А толко б, Государь, их товары таможенные головы и целовалники досматривали во всех городех, так же как и у нас, холопей твоих, и пошлины с них имать: и с них бы, Государь, сходило пошлин во всех городех на год тысяч по тридцати рублев и болши. А в жаловалной, Государь, грамоте написано, что та грамота дана им для прошения Аглинского их Карлуса короля; а они, Государь, Агличане торговые люди все Карлусу королю [1] не подручны, и от него отложились, и бьются с ним четвертой год. А в жаловалной, Государь, грамоте написано, повелено им торговать в Московском государьстве безпошлинно, Аглинским гостем Серждану Мерику Книхту с товарыщи, двадцати трем человеком, имянно, которые в жаловалной грамоте имяны написаны, тем и велено ездить к Москве; а опроче, Государь, того иным Агличаном в Московском государьстве безпошлинно торговать не велено. И те, Государь, Немцы, которым та жаловалная грамота дана, извелися мало не все, а которые в том числе не многие, человека три или четыре, и живы, и те в Московское государьство с товары не ездят. А которые, Государь, Немцы ездят к Москве, и те Немцы тое жаловалную грамоту, которая дана Серждану Мерику Книхту с товарыщи, у тех Немец, которые из того числа и не живы, и у жен их и у детей их, на всякой год покупают...

Да они же, Государь, стали торговать не своими товары, вновь, золотом пряденым, и бархатами, и камками, и тафтами,

[1] Карл I — король английский.

и слдьми, и иными всякими товары; а тех, Государь, товаров у них в Аглинской земли не делают; иных, Государь, Немец товары, назвав своими товары, для пошлин, привозят к Москве без пошлин...

Да они же, Государь, живучи на Москве и в городех ездят через Новгород и Псков в свою землю на год по пять, и по шестья, и по десятья, с вестми, что деется в Московском государьстве, почему какие товары покупают, да которых товаров на Москве дорого купят и они те товары учнут готовить, и все делают по частым своим вестям и по грамоткам, сговорясь заодно; а как приедут торговать на ярманку к Архангелскому городу, и они про всякие товары цену роскажут, а заморские товары выбрав лутчие и те закупят все сами на денги и на руские товары променяют, и сговоряся меже себя заодно наших товаров покупать не велят, и заморским товаром цену держат болшую, чтоб нам у них ничего не купить и впредь на ярмонку не ездить; и мы, Государь, товаренки свои от Архангелского города возим назад, а иной оставляет на другой год у Архангелского города, и которые, Государь, должные людишки плачючи отдают товар свой на безценок, потому что им держать у собя не лзе, люди должные, и от того, Государь, их умыслу и заговору, мы холопи и сироты твои, ездить к Архангелскому городу перестали, потому что от их заговору стали в великих убытках, а твоим государевым пошлинам год от году чинится недобор болшой... Ярославец торговой человек Онтон Лаптев ездил с товаром, через Ригу, в Галанскую землю, в Астрадам [1], с соболми и с лисицами и с белками, чтоб ему те товары испродать, а их товаров в их земле закупить: и проехав он Онтон их Немецкия три земли, и они де Немцы, сговоряся и сослався о том заодно, у него Онтона ничего не купили ни на один рубль, и он Онтон из Немецкия земли поехал на их Немецких кораблех, с ними Немцы вместе, к Архангелскому городу; и как он Онтон приехал из заморя к Архангелскому городу, и у него Онтона те же Немцы, которые за морем были и у него Онтона торговали и ехали с ним вместе, и те его товары, соболи и лисицы, купили у него большею ценою... И Немцы, Государь, говорили: для де того у Онтона Лаптева товару не купили, чтоб иным Руским торговым людем ездить в наши государьства не повадно.

Милосердый Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, холопей и сирот своих, всего государьства торговых людей: возри, Государь, в нас бедных и не дай нам, природным своим государевым холопем и сиротам, от иноверцов быть в вечной нищете и в скудости; не вели, Государь, искони вечных наших промыслишков у нас бедных отнять. Вели, Государь, Аглинским и Анбурским и Бараборским и Галанским и Датцким Немцом, гостем и торговым людем, торговать у корабелной пристани у Архангелского города; а к Москве, Государь,

---

[1] Амстердам.

и в иные городы всего Московского государьства пущать не давали б, так же как наперед сего при прародителех ваших государьских, блаженныя памяти при Государе Царе и Великом Князе Иване Васильевиче всеа Русии, торговали в Иване городе...

[Кончается челобитная 165 подписями, в числе которых были подписи таких крупнейших московских гостей, как Г. Никитников, Н. Светешников, В. Шорин, К. Босой и др.]

13. НОВОТОРГОВЫЙ УСТАВ (1667 г.)

«Собрание государственных грамот и договоров», т. IV, № 55

Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович... указал, а его царского величества бояре приговорили по челобитью Московского Государства гостей и гостинных сотен и черных слобод торговых людей, от приезжих иноземцов во многих обидных торгех... чтоб Московского Государства и порубежных городов великия России торговые люди имели свободные торги... по нижеписанным торговым статьям:

42. На Москве и в городех всем иноземцам никаких товаров врознь не продавать; а будет учнут врознь продавать, и те товары имати на великого государя.

56. А буде которые иноземцы похотят товары свои от города возить к Москве и в иные города, и им платить с тех заморских товаров у Архангельского города проезжих пошлин по гривне с рубля золотыми и ефимками для того, что русские люди и московские иноземцы пятину и десятину и всякия подати платят и службы служат, а иноземцы ничего не платят.

60. А чтоб иноземцы приезжим торговым людям товаров своих не продавали и у них ничего не покупали, а продавали б в тех городах купецким людям того города, в коих они станут торговать, и у иных також товары всякие покупали, а не у приезжих, а подрядов и записей иноземцы с приезжими людьми никаких не чинили и тем бы у тех московских и городовых купецких людей промыслов не отымали.

61. А Московским купецким людям в порубежных во всех городах и на ярманках торговати с иноземцы всякими товары вольно.

62. А будет иноземцы товары свои заморские, мимо тех гражан, приезжим людем иного города учнут продавать или у них какие покупать и свалом, и те товары имать на великого государя.

63. Учинить заказ крепкой, чтоб иноземец с иноземцем никакими товары не торговали и не продавали и не меняли, понеже великому государю в таможнех в сборах его великого государя казне чинятся большие недоборы, а русским людям в торгах их помешка и изнищение чинится; и будет иноземцы меж себя учнут торговать, а сыщется про то допряма, и те товары взять на великого государя.

83. На Москве и в городех всех земель иноземцам никаких заморских товаров врознь не продавать, и по ярманкам им ни в которые городы с товары своими и с деньгами не ездити и прикащиков не посылать.

84. А будет станут они иноземцы товары свои продавать врознь или учнут ездить с товары и с деньгами по ярманкам, и те товары и деньги имать на великого государя.

14. ТАБЛИЦА ЕЖЕГОДНОГО ВЫВОЗА РУССКИХ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ АРХАНГЕЛЬСК В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

По данным де Родеса «Чтения Общества Истории Древностей Российских», 1915 г., кн. II, стр. 163—167.

10 000 ластов ржи, ячменя и пшеницы	на	250 000	рублей
600 » льняного семени	»	14 400	»
Меха (соболи, белки, куницы, лисы, горностаи)	»	98 059	»
Кожи	»	370 916	»
Москательный товар	»	14 800	»
Русское сукно (168 500 аршин)	»	6 740	»
« полотно (325 980 аршин)	»	16 299	»
Рогожа (389 000 штук)	»	6 224	»
Воск (3 500 пудов)	»	15 750	»
Сало (115 080 пудов)	»	126 588	»
Кавиар[1] (20 000 пудов в 400 бочках)	»	30 000	»
Ворвань (6 000 бочек)	»	9 000	»
Шпик и мясо (5 500 шиффунтов)	»	33 000	»
Свиная щетина (5 700 пудов)	»	25 650	»
Поташ (3 000 бочек)	»	120 000	»
Смола, деготь (200 ластов)	»	4 000	»
Персидский шелк (каждый третий год по 900 пудов)	»	13 500	»

15. КИЛЬБУРГЕР О ТОРГОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И РУССКИХ РЫНКАХ

Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев 1915, стр. 87—88, 163—164, 174—175

Во-первых, разве есть ли где страна, которую бог так расположил между всеми морями света, как Россию. Она имеет свои торговые города, известный Архангельск при Северном море и пространном океане. На Каспийском море имеет она превосходную морскую гавань, знаменитый город Астрахань. Черное море находится недалеко от Киевской области, теперь завоеванной, а Восточное море лежит у них также у порога.

---

[1] Икра.

Во-вторых, где есть еще страна, которую бог прорезал вдоль и поперек столь многочисленными прекрасными речками и реками, как Россию. Надо только назвать длинную и богатую рыбой Волгу, Дон, благородную Сухону и Северную Двину, большую реку Обь, Оку, Мезень, Югу, Вагу, Тобол, Иртыш и многие другие, которые все судоходны.

В-третьих, есть ли также хотя еще одна нация, которая удобнее и с меньшей опасностью и издержками торгует из первых рук со столь многими народами во всем свете, как делает Россия и может делать? Ибо, сверх того, что голландцы, англичане, французы, испанцы, норвежцы, гамбургцы, бременцы и любечане приходят в Архангельск на своих кораблях, Россия имеет еще свою торговлю и обмен товаров с азиатскими народами: калмыками, бухарцами, монголами, китайцами, индийцами, персами, дагестанцами, черкесами, крымцами, турками, греками, армянами и со всеми живущими почти на всем востоке, как и еще с поляками, литовцами и шведами.

В-четвертых, сама Россия также имеет у себя много хороших товаров, посредством которых торговля тем гораздо лучше может быть привлекательной и приводимой в процветание, как будет явствовать из продолжения этого трактатца.

В-пятых, она имеет ту большую выгоду, что только ее жители от самого знатного и до самого простого любят купечество, что и есть причиной того, что в городе Москве попадается больше торговых лавок, чем в Амстердаме или хотя бы в ином целом княжестве. Но здесь не отрицается, что эти лавки маленькие и иногда плохой важности, но хочется только доказать, что русские любят торговлю; сравнивать же [русские лавки с амстердамскими] совсем нельзя, потому что иначе надо согласиться, что может быть из одной амстердамской лавки можно сделать десять или более московских...

...Ежегодно в Архангельск прибывает приблизительно 30—40 кораблей, между ними обыкновенно 9—10, которые один только Филипп Ферпоортен выгружает через своего служащего Яна Ферюиса. К половине июля все купцы уезжают из Москвы на архангельскую ярмарку и находятся в дороге на почтовых лошадях 14 дней. В нынешнее время они пользуются привилегиями, что в дороге не предъявляют более паспортов; воеводы, кроме того, не смеют их где-нибудь остановить или задержать ни по какому делу, разве было бы оно явно уголовное. В июле приходят корабли, и тогда ярмарка продолжается до сентября, так что корабли идут опять отсюда иногда только в октябре, из чего можно заключить, что названные купцы в Голландии, Гамбурге и Бремене совершают свою русскую торговлю почти в течение 5 месяцев, потому что в июне они закупают товары вне [своей] страны, в августе обменивают их в Архангельске, а в октябре пользуются своим капиталом опять дома. Товары, посылаемые из Москвы в Архангельск, идут 40 миль сушей до Вологды и обыкновенно

зимой санным путем; там они лежат до полой воды, и могут тогда прибыть в Архангельск через 10 дней по Верхней и Нижней Сухон и вниз по реке Северной Двине...

...Всякий, без сомнения, должен признать славу города Москвы и согласиться, что в нем так же много лавок, как и в некоторых других европейских городах, хотя большая часть из них так малы и узки, что купец часто едва может надлежащим образом повернуться между своими товарами. И подобно тому, как в Белом городе, или внутри белой стены, как и в Земляном городе, или в части между упомянутой белой стеной и земляным «валом», называемым «Скородумом», встречается в разных местах почти бесчисленное множество мелочных и других простых лавок, как и в Китай-городе, или в городе внутри красной стены, как средоточия Москвы, назначенном собственно для купечества, также нет особенных домов; но там можно найти большею частью построенные из камня купеческие лавки, из которых некоторые принадлежат царю, но больше всего частным лицам, и в разных местах при них держат днем и ночью стражу и воду для защиты от пожара, который в Москве более обыкновенен, чем в другом месте. Самое замечательное и вместе с тем самое похвальное в Москве то, что каждый сорт товара от самаго высокого до самого низкого имеет свои определенные улицы и рынки. Свой отдельный рынок имеют торговцы шелком, торгаши пряностями, продавцы сукна, шапочники, оловяничники, колокольные литейщики, скорняки, сапожники, кнутовщики, русские аптекари, торговцы румянами и продавцы чеснока и т. д. Даже тряпки и разные старые маленькие лоскутки также имеют свою постоянную и определенную площадь на «базаре» перед замком, почему избавляешься от труда далеко и долго искать товар. Среди этих рынков есть еще и другой, лоскутный рынок, возле вшивого рынка, на котором находят в продаже разные вещи и много прекрасных и дорогих вещей, так что он справедливо числится между виднейшими рынками и по полному праву мог бы требовать другого названия. Недалеко от замка и «Земского приказа» также находится птичий рынок, на котором имеются в продаже разные живые птицы: глухари, тетерки, рябчики, пигалицы, чайки-рыболовы, соколы, перепелки, соловьи, жаворонки, щеглы и т. д., также куры, голуби, гуси, утки и живые кошки. По средам и пятницам бывает большой еженедельный базар...

16. Я. РЕЙТЕНФЕЛЬС ОБ ЭКСПОРТЕ И ИМПОРТЕ РОССИИ

Я. Рейтенфельс, Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии, пер. А. Станкевича. М. 1906, стр. 186—187

Россия не только имеет в самой себе достаточное количество всего, но даже ведет меновую торговлю с иноземцами большею частью своих произведений. К числу таковых, кроме соли, железа, относятся еще скот, зола, смола, лен, конопля, рыбий жир, мед,

воск, икра, меха и кожи, которые она доставляет народам, и соседним с нею и далеко живущим. Татарам русские продают попоны, уздечки, сукно, кожи, топоры и много другого в том же роде, что они сами по большей части покупают у других. Леса доставляют в громадном изобилии разного рода золу, пригодную для приготовления подзола и иных дел, а также и пушных зверей, именно: соболей, куниц, рысей, бобров, бырсей (?), диких кошек, лисиц, пахучих бобров, белок, горностаев, зайцев, волков, белых и черных медведей, оленей, коз, лосей, зубров и многих других зверей, коих меха и кожи в большом употреблении и дорого ценятся. Для их покупки, не только вся Европа, но и Азия и Африка, постоянно высылают купцов, которые имеют большое влияние на московские государственные доходы, ибо они платят громадные пошлины и часто определяют стоимость денег. Меда у русских набирается, как я уже упоминал выше, такое количество, что они не только заготовляют его для собственного употребления, но и услаждают им и иноземцев. Воска они также производят многие тысячи фунтов, хотя значительная часть его расходуется у них дома, при богослужении. Не говоря уже о других еще товарах, Мосхи также за небольшую цену продают иностранцам пахучую кровь известного индийского животного, обыкновенно называемую мускусом, которую им привозят издалека татары. Сюда же должно по справедливости присоединить и бобра речного... Немалый источник дохода составляют громадные рога, или носы, рыбы нарвал, выдаваемые некогда датчанами, привозящими их из Гренландии и Исландии, за рога земноводного зверя единорога, пока Мосхи не увидели у себе на Новой Земле, в чем дело. Сюда же относятся и тюлени, из которых добывается в большом количестве жир, и моржи, морские чудовища, обладающие большими, похожими на слоновую кость клыками, из которых делают рукоятки для ножей и мечей.

Из товаров, привозимых в Московию из чужих стран, главнейшие следующие: сукна, шелковые ткани, пряности, разного рода вина, масло, железные изделия, драгоценные камни, жемчуг, золото в виде проволоки и даже монета, золотая и серебряная. Привозятся эти товары частью сухопутным путем поляками и ливонцами, частью же морем ежегодно приезжающими англичанами и бельгийцами. Лишь от табака, как одурманивающего растения, царь велит своим русским воздерживаться, дабы вернее избежать опьянения и пожара от него. Из Персии, Бактрианы и северной части Китая привозятся главным образом хлопчатая бумага, золотая шелковая парча, драгоценные камни, пестрые завесы, дорогие ковры, обои, тонкие полотна и свалянные из татарской шерсти сукна. В большом количестве, наконец, присылают русским ежегодно Татария — сильнейших лошадей, Калмыкия — быстрейших, Персия — чистокровнейших, хотя и у себя русские тоже разводят весьма хороших. Это животное считается у них необходимым не только на войне, но и в мирное время

более чем где-либо, так как в России люди, хотя бы чуть-чуть позажиточнее, считают унизительным ходить пешком и привыкли ездить по городу на лошадях, или же чтобы впереди их шла лошадь, ведомая слугою.

17. А. МЕЙЕРБЕРГ О РУССКИХ ДИПЛОМАТАХ (1661 г.)

«Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга», М. 1874, стр. 37—39 и 72—73.

Так и Нащокину, хотя и одаренному острым умом, хотелось выведать, не отправляемся ли мы к его царю с предложением миролюбивого цесарского посредничества, уже в уверенности, что поляк примет его? Он подозревал стачку между польским королем и цесарем, никак не допуская в душе, чтобы последний послал нас из чистого усердия остановить кровопролитие между христианами, скорее же оба они уговорились, что в благодарность за оказанную недавно помощь против самого могущественного из захвативших Польшу государей [1] сам цесарь или кто-нибудь из Державнейшего Дома будет преемником короля, почему он и предлагает дело о замирении, стараясь для своих же выгод, либо все же уж не по простому расположению к государям различных исповеданий, из которых с одним посредником мира связан узами общих обрядов веры и кровного родства...

...Посланники иноземных государей пусть не дожидаются и от царских уполномоченных более правдивых слов, потому что эти лица собирают вместе все тонкости закоснелого лукавства, чтобы провести их, либо выдавая ложь за правду, либо умалчивая, о чем надобно сказать, и ослабляют обязательную силу всяких решений на совещаниях тысячью хитрых изворотов, дающих превратный толк им, так что они совсем рушатся... Все это делает для иноземных послов исправление возложенных на них дел до того тягостным, а успех их до того сомнительным, что они нередко раскаиваются, что взяли на себя такую должность.

18. Г. КОТОШИХИН О ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVII ВЕКЕ

Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 3-е, СПБ 1884, стр. 45—47, 52—53, 57—58

1. К цесарскому величеству Римскому великие послы не посылываны давно, потому что дальней проезд, чрез многие разные государства, и послом великим в дороге будет много шкоты и убытков. А посылаются к цесарю посланники роду середнего, которые бывают в думных дворянех и в околничих; а с ним товарыщ дьяк.

[1] Шведский король Карл X Густав.

2. Х королевскому величеству Свейскому посылаются великие послы, околничие другой статьи родов, которые в боярех не бывают; а с ними товарыщи думные дворяне, или столники середних родов, да дьяки. А на посолство на съезды посылаются бояре из первые статьи родов, которые ниже есть писаны; а с ним товарыщи таковы, каковы посылаются в Свею [1].

3. К Полскому королю посылаются великие послы, бояре болших родов первые статьи, которые ниже всех, или и другие ж статьи родов бояре ж, или околничие, которые бывают в боярех; и з боярами посылаются товарыщи, околничие и думные дворяне, и столники, и дьяки, а с околничими думные ж дворяне, и столники, и дьяки. А на посолство на съезды посылаются бояре первые статьи родов, пятого или шестого роду человек; а с ним товарыщи бояре ж таковы, каковы посылаютца в Полшу, также и околничие, и думные дворяне, и думные и простые дьяки.

4. К Аглинскому королю посылаются столники, первые статьи родов, которые из столничества бывают в боярех; а с ними товарыщи дворяня добрых родов, да дьяки.

5. К Датцкому королю посылаются столники и дворяне тех родов, которые бывают в думном дворянстве и в околничестве; а с ними товарыщи дворяня ж и дьяки.

6. Х курфистром, и х князем, и к графом, и к Галанским статом посылаются столники ж, и дворяне, и дьяки таковы ж, что и к Датцкому королю.

7. К Турскому салтану посылаются послы таковы ж, что и к Дацкому королю.

8. К Персидцкому шаху посылаются послы таковы ж, что и в Свейское государство.

9. Х Крымскому хану и х Калмыцким тайшам посылаются посланники, середних родов дворяне; а с ними товарыщи подьячие.

10. А посланники посылаются к христианским потентатом, столники ж и дворяне, честных и середних родов и дьяки.

А в гонцех посылаются стряпчие, дьяки, жилцы, подьячие и начальные люди.

11. Да с послы ж, как посылают в государства и на сьезды, и с посланники, бывают для посолской чести посыланы з бояры и околничими и думными людми, столники, и стряпчие, и дворяне, и жилцы, дети и братья и роду их и чюжих родов, которые преж того бывали отцы их и деды со отцами их и з дедами, или которые с кем быть сами похотят. А бывает с теми послами и посланники, смотря по роду и по чести их и по посолству, за иным боярином по 30 и по 20 и по 15 человек; а за околничим, и думным человеком, и за столником по 15 и по 10 и по 8 человек, а за иными по пяти и по три человека; а за дьяки по 2 и по одному человеку.

Да с послы ж посылаются по переводчику, подьячих по 5 человек и болши, а людей они своих емлют с собою по своей чести,

---

[1] В Швецию.

сколко кому мочно; и бывает с великими послами всех людей человек по 40 и по 50 и по 60 и по 80 и по 100 и болши, смотря по посолству и каковы есть честью послы. А с посланники посылаются подьячих два человека или три, и переводчик, и толмачи; а всех людей бывает с ними человек по 15 и по 20 и по 30. А з гонцами бывают толмачи ж, да людей человек по 8 и по 10 и болши, как кому сколько мочно для чести взяти...

18. О жалованье послом, как их посылают во окрестные государства. Бояром, околничим, думным людем, столником, стряпчим, дворяном, дьяком, жилцом, переводчиком, подьячим, толмачом, как их посылают во окрестные государства в посолствах и на сьезды и в посланникех и в гонцех, дается царское жалованье денежное по окладу их на два года, да чем поднятца на службу против окладу одного году; да им же для тех служеб даетца соболей: бояром по 1 000 и по 800 и по 700 и по 500 рублев, околничим на 400 и на 300 рублев, думным людем и столником на 300 и на 250 и на 200 рублев, столником же и дворяном и дьяком на 200 и на 150 рублев, безденежно, смотря по чести их и по посолству. Да им же послом, и посланником, и гонцом, и посолским дворяном, и иным чином, в дорогу даетца царское жалованье, запасы хлебные и сьестные, мяса и рыба; да питья, вина, вина горячие, меды розные, пива, по указу, для чину, негораздо по болшому, по старому обычаю.

19. А которой боярин, или околничей, или думной человек, или столник и дворянин, люди новые, к посолскому делу нарядами, платьем и конскою збруею, незаводны: и тем даютца царские лошади со всею службою, а к платью и на шапки запоны, а иные наряды и служилую рухлядь берут они на сьезд и займуют у своей братьи, кто кому дружен. А как они приедут с службы, и то что у царя возмут отдают назад, или разве чем кого за службу царь пожалует во веки.

20. А как они послы, взяв жалованье, к посолскому своему поезду изготовятся совсем, и посылаючи их в которые государства, или на сьезды, для скорости велят им ехать не дожидаяся наказов, потому что те наказы к поезду их бывают неготовы, и вымышляют как бы им с чюжеземскими людми говорить и отговор чинить разумнее, а государю б своему к чести; а присылаются те наказы к ним в дорогу за гонцами, как они будут блиско рубежа. А которым послом с Москвы бывает поезд не скорой, а им наказы даютца на Москве.

21. А пишетца послом и посланником и гонцом, в наказех, кроме новых дел, о чем лучится говорити и что делати...

22. А которые послы бывают на посолских сьездах о постановлении покою християнского, и им с чюжеземскими послами велено ссылатца листами, в которых местех съехатися ближе и податнее, и о посолском их съезде велено бывает договариватца по полным их посолским мочам, через дворян, и через их дворянские записи, и крестное целование и веру, чтоб им послом друг

с другом съехатися и розъехатся волно было, хотя и доброго ничего не учинится, и друг на друга зла никакого не мыслити, и не подъискивати, и мыслити не велеть никому. А как они по таким дворянским записям съедутся, и им велено шатры царской с королевским поставити поровну, полами вместе, или избы зделав, а меж ними сени опчие; и в тех обчих полах, или сенях, послом с послами сходитися, и сшедся наперед бы говорили речи они Руские послы, а потом розменялись верющими грамотами, а сверх того и о делех бы говорили, о чем им наказано. А как посолство учнет приходить к доброму делу, и им по зговору записи велят писать, по указу, и учиня б меж себя веру и крестное целованье, розъехався з другими послы, ехали к Москве не мешкая.

23. А прямого истинного наказу, и указу, на посолские сьезды послом своим ведати не дадут до тех мест, как они сьедутся з другими послами, и что с ними на сьезде чюжеземские послы поговорят. И будет в чом упорно стоят, и они о том пишут к Москве, что чюжеземские послы стоят упорно и гораздо спесивы и неподатны, что им бес прямого подлинного указу делать не по чему; и к ним посылают наказ тайной, в то время как отпишут.

24. А будучи послы и посланники в посолстве своем, о делех говорят в ответех с ответными людми, и на сьездех с послы, по наказом, каковы им бывают даны ис Посолского Приказу и от Тайных Дел; и те их речи записывают подьячие...

19. АНДРУСОВСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ (1667 г. 30 января)

Полное собрание законов. Собрание первое, т. I, СПБ 1830, № 398

3. А которые городы и земли в сей прошлой войне от Коруны Польской и Великого Княжества Литовского завоеваны суть, и остаются во владении и в Державе Его Царского Величества, се есть Смоленск со всею Северскою землею, с городами и с уездами, которые от того краю от Витебского и от Полотского и от Лифлянд, от Лютинского уездов до Смоленска, то-есть Дорогобуж, Белая Невль, Себеж, Красное, также и Велиж, хотя издавна до Воеводства Витебского належащий с своими местами и с уездами, а с другаго края, где есть Северские городы, около Чернигова все городы и земли, какими ни есть прозвищами и урочищами названные, оставались имеют все в стороне Его Царского Величества...

5. А город Киев с Печерским монастырем, и с посадом, и с окольными ближними монастырями, и с пашнями оных, которыя монастырские живущие люди имеют в полях, також и лесные входы на всякую домашнюю потребу с той стороны Днепра, на которой Киев есть, не больше над милею, чтобы удовольствованием в землях и лесах, городовым и монастырским людям, так и от окольных, яко от христианских людей исполнено было и додержано во время оно же, и о изведении людей ратных Его Царского Величества, из того из города Киева, и о возвращении

оного с теми же местами именованными, которыя в сторону Его Королевского Величества договорены и отписаны.

6. А из завоеванных городов и земель уступлены суть в сторону его Королевского Величества городы и места: Полотск, Витебск, Диноборг, Лютин, Режица, Мариенгауз со всеми Лифляндами полуденными, и со всеми тех городов всех именованных уездами, издавна к ним належащими, опричь Велижа, издавна до Витебска належащего...

7. А самый город Киев с теми и монастырями Печерскими и с иными при Киеве оставленными околицами, також и с служками с старыми, с которыми наперед сего Киев в сторону Царского Величества принят и с живностью в то время там же будучею, в сторону его Королевского Величества и Речи Посполитой имеет быть отдан и очищен до первой о вечном покое комисии, в тех перемирных летах припадающей, се есть в два года, от нынешняго договора считаючи...

12. А в тех перемирных летах... уговорили есмы и постановили, что были с обеих сторон на съездах великие и полномочные послы и комиссары с полномочными грамотами, считаючи от месяца июня нынешнего году в пришлом... лета 1669 в июне месяце..., а если б на том первом съезде и комисии вечной покой за трудностями заходящими не имел учиниться, тогда и другому съезду быти в пять лет, се есть году... 1674 в июне месяце..., а если бы и тая комисия другая еще вечного покою до кончания не одержала, тогда не откладаючи надежды от вечного покою, обои великие Государи сгодно имеют чрез послов своих призвати Государей Христианских за посредники, которых в то время обои Монархи требовати будут, и призвать на посредство либо общее, или тот, кто с своей похочет от них великих послов на разсудок и на умирение вечное на третий съезд, се есть в году 1678... А от чего боже сохрани и тот третий съезд с посредники в докончание вечного покоя совершения не одержал, а от наступающих трудностей показалось бы Господам посредникам до продолжения; и в то время обоим Великим и полномочным послам и комиссарам посредников с учтивостью отправить, а самим с надеждою отложить комисию до году 1680...

19. Также для совершеннаго объявления Великие Государи наши пошлют послов своих к Цесарю Турскому, объявляючи, как пограничному соседу, о сем покое учиненном, чтоб Цесарь Турский, прежнее приятство подтвердив, а Хану Крымскому приказал в соседстве спокойно пребывати, и жестоко заказал, чтоб до войны никакого случая не давал. И когда б заданием причины от Орды до войны с Ханом и с Татары обоим Великим Государям нашим пришло, отчего бы и Салтан Турской вступаючись за Орду к войне против тех обоих Великих Государей наших, или против единого из них возстати имел: тогда общими силами и войски отпор бусурманам во всякой потребе с обеих сторон свои силы соединяючи, обои Великие Государи наши давать будут.

20. Я. РЕЙТЕНФЕЛЬС О РУССКОМ ВОЙСКЕ

Я. Рейтенфельс, Сказания... М. 1906, стр. 124—129

Об отважных деяниях русских подробно и последовательно рассказывают не только их собственные, но и иноземные летописи, и, действительно, они совершенно справедливо приравнивают своих героев и героинь, принадлежащих, вообще говоря, к невоинственному полу, к наиболее прославившимся у других народов... Я не буду говорить здесь о давних, равно как и о новейших, военных походах русских против отдаленных скифов, литовцев, поляков, турок, шведов, греков, римлян и других народов, в которых они всегда сражались весьма храбро. Поистине, они нисколько не ставши менее отважными и по сю пору, так усердно поддерживают войною свою прежнюю славу, что кажется, питаются боевыми стычками и более занимаются суровыми военными делами, нежели златоносными мирными занятиями. Не вполне, действительно, успокоились еще они после последних волнений, и недостаточно еще побежденные дикие татары и казаки, прославившиеся чуть не ежегодными возмущениями, предались мирным занятиям и образу жизни так, что Московское государство может скорее пострадать от мирного положения, нежели от военного. При таких обстоятельствах русские, даже в мирное время, содержат более 100 000 войска. Большая часть его несет службы в пограничных городах, в виде охраны, много войска расположено постоянными лагерями на границах. Пятнадцать тысяч из них, называемые опричниками [1], отправляют караульную службу в Москве, охраняя царя. Почти все они женаты, и дети, рожденные ими, получают от царя ежегодно вспомоществование, дабы воспитанные таким образом наставлениями и примером отцов, молодые солдаты со временем могли бы заменить отцов.

Главная сила русских заключается в пехоте и, совершенно справедливо, может быть уподоблена турецким янычарам. Солдаты... будучи посланы в отдаленные и незаселенные области, не только несут там охранную службу, но и основывают там поселения, по образцу римских военных поселенцев. Кроме них, почти постоянно пребывает в Москве много отрядов той могущественной конницы, состоящей из дворян, которая по одному знаку царя может выставить более 100 000 вооруженных, а равно и большие и средние дворяне, а также и дети, то-есть сыновья боярские и жильцы, которых можно уподобить турецким тимариотам. К ним присоединяются, за сим, и те, весьма значительные отряды, которые обыкновенно составляются духовенством и боярами из их рабов...Третий род войска — двоякосражающиеся, обучены по немецкому образцу конной и пехотной боевой службе, и их ставят на одну доску с лучшими войсками, где бы то ни было... [2].

---

[1] Рейтенфельс путает, речь идет не об опричниках, а о стрельцах.

[2] Рейтенфельс, повидимому, имеет в виду полки «иноземного строя».

В случае же крайней необходимости царь обыкновенно призывает к оружию десятого, седьмого, иногда даже и третьего человека из всего числа подданных, а также набирает несметное количество солдат из калмыков и татар...

Вследствие разнообразия в способах сражаться все эти воины употребляют и разного рода оружие: большинство конницы вооружено кривыми короткими саблями, стрелами, копьями и одето в железные кольчуги. В пехоте стрельцы не дают врагу приблизиться посредством сабель и самопалов, называемых ими колесчатыми; остальные вступают в бой с легче переносимыми огнестрельными орудиями, какие в большом ходу и у нас. Зимою у них в большом употреблении деревянные лыжи, загнутые кверху спереди и сзади; подвязав их к подошвам ног, они с неимоверною быстротою несутся по глубокому снегу и по льду и нападают на врага, который не в состоянии двигаться...

Делая общую оценку московскому воинству, должно считать его пехоту несомненно лучшею, нежели конницу, ибо она более старается о завоевании и защите городов, нежели об удачных стычках в открытом поле...

Главный начальник всего войска имеет ближайшего себе помощника, который называется, так как он заведывает выбором места и разбитием лагеря, гулевым, от слова гуляй — или подвижной город, то-есть того деревянного укрепления, которым мосхи обыкновенно окружают свое войско главным базом против нападений татар и их стрел. Особому, далее, начальнику, опытному в военном деле, поручаются пушки и все нужные к ним принадлежности, а четыре вождя, имеющие каждый при себе два помощника, предводительствуют каждый над одной четвертой частью войска. Первая часть носит название правого крыла, вторая — левого, третья — разведочного и запасного, четвертая — сторожевого; последнее охраняет остальные, выставляя со всех сторон многочисленных караульных. Военную дисциплину, главное условие для успешного ведения войны, русские поддерживают столь строгими законами, что во время похода им никогда не приходится прибегать к наказаниям, кроме разве что это случится по достижении ими неприятельской страны, или же наказывать слегка за небольшие проступки. Дорогие всякого рода принадлежности, оружие, палатки, могущие возбудить у неприятеля желание завладеть ими и придать ему храбрость, русские держат как можно далее от лагеря, хотя, если присутствует случайно царь, то они являются в пышном уборе. Мы с великим изумлением видели превосходный образец этой военной пышности в 1670 г. на окружающих Москву полях, когда Алексей Михайлович во время бунта Стеньки Разина в течение восьми дней производил смотр 60 000 дворян. Поистине, едва ли кто, не видавший сего собственными глазами, может себе верно представить вид воинов, блиставших одинаково богатою одеждою и оружием. В двух милях от города, близ рощи, предназначенной для охот, среди обширного

поля возвышался дом, весь обтянутый внутри пурпурными и златотканными настенными коврами, а снаружи красным сукном. С трех сторон устланные также драгоценнейшими коврами крыльца в 12 ступеней вели ко входу в него, все это сооружение было ограждено на большом расстоянии кругом для сдерживания толпы деревянными перилами, обернутыми красною тканью, а около них также кругом стояли в большом количестве пушки; в виде как бы подкрепления была протянута еще цепь солдат. Недалеко от сего бросалась в глаза некая круглая, искусно из дерева выстроенная, с окнами во все стороны и обитая разноцветным шелком башня, в которой весело играли трубачи и литаврщики. Против царского престола было выстроено до пяти тысяч пехоты с развевающимися знаменами; между ею и выше описанным домом проходили знатные военачальники с своими конными отрядами, приветствуя царя низким наклонением головы и спешиваясь, представляли ему без замедления донесения о своем отряде, каждый особо. Богатое убранство солдат, бывших на этом смотру, хотя и уступало в изяществе убранству, употребляемому в Европе, но зато превосходило его дороговизною тканей. Все зрители с изумлением останавливали взоры на всадниках, из которых исключительно состояло все это войско, не только из-за блестящего, разнообразного оружия, но и вследствие красивого вида их одежд. За каждым из них вели разукрашенных коней, без седоков, а в поводу, в сопровождении многочисленной свиты рабов. У коней не только грива, шея, голова, ноги и копыта блистали серебром, золотом и драгоценными камнями, но и уздечки, попоны, нахвостники и чапраки были до того отягчены драгоценностями, что лошади насилу могли двигаться.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Великие географические открытия и начало колониальных захватов

Великие русские географические открытия

Германия в XVI и в первой половине XVII века

А. Экономическое состояние Германии в конце XV и в начале XVI века

Б. Социальный строй Германии XV—XVI веков

В. Немецкие гуманисты

Г. Реформация в Германии

Д. Крестьянская война в Германии

Е. Тридцатилетняя война

Франция в XVI и первой половине XVII века

А. Франция в XVI веке

Б. Франция при Генрихе IV

В. Франция при Ришелье

Испания в XVI—XVII веках

А. Внешняя политика испанской державы

Редактор *М. Барг*
Техн. редактор *Н. Махова*

Подписано к печати 30. V. 1950 г. А02865. Бумага $60 \times 92^1/_{16}$ Бумажн. л. 10,88. Печатных листов 21,75. Учетно-изд. л. 24,20. Заказ № 1263. Цена без переплета 7 р. 25 к.
Переплет 75 коп.

Отпечатано в типографии Т-5 с матриц Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР, Москва.

Цена 8 руб.

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ
СРЕДНИХ ВЕКОВ

III